

СМОЛО

ISSN 0131 — 6656

АНДРЕЙ ЕФИМОВ ■ ОДИННАДЦАТЫЙ САМОЗВАНЕЦ

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН ■ МЫ ТАКЖЕ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК

ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС ■ СИЛЬНЫЙ

12'94

ЯД

(Читайте стр. 6)

12'94

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

МИХАИЛ ТЕЛИЧКИН
ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 21.09.94.
Подписано к печати 17.10.94.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага «Газетная». Печать оф-
сетная. Усл. п. л. 15,54. Усл. кр.-
отт. 17,64. Уч.-изд. л. 23,10. Ти-
раж 98 900 экз. Заказ № 1748.
Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
250-49-98 — отдел рекламы.
Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован
в Министерстве печати
и массовой информации
Российской Федерации.
Рег. № 166.

Учредитель — коллектив
редакции журнала «Смена».
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.

В случае полиграфического брака об-
ращаться в издательство «Пресса»:
257-28-30, 257-41-03.

12 (1562) ДЕКАБРЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1994.

В НОМЕРЕ:

Проза

136

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН. ...МЫ ТАКЖЕ ВЫГУЛИВАЕМ СОБАК
Фантастический рассказ

164

ДОРОТИ Л. СЭЙЕРС. СИЛЬНЫЙ ЯД
Детектив

Поэзия

16, 115

ЛАУРЕАТЫ КОНКУРСА ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Человек и общество

6

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. «СМЕНА» СЕЕТ «СМЕНА» ПАШЕТ...

20

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН. «MIDDLE CLASS» В ПЕРЕВОДЕ НА
РУССКИЙ

30

АНДРЕЙ ЕФИМОВ. ОДИННАДЦАТЫЙ САМОЗВАНЕЦ

101

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ. МИССИЯ РОССИЙСКОГО СОЛДАТА —
МИР

Культура, музыка, искусство

40

ДОРОТИ КАРУЗО. ЭНРИКО КАРУЗО. ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

95

подводя итоги

*Результаты конкурса знатоков мировой живописи
«Фрагмент»*

158

НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА. БЕЛЫЕ НОСОЧКИ

260

ЭЛЬВИРА ПОПОВА. КОНСТАНТИН ЮОН

267

ВЛАДИМИР ТРУШИН: «ГОВОРЯ О ЖЕНЩИНАХ, СТАНОВЛЮСЬ
СЕНТИМЕНТАЛЬНЫМ...»

На нашей
обложке:
фотоэтиюд
ИГОРЯ
ГНЕВАШЕВА

276

ТАТЬЯНА ШАШКОВА. ЖЕЛЕЗНАЯ БАБОЧКА

Спорт

116

ВАЛЕРИЙ ВИНОКУРОВ. ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ
В АМЕРИКАНСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

39

ВАШИ ПИСЬМА

280

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

1•95

3

■ **ВАЛЕНТИН ОСИПОВ.** «ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ МИХАИЛА ШОЛОХОВА»

Документальная хроника без легенд.

■ **ЭМИЛЬ ВЕРХАРН.** «РЕМБРАНДТ»

■ **НИКОЛАЙ ЛЕОНОВ.** «МЕНТ УХОДИТ»

В новой детективной повести Николая Леонова главный герой Лев Иванович Гуров продолжает опасную борьбу с преступным миром, на этот раз — с наркомафией. Но уже не в качестве полковника МУРа, а... частного сыщика.

■ **ЭД МАКБЕЙН.** «ТОЛКАЧ»

Эд Макбейн — литературный псевдоним американского писателя Ивена Хантера, известного у нас в основном как автора серии «87-й полицейский участок», в которой острый детективный сюжет сочетается с описанием будничной жизни детективов, загадочных и порой абсурдных происшествий, характерных для любого большого города. Макбейн написал более 30 романов этой серии и считается одним из лучших детективщиков, сумевшим «преобразовать жанр полицейского романа».

В предлагаемой вашему вниманию повести «Толкач» происходит ряд если не загадочных, то очень жестоких убийств, виной которых являются наркотики. Найти главного «толкача» — вот задача сотрудников 87-го полицейского участка.

АНОНС:

ПРЕМИИ «СМЕНЫ» ЗА 1994 ГОД ПРИСУЖДЕНЫ:

ПАВЕЛ ВЯЗНИКОВ

ВИКТОРИЯ ИВЛЕВА

БОРИС КАМОВ

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ВАЛЕНТИН КУРБАТОВ

АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВ

ГЕННАДИЙ НОВОЖИЛОВ

СЕРГЕЙ ТЮНИН

ПАВЛУ ВЯЗНИКОВУ —
за перевод
романа
Пола Гэллика
«Цветы для миссис Харрис»
(№ 9);

ВИКТОРИИ ИВЛЕВОЙ —
за фотоработы
(№ 10);

БОРИСУ КАМОВУ —
за очерк
«От скуки»
(№ 8) и статью
«Похищение жизни»
(№№ 10—11);

ЛЬВУ КАНЕВСКОМУ —
за историческую повесть
«Нострадамус»
(№№ 4—6);

ВАЛЕНТИНУ КУРБАТОВУ —
за публицистическую
статью
«Двадцать лет без Шукшина»
(№ 3);

АЛЕКСЕЮ НИКОЛАЕВУ —
за цикл публикаций
по истории России
(№№ 1—12);

ГЕННАДИЮ НОВОЖИЛОВУ —
за иллюстрации
к историческим очеркам
(№№ 1—12);

СЕРГЕЮ ТЮНИНУ —
за юмористические
рисунки (№ 4);

"СМЕНА"

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

6

Нет, коллектив редакции, конечно, не сует и не пашет. Это делают наши «тезки» из крестьянского хозяйства «Смена» близ поселка Южная Нюя Ленского улуса (района) Республики Саха — Якутия.

Представляю: председатель хозяйства Павел Сидоров (32 года), жена его Наталья, дети — Настя (9), Андрей (5).

Александр Старновский (38 лет), жена Татьяна (сестра Натальи), дети — Надя (11), Наташа (10), Коля (7), Сережа (6) и Сан Саныч (3).

Говорю Татьяне, старшей сестре:

— Третий день живу у вас, а все путаюсь: кто чей ребенок, как кого зовут, кому сколько лет.

— Сама в них путаюсь, — смеется Таня. — Когда садимся в машину, чтоб домой ехать, я их не по именам, а по головам пересчитываю: один, второй, третий...

сует,

"СМЕНА"

пашет...

Станет ли вольным крестьянином Сан Саныч Старновский?..

Познакомились мы, можно сказать, по переписке. Опубликовали в журнале анкету (№ 10, 1993 г.), попросив читателей оценить нашу работу, высказать пожелания журналу. Среди откликнувшихся была и Таня Старновская с родственниками. Заодно написала пару слов о своем семействе. Мол, вышли из совхоза и создали крестьянское хозяйство.

Решили они выйти из совхоза в апреле 1991 года. Название хозяйства (иметь название — обязательное требование при регистрации в Якутии) обсуждали аккуратно в день именин Тани — 11 апреля. Наташа предложила — «Смена». Не буду врать, будто в честь нашего журнала. Но какая-то подсознательная ассоциация, признает она, была: «Смена» постоянно подписывается на «Смену». Так могли мы не приехать в гости для «очного» знакомства?

8
...На большой поляне (6,5 гектара) когда-то была ферма, деревенька. Благословенное место: с трех сторон — тайга, с четвертой — Лена. Единственная, кажется, из великих сибирских рек, не изуродованная гигантскими гидростанциями.

Ферма и деревенька давно пошли на слом... Эту целину и отдали Сидоровым — Старновским.

Место-то благословенное, но вот какое неудобство. До Нью — 17 километров вниз по реке. Вроде бы чепуха для моторной лодки, но под «сменовское» семейство нужен не «Крым» с подвесным «Вихрем», а целый корабль. А в объезд, по дороге — полсотни километров. Вот и мотаются каждый день туда-обратно. Это ж сколько бензина сжигают!

•Вообще говоря, чистейшее безумие: бросать работу на госпредприятии и заводить хозяйство в таежной глуши, вдали от людей, рынка сбыта, не имея «связей»,

капиталов. В буквальном смысле на голом месте. (Другим-то хоть выделили куски пашни вблизи поселка.) Более того, при выходе из совхоза не получили полагающиеся имущественные паи. Да они не слишком и требовали.

— А что взять с нищего? — заметила по этому поводу Наташа. И еще добавила: — Наши мужики такие — у них позвоночники не гнутся. Другие ходят по кабинетам, просят, кланчат. А у наших разговор короткий: да — так да, нет — так нет...

Как же они не просто выжили, а крепко стали на ноги?

В хозяйстве два трактора («Беларусь» и гусеничный ДТ), самосвал, картофелеуборочный комбайн, копалка и сажалка, пресс-подборщик, оросительная система — всего я, пожалуй, и не упомянул. Первый капитальный дом из бруса поставили. Никого не нанимали, все своими руками строили (только печника приглашали). Причем не из одной экономии. Мужики очень ревниво относятся к своему хозяйству: чужому не дали бы и доски прибить — им все кажется, будто чужой обязательно не так сделает.

Начиная свое дело, кредитов не брали. Наши «тезки» — принципиальные противники жизни в долг. Даже на бытовом уровне. Сестры искренне не понимают, как может не хватать до зарплаты, как можно просить у знакомых. Нет, они не были богатеями, хотя мужья-механизаторы зарабатывали в совхозе неплохо. Просто умеют измерять возможности и потребности.

Итак, кредитов в банке не брали, а сложили личные сбережения. Хватило на всякую мелочь: гвозди, ведра, лопаты, пленку для теплиц... Закупили крупы, сахар, консервы.

Выгребли картошку из подпольев и засеяли ею соток тридцать. «Механизация» — тяпки да лопаты.

Из первого урожая не продали ни килограмма, все оставили на семена.

— Да на что ж вы жили до второго урожая? Целый год!

Начинаем разбираться: Таня получала декретные и дотацию на детей. Немного, конечно, но в хозяйстве не помешает. Наташа работала «по совместительству» продавцом в поселковом магазине. Паша с Сашей — заядлые охотники и рыболовы — в конце осени уходили на несколько недель в тайгу. Правда, последние сезоны не были урожайными на соболя и белку, но также какая-то копейка.

А еще подряжались мужики заготавливать дрова для совхоза, получали весьма прилично. Подрабатывали на сенокосе... Вот так, копейка к копейке, рубль к рублю. Плюс к тому свой огород, корова, куры, свиньи. Под боком — рыбная река. Словом, не бедствовали. И теперь мне не совсем понятно другое: если такая большая семья может нормально прожить год без зарплаты в таежной глуши, наладить крепкое хозяйство, что мешает фермерам в густонаселенной, плодородной части России?

Необходимый комментарий:

**РОЗА КЛЕМЕНТЬЕВА —
главный специалист АККОР**

(ассоциации крестьянских
и кооперативных хозяйств России)

— *Что мешает фермерам? Пишут об их проблемах много, а какой смысл? Я по натуре оптимист, но ничего обнадеживающего пока не вижу. Один факт: из пятисот фермеров Белореченского района сто разорились, остальные — «на*

подходе». А это вам не Якутия, это благодатный Краснодарский край, где сама природа повелела крестьянину жить хорошо. Причина проста — неплатежи! Государство год не может рассчитаться за сданный урожай. Крестьянин, в свою очередь, не в состоянии вернуть банковские кредиты. Каждый день просрочки увеличивает его долг. Людей «поманили» идти в фермеры, а государство оказалось необязательным, несостоятельным. В прошлом году прекратили свою деятельность 14 тысяч хозяйств, за полгода нынешнего — уже 12 тысяч... Фермеры не могут платить и взносы в АККОР, из-за нехватки средств нам пришлось ликвидировать отделы социальной защиты, экономический... Программы социальной защиты выполнить не сможем. Начался процесс отбора земли у фермеров, поскольку сами они не в состоянии ее обрабатывать...

Разоряются в первую очередь те, кто производит зерно. Его, кроме как ненадежному государству, никому не продашь. «Смене» в этом смысле несколько проще. Она — как и многие хозяйства района — выращивает картошку, капусту, помидоры, огурцы. Заключают прямые договоры с промышленными предприятиями Ленска, Мирного, Виллойска, других городов республики. Наконец, могут сдать свою продукцию прямо в магазин, продать частным лицам. Тем не менее и у них случались ненадежные партнеры: договор заключат, а по осени вдруг откажутся брать товар. Приходится в спешном порядке искать покупателя. Так что и у «Смены» не без проблем.

Российских фермеров буквально душит дороговизна техники. А как начинали Саша с Пашей? Картофелеуборочный комбайн, ко-

Кормилицу переправляют...

10

палку и сажалку собрали практически из металлолома. (Новые-то машины дороже, да и предназначены для больших площадей...)

Посеяли 2,5 гектара картошки и капусты, а как поливать? Ведрами не натаскаешься.

Поначалу соорудили приставку к... бензопиле «Дружба» и с ее помощью подавали воду. Потом достали и восстановили две пожарные мотопомпы. Закачивали воду из Лены в огромный бак на высоком берегу, а уж из него — на поле. Попробуй потаскай мокрые, тяжелые, грязные шланги по всему полю! Полив растягивался аж до утра. В это время, говорят, даже комаров не замечали.

На третьем году работы сделали отступление от своего правила — взяли кредит на покупку трактора. Но немного и ненадолго. Рассчитались через три месяца. Теперь никому ничего не должны. Смогли также установить ороси-

тельную систему. Не надо больше таскать шланги по полю — сел на трактор, включил поливальную установку...

Спрашиваю:

— Три года назад все было дешевле в десятки, если не сотни раз. Сегодня, как мне говорили в районе, фермеру на обзаведение нужно сто миллионов. Рискнули бы начать свое дело при таких условиях?

— Конечно, — без раздумий отвечает Паша.

— А где бы взяли сто миллионов?

— А зачем они нам? Столько нужно тому, кто хочет иметь *все и сразу*. Мы бы сегодня начали точно так же, как три года назад, — с лопаты, тяпки. Постепенно, шаг за шагом...

В воскресенье мужики увезли нас на рыбалку. Махнули вниз по Лене, поднялись по боковой речке Ньюе. Почти ничего не поймали, но

отдохнули прекрасно, пока женщины работали. Вернулись часам к десяти вечера. Солнце не зашло — стояли белые сибирские ночи. Жара спала, можно поливать. Один из свояков пошел на берег к насосной станции, другой забрался в «Беларусь». Процесс, что называется, пошел.

Когда мощная завеса воды над полем сникла, я подумал: ну, все, конец рабочего дня — полночь на дворе. И ошибся. Таня с Наташей направились в душевые, прожаренные за день теплицы собирать огурцы.

— Неужели нельзя оставить до завтра?

— Завтра нельзя. Завтра мы обещали сдать пятьдесят килограммов в магазин.

Точность — вежливость королей и уважающих себя фирм. С одной маленькой разницей: королям не надо собирать по ночам огурцы. Они на гособеспечении.

Необходимый комментарий:

ГЕРАРД ИСАЕВ —
начальник управления
агропредпринимательства
Минсельхоза России

— Видимо, ваши знакомые все точно спланировали. Ведь многие фермеры разоряются не только в силу объективных трудностей. Кое-кто бросился в воду, не зная броду. Не рассчитали силы, возможности, не были готовы профессионально. А в одиночку, да при общем экономическом кризисе, выжить непросто. Фермер начинает практически на пустом месте. Что у него есть, кроме куска земли, минимума техники? Отсутствуют гаражи, склады, ремонтные мастерские... Поэтому стихийно началась кооперация. Например, один тракторист может — на взаимовыгодных условиях, конечно, — вспахать участки соседей. Создаются кооперативы по обслу-

Отец семейства Сидоровых «на досуге» сторожит хозяйство.

живанию крестьянских хозяйств — агрохимические, мелиоративные, ремонтные... На мой взгляд, главная проблема фермеров — слабая техническая оснащенность. Техникой их надо обеспечивать по доступным ценам. Понятно, это непросто: машиностроительные заводы не станут работать себе в убыток. Значит, не обойтись без помощи государства. Разработан и передан в Госдуму проект Закона о крестьянском (фермерском) хозяйстве; в нем учтены и вопросы взаимоотношений сельчан и государства. Ждем принятия Закона...

Техника по доступным ценам? Сомнительно что-то... Это означает колоссальные «вливания» в аграрный сектор, таких средств у государства попросту нет. Уповать на новые законы тоже не приходится — мы знаем, как они исполняются.

Скажите, бюджет, утвержденный Госдумой, — это Закон или нет? В прошлом году Минфин выделил на поддержку фермеров 46 процентов запланированных средств, в этом — менее 9 процентов (цифра дана на момент уборки урожая). «Сменовцы» общую ситуацию знают, потому рассчитывают только на свои силы. И кооперироваться пока ни с кем не хотят. Впрочем, это вряд ли возможно при такой удаленности от остальных фермеров.

Более 200 тысяч крестьянских (частных) хозяйств России занимают 5 процентов сельхозугодий, а производят 6 процентов продукции. Это совсем не тот эффект, которого от них ждали, не та производительность. Но статистика не учитывает, что во множестве этих хозяйств вообще не пахут и не сеют...

В том же Ленском районе одно хозяйство открыло свою лавку,

где торгуют в основном «Сникерсами». Из 84 фермеров в районе примерно четверть по-настоящему занимается сельским хозяйством. Большинство живет куплей-продажей. Списывать это на объективные трудности нельзя. Район лишь на 30 процентов обеспечивает себя овощами, остальное — привозное. Так что «фронт работ» неограниченный, было бы желание. Видимо, не у всех достает сил и терпения, как у «сменовцев». «Нельзя ждать барышей сразу, — говорил Паша. — Нужно минимум три года, чтоб земля начала давать отдачу».

Схожая ситуация в любом регионе России.

Событие: купили корову (старая весной съела что-то не то и померла). Жены вели ее берегом из Нью, мужья встречали неподалеку от хозяйства, у боковой речки, которую предстояло форсировать. Операция прошла успешно. Корова не утопла, хотя понервничала.

Вечером еще одно событие: первая дойка. Для начала Саранка дала три литра.

— Для первотелки неплохо, — сказала Таня.

— Многообещающая дама, — подтвердила Наташа..

На мой взгляд, женский труд на селе — сравнительно с мужским — стал тяжелее, чем в прошлом веке. Вы прикиньте, сколько всевозможной техники придумано для мужиков! Пашут, сеют, косят, убирают, поливают на тракторах. А для женщин? Разве что доильные аппараты, да и те предназначены крупным хозяйствам. В небольших, типа «Смены», главной «механизацией» женщины остаются ее руки.

После работы и душа, надев свежие рубашки, мужики покуривают, а жены пол моют. Каждый день.

— Зачем же так часто? — спрашиваю.

— А как спать ложиться, если пол не мыт? — удивляется Таня.

— Чисто не там, где не сорят, а там, где метут, — изрекает Павел. — Они нам обещали: вы только дом постройте, мы каждый день мыть будем.

Почти три года им приходилось довольствоваться палатками... Первый дом вышел на славу. 30 метров — комната с печью, 18 — веранда и еще пятнадцатиметровая мансарда — детская. Через два-три года, по плану, рядом должны встать еще два капитальных просторных дома. А первый будет служить кухней, столовой.

...Большая была у Старновских семья, зажиточная. Крепкое хозяйство, просторный дом, скотина. Все отобрали при «раскулачивании». Хорошо, не сослали, дали старую избенку. А в доме разместили детский сад. Сейчас бы потребовать, по праву наследника, дом деда — да нет его давно, сгорел в 1932-м.

Родители до пенсии проработали в совхозе. Саша — только до армии. Служил в радиочастях на Дальнем Востоке, потом шоферил в иркутском автохозяйстве.

Паша — коренной житель Нью. Однако в его паспорте указано совсем другое место рождения...

Отец отсутствовал на родине почти двадцать лет. Посадили, можно сказать, за любовь к лошадям. Когда объявили мобилизацию лошадей на фронт, он — совсем зеленый мальчишка — увел из совхозной конюшни и спрятал в тайге любимого коня.

Десять лет магаданских лагерей. Потом — ссылка в магаданский поселок Эльген, где и познакомился со своей будущей женой. Досталось ей ровно столько же.

Училась в школе ФЗО в Виннице, опоздала на несколько минут на работу. Десять лет заключения, ссылка... Только в 1964 году, с двухгодовалым Пашкой, смогли переехать в Нью.

Практический повод для создания своего хозяйства: решение жилищной проблемы. У Старновских и Сидоровых — по двухкомнатной квартире в деревянных домах без удобств и никаких надежд на расширение. Знали, что работать предстоит до седьмого пота, что огромных миллионов на земле не заработаешь (это не шмотками торговать), но уж дома — то себе они сумеют поставить. А еще надоело зависеть от настроения разных начальников. Позвончики-то, как сказала Наташа, у мужиков не гнутся.

Паша: «Иногда думаю: вдруг что-то опять переменится? Я ведь больше не смогу работать под начальником. Наверное (смеется), у меня кулацкая натура в крови. Прадед был «кулаком». И, знаешь, кто его раскулачивал? Невестка прадеда! Да и у Саши предки из кулаков».

Наташа: «Однажды приехал покупатель, спрашивает: «А вы на следующий год еще будете здесь?» Думал, мы хотим сразу побольше хапнуть — и бежать. А мы пришли сюда навсегда».

По мере сил и дети работают на земле. Когда взрослые готовили капустную рассаду, Коля подобрал отбракованные ростки, высадил. Его урожай взвесили отдельно, подсчитали, сколько стоит. На вырученные деньги купили Коле куртку.

Все семеро имеют свои рядки капусты, по семь кустов картошки. Сами сажают, поливают, пропалывают. После уборки доля детей будет засчитана отдельно. Интересно, что свой «надел» имеет

и трехлетний Сан Саныч: старшие дети работают «за себя и за того парня».

Сказать об экономических показателях «Смены»? Урожай раз в полтора выше, чем в совхозе, производство растёт. Есть планы насчет новой специализации хозяйства, но это пока секрет...

Прощальный вечер выдался ясным и без комариного зуда. Всем семейством пошли купаться. Мужики захватили лыжи, которые Саша выстрогал из обычной доски, и продемонстрировали нам основы воднолыжного спорта.

— Вам бы бассейн у дома построить, как в Австралии.

— А что? Можно построить...

Необходимый комментарий:
ИВАН ПЕРЕВЕРЗИН —
первый заместитель главы
районной администрации

— Я хорошо знаю Сидоровых и Старновских — мы ведь односельчане. Они умеют работать. Только посоветовал бы им не ограничиваться двумя с половиной гектарами пашни, а расширять угодья — землю мы выделим. На мой взгляд, мелкие хозяйства перспективны. Ведь ту же Америку, на которую мы так любим ссылаться, кормят не мелкие фермеры, а крупные корпорации. Правда, вокруг Пашиного участка кругом тайга, но ее можно раскорчевать. Где взять на это деньги? Не нужно бояться кредитов, смелее идти на риск. А иначе... На больших площадях себестоимость продукции ниже, поэтому крупный землепользователь может продать ее дешевле и «задавить» слабого конкурента, вот о чем следует помнить.

Как бывший директор совхоза, я вроде бы обязан «душить» крестьянское движение. Но я — за фермеров, хотя и против «революции» на селе. Нужна постепен-

ность реформ и равноправие всех форм хозяйствования. Давайте спросим у людей: хотите ли вы разделяться? Нет? Хорошо, работайте вместе. В одном районе Якутии призывы к ускорению «фермеризации» восприняли буквально. Весь скот разделили по паям. Хочешь не хочешь, а «свою» корову заведи. Бывало, заводили бывший совхозный скот во дворы частных: «Распишись, что получил». Раздали даже племенную ферму, которая вообще не подлежала приватизации. А куда этих коров ставить, чем кормить? У многих частных не было иного выхода, как забить на мясо. В результате такой «фермеризации» тот район лишился половины поголовья скота.

У нас тоже не без проблем. Как вы знаете, лишь четвертая часть фермеров работает по-настоящему. Но даже эти двадцать семей успешно «соревнуются» с тремя совхозами района: в прошлом году они дали треть всей продукции животноводства, более половины — овощей...

Каждый волен избирать свой путь — это относится и к формам хозяйствования. В России есть фермеры и с двумя, и с шестьюстами гектарами пашни — все зависит от конкретных условий.

Наверное, Иван Переверзин — максималист. Легко сказать: корчуйте тайгу, расширяйте пашню. А если это еще не по силам? Рабочих рук мало, а дети пока не помощники. Скооперироваться с кем-то, как я уже говорил, невозможно из-за отдаленности «Смены» от поселка. Ребята, как мне показалось, сейчас работают на пределе сил.

Фермеры не панacea (это доказывает и банкротство множества хозяйств). Возможно, где-то разумнее сохранить колхозы-совхо-

зы, организовать товарищества по совместной обработке земли, кооперативы. В конце концов России всегда был присущ общинный характер землепользования. Главное — не власть в очередную компанейщину.

Раньше проблемами села занимался один Минсельхоз. Сейчас кто ими только не занимается! Министерство, АККОР, Агропромышленный союз, Крестьянская партия, Аграрная партия. Но я походил по кабинетам и убедился, что реально сельчанам — в частности фермерам — никто не поможет. У министерства нет денег на технику, а партии способны в основном на митинги. Реальная поддержка, как мне кажется, осуществима в первую очередь на региональном уровне.

Конкретный пример из практики Ленского района. Здесь создан фонд «Плодородие», на его счету уже 400 миллионов рублей. Свою часть получит каждый фермер в зависимости от размеров пашни. Но не деньгами! Из этих средств будут оплачены вывоз и внесение на поля органических удобрений, мелиорация. А если фермер произведет эти работы сам, то ему заплатят. Откуда деньги? Из земельного налога, который раньше «растекался» Бог знает куда.

Это, конечно, не решит сразу всех фермерских проблем. Но, как говорили «сменовцы», постепенно, шаг за шагом...

А опустить руки в ожидании помощи «сверху» проще всего.

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы рассказали о жизни одного из тысяч крестьянских хозяйств России. Жизни нелегкой, полной трудностей. Да и у какого российского фермера нет проблем?

Будем рады, если вы найдете время написать нам о своем фермерском опыте, о наблевшем и о том, какие пути видите для вывода из

кризиса нашего сельского хозяйства. Ваши письма помогут «Смене» продолжить и развить тему, начатую в этом очерке.

Ждем откликов...

КООПЕРАТИВ
"КИТАЙСКАЯ
МЕДИЦИНА"

ОКАЗЫВАЕТ
ЭФФЕКТИВНУЮ ПОМОЩЬ
БОЛЬНЫМ С ДИАГНОЗОМ:

- детский церебральный паралич
- атрофия зрительного нерва
- неврит слухового нерва
- бронхиальная астма
- облысение

СПРАВКИ ПО ТЕЛЕФОНУ (095)
413-60-27 с 9 до 13 часов
423-79-72 с 20 до 24 часов.

КОНКУРС

ДНОГО
СТИХОТВОРЕНИЯ

ПРЕДСТАВЛЯЕМ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ

16

ФЕЛИКС ЧЕЧИК,

30 лет, рулевой-моторист,
Пинск

*Душу, как постельное белье,
где давным-давно сплошные дырки,
дрянь нечистоплотную, ее
хорошо бы сдать скорее в стирку.*

*Там бы окатили кипятком,
искупали в ледяной купели,
чтобы век она уже потом
у меня держалась в черном теле.*

*Впредь я буду строже и умней
с замарашкой, бражницей, гордячкой...
Но боюсь, что никакая прачка
не захочет связываться с ней.*

*Стало быть, по-прежнему вдвоем
нам с тобою маяться по свету.
Ничего, авось не пропадем,
не подохнем под забором где-то.*

≡
Понимаю, остается мало
времени,
уже рукой подать
до развязки действия, до финала,
а затем наступит благодать.

Я статист обычный, о которых
говорить не принято,
своя
жизнь у них — подыгрывать партнерам
на земных подмостках бытия.

В первые стремился, да не вышел,
в том винить не смею никого,
то ли голос свыше не расслышал,
то ли вовсе не было его.

≡
Слепой поэт, он многих зорче,
свой храм сооружает, зодчий,
которого не ослепят.
Но, Боже, за его творенье
ты не пошлешь ему прозренья
и время не вернешь назад?

Он, посохом стуча по плитам,
бредет, согбен и умудрен,
и покаянную молитву
за нас, незрячих, шепчет он.

≡
Так в чем же секрет возмужания
поэта, чьи ночи белы?
Не в том ли всеобщем жужжании
метафоры с жалом пчелы?
Не в том ли со словом борении,
(красив и надуман надрыв),
когда его стихотворение
грешит безупречностью рифм?
Когда, проявляя споровку,
рецепт незатейлив и прост,
он сделать спешит оркестровку
нехитрой мелодии звезд.
Продумано все в нем заранее,
просчитана каждая пядь, —
и все ж не поддастся желанию,
и все-таки не написать
еще одно, в том нескончаемом
потоке бессмысленных слов,
когда прибывает отчаянье,
когда убывает любовь.

Мальчишкой я запомнил медсестру,
Когда едва вставал с больничной койки...
Дежурную улыбку поутру
И разговор — раскованный и бойкий...

Искусно подведенные глаза
К себе манили чем-то необычным...
И кто-то с восхищением сказал:
— Ах, стерва! До чего же симпатична!

Мне было лет 16...
Без стыда она меня учила поцелуям...
И не она, а я ответил: «Да!» —
Впервые в жизни женщину поцелуяв...

И все-таки спасибо ей сто раз
За белый, ставший простыньей халат!

Все правильно. Я понимаю...
Тебя не виню и не плачу,
Тогда ты отбилась от стаи...
Вернулась! А как же иначе?!

А может быть, просто терпенье
Напора весны не сдержало...
Пройдет, промелькнет увлеченье.
Каких уже было немало...

Так пусть, я с природой не спорю
И мучить себя не желаю,
Но хочется лучшую долю,
Вот только какую? Не знаю...

Вот и осень. Промелькнуло бабье лето
Грустной песней без последнего куплета...
Я не знаю, как судьба его допишет,
Но уже зима

почти в затылок дышит...

Ветерок легко срывает листья с клена —
Обреченность?! Или неопределенность?..
Так, листом, сорвется с жизни

день последний.

Дай-то Бог, чтоб сразу,
без предупреждений!

Если в очерченный круг
Темные силы прорвутся,
Знай, что попутчик не друг,
Ваши пути разойдутся...

Душу открыть — не спеши,
По мелочам — не ругайся,
В спину ему — не дыши
И обогнать — не старайся...

Новый год
с января начинается,
А кончается год
в октябре...
Осень ждет обреченной красавицей
Свой последний наряд в серебре.
А пока что —
до снега пушистого —
Обнаженных деревьев стволы
Над опавшими
мертвыми листьями
Будут в горьком безмолвии стыть...
В наших судьбах
бывает похожее:
— Осень? Нет.
Но еще не зима...
Понимаешь,
что молодость прожита,
Не желая того понимать...

"Middle

АНАТОЛИЙ ДЕРЯБИН, доктор экономических наук

Class" В ПЕРЕВОДЕ НА РУССКИЙ

20

Золото и сталь

В седьмом номере «Смены» за нынешний год я писал о российских миллионщиках. Хотя миллионеры и яркая тема для разговора — золото всегда блестит ярче, чем сталь, но как сталь — опора экономики, так опора державы не миллионеры, а средний класс.

Для нас, привыкших к делению классов на рабочих, крестьян и буржуазию, этот термин хоть и знаком, но «прочувствован» мало. Между тем на Западе понятием «middle class» оперируют широко. Кто же входит в этот слой в развитых странах и у нас? Сколько таких людей в России? Был ли средний класс при социализме? Словом, что же значит «middle class» в переводе на русский?

Был ли средний класс в Древней Спарте?

История — это не только, как нас учили в школе, противостояние Спартака и Красса, парижских коммунаров и версальцев, декабристов и Николая I. Это жизнь сотен миллионов людей, которые воспитывали детей, возделывали землю, ваяли прекрасные скульптуры или месили глину для обеденных мисок. Они, те, кого мы называем «простыми людьми», во все века были основой государства. *Социальной опорой державы всегда является средний класс.* Когда он многочислен и доволен, государство крепнет и богатает. Если слаб и мал — оно рано или поздно рушится.

В Древней Греции, Древнем Риме к «мидл классу» относились свободные граждане — в основ-

ном землепашцы. При феодальном строе — феодалы. В буржуазном государстве — буржуазия. Малочисленность среднего класса (по отношению ко всему населению) при этих жизненных укладах, быть может, и вела к тому, что в конце концов погибали империи и города.

Сейчас в развитых капиталистических странах средний класс составляет большинство населения, что дает им, этим государствам, «запас прочности», необходимую стабильность. «Мидл класс» стал мощной железобетонной платформой западных держав.

Ведь капитализм уже давно не тот, каким его описывал Маркс. Теория конвергенции (сближения государств с различным социальным строем), страстно обруганная в советское время, все-таки находит свое подтверждение. За последние 70 лет капиталистические страны, подстегиваемые примером Советского Союза, взяли от социализма очень многое, в первую очередь социальные гарантии. А мы... Мы в последнее время стремительно, чуть ли не революционно, «рванули в капитализм».

И сейчас буржуазия, основа капиталистического общества и опора государства, очень изменилась по сравнению с нашим детским представлением о «кровопийцах-эксплуататорах». Нынче буржуа, он же представитель «мидл класса», — это в подавляющем большинстве напряженно работающий человек. Есть, может быть, только один процент тех, кто прожигает собственную жизнь и папин капитал, но им, как правило, и денег-то надолго не хватает. Многие «буржуа» работают даже бесплатно. Например, один из Рокфеллеров, будучи мэром Нью-Йорка —

колоссального мегаполиса с тысячей проблем, требующих ежечасного внимания! — установил себе зарплату ...два доллара в год. И никого на Западе не удивляет, что миллионер не может, скажем, пойти на концерт любимого певца, приехавшего в город, — ему в это время надо мчаться на другой конец страны по делам «Гринписа» или общества помощи детям-наркоманам. Точно так же вряд ли повернется язык назвать «мироедом» человека, который, работая по 16 часов в день в юридической фирме, к сорока годам сколотил миллион долларов, стал совладельцем компании, но продолжает трудиться с прежней интенсивностью.

Капиталистов заставляют трудиться и законы о наследовании, принятые в большинстве западных стран. На дядюшкино наследство там особо не разгуляешься. В некоторых случаях приходится отдавать государству до 96 процентов завещанных капиталов. Дети еще могут прожить за родительский счет, а внуки — уже нет. Сын знаменитого Форда оставался миллиардером, как и отец, а внуку досталось «всего лишь» миллионное состояние... Именно из-за высокого налога на наследство появляются благотворительные фонды: Моргана, Карнеги, Рокфеллера. Если б свои деньги богатеи оставили детям, львиная доля средств ушла бы в казну. Государство до минимума пытается сократить число «паразитов», живущих за счет нажитого родителями, а заодно помогает университетам и научным лабораториям.

Словом, двадцатый век явил новую генерацию — работающий капиталист. И не ананасы и рябчики на обед характеризуют современного буржуа, а ланч на бегу — сэндвич и кока-кола...

Кого считать «средним»?

Кого же можно отнести к среднему классу? Чаще всего социологи, политологи и экономисты (как, например, Григорий Киперман в девятом номере «Смены» за нынешний год) в качестве показателя используют доход. Но эта граница, хотя и выражена точной цифрой, все-таки не особо показательна. Принадлежность к «мидл классу» определяется, я считаю, скорее образом жизни, а не ее уровнем.

Кроме того: как можно давать общее для всех государств определение среднего класса, основываясь на доходе, если в разных странах очень разнится уровень жизни? У нас сто долларов — среднемесячная зарплата. Большинство американцев эту сумму получают за день. Мы на такие деньги можем протянуть месяц, они и пары дней не проживут.

Да и в одной стране разброс цен бывает огромным. Например, российские рубли в Магадане в три раза дешевле, чем в Москве. А в Москве они «весят» в два раза меньше, чем в Ульяновске.

Количество детей также влияет на уровень жизни семьи и, как следствие, на принадлежность ее к «мидл классу». Бездетный россиянин с ежемесячным доходом пятьсот долларов вполне может войти в средний класс. А тот, у кого такой же доход, но пятеро сорванцов — явно в «мидл класс» не попадет. (Однако надо учесть и такую тонкость: на образ жизни семьи влияет в основном то, сколько зарабатывает ее глава. Поясню примером: в группе советских войск в Германии жены полковников, как правило, не работали (дамы!). А супруги прапорщиков трудились. И суммарный доход прапорщицких семей был больше, чем полковничьих! Но,

думаю, вы согласитесь со мной, что семью полковника к среднему классу отнести можно, а семью прапорщика — вряд ли.)

Социальное положение человека определяется также тем, что ему оставили родители. Вот два ровесника. У одного отец был пристрастен к вину, у другого — нет. Один гол как сокол, у второго — квартира, дача, машина, книги. Первому надо начинать жизнь с нуля и потратить лет двадцать, чтобы обзавестись самым необходимым, второй расходует деньги только на продукты и одежду. Когда есть запас прочности, крепкие тылы, человек может не терять долгие годы, чтобы накопить на квартиру с машиной, а ставить перед собой стратегические цели: образование, карьера, самовыражение.

И уровень образования влияет, конечно, на то, попадет человек в средний класс или нет. Для того, чтобы в «мидл класс» войти, надо иметь хотя бы среднее образование. По нынешним временам необразованный человек хороших доходов не получит.

Много значат и природные способности. Коммунизм как утопическая идея — все люди равны! — превосходит. Но от биологии, хотя ее законы нельзя переносить на социальные проблемы механически, все же никуда не деться: по способностям и наклонностям все люди разные. Конечно, не заслуга Шалапина или Вишневской, что у них такие прекрасные голоса. Но они «обработали» и сохранили свои голоса для нас — в этом их заслуга. Однако все люди разные даже по части способностей развивать свои способности! В каждом есть искра Божья. Но не все в состоянии эту искру раздуть, поддержать и разжечь костер таланта. На земле есть и трудоголики, которые дня не могут прожить, не

работая, а есть люди, от рождения не способные к систематическому труду. Казалось бы: как хорошо, если все-все любят работать. Но, представьте, сколь было бы невероятно скучно жить, если бы все вокруг были трудоголиками! Когда ортодоксы отрицают изначальную различность людей, они уподобляются Лысенко, который полагал, что можно «перевоспитать» корову или пшеницу, чтобы больше была их продуктивность. Конечно, с гектара пашни, с которого вы получили 20 центнеров, можно при правильном уходе снять и 50, и 100 центнеров. Но если природный потенциал поля — 20 центнеров, вы не получите с него пятьдесят, как его ни удобряя.

Разумеется, на возможность человека войти в «мидл класс» воздействуют также его национальность, место жительства, принадлежность к определенному культурному слою, его отношение к государству и другим членам общества — все, что объединяет модное ныне слово менталитет, то есть мироощущение, мировосприятие, самосознание. Русский дореволюционный рабочий в силу своего менталитета был одним из лучших тружеников в мире — смысленный, умелый, работающий. Однако как много мы потеряли от того, что в годы советской власти шел физический отбор — вырубались те, кто всем строем своей жизни был направлен на труд и накопление!

Единственным русским купцом, которого любил народ, был Садко

У россиян особый склад ума, потому у нас и средний класс особый.

Вспомним историю и увидим, что среди русских были выдаю-

щиеся государственные деятели: Александр Невский и Иван Калита, Иван Третий и Петр Великий, Екатерина Вторая и Потемкин, Александр Второй и Столыпин, Ленин и Сталин (как бы мы, с отрицательным или положительным знаком, ни относились к последним). Работали видные промышленники: Демидовы, Строгановы, Рябушинские, Гарин-Михайловский (тот, что написал «Детство Темы» — ведь он был еще и миллионером, железные дороги строил). Свой след оставили финансисты: граф Витте, Зверев (нарком финансов в сталинскую эпоху, при нем золотой запас страны достиг максимального уровня). Но если мы обратимся к торговому, банковскому, биржевому делу, то можем вспомнить среди русских единственного, пожалуй, успешного купца, к тому же пользующегося любовью народа, — Садко. (Правда, были и выдающиеся банкиры: Рубинштейн, Поляковы, Орловы, Львовы, но все они нерусского происхождения.)

Совсем иная картина, скажем, во Франции. Эта страна дала миру классический тип рантье — человека, который не работает, а живет на проценты от капитала. Именно здесь развернулся банкир Ротшильд, фамилия которого стала нарицательной для обозначения богача.

А Германия, с другой стороны, явила великих промышленников — Круппа, например, но эти промышленники совсем иного толка, чем в широкодушной России: дотошно организованные, точные, как механизм. Там всегда было велико влияние на человека внешних уложений, установленно-го распорядка. И показательно, что знаменитая Франкфуртская биржа отличается от не менее известных Токийской или Нью-Йоркской бирж тем, что она гораздо

сильнее регламентируется государством.

Из-за иного самосознания россиян средний класс у нас формируется все-таки не через торговлю, не через финансовые операции, а через производство. «Мидл класс» в представлении россиян до сих пор характеризуется не столько материальным положением, сколько социально-духовным. До сих пор российский средний класс чурается, скажем, продавца в магазине, как бы тот ни был богат. Выталкивает его из своего общества.

Характерный пример: недавно моему приятелю, профессору МГУ, довелось побывать в гостях у очень богатой торговой семьи. По материальному положению он, несомненно, был там на последнем месте. Но, рассказывая мне профессор, присутствующие разговаривали с ним как-то заискивающе. Они словно комплекс неполноценности испытывали по отношению ко мне, сделал вывод профессор.

Думаю, торговля не в крови русского человека. Вы посмотрите: в последние годы многие директора московских магазинов сменились. Все больше среди них выходцев с Кавказа. (Я не говорю, что это хуже, просто торговля им в отличие от русских больше по душе.) Так же, как мила торговля, скажем, полякам. У меня был друг, польский экономист, доктор наук, профессор. И он еще во времена застойные с гордостью рассказывал, что весь свет посмотрел. «А деньги откуда?» — спрашиваю. «Еду я, — объяснял он мне, — в Италию. Там покупаю пять пар женских сапог. Продаю их в Москве. Вырученные рубли меняю на злотые; и поездку оправдываю, и с наваром остаюсь». И он рассказывал с гордостью! Мне, помнится, так стыдно

было — и это профессор! Себя я не мог (и не могу до сих пор) представить в такой роли.

Во все времена у русских вызывал уважение человек, который занят делом, а это в нашем понимании значит: что-то создает — строит дом или государство, водит многотонные грузовики или корабли, выращивает пшеницу или растит детей... Но не стоит за прилавком, не сидит на базаре! Вспомните, как говорили (и говорят старушки) в адрес молодых мужчин, торгующих чем-либо: «Ишь, лоб-то какой! Поросят бить можно! Тебя бы в кузницу! А ты за стойкой — бармен!..»

Разве мы считаем, что мужчина занят делом, ежели он стюард или метрдотель?.. С какой гордостью за свое дело, помню, обслуживал нас официант в испанском ресторане — величественный, словно артист Любезнов в роли Ричарда III. Или мужчины-продавцы во французском магазине женского белья — они предлагали моей жене товар так просто, так элегантно, что были похожи на министров — на европейских министров, не наших. У нас подобное невозможно. Прежде всего потому, что мужчина, занятый торговлей, будет все время ощущать пусть подсознательный, но мучительный дискомфорт.

Кто посередине?

Так вот, если мы попытаемся учесть все эти факторы — менталитет, образование, происхождение, способности, — можем определить человека, который относится к среднему классу: это тот, кто извлекает свои доходы (и живет на них) из финансовых, промышленных и торговых операций и из использования недвижимой собственности.

Торговые, промышленные и финансовые операции я понимаю

в широком смысле. Руководитель предприятия производит и те, и другие, и третьи. Квалифицированный рабочий занят промышленными. Брокер на фондовой бирже — финансовыми. И вряд ли грузчика в винном магазине можно согласно этому определению отнести к «мидл классу».

В сегодняшний российский средний класс я бы включил людей, которые имеют три — пять тысяч долларов ежегодного дохода и как минимум среднее образование.

Кто попадает в наш «мидл класс»?

Во-первых, высококвалифицированные рабочие. Те, кого раньше называли «рабочие-аристократы», «золотые руки», — трезвые, умелые, грамотные. К ним примыкают трезвые работающие фермеры.

В средний класс, безусловно, входят менеджеры — управляющие фирм, компаний, успешных предприятий. Не только директора, главные инженеры, но и руководители отделов, начальники цехов, смен. Рядом — банковские работники, бухгалтеры, юристы, среднее чиновничество. Безусловно, в этот слой входят хорошие врачи — те, которые в силу своих знаний и таланта способны работать так, чтобы больные им платили, и хорошие учителя — в основном работающие в частных школах или дающие private уроки. Можно также отнести сюда неизвестную часть преподавателей вузов и ученых академических и прикладных НИИ: процентов десять — пятнадцать от их общего числа, не более. А также немного, около пяти — десяти процентов, работников культуры: актеров, режиссеров, писателей, телевизионщиков, журналистов.

Любая классификация, разумеется, достаточно условна. Трудно отнести к «мидл классу», напри-

мер, оленевода, сколь богат бы он ни был. Или преступного «авторитета», даже если он на «мерседесе» ездит. Или проститутку. Или, например, продажного чиновника.

Принадлежность к среднему классу ограничивается не только материальной, но и определенной духовной планкой. Ни вор, ни проститутка, ни взяточник в него не попадают.

Сколько их? (Или нас?)

По моим подсчетам, численность среднего класса составляет в России десять — пятнадцать миллионов человек. Вместе с членами семьи — от двадцати пяти до сорока миллионов. Всего лишь треть населения.

Где же остальные?

Итак, в России немногим больше миллиона миллионеров (см. мою статью в седьмом номере «Смены»). Еще сорок миллионов (по самым оптимистическим подсчетам) относятся к среднему классу. К какому же классу отнести еще 110 миллионов россиян?

Ответ прост и драматичен: к нищим. К нищим материально (пенсии, почти все работающие на государственных предприятиях, а также многие учителя, офицеры, врачи...). Есть также нищие духовно (воры, продажные чиновники, наемные убийцы, проститутки...).

Впрочем, этому классу, нищим в России, я надеюсь посвятить отдельную статью.

Что было раньше?

Конечно, средний класс существовал и при социализме. Без него просто не было бы общества.

Государство развалилось бы.

И был средний класс тогда гораздо шире. Именно из него в последние годы рекрутировалась элита. Именно отсюда многие скапались в бедняки.

К среднему классу в застойные годы можно было отнести многих. Во-первых, почти всех занятых нефизическим трудом. Во-вторых, квалифицированных рабочих. В-третьих, зажиточных крестьян. Думаю, в тогдашний «мидл класс» входило примерно 80 процентов населения страны. Примерно половина прежнего среднего класса за последние годы из него «ушла». Точнее, ее «ушли». В бедность.

Тогда, при социализме, если бы мы вздумали определить отечественный «мидл класс», критерии были бы иными, чем нынче. Материальный фактор в то время не играл почти никакой роли. На первом месте для «пропуска» в средний класс при социализме были место работы и ее престижность.

В те годы, если помните, считалось очень важным, чтобы работа была творческой или хотя бы имела элементы творчества. Люди готовы были корпеть за гроши в научных лабораториях или библиотеках. Вовсе не из-за государственного идиотизма самый неквалифицированный труд имел самую высокую оплату. Просто иначе на эту работу вообще никто не шел бы. В то время шоферы-дальнобойщики, профессора и водители городских автобусов зарабатывали примерно одинаково. Но вакансии дальнобойщиков все-таки заполнялись: профессия интересная, колесишь по стране. Профессорская кафедра вообще была смыслом жизни. А вот в городских автобусных парках хронически не хватало людей: скучно ездить день за днем по одному и тому же маршруту...

Люди, не принадлежавшие к тогдашнему среднему классу, изо всех сил стремились заполнить символы, «сигнализирующие» о том, что они в «мидл класс» все-таки входят. Одним из таких знаков, доступных всем, был материальный достаток. Помню, жил я на одной лестничной площадке с бригадиром метростроевцев. Как-то он зашел ко мне, я ему показываю: у меня книга вышла. А тот на книгу не смотрит, бледнеет: «О, у тебя ковер новый!» Через пару месяцев приглашает меня к себе. Весь цветет. С гордостью показывает свой новый ковер, да «подлинше» и «поширше»...

Были и другие «маячки», свидетельствующие, что человек принадлежит к среднему классу. Однажды, в семидесятых, я вдруг увидел в газетном киоске в Тбилиси собрание сочинений Чехова. Книжный голод тогда уже начался, а мне всю жизнь хотелось иметь «полного Чехова». Да дешево как! Я достаю деньги... Оказалось: это просто переплеты книг, внутри заполненные поролоном!..

Нынче для вхождения в средний класс место работы и ее престиж играют куда меньшую роль. На первое место выдвигаются доходы.

Чем сердце успокоится

Меня трудно заподозрить в восторженном отношении к тому, как у нас проводятся реформы (достаточно прочитать мои статьи...). Однако кое-какие признаки свидетельствуют, что мы прошли нижнюю точку спада и начинаем выкарабкиваться. Одним из таких признаков является то, что если раньше банки практически всю сумму своих кредитов направляли торговле, то теперь примерно по-

ловина средств адресуется промышленности. Инвестиции в промышленность все-таки начались! А если учесть, что статистика нынче лукавит не меньше, чем раньше, но в другую сторону (раньше показатели завышались, чтобы получить знамена, а теперь занижаются, чтобы не платить налоги), можно ожидать подъем в нашем хозяйстве. (Подъем, разумеется, относительно нынешней «ямы», а не уровня, скажем, 1989 года.)

На возможное выздоровление указывает также то, что увеличилась доля личных доходов, которую наши граждане пускают на накопление. Совсем недавно она составляла всего 12 процентов, а теперь достигла 20. О том, что у людей появились свободные деньги, косвенно свидетельствует ажиотаж вокруг всевозможных «Тибетов», «МММ» и прочих сомнительных предприятий.

Как это отразится на российском среднем классе? Опуская математические выкладки, могу сказать: нижняя планка доходов, «дающая право» на вхождение в отечественный «мидл класс», будет быстро, буквально в течение нескольких месяцев, расти. (Если сегодня в средний класс может попасть человек со среднегодовым доходом около трех тысяч долларов, то через год, возможно, для этого понадобится шесть тысяч.) Однако доходы людей, я думаю, будут расти еще быстрее, и численность «мидл класса» все-таки станет увеличиваться.

Честь и хвала тем, кто выбьется, однако им понадобится напряжение всех сил. Когда предстоящий рынок еще только обсуждался, я писал, что рыночные отношения — источник многих трагедий. Это отношения жесткие и даже жестокие. Слабому очень тяжело в этом мире. Я имею в виду не только профессиональную или

интеллектуальную слабость, но и физическую, и моральную. Слово «доброта» неприменимо ни к отношениям между предпринимателями, ни к отношениям между работодателями и наемными работниками. Кому в коммерческой структуре нужна женщина с маленьким ребенком или в положении? Кто будет терпеть человека, у которого нелады со здоровьем?

Так что, помимо радости людей, которые выдержали гонку и остались в среднем классе или снова поднялись в него, будут и драмы тех, кто не сумел удержаться и сполз в бедность. А ведь это драма не только самого человека, но и семьи его, детей. Им, получившим образование в окраинных школах, придется соревноваться с выпускниками престижных лицеев и во сто крат сложнее будет вернуться в тот слой, что был привычен для родителей.

Кто защищает «мелких буржуа»?

В англо-русском словаре десятилетней давности понятие «middle class» переводилось как «мелкая буржуазия». К мелкой буржуазии, среднему классу относится в развитых западных странах большинство населения — практически все работающие. С ними обязаны считаться политики любого ранга, от президента до мэра крохотного городка: не угодишь «мидл классу» — конец твоей карьеры.

В России численность среднего класса — всего треть населения. Как это мало! Как хрупка одна из главных опор государства!

И этот слой не выдвинул практически ни одного государственного деятеля, который защищал бы его интересы. А без таких лидеров, чувствующих свою ответ-

ственность перед миллионами трезвых, умных, уверенных в себе людей, наша так называемая «политическая элита» представляет собой откровенный сброд, занятый решением собственных частных проблем. Средний класс не выставил на политическую арену никого! Никто не отстаивает его интересы. Без таких представителей самого деятельного слоя руководители остаются временщиками. Они заняты своим обогащением и размножаются, как раковые клетки!

И сам наш средний класс не осознает свои интересы. А многие политики и средства массовой информации словно специально поощряют все то, что не нужно этому слою, что ему вредит. Всякое действие государства, направленное (с умыслом или случайно) на выгоду «мидл классу», эти люди встречают в штыки, будто специально поощряют шатание и неуверенность.

Яркий пример: рублевая реформа, проведенная Центробанком прошлым летом. Она проводилась в интересах работающих, в интересах российского среднего класса. Ведь до этого грабили нас! Та же Украина могла в течение двух лет до той реформы эмитировать безналичные рубли, потом обналчивать их и обрушивать на российскую экономику, вздувая наши цены. (И остальные одиннадцать независимых республик, членов СНГ, занимались до июля прошлого года тем же самым.) И вот — реформа. Очень нужная. Очень полезная. Но какую истерику закатили тогда многие газеты и политики! В результате этих выкриков президент дрогнул, переменял свое первоначальное решение: разрешил обменивать в три раза больше средств и продлил срок обмена с десяти дней до тридцати. В результате этого изменения,

спровоцированного воплями средств массовой информации, Россия потеряла около полутора триллионов рублей, или, по тогдашнему курсу, свыше полутора миллиардов долларов!

Государство не может быть дряблым в формировании и поддержке среднего класса. Однако наша держава свою главную опору — «мидл класс» — не цементирует, не скрепляет. Неумные действия размывают ее, как песок. Этак и рухнуть державе недолго.

Они не халавчики. Они неудачники

Недавно я проходил мимо многотысячной очереди за акциями одной из спекулятивных коммерческих структур. Кто эти люди? «Партнеры»? «Рантье»? «Средний класс»?

Нет, бедняки и неудачники. Профессиональные неудачники. Они есть во все времена. При социализме они покупали лотерейные билеты и карточки «Спортлото». Когда жизнь не задалась, когда не достиг, чего хотел, когда преследуют неудачи, человек чувствует озлобление, а с другой стороны, отчаянное желание одним счастливым ударом поправить все.

И когда появились фирмы, обещавшие тысячи процентов годовых, первыми туда бросились именно такие люди. Они отдали свои деньги, а «предприниматели»-мошенники исчезли, не дожидаясь первых выплат. («Независимый нефтяной концерн», «Л.Е.Н.И.Н.» и прочие компании.) В более «солидные» фирмы («Тибет», «Русский Дом Селенга» и другие) пришедшие первыми все-таки сорвали куш. Они, эти «везунчики», сыграли роль, да простят меня, «козлов-провокаторов» — есть такие на бойнях.

Ведь животные, которых привозят на убой, чувствуют свою смерть, режут, рвутся... А «козел-провока-тор» смело марширует (и ведет остальных) прямо под нож. Своим бравым видом он демонстрирует: нечего здесь бояться. За это он живет при бойне до старости и кормят его хорошо... Так и пер-вые счастливые вкладчики, вос-торженно рассказывающие знако-мым, на сколько они обогатились, стали «провокаторами». Люди на-чали думать: «Как повезло Марине Сергеевне! Чего это я здесь сижу?! Пойду и куплю акций...» А неудач-ники как раз и отличаются от «ве-зунчиков» тем, что в большинстве своем долго раскачиваются, сом-неваются... К тому моменту, как они подросли к вождельной «халюве», кормушка прикрылась. Они опять остались в дураках.

Человек, привыкший считать себя представителем среднего класса (и являвшийся им в дей-ствительности), попадая в тяже-лое положение, конечно, пытается выкарабкаться.

Но если рассчитывать только на удачу — это изначально про-игранная игра.

Удача приходит к тому, кто дей-ствует...

Средний? Нет, сердцевинный!

Представителя среднего класса можно определить и так: человек, который живет достойной жизнью. Достойной — в материальном смысле. Достойной — в смысле духовном.

Таких людей — подавляющее большинство в спокойных цивили-зованных странах. Исключение со-ставляют алкоголики, наркоманы, бродяги по натуре — словом, те, кто сам не хочет войти в «мидл класс». Для остальных пребыва-ние в среднем классе обеспечено

едва ли не автоматически: рабо-тай, и жизнь твоя будет «полной чашей».

Не то у нас. Чтобы «зацепиться» за средний класс и остаться на достойном материальном уровне, от человека требуется напряжение всех сил — и физических, и духов-ных. Более чем ста миллионам россиян этого не удастся. Они ска-тываются в бедность. Средний класс в нашем Отечестве соста-вляет не больше трети населения. Как мало!

Западное общество зиждется на трех китах — «высший средний», «низший средний» и, собственно, middle class. У нас «кит» один: малочисленный средний класс с уровнем жизни ниже среднего.

Трудно державе стоять, опира-ясь на него.

ОДШЕНАРОСТАТИ

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

САМОЗВАНЕЦ

АНДРЕЙ ЕФИМОВ

ИРБЕЦІЯ
КІТАП

КІТАП
КІТАП

и один век в нашей истории не насчитывает столько смут и смутянов, как XVII, особенно в первой половине. Самозванцы, разорение страны, бунты, разбои идут полосой, отмечая пожаром, кровью и злым голодом годы этого столетия.

На его заре с польской границы появляется Гришка Отрепьев, а за ним Тушинский, он же потом Калужский вор, Горчаков, Маринка (Люторка-еретичка), друг ее — Заруцкий, сын их Ивашка, Дьяконов — имена более или менее известные широкой публике, и все это заканчивается кровавым пиром Стеньки Разина.

И вот среди всех этих более или менее известных смутянов есть еще один, наглость которого буквально поразительна, приключения которого почти фантастические и который, однако, почти неизвестен, потому ни один историк не дал биографии этого человека.

Я говорю про вора Тимошку Акундинова*.

Этот Тимошка родился в Вологде в 1617 году. Отец его Дементий Акундинов был мелким торговцем-холстяником. Он скупал холсты и полотно по деревням и потом в Вологде перепродавал их московским купцам.

Сын его Тимошка с самого раннего детства поражал всех своею смышленостью, и отец отдал его в школу при местном Пафнутьевском монастыре. Там Тимошка обучался чтению, письму, цифири и церковному пению. На 16-м году жизни про его способности узнал вологодский архиерей, отец Нектарий, и взял его к себе в келейники.

Тимошка в короткое время сумел так понравиться старцу, что стал для него необходимостью. У этого архиерея была любимая внучка, Авдотья Васильевна, и отец Нектарий, чтобы прочнее привязать к себе смышленного, красивого и веселого Тимошку, женил его на своей внучке, дав в приданое за ней три деревни с большим рыбным озером.

Сразу Тимошка обратился в Тимофея Дементьевича и стал важным человеком. Дом — полная чаша, жена — красавица и любит без ума, сам архиерей ничего без Тимошки не делает, и под конец дела вологодской епархии перешли фактически в его руки. Тимошка уже и тогда умел пользоваться положением, и щедрая мзда более руководила его решениями, чем правда и совесть. Уже тогда Тимошка успел проявить свою наглость во время болезни отца Нектария, ставя на бумагах подпись «Тимофей Акундинов, наместник архиерея вологодского и великопермского».

Отец Нектарий корил его, но потакал во многом из слабости к своему любимцу.

Так благодушествовал Тимошка до 1636 года; когда престарелый архиепископ помер, на его место назначили другого, и тот устранил от себя и Акундинова, и других близких покойному лиц. В числе них был дьяк Патрикеев, который дружил с Акун-

* Тимофей Акундинов считается одиннадцатым — по порядку — самозванцем на Руси. (Здесь и далее примечания редакции.)

диновым. Этот Патрикеев уехал в Москву и там скоро пристроился к одному из приказчиков. Остался Тимошка один и затосковал. Вероятно, он принадлежал к порочным от природы натурам, и только доброе влияние старика архиерея сдерживало его, потому что не прошло и года с его смерти, как Тимошка вдруг развертывается вовсю и предается самому дикому разгулу.

По кабакам и раподам, с разгульными женщинами, сноморохами, голю кабацкою, за игрою в зернь Тимошка проводит все свое время и быстро растрачивает женно приданое.

Отец его умер, прокляв его, мать ушла в монастырь, постригшись под именем Соломоницы, жена изводилась в слезах и горе.

Тимошка в два года пропил все свое достояние и тогда опомнился. На время вновь он принял человеческий образ, решил взяться за ум, примирился с женою и поехал в Москву, думая о своем приятеле Патрикееве. Патрикеев в то время был уже дьяконом при воеводе князе Черкасском в приказе Новой Чети. Тимошка прямо направился к нему, разжалобил его, и Патрикеев тотчас устроил Тимошку у себя в приказе писцом. Здесь у него товарищами оказались Василий Григорьевич Шпилькин и Сергей Песков.

Тимошка образумился и ретиво взялся за дело. Несомненно, он был незаурядным человеком, потому что в короткое время стал считаться в приказе самым деятельным и нужным человеком. Приказ Новой Чети ведал все царские кабаки и кружальные дворы. Всем им надо было вести строгую запись и собирать с них деньги за водку.

Прошло всего три года, и Тимошка Акундинов уже занимается сбором денег и хранит казну в приказе. Снова он в почете и довольстве, снова *Тимофей Дементьевич*, на которого не без зависти смотрят его приятель Патрикеев и любовно — сам князь Черкасский. У Тимошки снова дом — полная чаша, жена на него не налюбуется; и ко всему у него родился сын Сергей, которого крестили его сослуживцы — писец Песков и дьяк Шпилькин.

Но натура Тимошки не выдержала строгой жизни, и он снова предался разгулу и игре в зернь. Москва не Вологда, и здесь денег понадобилось еще больше. Тимошка, не стесняясь, пользовался царскою казною и скоро опустошил ее. Измученная его поведением жена стала, вместо слез и упреков, грозить ему. Дела Тимошки запутывались все больше, жена стала для него страшлищем, и ко всему боярин Морозов стал производить ревизию по всем приказам, а в то время за казнокрадство у вора рубили руку.

Все было худо, а хуже всего, что денег на разгул уже не хватало. Тут Тимошка совершил первое воровское и наглое дело. Он пришел к куму своему Шпилькину и выпросил у него дорогие уборы и украшения для своей жены.

— Приехали ко мне вологодские купцы. Хочется жену в богатстве показать. Так не откажи. Сделай милость!

Шпилькин с радостью сделал одолжение куму и отдал Акундинову все уборы своей жены, серьги, запястья, ожерелья, которые тот тотчас пропил.

Спустя недолго Шпилькин спросил их у Акундинова, а тот

с наглостью отказался и даже обиделся. Шпилькин пошел жаловаться князю Черкасскому, но Тимошка так азартно и нагло стал ругать и поносить Шпилькина, что князь махнул рукой и сказал:

— Делайтесь промеж себя сами!

Акундинов в лице бывшего своего друга и кума приобрел злейшего врага, который потом сторицею заплатил ему за свою доверчивость.

Разгул Тимошки продолжался.

Он редко стал являться в приказ, пьянствовал без просыпу, бил жену смертным боем, и, когда приблизился день ревизии, он решил страшное дело.

За время своих скитаний по кружалам и кабакам он сдружился с одним потерянным человеком, Константином Коноховским, польским шляхтичем, которого совершенно подчинил себе. С ним вместе он и выполнил свое страшное дело.

Ребенка он передал своему куму Пескову, сказав, что с женой идет на богомолье, ульстил жену, которая еще раз поверила в его исправление, и ночью, когда она заснула, запер ее в горнице, взял все, что было в доме ценного, и поджег дом, после чего с другом своим Коноховским убежал из Москвы.

От дома Акундинова выгорела почти вся улица. На Москве решили, что и Тимошка, и жена его сгорели, а тем временем он со своим приятелем быстро двигался к польской границе.

С этого времени начинаются его изумительные приключения, перед которыми бледнеют авантюры современника нашего — прославленного по всем тюрьмам корнета Савина.

Подходя к Витебску, они остановились на дороге в корчме, где встретили торгующего в России немецкого купца Миклафа.

Тимошка подпоил его, ловко увлек беседою, а тем временем его друг и помощник вывел из конюшни большого, сильного брабантского коня Миклафа, вместе с седлом и тороками, в которых было 2000 талеров.

Едва стемнело, Тимошка тоже выбрался из корчмы и скоро присоединился к приятелю, с которым торопливо направился к Можайску.

Миклаф, протрезвившись, спохватился коня и денег и понял, что был нагло ограблен. В Москве он поднял шум. По описанным приметам знакомые Акундинову дьяки подумали на него, и тогда же явилось подозрение, что он не сгорел, а сбежал, особенно когда в казне приказа оказалось всего несколько рублей.

А Тимошка со своим другом, которого он обратил в слугу, доехал уже до польской границы и, назвав себя сыном умершего Василия Шуйского, властно приказал вести себя в Варшаву, к королю.

Смутное время на Руси, когда с такой жадностью поляки разоряли страну, было еще недавним прошлым. Король Владислав пылал ненавистью к русским, которые не оправдали его надежд на престол. Самозванцы для Руси находили полную поддержку у поляков, и король Владислав милостиво принял Тимошку Акундинова, обещал ему помочь, поручил его своему окружению, назначив от себя дом в Варшаве для пребывания, 4 пары коней, 2 крытых возка для пользования, 10 жолнеров для

стражи, 6 пахолков для услуг и 3000 злотых в месяц на содержание, не считая стола, который шел от короля. Тимошка Акундинов обратился в Иоанна Шуйского, и польская знать окружила его своим вниманием и почетом. Простодушный Коноховский только диву давался.

В это время приехали в Варшаву русские купцы и рассказали про пожар в доме Акундинова, про растрату казны, ограбление купца Минслафа и высказали подозрение на Тимошку. По описаниям он походил на «Иоанна Шуйского», и канцлер предупредил Владислава, но тот только засмеялся.

— Нам известно, что он вор, но через него я принесу много хлопот Московии, — ответил он, и Тимошка продолжал жить веселой, беспечной жизнью, сытый, пьяный и ласкаемый женщинами.

Но Владислав не успел осуществить своего плана и помер.

Шляхта разделилась на два лагеря и подняла спор из-за наследника польского престола, а в это же время Богдан Хмельницкий с Кривоносом и Тугай-беем наводнили страну, и уже было не до Тимошки.

Наконец, в Варшаве был выбран Ян-Казимир, но в это время Иеремия Вишневецкий выбивался из сил, отсиживаясь в Збораже и, как плотиной, сдерживая дикие полчища татар и казаков от вторжения в сердце страны. О Тимошке вовсе забыли, и, как пришел срок получения 3000 злотых, новый король отказал в выдаче, сказав, что теперь не время заниматься ворами.

Тимошка понял, что в Варшаве ему больше делать нечего, и решил перебраться к Богдану Хмельницкому с той же сказкой о своем происхождении.

Опять вместе с Коноховским он убежал ночью из Варшавы и стал пробираться в Малороссию. Вишневецкий отбил казаков, и Богдан Хмельницкий, то ссорясь, то мирясь с Тугай-беем, сидел в Переяславле. Туда к нему добрался Тимошка, рассказал свою сказку и быстро вошел к нему в доверие, больше как товарищ по разгулу, которому изрядно предавался Богдан Хмельницкий. Это было время апогея его влияния и силы. Сюда к нему приезжало польское посольство с Киселем во главе, и пьяный Богдан глумился над ними, сюда приезжало посольство от князя Рогоци из Трансильвании звать его бить венгров, и, наконец, сюда прибыло русское посольство от молодого царя Алексея Михайловича.

Богдан Хмельницкий встретил русских послов с величайшим почетом. Он приказал звонить в колокола, стрелять из пушек и вышел за город, окруженный своими полковниками, бунчуками и нарядной свитой, в которой находился и Тимошка Акундинов.

Старшим послом прибыл Унковский, но, на беду Тимошки, в посольстве оказался знакомый ему дьяк Иван Козлов, который сразу признал Тимошку.

Признав, но не зная, однако, всех его дел, Козлов стал уговаривать Тимошку вернуться в Москву и повиниться во всем перед молодым царем, который к тому же только что поженился и очень со всеми милостив.

Но Тимошка отлично понимал, что в Москву ему нет возврата,

и едва наступила ночь, как он с Конюховским поспешил оставить гостеприимный Переяславль.

Козлов рассказал про Тимошку Унковскому, а Унковский спросил о нем Богдана и, когда узнал, что он еще и выдает себя за Шуйского, посягая на престол, потребовал его выдачи. Но Тимошки и след простыл. Богдан Хмельницкий только посмеялся:

— Вам его надо, вы и ловите, а я своих казаков на такое дело не дам!

Посольство, вернувшись в Москву, рассказало про свою встречу с новым самозванцем, и от царя во все посольства был разослан указ о его поимке.

Ограбленному Миклафу, как знавшему его в лицо и горящему мезью, был выдан открытый лист на поимку его в случае встречи.

А в голове Тимошки сложился уже новый отчаянный план, и он со своим верным Конюховским прямо отправился в Едигульские орды к хану Девлет-Гирею. У Девлет-Гирея он принял магометанство, от него, обласканный, проник к крымскому хану и, наконец, добрался до самого турецкого султана. И тут он имел огромный успех. Султан обласкал его, приблизил к себе и обещал свою помощь для возвращения престола. Это было могущественное покровительство. Влияние султана было огромно. В то время посол императора Фридриха III раскуривал для него кальян, и за то султан приказал своему вассалу, князю Рогощи, прекратить свои завоевания. За Тимошкой ухаживали все ищущие покровительства султана, и неизвестно, чем бы окончилась его странная карьера, если бы он не поддавался своим страстям.

В пьяном виде он ухитрился проникнуть в гарем любимца султана, старого Мухамеда Киуприли, чуть не был схвачен и едва успел спастись от смерти. Оставаться в Константинополе он уже не мог и поспешил убежать, направившись в Трансильванию, к князю Георгию Рогощи, леннику султана. Он был ласково принят в столице князя, Вейсенбурге, и у него сложился план, так как оставаться у Рогощи он не мог*.

Еще при дворе султана он слышал, что шведская королева ищет союза с Рогощи для войны с Польшей; издавна он знал, что шведы ненавидят Россию, и потому решил обратиться к покровительству шведской королевы, для чего попросил у Рогощи рекомендательного письма. Тот снабдил его письмом и при этом дал еще 3000 талеров.

Но вскоре Тимошка оставил гостеприимный Вейсенбург и прибыл в Стокгольм, где и представился королеве, передав ей письмо Рогощи**.

* Новейшие исследования дополняют факты цветистой биографии Акундинова. Так, в 1648 году он оказался в Риме, «где ходатайствовал перед папой о признании своих прав на московский трон, взамен обещая обратиться русских в католичество». Когда эти надежды рухнули, Акундинов и перебрался на Украину к Богдану Хмельницкому.

** В Швеции Акундинов вновь переменил веру, на этот раз перейдя в лютеранство.

Шведская королева Христина, дочь прославленного Густава Адольфа, была одна из самых эксцентрических личностей. Она ходила в мужском костюме, терпеть не могла женского общества, любила езду верхом, собак, охоту, пила, как рейтар, и была всегда окружена умнейшими людьми того времени. Так, при ее дворе долгое время жил знаменитый Декарт, при ней были Гуго Гроций и другие светила ума и талантов XVII века.

Такая королева не могла обходиться без фаворитов, и в роли такового при ней находился кавалер Улефельд. Но надо думать, что Тимошка Акундинов произвел на нее более чем благоприятное впечатление. Она сразу признает в нем великого князя Иоанна Шуйского и, сообразно званию, назначает ему дом для помещения, обед со своего стола, 4 коня, 10 человек прислуги и 5000 талеров в месяц, обещая содействие в занятии престола.

Бесперывные балы, маскарады и охота с неперменными пирами как нельзя более понравились Тимошке и его другу Конюховскому, и они катались как сыр в масле, но беда стергла Тимошку.

В Стокгольм приехали русские купцы, и некоторые из них узнали Тимошку. Вернувшись в Москву, они тотчас донесли об этой встрече, и в Стокгольм, к Христине, был послан царским послом дьяк Козлов (тот самый, что признал его у Богдана Хмельницкого), с требованием выдать вора.

Пылкую и гордую Христину охватил гнев, когда она узнала, кому оказывала покровительство, она тотчас приказала схватить Тимошку, но его и след простыл. Он успел как-то пронюхать о грозящей беде и скрылся, покинув на произвол судьбы своего неизменного товарища. Волей-неволей царскому послу пришлось удовольствоваться злополучным Конюховским.

Тимошка успел захватить деньги и на коне проскакал до Норкепинга. Здесь он случайно встретился с судохозяином, который собирался плыть в Ревель, и уговорил взять его с собою на шхуну.

В Ревеле его уже ожидал приказ шведской королевы о задержании. Бургомистр схватил его и посадил в городскую тюрьму, но Тимошка сумел убежать из нее в следующую же ночь.

Тут уже начались его злоключения. Он убежал в Ригу, оттуда в Митаву, потом в Мемель, в Вертенберг, Голштинию и Брабант. Чем он промышлял за время своих странствований, сведений нет, но известно, что в Тильзите и Лейпциге он был в странствующей труппе фокусников и «показывал силу».

Судьба забросила его в Нейштадт, владение герцога Голштинского Фридриха II. Здесь, на беду, лицом к лицу встретился с ним злополучный купец Миклаф и поднял крик. Испуганный Тимошка бросился бежать, но был схвачен и посажен бургомистром в тюрьму городской ратуши.

Тимошка еще не унывал, но судьба его была уже решена. Миклаф предъявил открытый лист, по которому за выдачу самозванца предлагалось 100 000 червонцев, и стесненный в финансах герцог не поколебался выдать Тимошку русскому правительству. Тимошка тотчас был закован в кандалы и перевезен в казематы крепости. Отсюда бегство было уже невысказано.

Тем временем о поимке Акундинова было отписано в Москву, и три месяца спустя за ним приехал со стражей старый его враг, дьяк Василий Григорьевич Шпилькин, тот самый, которого он обворовал когда-то.

Торг был заключен, и закованного Тимошку с великим бережением отвезли в Москву.

По дороге он покушался на самоубийство и один раз бросился вниз головою с повозки, когда его везли к Нейштадту, а в другой — пытался броситься в море во время перехода на корабле, но Шпилькин злорадно оберегал его и, наконец, доставил в Москву, в разбойных дел приказ, где и передал известным мастерам своего дела — Ромодановскому и Лыкову.

Тимошка упорно стоял на том, что он Иван Шуйский, сын царя Василия Шуйского, у которого не было вовсе детей.

Его уличали по очереди все знакомые: сам Шпилькин, Миклаф, Песков, приведший его сына, наконец, его мать, инокиня Соломонида. Тимошка стоял на своем, перенося мучительные истязания.

Наконец царю надоело слушать доклад о его упорстве, и он приказал казнить вора и самозванца обычной для таких преступников казнью — четвертованием.

В августе 1654 года на площади Большого рынка в Кремле была совершена эта страшная казнь. Сперва ему отрубили левую руку и левую ногу, потом — правую руку и правую ногу и, наконец, голову. Палачи наткнули их на пять кольев и бросили в свальную яму.

38 Два дня спустя казнили и его друга и приспешника Константина Конюховского. Его приговорили к ссылке в Сибирь и лишению трех пальцев. По ходатайству патриарха Конюховскому отрубили пальцы на левой, а не на правой руке, дабы он мог креститься...

Публикация АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.

Здравствуй, «Смена»! «Привет тебе из мест, где нет невест, где солнце не достать руками, где девушку возносят до небес, а юность топчут сапогами». Пишем впервые. Дело в том, что мы — заключенные, притом все попали за решетку несовершеннолетними. Журналы нам в камеру попадают редко, да и то за прошедшие годы. Вот и в этот раз нам попал номер двухлетней давности с письмами, в которых читатели просят адреса для переписки. Мы тоже надеемся, что девушки откликнутся на наше письмо, если оно, конечно, будет напечатано.

Теперь о себе.

Нас пятеро в одной камере. Меня зовут Александр. Рядом со мной — Антон, Константин, Евгений и Геннадий. Мне — восемнадцать, Геннадию — семнадцать. Мы с ним, считай, всю жизнь вместе. В первый раз «по делу» тоже шли вместе. Родились мы в нормальных семьях, росли и учились, как все, до той поры, когда стали увлекаться девушками. Девушки предпочитают парней богатых, и нам захотелось модно одеться, иметь деньги. А так как у нас в Вельске несовершеннолетним устроиться на работу и заработать деньги все равно, что заставить слона заговорить, то мы пошли на преступление. Ну и, конечно, попали на скамью подсудимых. Мне дали отсрочку, а Генна-

дию — три года ВТК. Но не прошло и двух месяцев, как я снова нарушил закон и все по той же причине. После шести месяцев пребывания в тюрьме я вышел на свободу, через неделю условно-досрочно освобожден Геннадий. Мы пытались найти девушек, чтобы остановиться, потому что оба уверены, что только девушки помогут нам выйти на колею нормальной жизни, но, увы, девчата чаще всего шарахаются от тех, кто был судим.

Через месяц я снова попал в тюрьму. А через одиннадцать дней и Геннадий. Теперь я вообще думаю, что вряд ли кто-то захочет связываться с зеками, а мы с Геннадием думаем, что если не найдем понимания и любви, то никогда не вылезем из лагерей. Остальным нашим сокамерникам по шестнадцать-семнадцать, и попали они сюда тоже из-за желания жить красиво. Мне восемнадцать исполнилось здесь, в тюрьме, — это был очень печальный день. Все мы рассчитываем летом 1995-го быть дома, а сейчас я хочу сказать всем ровесникам: «делайте» деньги только законным путем, потому что тюремную школу жизни мы не желаем пройти даже злейшим своим врагам.

АЛЕКСАНДР

ДОРОТИ КАРУЗО

ЭНРИКО КАРУЗО

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

В конце апреля он уезжал на два месяца на Кубу петь в Гаване с компанией «Бракейл». Я не могла поехать с ним: Глория была еще слишком маленькой для путешествий, а мы и думать не смели, чтобы ее оставить.

За день до его отъезда мы обедали в Казино в Центральном парке. Я увидела, как подъехал большой «паккард», красивая серая машина с зелеными колесами и зелеными кожаными сиденьями. Я спросила Энрико: «Ты заметил ту красивую машину? По-моему, у нее какой-то необычный корпус, очевидно, сделанный на заказ». Он сказал, что не заметил. После обеда я подождала на улице, пока Энрико расплатится. Весенний парк благоухал, и мы дважды объехали его, прежде чем вернулись домой. «Взгляни,— удивилась я, как только мы вышли из машины у отеля.— Вон тот «паккард», что я видела у Казино». Он был припаркован у входа, и Энрико с минуту постоял рядом со мной, с восхищением разглядывая автомобиль. Затем сказал: «Он твой, моя Доро. Я купил его у владельца после обеда». Не знаю, почему владелец согласился его продать. Может быть, оттого, что Энрико предложил ему 12 000 долларов.

В начале вечера я пришла в студию и увидела, что он держит Глорию на коленях. Фучито играл на фортепьяно, а Энрико отбивал такт маленьким детским кулачком. «Я учу ее петь «Ой, мистер Пайпер», песню про королеву из сказки.— И начал

41

Судьбы

потихоньку напевать. Девочка прижалась к нему, очень довольная. — Видишь, — сказал он, — ей нравится, как папа поет».

Ей было три месяца от роду.

После того, как Энрико уехал на Кубу, я взяла Глорию, Нэнни, брата с женой и детьми и троих слуг в Истамптон, где мы снимали дом на лето. Дом был длинный и низкий, с большой студией на первом этаже, а наверху, рядом с моей спальней, находилась мастерская Энрико, куда можно было подняться прямо из сада. Прелестный сад славился великолепными клумбами розовых циний, террасами белых ирисов, что вели вниз к маленькому озерцу, и домиком для гостей, увитым розами.

Через неделю после нашего прибытия с изумлением прочла в газете, что отель «Никербокер» продан. Как только Энрико дал мне распоряжение телеграммой, я отправилась в Нью-Йорк и перевезла всю мебель в его галерею. Он чрезвычайно расстроился.

Атланта, Джорджия

27 апреля

Дорогая моя Доро!

42 *Вчера вечером, когда я шел в ресторан немножко поужинать, управляющий отеля остановил меня и сказал: «Раз «Никербокер» продан, я вас умоляю принять предложение, которое отель «Билтмор» сделал вам много лет назад». Я не хорошо понял сначала, тогда он показал мне газету, где говорилось, что «Никербокер» продан и что будут делать перемены в здании. Ты поймешь, как я отдыхал после такой новости. Никакого ужина, и я спускаюсь вниз в большой прострации, думая о тебе и всех неприятностях, которые ты будешь иметь.*

А теперь небольшое размышление. С какого времени у Рейгана из «Никербокера» появилась мысль продать отель? Если он думал об этом до того, как я уехал в Атланту, думаю, что он был ко мне не добр, потому что у меня было время самому все упаковать и не оставлять все хлопоты тебе. Меня ничто не беспокоит, кроме тебя, моя любимая Доро.

Я посылаю моим родным по крови, тебе и малышке, сердечные мысли и тысячи поцелуев.

Твой РИКО.

Пятого мая Энрико прибыл в Гавану и прислал свои первые впечатления:

«Гавана это страна, напоминающая Неаполь, старая, но с характером особенным, потому что дома строят с «порти кати», чтобы защитить от солнца. Люди, как испанцы, но немножко есть ума, как у американцев».

В течение последующих недель в его письмах рассказывалось о сложностях, переживаемых в Гаване. Жара изнуряющая, почти не спит, и у него впервые в жизни разболелся зуб. Однажды он сказал мне: «Самсон был сильным, потому что у него были волосы. Моя сила в зубах. Как только один выпадет, я уйду, Карузо кончится». Через тысячи миль пространства каждый из нас почувствовал, как нервничает другой.

Любимая моя Доро!

Уже второй день я здесь и похоже, что я в почете у публики. Все газеты полны новостей обо мне, на прогулке все меня узнают и улыбаются, приветствуя меня...

Здесь очень тепло, и я задыхаюсь, словно в электрической коробке. Ничего невозможно надеть! Если бы ты видела меня сейчас, ты бы смеялась. Простыня закрыта на груди шелковой лентой, и пусть я буду выглядеть как старый римский консул. Мои поры всегда открыты, и из них течет вода, как река. Мне кажется, я каждый день теряю около десяти фунтов.

Два дня спустя его нервозность возросла:

Я так боюсь всех вещей, которые я здесь слышу. Я только что закончил отвечать в газету, которая вчера вечером написала статью против меня, желая мне своего Ватерлоо. Иногда я не могу пройти мимо таких вещей, и, как результат, я был вынужден отвечать очень негодовательно, отправляя назад дурные пожелания. Я не понимаю, почему есть люди, которые пытаются желать неудачи тем, кто старается честно работать. Ну, я хочу, чтобы все прошло хорошо, и пусть эти люди умрут от зависти.

Здесь, на улице, есть магазин пластинок и, дорогая моя, с утра до ночи они проигрывают всякого рода диски, и они ценят мои очень высоко, и толпа останавливается.

Дорогая, у тебя есть Глория рядом, и это заставляет время идти быстро, а я — что за жизнь! Я больше не могу здесь гулять. Мужчины, женщины, мальчишки, девчонки, все меня знают и ведут себя как невоспитанные дети. Они окликают меня, ходят за мной, переходят мне дорогу — столько беспокойства. Иногда мне хочется всех побить по лицу. Я жду конца сезона как люди, близкие к смерти, ждут спасения. Никогда больше! Любимая! Я навсегда останусь с вами обеими дорогими!

Твой РИКО.

Отель Севилья, Гавана, Куба

Понедельник, 10 мая 1920, 4 часа вечера

Дорогая моя Доро, любовь моя!

Твое письмо от четвертого пришло, и я благодарю тебя за радость, которую ты мне дала чтением такого длинного письма.

Это самый лучший момент в моей глупой жизни, которую я здесь веду. Когда приходит твое письмо, я закрываю все двери и много раз читаю твое письмо от начала до конца. Это единственное утешение, которое я имею, и я очень тебе обязан, моя любовь.

Работа начинается, и какая трудная! Вчера в час дня до шести у меня была репетиция на сцене, работая, я не делаю никакого внимания на что-нибудь другое, но в конце я понял, в каком я был положении. Все, что на мне было, промокало и прилипало на мне. Вечером будет то же самое, потому что у нас генеральная репетиция. Представь, что будет на спекта-

кле. Я боюсь и хочу заснуть вечером и проснуться завтра рядом с тобой.

Я встречаю здесь множество людей, все ко мне добры, но я хочу быть как можно дальше от всех.

Позднее:

Я вернулся после генеральной репетиции «Марты». Был настоящий триумф. Люди были в замешаниии, потому что ждали старого певца, который кончился и голосом, и силой.

Какое разочарование! Все сошло с ума! Соломенные шляпы и трости полетели на сцену после первого моего дуэта с баритоном, и после каждой песни начиналась белая горячка у всех.

Здесь общее мнение обо мне было против, потому что когда импресарио получил невозможность заполучить меня, когда этого хотела публика, он сказал, что Карузо весь вышел. Но когда публика пришла после такого предупреждения и тоже кое-что обнаружила, сошла с ума. Такой был результат вечера...

44
...Мой дебют. Вчера в девять часов вечера начинается спектакль «Марта». Первая сцена первого акта прошла почти без аплодисментов. Это из-за пения Барриентоса, и к нему такое отношение! Я думаю, что публика ждет меня. Вторая сцена начинается, и я вышел. Большая овация почти на пять минут. Я начинаю петь очень хорошо первую часть дуэта с баритоном. Был «аплозиконтрастато». Дуэт заканчивался двумя красивыми нотами. Нам хорошо аплодировали, но не очень щедро, и в конце акта было только два вызова почти без желания. Было много людей на сцене, и их лица были не очень удовлетворительные. Мы начинаем второй акт, и все квартеты прошли незамечаемые, но в дуэте я взбесился и взял публику. Я забываю, что со мной поет дама, и я задавил собой всех, маэстро, оркестр, Барриентоса и в результате публику. Я был вынужден выходить пять раз. Потом шел ноктюрн «Dormi pur tu il mio riposo», и я спел очень красиво. Мы убрали трио между двумя дамами и сэром Тристано, и в результате занавес упал после ноктюрна точно тогда, когда Планкет толкнул меня в комнату. Было семь вызовов и хороший хлоп.

Третий акт. Мой романс красив, и просят на бис. Не делаю. Много вызовов, но там был кто-то, кто нарочно делал «ШШШ! ШШШ!», но публика его остановила. Остальная часть прошла хорошо.

Спектакль закончился, и много людей пришло ко мне в комнату комплиментировать, и утром, как я тебе и телеграфировал, пресса была олайт. Только испанские газеты мало написали, потому что для них не существует тенора лучше Лазаро, и это было еще одной причиной дать испанцам провести в театре дискуссию обо мне и этом Лазаро.

Я не беспокоюсь, потому что уверен, что, немного погодя, испанцы согласятся со мной.

Иду спать. Я хочу, чтобы ты была здесь.

Твой РИКО.

Моя Доро, любимая!

Здесь очень жарко, но вокруг меня холод. Почему? Я расскажу. Я привык к кому-то, кто все время был рядом и наполнял атмосферу добротой и удовольствием. Была дверь, которая медленно открывалась, появлялось красивое лицо и говорило: «Я здесь». Теперь все это далеко от меня, и моя жизнь словно кусок мяса в морозильнике.

Мне очень трудно со всеми этими людьми, они все время рядом, я не знаю, как от них избавиться. Они глупые и к тому же противные. Чем больше делаю, тем хуже меня обслуживают. Пунзо — это предел! Он пытается подать мне Марио в плохом свете, здесь каждую минуту происходит борьба всех с каждым, включая меня.

Похоже, что Бог дает мне много терпения для того, чтобы содержать всех этих людей. Единственный момент, когда я спокойный, это когда я здесь, чтобы писать тебе, или когда я запираюсь в ванной.

Ну, ничего! Мы рождены для работы и страдания и должны принимать жизнь, какой ее посылает нам Бог.

Думаю, все из-за погоды, она плохая, гроза и дождь с молниями и громом. У Марио болит рука. Зирато на диете, Фучито вечно с головой. Пунзо живет со своим невежеством, и вот такую жизнь мы ведем, и представь себе, как я себя чувствую!

Мои люди, возможно, в глубине души неплохие, но они не любят никаких замечаний. Для примера: вчера вечером я сделал ошибку в дуэте с Дулкамарой, ошибку можно было легко исправить, если бы Фучито был внимательный. Я делаю замечание, а он отвечает туманно. В конце оперы я понимаю, что происходит, и говорю что-то против него. Его не было в уборной, но Марио и Пунзо были. Не думаю, чтобы Марио доложил, что я сказал, должно быть, это был Пунзо, и как результат, утром я имел дискуссию с Фучито, и такое почти каждый день.

Но сезон в Гаване должен закончиться, и тогда каждый пойдет своей дорогой.

О, только моя! Если бы ты знала, как я скучаю по тебе, ты забудешь все на свете, даже нашу милую Глорию! Я пытаюсь найти, как перестать петь и быть рядом с моими обожаемыми. Тогда, я надеюсь, что-то произойдет, потому что я не могу больше выносить такую жизнь.

Твой РИКО.

Отель Севилья, Гавана, Куба

17 мая 1920, 3.30 дня

Моя любимая Доро!

Я выиграл первое сражение своим вторым спектаклем «Мартья». Я взял публику за — как называется нижняя часть рта — «ил менто» (подбородок) и тряс сильно до тех пор, пока она не упала к моим ногам.

Здесь мнения обо мне такие разные, что я не знаю, с чем должен согласиться. Один день газеты говорят обо мне хорошие вещи, и в тот же день плохие.

В двух спектаклях, которые я здесь пою, я стараюсь изо всех сил и отдаю всю душу.

Вчера, нет, сегодня утром, газета сообщила, что я великолепен и уникален во втором спектакле, а вечером написали, что я кончился и если имею успех, то потому, что у меня есть опыт долгой карьеры и я знаю, как петь. Это глупо и больно, потому что если я пою хорошо, то это продолжение карьеры. Люди, у которых нет карьеры или школы, не поют хорошо.

Мне говорят, чтобы я смеялся, но это обижает меня, и я боюсь не закончить спектакли. Я надеюсь, что однажды проснусь, и взбежусь, и сяду в поезд или на корабль, чтобы уехать к моим дорогим. Я понимаю, Здесь испанцы, которые не признают, если кто-нибудь, кроме них, знаменит, я не должен терять присутствия духа, и я в конце концов выиграю.

Завтра у нас «Напиток», и, если они не будут удовлетворены, я уеду из этого жаркого места. Вся моя любовь тебе, моя дорогая!

Твой РИКО.

Отель Севилья, Гавана, Куба

19 мая 1920, 2.30 дп

Моя дорогая Доро!

46 Я сообщил тебе в предыдущем письме, что очень хорошо себя чувствовал для «Напитка» благодаря трем твоим телеграммам. У меня был прекрасный голос. Я начинаю спектакль прекрасно, и посреди дуэта, как и в Мехико, я взял публику за подбородок, а в конце первого акта вызовы были неисчисляемые. Второй акт развлекал публику, им очень понравилось. Много вызовов в конце. Третий акт. Несколько вызовов после дуэта с баритоном. Потом шел романс. Я никогда не видел такого! Буря хлопков! Они вызывают на бис, но я отомстил и отказался, в конце оперы была большая демонстрация.

Доро моя, я устал и иду спать. Ты извинишь меня, если я больше не буду писать. Спасибо, дорогая.

Поцелуй за меня Глорию. Посылаю тебе мою душу.

Твой РИКО.

Отель Севилья, Гавана, Куба

23 мая 1920, 6 часов вечера

Моя Доро, дорогая!

Как обычно, мы начинаем спектакль «Бал» в 9 часов вечера, и моя первая песня была образцом «дель кампо», но не поняли, и в конце было лишь несколько хлопков, а в конце акта два вызова...

В первой части последнего акта у меня большая фраза, где я вкладываю всю душу, и была еще одна овация. Вторая часть прошла хорошо, в конце оперы вызовы.

Но какая для меня работа! Знаешь, моя дорогая Доро, какой я во всем аккуратный, как я люблю порядок и когда все идет гладко, а здесь, похоже, каждый работает для себя, и в результате даже после множества репетиций ничто не идет как надо. Ты знаешь, что я люблю петь хорошо то, что другие артисты поют без чувства, и в результате оркестр, хор и дирижер привыкли не придавать значения, они продолжают, а меня это нервирует и задевает мои чувства. Конечно, публика замечает такие вещи, и им нравится моя работа. Другая работа для меня — это драться, и не только с публикой, но и с компаниями, особенно с баритоном, который хочет занять место тенора.

В такой маленькой компании всегда проблемы, потому что где я, там все хотят иметь такой же успех, и чтобы этого добиться, они делают недобро.

Представляешь, что я узнал вчера вечером. Тенор, который был в «Метрополитене» и вредит мне, сказал, что я в «Метрополитене» только потому, что Черная Рука помогает мне и не разрешает другому тенору занять мое место, а я взамен отдаю почти все свои деньги этим людям из Черной Руки!

Из этого я делаю вывод, насколько я велик, и ты понимаешь, сколько мне надо работать, чтобы мое положение оставалось таким же чистым, как всегда.

Я получила твою телеграмму, в которой ты меня умоляешь не ехать в Венесуэлу, и я тебе за нее благодарен. Бракейл ждет твоего ответа. Он сойдет с ума, потому что раз он импресарио всех этих маленьких южно-американских республик, все будут против него и скажут: «Ты возил Карузо на Кубу, а не сюда. Почему?»

В результате он потеряет все эти места. Меня это не волнует, потому что я должен волноваться за свою любимую жену и славную девочку, и еще немного за свое здоровье тоже. Я буду страшно драться и выиграю.

Как ты, любимая? Как наша золотая Глория? Надеюсь, хорошо.

Моя, моя, моя!

Твой РИКО.

Отель Севилья, Гавана, Куба
28 мая 1920, 3 часа дня

Моя Доро, дорогая!

С тех пор, как я здесь, у меня не было такого ужасного дня! Я не знаю, что со мной! Я так нервничаю! Я ничего не могу делать, я никого не хочу видеть! Меня все раздражает! Я со всеми грубый! Думаю, это погода, потому что она облачная, и жара задыхательная. Я устал здесь находиться! Я хочу уехать и быть рядом с дорогой Доро. Я скучаю по дому! Здесь такой шум, и у меня нет ни минуты тихого отдыха. Авто, трамваи, троллейбусы и говорящие машины создают страшный шум, и это так действует на мои мозги. Представь себе нескончае-

мый сигнал автомобиля, один не перестил гудеть, а другой начал, и все это и днем, и ночью! Представь себе мои нервы.

Вечером я буду петь «Тоску», и, если мои нервы не успокоятся, можешь себе представить успех. Надеюсь, что до вечера все пройдет олайти, и особенно если я получу от тебя известия, потому что пока я ничего не получил.

Если ты ходишь и плачешь обо мне, то я хожу, как кошка, которая чувствует землетрясение и делает МЯУ, МЯУ!!!

Твой РИКО.

О своем последнем спектакле он написал:

«La Forza del Destino»: ...когда я бросил пистолет в конце первого акта, служители за сценой не стреляют, и я делаю шум ртом примерно так: БУУМ!!! и убил отца Леоноры! Представляешь, как хохотала публика! Это укрепило успех вечера, потому что публика пришла в хорошее настроение, потому что видела, что я смеюсь. Ария была спета твоим Рико очень, очень хорошо, и аплодисменты были громкими и долгими. Где мне пришлось выйти и поблагодарить публику, это после дуэта, когда я падаю. Шесть раз пришлось выходить даже раненому!

Видела бы ты лица Страччиари и баритона после дуэта, где он пел со мной, и все время невпопад! Он очень обиделся, потому что публика показала ему, что ей не нравится, как он поет.

«Карен»: ...Но где я всех свел с ума, это в четвертом акте, когда большой дуэт, даже не знаю, где я взял такую силу голоса и драматичность. Думаю, это пришло из моего мозга, где девиз: «Прежде чем вы убьете меня, я убью вас», и в результате вкладываю всю душу в то, что делаю.

Вызывали бесконечно. Я был вынужден говорить и сказал: «Извините, я так голоден, что даже ваши добрые аплодисменты не обманут моего желудка, и умоляю вас, отправляйтесь спать!»

Нежно целую тебя и Глорию.

Твой РИКО.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Энрико отсутствовал шесть недель. Мы решили, что «Билтмор» слишком далеко расположен от «Метрополитена», и, перебрав несколько отелей, остановились в «Вандербилте» на Тридцать Четвертой стрит и Парк-Авеню.

Как только завершили все приготовления, я снова уехала в Истамптон. Поскольку мы, конечно же, примем ряд приглашений, как только вернется Энрико, я решила захватить с собой украшения. Везла их в сейфе весом сорок фунтов, с электрическим сигналом, который, в случае тревоги, должен звонить сорок восемь часов. Украшения хранились в ящичках, все, кроме бриллиантовой гребенки и серег с бриллиантами. Я поставила сейф напротив кровати, установила сигнализацию и спрятала ключ.

В тот год весна выдалась поздней, дни стояли холодные и хмурые, и почти каждый вечер бушевали страшные грозы. Однажды после ужина мы с братом и его женой сидели в гостиной.

Разразилась гроза редкой силы, электричество погасло. Дворецкий Фрэнк зажег свечи в бронзовых подсвечниках. От раскатов грома трещали оконные рамы, дождь заливал стекла.

В этот момент раздался резкий звонок дверного колокольчика. Вошел Фрэнк и доложил, что Фитцджеральд хочет поговорить со мной.

Он вошел, с его черного плаща лились потоки воды. «У ворот стоит желтое такси, прибывшее из Нью-Йорка,— сообщил Фитц, там мужчина и женщина, говорят, им нужно видеть мистера Карузо».

«Кто они?»

«Не знаю, но выглядят странно. На мужчине фуражка, как у французского офицера, а дама в вечернем платье. Иностранцы».

«Проводи их сюда,— распорядилась я,— а затем наблюдай за ними в окно. Фрэнк, не выходи из комнаты после того, как доложишь об их приходе».

Мы все сидели спиной к огню, когда Фрэнк привел неожиданных гостей. Я никогда прежде их не встречала. Фитц оказался прав, выглядели они действительно странно: мужчина — высокий, светловолосый, с резкими чертами лица, не улыбочивый, одет в офицерскую форму — кожаные ботинки, синие военные брюки с красной полосой, синий френч с наградами. Фуражка, которую он держал в руках, отделана золотой тесьмой. Длинный военный плащ перекинут через плечо. Женщина — маленькая и темноволосая, в вечернем платье из тафты и кружевной театральной шляпке, выглядела старше его. Прежде чем я успела с ними поздороваться, мужчина заговорил. «Я пришел к мистеру Карузо.— Говорил он по-английски с сильным акцентом, распознать который я не смогла.— Нам нужно его срочно видеть».

«Мистера Карузо здесь нет,— ответила я.— Он в...»

Фрэнк быстро перебил меня: «Мистер Карузо в Южной Америке, в Буэнос-Айресе». Я промолчала. Фрэнк прекрасно знал, что Энрико в Гаване.

Офицер нахмурился. «Он здесь, так сказали в «Никербокере». Мы сразу же отправились туда, как только приехали утром из Европы».

«Его здесь нет,— повторил мой брат.— Вы же слышали, что вам сказала миссис Карузо».

«Миссис Карузо? Нет никакой миссис Карузо».

«Прошу прощения, миссис Карузо — это я».

Он вспыхнул и что-то сказал женщине на языке, которого я никогда не слышала. Эффект, вызванный его словами, ошеломил нас. Лицо дамы стало пунцовым, и она ответила ему голосом, kloкотавшим от ярости. Он становился все громче и прерывался истерическим смехом и дикими всхлипываниями. Мужчина не предпринимал никаких попыток ее успокоить, лишь продолжал разглядывать меня.

Вдруг его правая рука скользнула под фуражку. В этот момент мой брат схватил тяжелый подсвечник. Одновременно распахнулось окно, и в комнату просунулась рука Фитца с револьвером.

«Подними руки!» — скомандовал он.

Мужчина бросился к Фитцу. Затем попытался рассмеяться и кинул фуражку на пол. Достал из кармана бумажник, вынул карточку и положил ее на стол. «Прошу прощения, мадам, — произнес он. — Произошла ошибка. Вот моя карточка».

Я прочла: «Михаил Каттинас. Секретарь румынской дипломатической миссии. Вашингтон». В углу написано карандашом: «Отель «Билтмор».

«Мадам, не будете ли вы так добры позволить нам переночевать? Гроза...»

Фитцджеральд крикнул в окно: «Гостиница в трех милях отсюда».

Мужчина не обратил внимания на Фитца и продолжал смотреть на меня. «Мы здесь чужие и умоляем вас оказать гостеприимство. В такую ночь и собаку не выпускают из дома».

«Три мили, здесь нет комнат», — повторил Фитц.

Женщина топнула ногой, завизжала и бросилась вон из комнаты. Мужчина отвесил мне глубокий поклон, повернулся и последовал за ней. Я сразу же набрала номер «Билтмора». Управляющий сообщил, что люди, отвечающие моему описанию, прожили у них несколько дней, а утром уехали, не заплатив по счету. Тогда я позвонила в дипломатическую миссию Румынии в Вашингтоне. У них не оказалось сотрудника с таким именем.

В тот вечер я написала Энрико про этот невероятный случай и получила такой ответ:

Отель Севилья, Гавана, Куба

Вторник, 1 июля 1920, 4.30 вечера

Дорогая моя Доро!

Ты не представляешь, как я страдал, читая твое письмо, где ты описываешь мне визит Каттины! К счастью, ничего не случилось. Эти люди мне ни друзья, ни знакомые, и я никогда в жизни не слышала такого имени. Я не ошибусь, говоря, что эти люди пришли туда в такой час ночью не с той целью, как сказали, но должна быть другая причина, потому что Фрэнк сказал им, что меня нет дома. Я не знаю никакого румына по фамилии Каттинас, а те немногие, с кем я знаком, не показывают признаков жизни. Национальность, форма и отказ сообщить, что им нужно, оказывают слишком много плохих признаков. Может быть, они и румыны, но ты должна понимать, что эти люди очень сильные, и когда муж провожает куда-нибудь жену, как тот человек, он первым должен говорить и представиться. Они не муж и жена, но я уверен, что они настоящие мошенники и пришли с плохими намерениями, ожидая застать тебя одну.

Я очень взволнован и надеюсь, что больше ты ничего ночью не увидишь. Скажи воротам, что после того, как солнце сядет, ты никого не принимаешь. Если к тебе вечером приходит друг, пусть сообщит привратнику имя.

Но ты не должна оставить этот случай без внимания полиции Истамптона. Я не представляю, что им от меня нужно и почему они так нервничали, что не застали меня дома. Это

странно и загадочно! Если люди приходят по делу, они не сходят с ума от того, что меня нет, а сообщают о причине визита.

Если люди приезжают за деньгами, они не тратят двести долларов на такси, а сочиняют длинную историю.

Если они приезжали шантажировать меня, то меня нечем шантажировать. У меня нет ничего общего ни с какими румынами.

Мой мозг работает, но я не нахожу ничего правильного, все неправильно. Береги себя, моя Любимая, я так боюсь за тебя и Глорию. Будь внимательной! Ах, Господи! Зачем я тебя оставил?

У меня есть мысль, возможно, негодная, но лучше тебе знать. Иногда вокруг известных или богатых людей существуют паразиты, и когда они понимают, что теряют почву, и чтобы показать, что они необходимы, они делают всякого рода плохие вещи только для того, чтобы опять получить доверие тех людей, которые ими были недовольны. Я имею в виду вот что. Было много раз, что я и ты ругали Фитца, и очень просто, что он мог организовать это дело, просто чтобы показать тебе свою преданность. Возможно, я неправ, но мы имеем право думать про кого угодно что угодно.

Как ты думаешь, Глория будет со мной ласковой, когда я вернусь? Надеюсь, да, если нет, я сам буду с ней ласковым.

Всегда твой РИКО.

Как и все известные люди, Энрико получал анонимные письма. После нашей свадьбы они стали приходить чаще, и я пообещала ему, если когда-нибудь получу анонимку, а он будет в отъезде, то обязательно ему сообщу. Энрико попросил меня не рвать их, а откладывать до его возвращения. В 1910 году Черная Рука прислала письмо с требованием выплатить пятнадцать тысяч долларов. Энрико отправился в полицию, и к нему приставили детектива, повсюду следовавшего за ним. Через неделю получил второе письмо. Вымогатели нагло приказывали оставить деньги на лестнице дома в Бруклине. Полиция подготовила сверток, дом окружили детективы, и как только за свертком пришли двое мужчин, их арестовали и приговорили к семи годам в Синг-Синг. Через год Энрико поставил свое имя под петицией об их помиловании.

Обычно анонимные письма были либо клеветническими, либо безумными, либо порнографическими. Энрико высказывал свои соображения по этому поводу: «Посмотри на первого человека, пришедшего к нам с визитом сразу после этого плохого письма, потому что иногда оно может быть написано другом, который хочет посмотреть на эффект». По крайней мере в двух случаях он оказался прав: в первом — появился бедняк, которому он помог деньгами, а в другом — известный маэстро. Каждый пришел проведать нас неожиданно, рано утром. Сочувственная манера Энрико настолько растопила их души, что оба сломались и признались во всем.

«Но что заставило их писать нам такое?» — недоумевала я. «Потому что у них злые сердца и они завидуют: один — моим

деньгам, другой — моему имени». Нетрудно догадаться, почему Рико не всегда верил в искренность своих друзей.

В Истамптоне к его возвращению я приготовила рабочую комнату, где он мог бы делать вырезки и хранить коллекцию марок. В нее сделали два входа — из спальни по внешней лестнице. Решетка, закрепленная болтами, позволяла держать тяжелую деревянную дверь открытой.

Как-то вечером я сидела в библиотеке, вышивая гобелен для Энрико. Брат уехал в Нью-Йорк, а его жена сидела рядом со мной и шила. В девять часов я поднялась наверх взглянуть на Глорию и пожелать Нэнни спокойной ночи, затем вернулась к вышиванию. Через полчаса выглянула в окно и сказала: «Сегодня нет луны». И тут же с бешеной силой раздался сигнал тревоги в сейфе, находившемся в моей спальне наверху.

Я вылетела из библиотеки и побежала к телефону. Вниз по лестнице уже сбегала Энричетта с воплем: «Ваш жемчуг!» Я встряхнула ее и велела прекратить вой. Сержант полицейского штаба попросил меня описать драгоценности, и я услышала, как он отдал распоряжение останавливать все машины на дороге к Нью-Йорку. К этому моменту слуг собрали у двери в буфетную. Фрэнк хотел погнаться за ворами, но я запретила кому бы то ни было покидать дом, напомнив, что у нас нет оружия, а люди, укравшие такие ценные украшения, конечно, станут убивать. Револьвер имел только Фитц, и когда его телефон в коттедже не ответил, я позвонила в местную полицию и шерифу. Как только я отошла от телефона, через главный вход вошел Фитц. Он ничего не знал о том, что случилось, и никого не встретил по дороге домой. Он вытащил револьвер, и мы побежали наверх. Глория и дети брата спокойно спали в своих кроватках.

Единственным свидетельством, что здесь побывал взломщик, было пустое место на комодке и разрез в четыре дюйма в проводочной сетке, выходявшей на наружную лестницу. Отверстие оказалось достаточно большим, чтобы просунуть в него руку и отвинтить болт. Где-то продолжала гудеть сирена, Фитц направился на ее звук. Минут через двадцать вернулся с пустым сейфом. Все коробки с драгоценностями исчезли, но он нашел бриллиантовый гребень и сережки на траве. Не только Фитц, но и все в доме перетрогали сейф прежде, чем я подумала об отпечатках пальцев.

Хотя я немедленно протелеграфировала Энрико, он уже знал о происшествии из «Ассошиейтед Пресс». Утром получила от него телеграмму: «Слава Богу, ты и ребенок не пострадали. Драгоценности заменим».

Отель Севилья, Гавана, Куба
Среда, 9 июня, 4 часа утра

Моя дорогая Доро!

Я не знаю, что буду тебе писать, потому что моя голова кружится, как вечный двигатель.

Новость, которую я получил вечером (я имею в виду —

утром) о краже, так меня взволновала и разнервничала, что ты не можешь себе представить.

Мне пришлось бороться с моим спектаклем «Аида», потому что я не знаю, чего хочет от меня публика, но я победил всех, и была большая демонстрация. Я замечаю, что во время спектакля люди, которые привыкли мне улыбаться и поздравлять, равнодушные, и я думал, что это за счет моего пения, которое было лучше, чем когда бы то ни было. Это меня взбесило, и я сказал Бракайлу, что ухожу, потому что здесь нет места для меня. Бедняга! Он знает обо всем, но ничего не говорит, а меняется в цвете и уходит.

После спектакля сидели за столом и ужинали. Было около двух часов, и в начале ужина вошел официант и передал Зирато карточку. Не знаю, было ли это предпочтением или что, я спросил Зирато, кто прислал телеграмму в два часа дня. Он не мог говорить, и я решил, что что-то плохое, ты знаешь, я всегда сначала думаю про плохое. Он говорит: «Я скажу вам после», встает и уходит.

Я спрашиваю Фучито и Стефанини, который тоже здесь, и еще кого-то, но никто не отвечает.

Я понимаю, что что-то не так, и, когда Зирато вернулся, я заставил его сказать, от кого карточка. Тогда он подает телеграмму, которую «Ассошиейтед Пресс» отправила по всему миру.

В телеграмме говорится: «Загородный дом Энрико Карузо твора был ограблен сегодня вечером, и были похищены драгоценности на сумму 500 000 долларов, об этом сообщила вечером полиция. Среди похищенных драгоценностей было жемчужное ожерелье стоимостью 75 000 долларов».

Можешь себе представить, куда пошел мой ужин и какой стала моя кровь!

Быстро я подумал про Каттинасов, и что это его рук дело. Они влезли по лестнице, как кошки!

Потом я пошел на телеграф, и первое, что спросил, есть ли для меня телеграмма. «Да, две», — ответили работники. Они передали мне, и там было написано: «Не волнуйся. Мы не пострадали. Вся полиция Лонг-Айленда и Нью-Йорка наблюдает за всеми дорогами, мостами и поездами. Все, что можно было сделать, сделано. Передали описание повара-мальчика из кухни и Каттинаса. Дом полон полицейских. Не бойся. Доро». (Без поцелуя!)

Я направляю еще одну телеграмму с припиской типа «Меня не волнует кража, но я хочу, чтобы ты сообщила мне о здоровье твоём и Глории. Будет еще много драгоценностей. Надеюсь, что никто не пострадал, и восхищаюсь всеми в доме за то, что заслужили мое доверие».

Меня беспокоит голова! Я плачу от боли, которая пришла сильно и внезапно!

Я не понимаю, как это произошло. Вас 12 человек, неужели никого не было дома? Кто-то должен внести ясность. Подумай, а если бы они украли Глорию!

Я не хочу больше ничего говорить, буду ждать событий.

Целую тебя и Глорию, обеих моих любимых, с моей вечной нежностью

Твой РИКО.

Р. С. Забавно, что Фитц, возвращаясь домой, не видит грабителя, а находит коробку после ограбления. Где была жена в момент кражи? Откуда собака взяла след?

Драгоценности были застрахованы тремя различными страховыми компаниями, и к полудню следующего дня в нашем домике для гостей поселилось десять детективов. Они обследовали каждый дюйм, обшарили озеро и по несколько раз опросили прислугу. События получили огромную и неизбежную огласку. Предсказатели приезжали на поезде и такси, а репортеры наводнили нас так, что пришлось сделать из теннисного корта комнату для прессы. Почту доставляли в огромных корзинах — приходили буквально тысячи писем от всяких чудачков, и я даже представить себе не могла, сколько в Нью-Йорке сумасшедших. Люди звонили, давали советы, предостерегали, а я в отчаянии позвонила своему адвокату, чтобы он переехал в наш дом и навел порядок. Адвокат привез графолога, чтобы тот вскрывал почту. Ежедневно по утрам прибывали машины со следователями из местных компаний и от шерифа, из местной полиции.

54 В течение последующих трех недель я обедала и ужинала вместе с десятью гостями-детективами и слушала их рассказы про преступления и убийства. Среди детективов были ирландцы, итальянцы и, помимо расовой конкуренции, между ними велась самая ожесточенная борьба за награду, обещанную страховыми компаниями. По ночам они ходили по дому на цыпочках, ползали со взведенными револьверами по земле и в довершение заявили, что слышали свист сицилийцев в лесу. Меня это встревожило, и я наняла детектива, симпатичного итальянца, охранять Глорию.

Через пять дней после кражи мне позвонил репортер из «Юнайтед Пресс»: «Нам сообщили, что сегодня вечером в оперном театре в Гаване на сцену бросили бомбу во время первого акта «Аиды». Пока не знаем, пострадал мистер Карузо или нет».

Всю ночь я просидела у детской кровати и молилась. Утром от Энрико пришла телеграмма, что он не пострадал.

Из дома мистера и миссис Де Беренгер,
Санта Клара, Куба, 16 июня 1920, полдень

Моя Любимая!

Сейчас я расскажу тебе о бомбе. «Аида» началась почти на три четверти часа позднее. Я выхожу и пою свой романс «Celeste Aida» очень хорошо до конца первого акта (сцена в храме). Вторая сцена начинается со сцены Амнерис и Аиды, потом идет триумф Радамеса. Но для начала этой сцены не было времени, потому что в конце женского дуэта раздался сильный взрыв.

Я был в уборной, закалывал накидку, и чуть не воткнул булавку в плечо, потому что меня отбросило воздухом из-за

взрыва. Потом я вижу людей в коридоре, которые бегут прочь, и на лицах у них выражение ужаса!

Кто-то сказал мне: «Уходите, потому что будет еще несколько взрывов». Я был очень спокоен и быстро побежал на сцену, где было много щепок, которые попадали с арки.

Занавес был опущен, но я из него вышел, и публика стояла. Несколько оркестрантов играли национальный гимн, и много людей разговаривали и жестикулировали. Оркестр был засыпан обломками, и боковые ложи в пыли. Меня увели, и кто-то проводил меня в уборную. Много людей пришло, и каждый сказал свою версию. В этот момент пришел человек и сказал: «Всем уходить, потому что спектакль остановлен руководством, а сцена горит». Я не ждал, пока он повторит, одетый в свой лучший костюм, я был на улице и прыгал в машину, которая ждала своего владельца, приехал в отель и дал тебе телеграмму.

Так где была бомба? Кто ее положил? Почему не взорвалась в публике, против которой была направлена? Бомба находилась в туалете галереи около сценической арки и из-за шпукатурки легко отвалилась. Бомба не взорвалась в публике, потому что не это было намерением. Против кого? Первая мысль: против меня. Потом: против Бракайла. Все эти мысли нестоящие, потому что если против меня, то слишком поздно. Должно быть, анархисты подложили бомбу, когда вся элита Гаваны была вечером на представлении. Варвары! Было около 30 раненых и, к счастью, публика выходила медленно, и ничего не случилось.

Тебе вся моя душа.

Твой РИКО.

55

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Бракайл продолжал настаивать на гастролях по Южной Америке, и Энрико написал:

«Я сказал ему, что у меня нет добровольца больше работать, но он настаивает, и я не могу выгнать его за дверь. В любом случае мы посмотрим после твоего ответа, как отнесется этот импресарио, и если это приведет его в отчаяние, посмотрим, что можно сделать. Если будет возможность, если ты скажешь, что можешь оставить ребенка дома, будет 14 дней моря в одну сторону и 14 в обратную. Это для тебя не слишком много? Знаешь, Бракайл — старый импресарио, и он знает, чем взять такого артиста, как я: добротой и пачитительностью, и я не могу поступить с ним плохо, и в результате меня с утра до ночи безнают предложениями всякого рода».

Получив мою телеграмму с отказом, Энрико написал снова:

«Бракайл показывает мне твою телеграмму! Он почти мертвый! Ты бы видела его лицо, он изменился во многом: в положении и в цвете! Он говорит почти три часа и хочет послать тебе другую телеграмму, но от меня, и вечером он будет здесь. Я не знаю, что буду делать, боюсь, что мне предстоит трудное время».

На следующий день:

«С терпением святого я имел еще одну долгую беседу с Бракай-

лом о Перу. Он спросил, получил ли я ответ на телеграмму, которую я послал, но я сказал, что не посылал ее, и он сказал: «Хорошо». Я удивился и спросил: «Вы передумали брать меня в Лиму?» Он сказал: «Вовсе нет. Я думаю, большие не надо беспокоить Мадам телеграммами, потому что она всегда будет отвечать нет, нет и снова нет. Лучше сделать так. Вы вернетесь и уговорите ее поехать с вами в Лиму, потому что у меня есть время подождать. Я вижу, — продолжал он, — что вы хотите вернуться, и я уверен, что вы ее убедите поехать, с ребенком или без».

Я посмотрел ему в глаза и вижу, что он искренен, и сказал ему свою искренность тоже, потому что в этот момент моя душа не может лгать, и сказал ему то, что собираюсь сказать тебе, и что будет хорошо для всех. Во-первых, я ему сказал: «Я сделаю все возможное, чтобы убедить Мадам, и я уверен, что она со мной поедет (и я уверен, что так и будет, когда ты услышишь причины)».

Теперь, дорогая, если ты находишь во мне перемену, это потому, что с деньгами из Лимы я буду защищен от налога в Италии и Соединенных Штатах на два года, и если я что-нибудь заработаю в Лиме, я смогу попроцаться с театром, и нам не придется продавать облигации.

Подумай, и ты увидишь, что я прав. Если ты боишься за Глорию, я об этом подумаю и решаю, что делать.

Прижимаю вас обеих к сердцу.

Твой РИКО.

В конце концов он решительно отверг предложение Бракайла, так как врач убедил его, что климат и пища Южной Америки повредят Глории.

Сезон в Гаване закончился, и Энрико ехал домой. Он должен был сделать остановку в Атлантик-Сити и дать концерт. Я приехала туда к нему с Глорией. Его первые слова: «Теперь мы в безопасности», лишь несколько недель спустя он сказал: «Доро, дорогая, ты не считаешь, что глупо было оставлять все на камине?» «Но, Рико, я все время видела сейф с кровати», «А, понятно».

Он привез мне часы с бриллиантами и кусок золота размером чуть больше куриного яйца, подаренный ему Бракайлом. На одной стороне гравировка увековечивала благополучное избежание опасности от взрыва бомбы, а сверху был приклеен маленький камушек от разнесенного в щепки театра.

Мимми ждал нас в Истамптоне. Он вырос и носил форму бойскаута. «Зачем ты это делаешь, — удивился Энрико. — Разве ты американский солдат?» Мимми попытался объяснить, но отец остался непреклонен: «Не важно. Играй в солдата, если хочешь, но когда я был в твоём возрасте, я работал». Позднее, в тот день я сказала Мимми, что следует поступить осенью в Военную Академию, поскольку обучение там поможет ему, когда придется служить в армии, и была уверена, что такой план понравится его отцу. Энрико пришел в восторг и добавил, Мимми не следует терять летом время, почему бы не попрактиковаться в игре на

фортепьяно и не взять у Фучито несколько уроков? Я радовалась, наконец-то между ними установился какой-то контакт.

Детективы все еще пастали по дому и так беспокоили Энрико, что он попросил убраться всех, кроме нашего личного телохранителя-итальянца.

6 августа у меня был день рождения. Он начался счастливо, но закончился ужасно. За завтраком Энрико сказал: «Начнем наполнять новую шкатулку», — и подарил мне красивый бриллиант. Мы провели утро, вылавливая с пристани палочки, для Энрико такое развлечение оказалось вновь, он никогда прежде не рыбачил. Войдя в азарт, свалился в озеро и стоял в воде по пояс, смеясь и зовя Марио. Прибежал Марио с баннным халатом и заодно принес почту, и пока Энрико карабкался на пирс, я лениво открыла первое письмо в пачке, напечатанное на машинке и без подписи. На хорошем английском в нем требовали 50 000 долларов. Если мы не вышлем эту сумму в течение шести дней по адресу, указанному в «Ивнинг Телеграмм» в колонке «персонально», Энрико, ребенка и меня убьют. Деньги надо заплатить купюрами по сто долларов и ни в коем случае не обращаться в полицию.

Увидев мое лицо, Энрико взял у меня из рук письмо и медленно прочел. Потом спокойно произнес: «Не бойся, Доро». «Но что же нам делать? Ты вызовешь полицию?» — «Ни слова Марио. Не говори ни слугам, ни Мимми. И не бойся».

До двенадцатого оставалось шесть дней. Первые прошли внешне спокойно. Энрико вырезал и клеил, как обычно. О письме не вспоминал, промолвил только о концерте, который должен дать в «Оушен Грав» четырнадцатого. «Если будем живы», — подумала я.

10 августа Мимми поехал к друзьям. Все утро одиннадцатого Энрико подбирал песни для исполнения на бис. Обедали, как обычно, вдвоем. День выдался жарким и душным.

«Мне хочется сегодня работать», — произнес он. — «Давай покажемся. Скажи Нэнни и Глории, что они поедут с нами. А телохранитель может сесть с Фитцем, если хочет подышать свежим воздухом».

Во время прогулки он смеялся и шутил с детективом. Мне стало интересно, не забыл ли он, что завтра — двенадцатое.

«Думаю, нам пора вернуться», — сказал Энрико через час. Когда подъезжали к железнодорожному переезду, услышали звук приближающегося поезда и остановились, чтобы его пропустить. Но он не проехал, а загудел и тоже остановился. «Хорошо, шеф», — произнес наш детектив, выскакивая из машины и открывая мне дверь. «Что это значит?» — спросила я у Энрико. «Мы едем в Нью-Йорк на этом поезде, дорога Доро. Вернемся пятнадцатого после моего концерта в «Оушен Грав». — «А девочка, а Нэнни?» — «И они тоже. Садись в поезд».

В поезде уже ждали Энричетта и Марио с нашим багажом.

Не сказав никому ни слова, Энрико устроил все это с детективом. Даже слуги не знали, куда мы едем.

Как только поезд остановился, Энрико вздохнул: «Жаль, что тебе пришлось нервничать, моя Доро, но так лучше. Твои нервы

помогли скрыть мой план. Никогда больше не бойся плохих писем. Я всегда буду делать все для тебя и Пучины».

Я полагала, больше ничто и никогда не сможет испугать Энрико после двух месяцев бомб, грабителей, угроз. Но я ошиблась. Когда вечером после концерта мы пришли в комнату Глории и увидели, что она лежит лицом вниз между двумя сдвинутыми кроватями, он до смерти перепугался. «Она задыхнулась. О Боже! — кричал он, поднимая ее. — Она не может говорить — немедленно позови доктора!» Энрико был в панике. Но тут Глория улыбнулась и вскочила на ножки. «Слава Богу, жива!»

Нэнни уложила Глорию обратно в кроватку, прикрепив одеяло двумя булавками для надежности. «Зачем ты так пугаешь бедного папочку? — спросила она. — Идите спать, мистер Карузо, вы выглядите усталым».

Вернувшись в Истамптон, мы несколько недель отдыхали. Это было первое лето, что Энрико провел в Америке, ведь до сих пор он не имел настоящего отдыха. Иногда к ужину приходили друзья, изредка мы с ним обедали одни.

В середине августа члены модной Саусэмптонской летней колонии организовали ежегодную ярмарку в фонд местного госпиталя, и Энрико пригласили как главную достопримечательность. Ему предложили киоск, где бы он рисовал карикатуры за десять долларов на всех проходящих. Энрико с удовольствием принял предложение и, когда мы отправились на ярмарку, сказал: «Этот праздник мне нравится. Я сделаю много смешных рисунков и хорошо проведу время».

Комиссия встретила нас у входа и провела по площадке. Энрико купил бутоньерки у хорошеньких девушек, лотерейные билетки у шумных мальчишек и останавливался у каждой палатки полюбоваться яркими лентами и цветами.

«У вас божественный киоск», — сказала миссис Х, сопровождавшая нас. Она указала на самый большой киоск, увитый красными, зелеными и белыми лентами и украшенный двумя итальянскими флагами и длинными сухими макаронами.

Энрико остановился. «Что это? — спросил он. Радость исчезла с его лица, превратившегося в застывшую маску. — Простите, мадам, но я не смогу здесь делать рисунки. Уберите, пожалуйста, отсюда макароны. — И с улыбкой добавил: — Знаете, спагетти — это для кухни, а я пока что не голоден». Комиссия немедленно заменила оформление.

По дороге домой он печально произнес: «Они не понимают, что могут обидеть. Многие люди только так и думают об итальянцах. Меня удивляет, что приятные люди делают подобные ошибки. Иногда я очень скучаю по прежней жизни в Сигне».

Вскоре Энрико отбыл в одно из самых долгих и трудных концертных турне, которое когда-либо предпринимал: в продолжение одного месяца цел в Монреале, Торонто, Чикаго, Сент Пол Денвере, Омахе, Тулсе, Форт Уорте, Шарлотте и Норфолке. Он решил занять номер, зарезервированный мной в «Вандербилте», и мы поехали в Нью-Йорк на несколько дней отдать последние

распоряжения. Номер находился на последнем этаже с надстройкой на крыше, сам Альфред Вандербилт сделал его для себя. Обклеенные красной парчой стены огромной гостиной как нельзя лучше подходили к антикварной мебели, привезенной Энрико. Он сразу же выбрал место для красивого средневекового столика — в центральной части стены между двумя высокими окнами расположил мраморную мадонну, особенно любимую, сделанную в пятнадцатом веке известным мастером.

Последние несколько дней в Истамптоне Энрико провел, репетируя с Фучито полную программу турне. Находясь в студии, я слушала эти частные концерты, несомненно, лучшие, чем все то, что когда-либо доводилось слушать публике. Свободный от ответственности перед аудиторией и напряжения, связанного с путешествием, Энрико пел ради собственного удовольствия, а голос его после двухмесячного отдыха звучал по-мальчишески свежо. Он сообщил мне ошеломляющую вещь, не известную публике: он мог бы стать столь же преуспевающим басом или баритоном, каким был тенором. Его широкие брови прыгали вверх и вниз от смеха, когда он рассказывал, как однажды использовал свой дар ради спасения друга Андреса де Сегурола во время спектакля «Богема» в Филадельфии. В поезде Андрес неожиданно охрип и сказал Энрико, что беспокоится за вечерний спектакль. Замены на роль Коллина не оказалось, и потеря голоса означала катастрофу. Энрико посоветовал ему беречь силы, насколько возможно в течение трех актов, дабы спеть большую арию «*Vecchia zimarra*» в четвертом. Андрес согласился, но, выйдя на сцену, забыл о своем плане и начал сразу же максимально выкладываться. В конце третьего акта ушел в глубину сцены, трясясь и хрипя, как ворона. Полакко, дирижер, не зная о трагической ситуации с басом, дал сигнал к началу четвертого акта. А далее он наблюдал, как на сцену вышел Коллин в широкополой фетровой шляпе, надвинутой на лицо, взял стул, снял пальто, поставил ногу на сиденье стула и спел свою знаменитую прощальную песню, обращаясь к своему пальто. В конце арии раздался взрыв аплодисментов в адрес Коллина, после чего Карузо вышел уже как Родольфо, и акт закончился, как обычно.

Не успел опуститься занавес, как Полакко в ярости накинулся на Энрико: «Ты что, ошалел? — надрывался он. — Если бы публика тебя узнала в Коллине, это же провал спектакля».

«Я хорошо подшутил над Полакко, — с удовольствием вспоминал Энрико. — Он и не знал, что у меня такой красивый бас»*.

После того напряженного турне компания «Виктор» попросила Энрико записать «арию пальто» для их частной коллекции. Но, естественно, они не позволят сделать ее достоянием публики. «Конечно, — просиял Энрико, — Ведь это было бы нечестно по отношению к другим басам».

* Жеральдина Фаррар, хорошо помнившая этот случай, уверяет, что публика никогда не замечает импровизированных изменений в либретто или постановке. «Однажды я пела в «Богеме» с Босни, — добавила она, — и он потерял голос. Я спела треть его роли за него, и никто из публики ни о чем не догадался».

Однажды он спас свою подругу Тетраззини в аналогичной критической ситуации. У нее пропал голос непосредственно перед важным концертом, она позвонила Энрико и попросила помочь. Он велел ей заехать в «Никербокер». Примадонна пришла в белом сатиновом платье, расшитом блестками, и в накидке из горносталя, круглое улыбающееся лицо ее обрамляли блестящие желтые кудряшки, и сама она была круглой, как шар.

«Я не могу говорить», — просипела мадам, пока мы вели ее в ванную Энрико. Он поднял ее и посадил на край ванны, ноги она поставила на стул и оказалась похожей на нахохлившегося пингвиненка, а он стал готовить свой магический спрей — смесь эфира и йодоформа, — которым пользовался в кризисных ситуациях. Это средство не лечило, но обладало способностью восстанавливать голос на три часа.

Мне никогда не забыть того зрелища: два великих артиста, она — с зажмуренными глазами и широко открытым ртом, повторяющая «Ах-ах-ах», рискованно балансируя на краю ванны, и он — в толстых очках, профессионально разглядывающий ее горло, быстро и сосредоточенно прыскавая из маленького пульверизатора.

За две недели до отъезда в Канаду Энрико направился в «Камден» записывать пластинки. В конце долгого дня он спел «Messe Solennelle» Россини. Это оказалась его последняя запись.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

В поезде из Монреаля в Торонто
Вторник, 28 сентября 1920, 10 часов утра

Моя Доро, дорогая!

Вот я здесь, весь твой, запертый в своей гастиной, и, прежде чем я начинаю работать, позволяю сердцу поговорить с тобой, моя Доро, симпатичная, красивая и нужная как хлеб.

Да, дорогая, я не ждал такого успеха, находясь в такой простуженности. Думаю, что мое низкое кровяное давление не дает мне нервничать, и поэтому я такой спокойный и даже не пробую голос.

Как я уже говорил, успех был огромным. Около десяти тысяч людей внутри и снаружи ждали меня, и когда я появился на сцене, мне сделали большой прием. Я почти растрогался. Начинаю петь мою арию из «Богемы», и в конце раздается грандиозный аплодисмент. Я был вынужден три раза петь на бис. Они хотят еще, но я отказываюсь, потому что у меня еще два номера.

Публика была в хорошем настроении весь вечер, и это тоже часть успеха.

Вторым номером была ария из «Любовного напитка», и снова три раза на бис. Ария из «Паяцев», которую я спел лучше, чем когда-либо, тоже была встречена грандиозными аплодисментами. Публика стоя долго приветствовала меня программками и платочками. Больше не пел на бис, но вызывали много раз.

Твой РИКО.

Отель Короля Эдуарда, Торонто
30 сентября 1920, 11 часов вечера

Моя Доро, любимая!

Вот я дома после концерта. Отправил тебе только сейчас телеграмму, сообщая, что мне ничего не надо из Сигны, и о концерте, который прошел как обычно. Люди немного холодные по сравнению с Монреалем, но я вынужден сделать еще один номер на бис. Всего я пою десять песен. Я был в хорошей форме, но чувства меньше, потому что как только я вышел петь свой первый номер, меня охватила жара и я стал нервничать, но — Карузо отвечает за свою личность.

Сейчас я выпью молока и съем немного салата с курицей и отправлюсь спать, потому что мне надо вставать в 6 утра, чтобы успеть на поезд до Чикаго, который отправляется в 8 часов.

Мой успех в Монреале был большим, но как обычно кто-то должен быть, кому я не нравлюсь. В результате одна газета опубликовала критику, и не такую хорошую, как остальные. Но есть и другие газеты, которые своей критикой ответили тому, кто был недоволен. Представь, он сказал, что как концертный певец я хуже, чем Горгоза и Джулия Калт! Bravo идиоту!

Вся моя изнеженная любовь тебе.

От твоего РИКО.

Сент Пол в Сент Поле
5 октября 1920, 8 часов вечера

Милая моя Доро!

Вот я опять с тобой, пока не лягу спать.

... Я пошел в большой клуб, куда был приглашен, они сказали, на большое собрание в благотворительных целях. Всего здесь 45 благотворительных организаций, и они приглашают меня в качестве почетного гостя. Мы пришли с Коппикусом, и вскоре я вхожу в большой зал, где жарятся люди, человек 500. Они встали и поприветствовали меня аплодисментами. Я был слева от президента, и он спрашивает меня, приготовил ли я спич. «Какой спич?» — спросил я. «Ну, ну, — говорит он. — Видите ли, все ждут, чтобы услышать, как вы разговариваете, и я надеюсь, вы доставите им удовольствие». Представляешь мое лицо? Я сначала стал красным, потом белым, потом желтым и после того, как хорошо отругал менеджера мистера Коппикуса, сказал: «Хорошо, я скажу!» После обеда, к которому я не пригласился, президент встал и сказал после того, как всех поприветствовал: «Мистер Карузо сейчас скажет несколько слов». Еще приветствие, и я встал. Глубокое молчание. Я заметил, перед тем как заговорить, что на столе что-то напечатано, и с улыбкой удовлетворения за себя, потому что нашел возможность использовать возможность, встал и сказал: «Леди и джентльмены, мистер президент. Большое спасибо за честь, которую вы мне оказываете таким проявлением. Но я здесь не затем, чтобы говорить, а затем, чтобы петь». В этот момент я ожидал, что

кто-нибудь скажет: «Тогда пойте», но никто не пошевелился. Тогда я сказал: «Не ждите длинной речи: я прочитаю несколько слов, которые кто-то положил передо мной, чтобы спасти от сюрприза!» Тогда я взял напечатанный лист, который был передо мной, и читал так: «Я верю в благотворительность и верю в работу отдавать иногда всем и достаточно для всех. Я верю в работу сорока пяти общественных организаций, и что их надо поддерживать, потому что они работают ради нас. Я верю, что мои товарищи помогут!»

Ты не можешь себе представить, дорогая, какой у меня был успех. Никто не ожидал от меня такого присутствия духа и чувства юмора. Много аплодисментов, а потом я сделал много карикатур.

Я люблю тебя, моя Доро, дорогая! Я люблю тебя, ты забрала мое сердце, и я так этому рад!

Твой РИКО.

В поезде от Омахи до Денвера
7 октября 1920, 7 часов вечера

Моя дорогая Доро!

Пока не состарилась ночь (хорошее выражение) и мой мозг не отяжелел от усталости, я здесь, чтобы немножко побыть с тобой, моя дорогая.

Я устал быть вдали от тебя, а после того, что произошло со мной вечером, я не хочу работать больше совсем! Я расскажу тебе о том, что произошло.

После того, как я в письме расстался с тобой вчера вечером, начинаю делать туалет к концерту. Я был немного возбужден, хотел все закрыть и уехать. В восемь пятнадцать мы начинаем. Сначала скрипка, потом сопрано, я — третий с арией «Африкана». Дома пробую голос, и он хороший. Я начинаю петь арию, и голос отзывается хорошо сначала. Не больше чем в десяти футах от головы находились два электрических провода, которые чуть не сожгли меня. И вот, пока пою, начинаю чувствовать, что вся кровь пошла к голове, и как раз на последней ноте кровь остановилась в горле, и вдруг сильный КРЭК, от которого я быстро убежал. Я и публика удивлены! Я стою рядом с пианино, и вся моя голова полна крови. Фучито подошел ко мне и помог спуститься со сцены. Были аплодисменты, но без энтузиазма. Я снова вышел, чтобы петь на бис, но замечаю, что начинаю петь хорошо, а голове между тем очень тепло. После того, как спел на бис, я посмотрел вверх на электропроводку и понял, что причина в ней. Я отошел немного дальше от проводов и спел вторую песню. Нет жары. Я пробую петь снова в первом положении третий номер — тот же эффект. Причиной моей беды был свет. Я пошел и отдал распоряжение снять эти провода. Они так делают. Мои следующие два номера программы прошли одрайт, и на бис тоже. Но энтузиазма ни у меня, ни у публики после этого инцидента не было. Я очень осторожный, а публика не взялась после первой песни и все время находилась в сомнении. Такое у меня было впечатление.

Мы заканчиваем концерт в десять и мчимся на вокзал к поезду, который на 20 минут отложил отправление, чтобы забрать нас.

Я начинаю стареть и боюсь, что ты перестанешь меня любить. Я убью тебя, Глорию и себя, если так!

Твой РИКО.

Отель Браун Пэлис, Денвер

Моя Доро, любимая!

Только что закончила концерт и послал тебе телеграмму. Я спел одиннадцать песен вместо трех перед большой, очень большой аудиторией. Они хотят еще, еще и еще, но всему есть предел и я думаю, что одиннадцати песен достаточно, чтобы их удовлетворить. Забавно, что все знают «A Vucchella», и вскоре после атаки маэстро на вступление раздались большие аплодисменты. Мой голос был лучше, чем в Сент Поле, но я работаю очень много, чтобы добиться такого успеха. Думаю, что было очень плохо начинать турне с ужасной простуды. Я чувствую ее в груди, и потребуются немало времени, чтобы она прошла. Я надеюсь, что с изменением температуры пройдет.

Мы здесь очень высоко, три тысячи футов, и петь очень трудно, но я спел одрэйт. Погода очень вкусная. Жарко, как летом, но немножко дует легкий ветерок.

Я забыл тебе сказать, что критики в Сент Поле были очень любезны. Я ожидал плохих отзывов насчет моего пения. Один критик написал, что провода света беспокоили меня сначала, но когда их убрали, все стало одрэйт.

...Я забываю сказать тебе, что приходил человек с поэзией. Он просил меня дать ему шанс переложить его стихи на музыку. Бежняга. Возможно, он из-за этого не спит всю ночь. Коппикус вежливо его выпроводил.

...«Навоне», наш магазин постельного белья во Флоренции, удивил меня в том, что ты пишешь. Всегда одно и то же. «Кто платит авансом, того всегда плохо обслуживают».

Прилагаю два чека, один на 10 000 долларов и один на 7000 долларов, положи их как обычно на свой счет в банк.

Я завидую тебе, что ты выезжаешь и ешь вкусные спагетти. Все, кого я встречаю здесь, говорят: «Я бы хотел вас угостить вкусными спагетти, но мой повар в отпуске». Приходится брать в рот воду и глотать. Когда я вернусь, мы вдвоем пойдем с тобой в тот маленький ресторанчик. Да? Мы будем себя вести как двое влюбленных, да? А потом будем кататься на машине и говорить друг другу хорошее.

Как обычно и всегда, я шлю тебе и Глории свои нежные мысли и поцелуй, который идет из глубины сердца.

Твой РИКО.

Отель Фонтанел, Омаха
12 октября 1920, 11.30 ночи

Моя дорогая Доро!

Только что заканчиваю обед и хочу послать тебе мою любовь.

и поцелуй перед сном. На ужин были дыня, курица, картофель, салат, виноградный сок и пиво.

Я просил тебя в последней телеграмме прислать мне в Тулсу чистый бланк банка Пятой Аве, потому что у меня есть идея. Мы всегда должны быть осторожны, и в результате у меня есть такая идея. Здесь ты найдешь для себя чек на 100 000 долларов, сохрани его, пока я не вернусь домой. Если со мной что-то случится, ты вскоре представишь этот чек в банк и получишь наличные деньги. То же самое ты сделаешь, когда получишь чек банка Пятой Аве, который я пришлю тебе из Тулсы.

Я пришлю тебе все мои чеки, которые Коппикус мне даст, а ты положишь их на свой счет в банк, тогда мы не потеряем проценты. Ты прости меня за то, что я говорю с тобой таким образом, но, дорогая, я путешествую, и никто не знает, что может случиться. Когда я буду дома, мы уладим все дела, чтобы больше не беспокоиться, потому что теперь мы должны думать о Глории.

Почему так? Потому что я тебя люблю!

Я закрываю глаза и думаю о тебе, мое сердце, я остаюсь всегда твоим.

Твой РИКО.

Отель Тулса, Тулса, Оклахома
16 октября 1920, 11.30 вечера

64

Моя Доро!

...Тогда я встретил мистера Хенкела, который представил мне нескольких джентльменов и одну даму, не помню, как зовут. Они попросили меня пойти посмотреть шахту, где качают нефть. Я отказался из-за концерта. Они настаивали, говоря, что это такая вещь, которая не всегда происходит. Они сказали, что это вопрос двух часов и мы пообедаем по дороге. Я снова отказался, но там было несколько артистов, которые едут, и я наконец принял приглашение.

Через час мы приехали в город Сьюперия и пообедали — не очень плохо. Я спросил, сколько миль до поля. Они сказали — еще несколько. Мы уходим из столовой в два часа и поехали, поехали, поехали. Было четыре часа, когда мы приехали в поле, но в каком состоянии! Я никогда так не прыгал и не ушибался! Дорога ужасная, мы проехали две фермы — дикое и ужасное место, — я очень нервничал, потому что начал понимать, что ставлю концерт в опасность.

Я тороплюсь к людям, которые работают в шахте. Мы ждали, что вся площадь вокруг будет прыгать как при землетрясении.

Было много предосторожностей, но в тот момент, когда мы не слышим взрыва, шесть или семь выбросов нефти летит вверх, и это все.

Я под приступом кровавого давления. Не могу продолжать. Вся моя любовь к тебе.

Твой РИКО.

Отель Хакинс, Форт Уорт Техас
20 октября 1920, 8 вечера

Моя любимая!

...Концерт был самым лучшим за все турне. Шесть тысяч человек без ума. Мой голос был на высоте, и мне понравилось. После концерта я пошел в дом сестры Фей и познакомился там почти во всей семьей. Мать — маленькая и милостивая, я никогда таких не встречал. Они были со мной любезны, и в 4 часа утра я вернулся домой.

Мне пришлось слушать одного тенора и одно сопрано. Я был очень грубым. Да, у людей крепкие нервы, раз они без голоса приходят ко мне и заставляют меня терять время.

И еще у меня тяжелое время с газетами, и особенно в этом штате. Репортеры приходят, спрашивают о чем-то одном, а пишут другое и выставляют меня смешно в глазах публики. Например, в Тулсе репортер спрашивает меня, бывал ли я прежде в Техасе. Я невинно спрашиваю: «А мы в Техасе?» «Да, конечно, мы в Техасе!» А потом в опубликованном интервью они меня критикуют, что я не знаю, что есть такой штат под названием Техас. Я хотел ответить этим людям, что не обязан знать названия всех штатов в Соединенных Штатах.

Я вижу в итальянских газетах Нью-Йорка, что они примут Тетраззини со скандалом. Очень мило с их стороны! Думаю, что кто-то платит за то, чтобы Тетраззини заболела и не пела. Видишь, дорогая, сколько плохого сваливается на артистов. Я уверен, что какой-нибудь агент (театральный), который представляет интересы какого-то другого артиста, платит прессе, чтобы плохо писали о Тетраззини. Это очень плохо, потому что это означает не давать людям работать.

Теперь ты представляешь, как много людей за 17 лет, что я здесь, пытаются оклеветать меня. К счастью, они не идут дальше этого, но я много страдал.

Какого черта публика интересуется личной жизнью артиста? Это происходит только в этой стране, где свобода скована тяжелыми цепями.

Это ужасно, и я думаю, что даже когда умру, меня не оставят в покое...

Мысленно посылаю тебе все мои самые хорошие пожелания.
Твой РИКО.

В поезде из Шарлотты в Норфолк
26 октября 1920, полдень

Моя Доро, дорогая!

Забываю тебе сказать о том, что происходило вчера вечером. После того, как я закончил писать тебе, я прилег немного отдохнуть. Вдруг кто-то стучит в дверь. Я сказал: «Вошел». И никто не вошел. Я подошел к двери. Там никого. Марио был в комнате рядом с моей дверью, и я спросил его об этом, он сказал, что видел, как пробежала девочка. Я выглянул в коридор, и там никого не было. Я вернулся. Потом такой же стук.

Я подпрыгиваю, открываю дверь, и ничего. Зирато был в комнате Марио, и я попросил его пойти посмотреть в коридоре за углом. Он идет, но из-за угла выходит девочка лет десяти. Зирато очень грубый с девочкой, спрашивает, стучала ли она в мою дверь. «Вы Крузо», — говорит девочка. «Нет, — говорит Зирато, — но у тебя нет права стучать в эту дверь». Я был у двери и увидел, что девочка дрожит, и сказал: «Крузо — это я, чего ты хочешь?» Она подошла ко мне, вся дрожащая, взяла мою руку, прижалась к ней личиком и говорит: «Ах, мистер Крузо! Я только хотела спросить, как ваша малышка Глория!» И, все еще дрожа, она гладит мою руку и смотрит своими большими глазами в мои глаза, ожидая ответа. Ты не представляешь, какой эффект ее слова произвели во мне. Я ее глажу и умоляю успокоиться, потому что подумал, что она упадет к моим ногам. Я заверил ее, что наша дорогая девочка в порядке, тогда она успокоилась, спрашивает меня о концерте и о многих других вещах. Славная девочка!

Вечером во время концерта принесли коробку для мистера Карузо. Я открыл ее, а в ней букет цветов. На карточке написано «Из цветочного магазина». Я не обращаю внимания, потому что нет имени, и отдаю цветы. Но проходит всего несколько мгновений, и мисс Мириам, которой я отдаю цветы и которой рассказал историю про девочку, говорит, что, наверное, девочка прислала мне цветы, потому что больше никто тебе не говорит, и никому не интересно посылать цветы для тебя, которая так далеко. Бедная девочка! Как мило с ее стороны. Жаль, что я не знаю ее имени, чтобы поблагодарить.

Я целую вас от всей души. Моя золотая Дора! Я люблю тебя!
Твой РИКО.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Никогда мне не доводилось видеть Энрико таким усталым и вымотанным, как в тот день, когда он вернулся в Нью-Йорк. Турне оказалось еще труднее, чем он предполагал, а его простуда не только не прошла, но усугубилась. Он почти не говорил о здоровье. И я сделала вывод, что он всерьез обеспокоен, потому как жаловался только, когда речь шла о пустяках. Однажды хорист наступил ему на босую ногу в «Самсоне». Энрико всю оперу хромал, а затем, когда его везли в машине домой, страшно стонал, заранее зная, что его ожидают врачи со всеми возможными лекарственными средствами. После того, как его добросовестно забинтовали и уложили в постель, сказал доверительно: «Господи, как мне нравится иногда устроить шум». Конечно же, на ноге не осталось никаких следов.

Оперный сезон начался с «Еврейки» пятнадцатого ноября, и в последний день октября все было готово. Помимо необходимости заново учить роль, а он ее не пел с Гаваны, его ждало еще немало важных дел: интервью с репортерами о турне, встречи с агентами по вопросу ограбления, встречи с юристами, связанными с новыми контрактами, необходимость платить налоги, оплачивать счета и отвечать на сотни писем.

Из-за простуды он не спал по ночам и наконец решил показаться врачу. Не знаю, кто рекомендовал ему этого доктора Х. Энрико уже прежде консультировался у специалистов по нервным болезням, хиропрактиков и остеопатов, и у обычных терапевтов, но никто не смог назвать причину головных болей. По каким-то своим личным соображениям Энрико верил, что доктор Х. непременно определит его заболевание.

Мне не нравился доктор Х. Я видела, как год назад он прописал Энрико глупейшее лечение от головных болей, заключавшееся в том, что его укладывали на металлический стол, на живот ставили цинковые пластины, а сверху мешочки с песком. По пластинкам пропускали электрический ток. Предполагалось, судорожные движения песчинок в мешочке производят супермассаж, убирающий жир, и лечат головные боли. Потом в электрокабине Энрико производили дегидратацию. После процедуры он весил на несколько фунтов меньше, которые затем набирал, как только попадал домой, потому как вышивал несколько бутылок воды. Головные боли, конечно же, продолжались. Поскольку я не могла воспрепятствовать, чтобы он ходил к этому врачу, я не говорила о своем скептицизме и не протестовала, когда однажды сырым ноябрьским днем Энрико снова пошел к доктору Х., чтобы тот полечил его от кашля, как лечил от головной боли.

Оперный сезон начался при обычном восторге публики. Один спектакль ритмично сменялся другим. Жизнь дома текла спокойно и счастливо в разных занятиях. Энрико увлекся старинными монетами, которые собирался добавить к знаменитой коллекции в Сигне. Иногда Глория играла рядом с нами на полу. Когда она поднималась на ножки в своем манеже и говорила: «Папа», — он отталкивал стул, спеша к ней, брал на руки и осыпал ее личико поцелуями.

По мере приближения Рождества Энрико составлял длинный список тех, кому всегда делал подарки. Когда мне зачитал, я поразила: «Но, Рико, ты же не любишь всех этих людей?» «Нет, — сказал он, — но они ждут».

Делать с Энрико покупки к Рождеству — замечательное развлечение. Он покупал то, что запланировал, никогда не спрашивал цену и выбирал подарки только в двух местах: в своей любимой антикварной лавке и у Тиффани. У Тиффани он покупал золотые безделушки для всех, кто не любил антиквариат, а у антиквара покупал для тех, кто не любил золотые безделушки.

Он ходил по магазину Тиффани и казался огромным в шубе. Его доброе лицо с приветливой широкой улыбкой выражало истинно рождественский дух и счастье, которое он испытывал. Он останавливался у прилавка и разглядывал освещенную витрину. «Посмотри, Доро, какие симпатичные коробочки для пудры и румян». Продавец забывал о своей профессиональной скуке и приходил в сильное возбуждение в предвкушении денег.

«Пожалуйста, коробочки», — говорил Энрико, указывая не пальцем, а всей кистью — жест, символизирующий безгранич-

ную щедрость его души. Тогда он изучил с пристрастием каждую коробочку и выбрал в конце концов четыре.

«Нам нужно пятьдесят таких, тридцать таких и одну такую». Клерк пробормотал, что узнает, есть ли у них подобное количество. Мы перешли к витрине с портсигарами, там он отдал распоряжение, столь же ошеломляющее. Потом изучил браслеты и цепочки на шею. К этому времени уже все у Тиффани знали, что Карузо делает покупки к Рождеству, и вышел сам управляющий, чтобы поприветствовать нас.

«Весьма обязан,— произнес Энрико и сердечно пожал ему руку.— Теперь хочу сделать особый заказ.— Мы сели за стол, и Энрико набросал дизайн золотых часов, ежегодный подарок для самых близких друзей.— Сделайте двадцать таких и разошлите».

Мы всем пожали руки, вышли из магазина, совершенно не зная, сколько истратили денег, и отправились к антиквару. Там Энрико выбрал подарки на вкус каждого одариваемого. «Какое безобразие, мне совсем не нравится, но они их собирают, и им покажется интересным».

У него был только один друг, для которого он выбирал подарок, такой же, как и для своей коллекции,— царственная маленькая старушка: миссис Огден Гоуилет. Они много лет дружили, и Энрико испытывал к ней глубокую нежность. Она снимала первую ложу в «Голден Хоршоу», и он никогда не забывал улыбнуться мадам, выходя на сцену. Утром после новой оперы посылал ей программку с автографом, а она всегда звонила и благодарила, что он так замечательно пел. Однажды мы пригласили ее пообедать с нами в одном итальянском ресторанчике. Она никогда прежде не бывала в таких местах, и ей очень понравилось. Энрико смотрел с почти сыновней нежностью, пока мадам своими маленькими ручками в белых замшевых перчатках боролась с большой тарелкой спагетти.

И наше последнее предприятие в тот день: мы заехали в банк и взяли золотые монеты — подарки для хора, работников «Метрополитена» и для всего персонала отеля «Вандербилт».

Однажды, когда мы с Энрико катались на машине по парку, у него начался озноб. Вместо того, чтобы вернуться домой, он настоял поехать к его врачу, который утром устроил ему очередной ужасающий сеанс лечения. Потом весь распаренный Энрико вышел на зимний холод. Никто не знает, почему певцы более склонны к простудам, чем остальные люди,— возможно, страх делает их такими восприимчивыми. До наступления вечера у Энрико появилась тупая боль в левом боку, и он начал кашлять.

«Паяцы» были запланированы на следующую неделю, и я знала, что он будет настаивать на выступлении, хотя изо дня в день кашель усиливался. Для меня настал период интенсивного нервного напряжения, вскоре ставшего основным условием нашей жизни. В день представления я заметила, как по лицу его пробежала тень боли, и когда он уезжал в театр, сказал: «Доро, не опаздывай и молись за меня». Выйдя на сцену, он посмотрел

на меня усталым, беспокойным взглядом, и я почувствовала, что не могу долее сидеть в бархатной ложе, помалкивать и не возражать. Я ненавидела все эти лица, полные ожидания, светившиеся словно маски в отраженных прожекторах. Мое сердце охватила жалость к мужу, но все, чем я могла ему помочь, — это сидеть и улыбаться.

Когда он запел «Vest la giubba», я следила за каждым движением его лица. Он взял самую высокую ноту... и голос сорвался. Из своей ложи я увидела, как он споткнулся. Зирато ждал его за кулисами и подхватил на руки, когда он падал. Занавес сразу же опустили.

Я поспешила в его уборную и находилась с ним до тех пор, пока сознание не вернулось к нему. «У меня просто заболел бок, — объяснил Энрико. — Возвращайся к себе в ложу, чтобы они подумали, что все в порядке». Когда доктор Х. прибыл, то пощупал бок Энрико и сказал: «Ничего серьезного — легкая невралгия. Он сможет продолжить выступление».

Публика нервничала из-за затянувшегося ожидания и следила за тем, как я возвращаюсь. «Он оступился», — объяснила я зрителям в соседней ложе. Через несколько минут мои слова облетели театр. Погас свет, начался второй акт. Энрико пел, не выказывая никаких признаков боли.

Как только зажегся свет, я услышала, как одна женщина произнесла: «Прекрасный спектакль. Я бы не пропустила его ни за что на свете». А Энрико после сказал: «Надеюсь, что мне больше никогда не придется пережить такую боль, мне все время было плохо, и весь мир вокруг показался черным».

А уже через три дня он выступал в самой напряженной роли Неморино в «Любовном напитке» в Бруклинской музыкальной академии. И снова доктор заявил, что все в порядке, и он может петь. Но меня не покидала тревога.

Перед началом спектакля я, как обычно, зашла в его уборную. Энрико полоскал горло у раковины. Вдруг он сказал: «Смотри!» Я увидела в раковине воду розового цвета. «Дорогой, ты разодрал зубной щеткой десны, когда чистил зубы», — предположила я. Он набрал еще воды, сплюнул. И на сей раз она оказалась красной. Марио прошептал: «У меня есть телефон доктора». Я еле выговорила: «Пусть захватит адреналин».

Энрико продолжал полоскать горло. И всякий раз произносил: «Посмотри». Наконец остановился. «Доро, — сказал он, — возвращайся на свое место и, что бы ни случилось, не двигайся. Публика будет следить за тобой, веди себя осторожно, чтобы не началась паника».

Хотя меня тошнило от страха, я послушалась, вспомнив, как однажды он сказал: «Иногда теноры умирают прямо на сцене, взяв высокую ноту, от кровоизлияния».

Я сидела в первом ряду. Через четверть часа занавес подняли. Я знала, что доктор уже прибыл. Начались четыре долгих акта веселья, на сцене сменялись яркие краски и веселые мелодии. Энрико выбежал на маленький мостик, смеялся и выглядел насколько можно дурашливым. В рыжем парике, шелковом кам-

золе, коричневых коротких штанах и полосатых чулках, из кармана высовывался большой красный носовой платок, в руке — маленькая корзиночка. Публика захопала как одержимая. Подойдя к рампе, он запел. Закончив, отвернулся и достал платок. Я услышала, как он кашляет, но он вовремя вступил, закончил фразу и вновь отвернулся. Когда повернулся лицом к залу, я заметила, что передняя часть камзола стала алой. По театру пробежал рокот, но замер, как только он начал петь. Звучала ария, и ему нельзя было отвернуться. Зирато из-за кулис передал полотенце. Энрико промокнул губы и продолжал петь. Ему передавали одно полотенце за другим, а он все пел и пел. Уже вся сцена вокруг него покрылась смятыми полотенцами. Наконец допел арию и убежал. Акт закончился, занавес опустили.

Похолодевшая и ослепшая от ужаса, я сидела неподвижно. Несколько долгих мгновений театр молчал, словно в нем не было ни одного человека. Потом, как бы по сигналу, зал потряс гром аплодисментов. Я услышала выкрики и визг: «Остановите его! Не разрешайте ему продолжать!»

Кто-то взял меня за плечо: «Я Джадж Дак, миссис Карузо. Можно вас проводить к нему?» Я поднялась. Взяла его за руку. Мы медленно двинулись по проходу, но, как только оказались в коридоре, я бросилась бежать.

Окруженный людьми с перепуганными лицами, Энрико лежал на кушетке. Доктор Х. объяснял, что лопнула маленькая вена у основания языка, а заместитель управляющего «Метрополитена» мистер Зиглер умолял Энрико ехать домой. Впервые в жизни он не стал протестовать, согласился, и публику отпустили.

В машине по дороге домой Энрико не говорил о катастрофе, а лишь сидел с закрытыми глазами и сжимал мою руку. «Я очень устал, Доро», — прошептал он. Но когда мы подъехали к отелю, Энрико собрался. Привычно властно велел Зирато и доктору подняться с нами наверх, отказался лечь в постель, заказал ужин и сидел с нами, пока мы ели. Так мог выглядеть обычный вечер после спектакля, только было слишком рано, и он не курил. Через час лег в постель и мгновенно уснул.

Я лежала без сна и прислушивалась к тому, как он беспокойно ворочается. В три часа Энрико сказал: «Мне душно», — встал и быстро направился к окну. С минуту смотрел на улицу, потом полез на подоконник. Не знаю, как успела его поймать. Обхватила его руками и оттащила. Без единого слова он лег в постель и снова уснул. Может быть, он проделал это во сне. Потом, мне кажется, он ничего не помнил.

На следующий день ему стало лучше, и Энрико захотел остаться в постели. Подготовка к Рождеству продолжалась — призрачное Рождество, — и Энрико не скрывал своих мучений. А доктор продолжал настойчиво твердить, что у него невралгия, и, дабы снять боль, добавил еще несколько пластинок, их привязывали все крепче и крепче. Тринадцатого и шестнадцатого Энрико пел, затянутый в корсет, как в кольчугу. Двадцать первого должен был петь в «Любовном напитке», но утром боль стала такой острой, что я сама отправилась к доктору Х. Тот

рассмеялся над нашей тревогой, заменил пластинки и подтвердил: «Невралгия». Гатти то приходил, то уходил в течение того дня, и к четверем мы все уже точно знали: Энрико вечером петь не сможет. Отдохнув три дня, он поправился к рождественскому спектаклю «Еврейка».

Первую рождественскую елку для Глории наряжали в гостиной — красивое высокое дерево, сверкающее снегом, колокольчиками и блестящими звездочками. Она сидела на своем высоком стуле, глядя на все великолепии, и, когда вошел отец, завизжала от восторга и показала на разноцветные игрушки. «Значит, тебе нравится? — спросил он, усаживаясь рядом с ней. — Мне тоже». Они вместе наблюдали, как Марио вешал последний яркий шар. Отец и дочь обожали друг друга, а общий интерес усилил их сходство. Оно было столь разительным, что я не удержалась и сказала об этом.

«Но у нее нет вот такого. — И Энрико показал на линию, разделяющую пополам его подбородок. — Говорят, означает сильный характер, но я открою тебе тайну. У меня все не так — просто это признак слабой головы. Когда еще был мальчишкой в Неаполе, я взял большой кусок хлеба, заменивший мне ужин, и жевал его на ступеньках. Хлеб оказался таким черствым, что я сказал: «Почему бы его не намочить, чтобы он стал мягким?» И отправился к фонтану, который мне очень нравился. Фонтан находился недалеко, и я решил до него доехать на машине, но денег у меня не было. И что я делаю? Бегу за машиной, цепляюсь сзади, она идет быстро, и я сваливаюсь на подбородок. Сильно порезался, потерял хлеб и пришел домой, плача. Значит, этот шрам — признак слабой головы, ведь я сам, а не Бог, сделал его».

Хотя в течение двадцати четырех часов Энрико беспокоила только тупая боль в боку, я не хотела, чтобы он выступал на рождественском вечере. Гатти тоже тревожился и зашел, когда у нас находился доктор Х. «Вы думаете, он сможет петь?» — спросил его Гатти. «С голосом все в порядке», — последовал ответ.

В рождественский вечер я осталась дома, приготовила для Энрико сюрприз, и этот спектакль в Нью-Йорке стал единственным, который я пропустила, кроме того вечера, когда родилась Глория. Энрико уехал в театр. Энричетта, Брюнетта и я принялись устанавливать в гостиной красивые детские ясли. Гирлянды электрических лампочек закрепили над камином, чтобы они отбрасывали свет на ясли, а вокруг стояли короли и пастухи с подарками. Я пригласила друзей Энрико на ужин после спектакля. Он был таким, какой традиционно подают в Неаполе на Рождество, — угри, приготовленные в пяти разных вариантах, горячие и холодные осьминоги и всевозможная рыба, жаренная в масле и вяленая. Кстати, мне не нравилось ни одно из этих блюд.

Вернулся Энрико, и я встретила его у двери. Хотя взгляд его светился ожиданием праздника, лицо было землистого цвета. Его растрогал вид яслей, он обрадовался ужину и встрече с друзьями. Но только он с нами не смеялся. «Думаю, мне лучше

выпить лишь чашечку консоме», — сказал он. Доктор Х. тоже приехал к нам, и единственный раз он стал полезным: вынул у меня из горла рыбью кость.

Когда все ушли, я спросила Энрико о спектакле. «Мне понравилось, — сказал он, — но бок болит, не сильно, но много».

Тот спектакль «Еврейка» оказался его последним, и я на нем не присутствовала.

На Рождество день выдался прекрасным. Комнату заливал солнечный свет, воздух наполнял аромат хвои. С восьми утра не умолкал дверной колокольчик: приносили подарки, цветы, телеграммы. Энрико вышел в гостиную, где находились мы с Глорией, и вручил мне большую коробку. «Надеюсь, тебе понравится, пришлось искать два года в Южной Америке». В коробке лежала роскошная шуба из шиншилы, стоимостью во много тысяч долларов, и, как бы я ни любила мужа, у меня не повернулся язык сказать, что нужен только один подарок: чтобы он снова был здоров. Глория он подарил янтарное ожерелье, длиннее, чем она сама. «Мы в Италии считаем, что янтарь помогает при болезнях горла».

На столе лежали коробочки, и Энрико направился к сейфу — достать мешочки с золотыми монетами. Он высыпал горсть сверкающих монет на поднос у высокого стула Глории. «Вот, Пучина, поиграй с ними. А теперь, Доро, быстро одевайся, едем в театр делать подарки. Ты сможешь красиво оформить коробочки?» Я ответила, что они будут готовы, как только он сам оденется, и Энрико вышел.

72
Малышка играла с монетами, а я начала раскладывать подарки по коробочкам... сто долларов Филипу... старику... пятьдесят парикмахеру... Я уже прошла по длинному списку и дошла до «по пять каждому хористу», когда услышала пронзительный крик Энрико. Я бросилась к нему, и снова раздался крик. Я добежала до его комнаты, одновременно подбежали Зирато и Марио. Крики доносились из ванной. Марио распахнул дверь и нечеловеческим усилием поднял Энрико из ванны. Пока Зирато и Марио несли его на диван, завернув в белый махровый халат, крики продолжались. Он присел на край дивана, наклонившись вперед, пот ручьями сбегал по лицу и падал на пол.

Я подбежала к телефону, и минуты через три пришел доктор Мюррей, работавший в отеле. Он не стал терять времени на осмотр, а сразу сделал инъекцию кодеина, через несколько минут еще одну. Постепенно Энрико затих. «Теперь он час будет спать, — сказал доктор. — Лучше вызовите его лечащего врача. Я буду в своем офисе после обеда, если понадобится».

Через десять минут Энрико открыл глаза — и закричал. Зирато не смог найти доктора Х. и начал названивать одному врачу за другим. Я больше не могла слышать эти вопли, схватила бутылку с эфиром, что стояла в ванной, намочила платок и приложила к его лицу. Он медленно погрузился в забытие, но стоны раздавались такие ужасающие, что я заткнула уши пальцами.

Не знаю, сколько времени я простояла так, но наконец дверь открылась, и вошел высокий мужчина в твидовом костюме,

с лицом американца. «Я доктор Эван Эванс», — заявил он. Осмотр произвел быстро, профессионально, и диагноз поставил мгновенно. «Миссис Карузо, у вашего мужа острый плеврит, возможно, переходящий в пневмонию. — И обратился к Марио и Зирато: — Усадите его на этот стул, отнесите в комнату и уложите в постель, и побольше подушек. Потом позовите меня. А теперь возвольте мне взглянуть на вашу девочку, Глорию».

Никогда не забуду того облегчения, которое почувствовала, и ту благодарность за силу и уверенность этого человека. Через час вызвали опытную сиделку, и мне мало что оставалось делать. Я собрала рассыпанные золотые монеты, отправила их в театр и расставила забытые цветы.

Доктор пришел еще раз, испуганные слуги отправились спать. Я пожелала доброй ночи Нэнни, поцеловала сонную девочку, вернулась в гостиную и села. Вокруг елки на столах лежали нераскрытые подарки. Энрико мирно спал. Рождество кончилось, и дом затих.

ГЛАВА ТРИНАДАТАЯ

На следующий день доктор Эванс вызвал на консилиум докторов Сэмюэла Ламберта, Антонио Стелла и Фрэнсиса Мюррея из отеля. Все они согласились с диагнозом: острый плеврит перешел в бронхиальную пневмонию.

Я не знала, какие осложнения может давать плеврит. Через три дня, когда мы с сиделкой стояли рядом с кроватью Энрико, с его лица вдруг схлынула краска, и он начал задыхаться. «Кислородную подушку, быстро!» — скомандовала сиделка. Словно по мановению волшебной палочки, в этот момент в дверях появился доктор Стелла. Он достал из сумки шприц и воткнул иглу Энрико в спину. Когда жидкость из плевры откачали и давление на сердце уменьшилось, лицо потеряло мертвенный оттенок, и Энрико задышал свободно... Я осознала только, что видела, как вплотную подошла смерть, а потом отступила.

Врачи решили: необходима серьезная операция, чтобы предотвратить возможность повторного кризиса. Пригласили светило хирургии, доктора Джона Эрдмана, и за ночь наша изящная гостиная превратилась в операционную. Энрико хотел знать точно, что с ним собираются делать, и я объяснила: ему сделают надрез на спине, через который выведут оставшуюся в плевре жидкость.

Я не присутствовала при операции, но доктор Эрдман потом рассказал мне, что, как только сделали надрез, темная жидкость хлынула с такой силой, что залила противоположную стенку. Откачали галлон жидкости, и между ребрами установили дренаж. Доктор Стелла сказал, к счастью, у Энрико ребра находятся далеко друг от друга, так что между ними можно ввести дренаж, а иначе пришлось бы удалить кусок кости, и он не смог бы больше петь.

Операция прошла успешно. Через два дня температура упала до нормальной, хотя свистящее дыхание через трубку беспокоило его, но рана заживала и не причиняла боли. Доктор Стелла

поздравил Энрико, что у него такое большое расстояние между ребрами, а тот спросил с тревогой: «Вы хотите сказать, что, если мне убрать ребро, я не смогу больше петь?» Доктор рассмеялся: «Ребро на месте, не волнуйтесь. Вы будете петь лучше, чем прежде».

С самого начала болезни Энрико меня беспокоила одна деликатная проблема. Она заключалась в том, что доктор Х., считая себя главным врачом, соответственно вел себя с Энрико и со мной. Он приходил в любое время суток, будил своего пациента и часто задерживался до глубокой ночи. Заявил Энрико, что не согласен с остальными врачами, утверждал, что он лучше знает, в чем дело, и отстаивал свой диагноз «межреберная невралгия с возможным осложнением кишечной токсемией». После каждого визита Энрико терялся и нервничал, а когда я обнаружила, что доктор в три часа утра устраивает ему лечебный сеанс, о котором не знают остальные врачи, я решила: пора действовать.

На следующий день подкараулила доктора Х. в студии, откуда хорошо проглядывалась входная дверь. Увидев, как он крадется по коридору, я впала в такую ярость, какой, думаю, мне больше никогда не доводилось испытывать. Я взорвалась: «Доктор Х., я не хочу, чтобы вы сюда приходили! Пожалуйста, уйдите и не возвращайтесь больше никогда!» Голос у меня дрожал. Он не ответил, а двинулся к двери Энрико. Я преградила ему дорогу. «Если вы сделаете хоть один шаг, я выброшу вас вот в это окно!» Он бросился бежать по коридору, и больше я его не видела.

74

В течение последующих недель Энрико был терпеливым и вежливым больным, выполнявшим все, что велели врачи. Но сиделок не любил и не понимал, почему с ним должны находиться какие-то женщины, его раздражала та настойчивость, с которой они выполняли свои обязанности. Однажды к нему вернулась властность. «Доро,— заявил он,— объясни вежливо синьорине, что я хочу, чтобы она оставалась в гостиной. Здесь будет Марио. Если она понадобится, мы ее позовем». Я купила для него маленький золотой колокольчик с мелодичным звоном и с выгравированным его именем, чтобы Энрико звонил, когда сиделка понадобится. Но я нечасто его слышала.

Каждый день я ужинала рядом с постелью Энрико. Он ел только то, что готовил Марио,— блюда его детства: чечевичный суп и манная каша. По вечерам развлекался тем, что лепил из глины и рисовал шаржи на врачей и сиделок. Встревоженный и нервный Гатти стал одним из немногих посетителей, кого допускали к нему. Приходил и мистер Чайльд поздравить Энрико с записью двадцать восьмой пластинки из сорока, предусмотренных контрактом на десять лет.

Я уже решила, что Энрико здоров, но в начале февраля он проснулся утром с высокой температурой. К ночи она подскочила до 104°. Врачи вновь собрались на консилиум, а я ждала в гостиной, пока ко мне не пришел доктор Ламберт после консультации. Мы сидели рядом на диване, глядя на Мадонну.

Он похлопал меня по руке и сказал: «Дренаж установлен не очень хорошо — доктор Эрдман сделает завтра повторную операцию». Но когда добавил: «Да вы не волнуйтесь, у нас осталось еще много веревки», — я поняла: стоит вопрос жизни и смерти.

Мы решили Энрико ничего не говорить об операции до утра, чтобы ночью он спал спокойно. Когда подготовили операционный стол и прибыли врачи и анестезист, я пошла к Энрико. Выслушав меня, он велел позвать доктора Эрдмана. «Доктор, — заявил он. — Я не люблю не знать, если со мной что-то должно произойти. Отпустите всех и скажите, что операция будет не сегодня, а завтра».

На следующее утро, 12 февраля, доктор Эрдман вновь вскрыл надрез. Жидкость, ранее обнаруженная в полости, так загустела, что понадобился более жесткий дренаж, чтобы спасти его жизнь. Для чего и пришлось удалить четыре дюйма ребра... Как только закончилась операция, я стала умолять врачей никогда не говорить Энрико, что они сделали.

Доктор Мюррей вместе со мной ждал, пока пройдет анестезия. Шло время, а он все не приходил в сознание. В восемь часов вечера вернулись врачи и установили: то, что они приняли за глубокий сон, в действительности оказалось состоянием комы. Доктор Стелла попросил: «Миссис Карузо, вы должны попытаться поднять его любимыми средствами, какие только придут вам в голову». Я звала его по имени, целовала снова и снова. Плачущий Марио умолял Энрико что-нибудь сказать, а Зирато просил вернуться. Но Энрико смотрел в никуда сквозь полуприкрытые веки и все время повторял «ба-ба-ба». Доктор Мюррей в ту же ночь переселился в его комнату, и были наняты еще две сиделки.

Я ежедневно приводила к нему Глорию, даже вызвала Мимми из Калвера, тщетно надеясь, что голоса детей прорвутся к нему сквозь кому.

Из газет звонили постоянно, и наконец издатели обратились ко мне с просьбой позволить репортерам находиться в доме. Они расположились в столовой, получали бюллетени от врачей и каждый день публиковали их в газетах. Управляющий отеля рассказывал, что каждый день приходят сотни людей узнать о Карузо, и уходят в слезах, а утром в шесть часов перед тем, как идти на работу, у отеля появлялись итальянские рабочие (они прокладывали трубы под Тридцать Четвертой стрит) и справлялись, как Карузо провел ночь.

Так прошло десять дней. Для меня время остановилось, день и ночь смешались. Врачи сделали все, что могли, и больше не оставалось «веревки». Я смотрела на лицо, которое теперь нельзя было узнать, пустое, с ввалившимися щеками, на нем отсутствовало какое-либо выражение. Он не шевелился и почти не дышал. Только слабое движение губ, повторявших «ба-ба-ба», выдавало в нем жизнь.

В полдень на двенадцатый день доктор Стелла вместе со мной находился рядом с кроватью Энрико. Зирато доложил, что пришел посол Италии отдать дань уважения. Доктор вышел и через минуту вернулся вместе с послом Роландо Риччи, высоким

мужчиной с седой бородой и с розовой гвоздикой в бутоньерке. Он поцеловал мне руку и, не говоря ни слова, некоторое время постоял, глядя на Энрико. Потом, наклонясь к его лицу, медленно и твердо произнес: «Карузо! Я пришел к вам с посланием от вашей страны и вашего короля. Они хотят, чтобы вы жили». Прошло, наверное, несколько минут. Потом послышался слабый голос: «Позвольте мне умереть в моей стране».

«В последний раз я слышал, как вы пели в Лиссабоне «Кармен», — сказал посол. Он вынул розовую гвоздику из своего пиджака и вложил в руку Энрико.

«Нет, не «Кармен», это было «Se Cid», — прошептал Энрико, попытался поднести цветок к губам, но тот оказался для него слишком тяжел. Энрико глубоко вздохнул и уснул, теперь уже нормальным сном.

Пока Энрико болел, со всех концов света приходили тысячи писем. Дети писали, что молятся за него, священники просили своих прихожан присоединиться к общей молитве, простые итальянцы присылали народные рецепты: массаж с луком или листья салата вокруг шеи, еще присылали талисманы, иконы и даже священные реликвии. Их я развешивала по стене вокруг Мадонны и, как только Энрико оказался вне опасности, написала каждому дарителю письмо с благодарностью.

Однажды в студии я писала письма. Неожиданно дверь в холле открылась, и вошел какой-то человек. Он пробежал по длинному коридору прямо ко мне, положил руки на стол и завопил: «Я Иисус Христос, и я пришел к Карузо!» «Переговорите с его секретарем», — ответила я и быстро вызвала Зирато.

Этот случай подсказал, что дверь надо охранять, и я знала человека, сумевшего бы это сделать даже ценой собственной жизни: старик Скол, начальник ночной группы клакеров «Метрополитена», днем он мастерил зонтики. Обожание маленького еврея из Германии было безмерным. После каждого спектакля в «Метрополитене» он всегда ждал у служебного входа, чтобы открыть дверцу машины для Энрико и услышать, как любимый голос скажет: «А, Скол. Спокойной ночи и спасибо». Даже когда Энрико выступал за пределами Нью-Йорка, Скол всегда приезжал выполнить обязанность, приносящую ему такую радость. Однажды он был вознагражден. Все случилось перед тем, как Энрико записал пластинку «Eli, Eli» на иврите для компании «Виктор». Мы возвращались с концерта, проходившего за городом, и, зная, что Скол едет в поезде, Энрико послал Зирато привести его в наше купе.

Скол присел на краешек сиденья и ждал, пока заговорит Энрико. Своим спокойным плоским лицом и копной седых волос он походил на иллюстрацию к старинной детской считалочке.

«Скол, вы можете мне сказать, как произносить эти слова?» Тот взял листок, протянутый ему Энрико, и просмотрел. «Да, я могу сказать, сеньор Карузо». И с дотошностью научил Энрико произносить каждое слово, потом поднялся, раскланялся и вышел. Растроганный выражением гордого достоинства на лице старика, Энрико сказал: «Скол — мой настоящий друг. У нас их немного, он и я».

Итак, Скол занял стол в коридоре у входа в наш номер и завел журнал, где расписывались все посетители. Он перестал мастерить зонтики, перестал быть Сколом и превратился в архангела Михаила, стража у ворот Рая.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Как только к Энрико вернулись силы настолько, что он смог ненадолго вставать с постели, ему сделали рентген. Тот показал: левое легкое сжато. Естественно, мы скрыли от него этот факт и сделали все, чтобы он не увидел снимков. Начав выздоравливать, Энрико пожаловался на свою правую руку. «Что у меня с пальцами? — спросил он врачей. — Они как на ноге». Врачи не могли понять, откуда это онемение. А ощущение становилось все сильнее, и рука стала заметно усыхать. Я часто видела, как он с недоумением разглядывает свою кисть.

Энрико принимал по несколько посетителей в день и быстро уставал. Однажды я вывезла его в кресле в наш сад, но ему там не понравилось. «Подожду, пока сам смогу ходить», — вздохнул он с горечью. После этого принялся ходить по номеру, опираясь на мою руку, и изучал реликвии, развешанные на стене. «Столько людей молятся обо мне — странно», — повторял он. Часто с тоской говорил, что хочет летом поехать в Италию. Рассматривая каталог семян, спланировал, что посадить в саду в Сигне, и телеграфировал Мартино названия всех цветов, ему понравившихся. Разговоры о родной стране, о живописных полях и размеренной крестьянской жизни шли ему на пользу. Помню, однажды утром по дороге к Неапольскому заливу мы встретили мальчишку в лохмотьях, грязного и прекрасного. Он лежал, растянувшись на невысокой стене. Увидев нас, сел и протянул руку за пенни. Энрико спросил: «А если я не дам тебе пенни, что тогда?» «Тогда, синьор, у меня все же останется солнце». В этом мальчишке была та Италия, по которой Энрико так тосковал.

А потом, днем, я играла с Глорией, и вошла сиделка с термометром.

— Сколько? — спросила я.

— Сто один с половиной.

Я отправилась за врачами.

При осмотре доктор Эрдман обнаружил глубокий абсцесс между тазом и ребрами, гной просочился из плевры. Снова требовалась операция, но теперь уже без общей анестезии из-за ослабленного сердца. Меня охватил леденящий ужас. «Это очень болезненно, доктор?» И он ответил: «Не знаю. Постараюсь сделать все возможное».

Когда я сказала Энрико об операции, его глаза наполнились слезами, он словно бы молил меня не позволять им снова мучить его. Пока врачи готовили инструменты, я опустилась рядом с ним на колени и смотрела на его страдальческое лицо. Две сиделки держали ему ноги, я держала руки, а Зирато — полотенце между зубами. Доктор Эрдман впрыснул кокаин, подождал, пока он подействует, и взялся за скальпель. Энрико страшно

кричал. Через несколько минут абсцесс удалили. Я наблюдала за тем, как доктор Эрдман накладывает на рану пластырь.

Через двадцать четыре часа температура нормализовалась, и спустя два дня он был здоров. Но через неделю образовался новый абсцесс, потребовалась следующая операция, и в течение десяти дней пришлось повторить эту отвратительную процедуру. Нет ничего хуже, чем видеть, как тот, кого любишь, страдает, но сила моей любви дала мне мужество присутствовать на всех операциях. Ликвидировать четвертый абсцесс не удалось, и его страдания во время зондирования казались ужасными. Крики на одной долгой ноте во всю силу его знаменитого голоса неслись нескончаемо, и голос был красив даже в крике. После того, как хирург понял, что до следующего дня ничего не сможет сделать, он заклеил рану. Энрико посмотрел на него глазами, полными муки, и прошептал: «Спасибо. Мне так жаль». Слезы катились по щекам доктора, жавшего ослабевшую руку.

Ночью температура стремительно поднялась, и он явно терял силы. В два часа ночи я сидела в студии и разгадывала кроссворд, лишь бы отвлечься от показаний термометра. В дверях появился доктор Стелла. «Пойдемте, мадам Карузо, — предложил он. — Это сердце. Может, ему осталось жить всего десять минут». Я прошла мимо Мадонны и изображений святых. Подойдя к двери, врач сказал: «Не пугайте его».

Я села на стул рядом с кроватью Энрико и прислушалась. Он дышал. Сиделки вводили эфир и камфорное масло ему в руки. Я посмотрела на застывшую фигуру, вырисовывавшуюся под простыней, на похудевшее лицо и почувствовала, что, оставаясь такой же неподвижной, как он, я смогу передать ему свою силу, молодость и здоровье, смогу спасти его жизнь... Так и просидела, не шевеля даже кончиком пальца, семь часов. Сиделка сказала: «Пульс лучше». А потом я услышала, как доктор Стелла произнес: «Думаю, он выживет...»

Доктор Мюррей дотронулся до моей руки. «Теперь все в порядке, миссис Карузо. Идите отдыхайте, уже девять часов». Я направилась к двери и упала, потеряв сознание.

Когда открыла глаза, я лежала на диване в детской, Нэнни кормила Глорию завтраком. «Она только что съела свое первое яйцо», — улыбнулась она. Ах, как хороша нормальная жизнь детской!

Утром доктор сразу же удалил абсцесс. Хотя все сделали как надо, слабость Энрико росла, и через несколько дней решили делать переливание крови. Донором стал Эверетт Вилкинсон из Меридена, штат Коннектикут. Потом он сказал: «Сегодня я не поменялся бы местами и с королем Англии!» Но Энрико расстроился: «Теперь у меня нет моей чисто итальянской крови — что я теперь такое?»

С того дня он начал выздоравливать, и врачи разрешили ему через несколько недель поехать в Италию, при условии, что он будет себя беречь. Я думаю, его обещание их успокоило.

Мы планировали отдыхать долго, может быть, целый год. Остановиться на два месяца в Сорренто, где он бы принимал грязевые ванны, чтобы подлечить руку, а осенью поехать в Сиг-

ну, как раз ко времени сбора винограда. Боже, как это было! Крестьяне всегда устраивали праздник в первый день работы на виноградниках. Женщины надевали яркие косынки и блузы из грубого льна (которые стирали в проточной воде деревенского фонтана, а потом отбивали на гладких камнях, пока они не станут белыми, как молоко), черные хлопчатобумажные юбки едва прикрывали колени; ноги босые. Мужчины носили большие соломенные шляпы с длинными лентами. Когда все было готово, мы обычно спускались к виноградникам, приветствовали работников, желали богатого урожая и торжественно снимали первую гроздь винограда. Все утро они смеялись и пели, складывая яркие гроздья в корзины, установленные на низкой повозке, запряженной волами. Позднее давили первое вино ногами, как делали это в течение веков, отказываясь от современных пресов, установленных Энрико, точно так же как отказались и от подаренной им большой молотилки, присланной из Америки, и продолжали отбивать зерно цепями на каменном полу. Днем мы посылали хлеб, сыр из козьего молока и бутылки холодного вина на виноградники, и после того, как крестьяне все съедали и выпивали, они ложились в тени винограда и спали, а волы стояли неподвижно, и их тела дымились от зноя, а ноги уходили глубоко в теплую красную землю. На закате скрипучие повозки медленно двигались по пологой дороге к ферме, а за ними с песнями шли крестьяне, их голоса заглушала туча пчел, круживших над корзинами со сладким виноградом.

В начале мая Энрико дал распоряжение Марио и Пунзо начать паковать вещи и велел Фучито подготовить чемодан с музыкой. Он часто садился за фортепиано, просматривал сотни песен, присланных за время болезни, и тихонько насвистывал, перелистывая страницы.

Когда я вошла позвать его покататься, то увидела, как он пыгается писать в чековой книжке, держа ручку между указательным и большим пальцами. На столе заметила пару ярко-желтых перчаток.

«Только это не проходит, — вздохнул он, глядя на свою дрожащую руку. — Я всегда буду носить перчатки. И никто не узнает настоящую причину. Станут говорить: «Карузо — смешной человек, он дома ходит в перчатках». Это моя идея, думаешь, хорошая?»

Энрико не осознавал — не только рука, но и все тело изменилось. Одно плечо опустилось, и поскольку он не мог выпрямиться, то казался на несколько дюймов ниже ростом. Лицо как-то уменьшилось и постарело, движения стали медленными и неуверенными, словно он все еще боялся боли.

«Я плачу докторам, — заявил он, когда Марио подавал ему пальто, — но не нахожу счета от того доктора, что больше не приходит». «Думаю, не надо ему платить, — ответила я, — учитывая, какой он плохой». «Но я хочу ему что-нибудь подарить, Доро. Он очень старался быть хорошим. Поедем к ювелиру, и я куплю подарок для его жены за пятнадцать тысяч долларов, это самый маленький счет из всех докторов».

Как только стало известно, что Карузо собирается выйти из

дома в первый раз, на улице собралась толпа. Он шел медленно, улыбаясь и держа меня под руку. Полицейский попытался сдерживать толпу. «Милые люди, — вздохнул Энрико. — Они не забыли меня». Он не отдавал отчета в том, как беспокоился о нем весь мир. Ведь ему не разрешали читать письма и телеграммы, приходившие в течение последних пяти месяцев.

«Сначала мы поедem в театр», — решил он. На всем пути до «Метрополитена» люди узнавали его и махали руками. Он стал похож на прежнего Карузо, когда входил в контору оперного театра под поздравления персонала и артистов. Спина выпрямилась, голос стал твердым, он вновь почувствовал свое былое превосходство. Король оперы вернулся к своим подданным.

У ювелира Энрико попросил показать ему золотые сетчатые сумочки. Пока он их рассматривал, я увидела на другой витрине маленькую платиновую цепочку, идеально подходившую к тем часам, что он привез мне из Гаваны. Когда я подошла к нему, Энрико уже выбрал комплект сумочек с большими бриллиантами и сапфирами. «Тебе нравится? — спросил он. — Ты думаешь, он будет доволен?» Я сказала, все очень красиво, и миссис Х. будет в восторге. Потом спросила: «Энрико, я только что видела цепочку для моих часов. Можно ее купить? Она стоит сто долларов». Он смотрел на меня несколько минут, прежде чем ответить: «Доро, дорогая, ты знаешь, что я всю зиму не пел. У меня большие расходы, я только что заплатил врачам». «Ой, Рико, да не нужна мне никакая цепочка, черная ленточка гораздо больше подойдет. Не думай, пожалуйста, что мне очень хочется ее иметь». Мне стало нестерпимо стыдно за свою бездумность, ведь ему нужно платить по таким громадным счетам. Я ненавидела себя, пока ждала в машине его возвращения.

Вернувшись, он предложил: «Давай покатаемся полчаса». В парке он вынул из кармана коробочку. «У меня есть для тебя подарок», — улыбнулся и вложил ее в мою ладонь. «О! Это платиновая цепочка!» Я развязала коробочку и достала из нее бриллиантовое ожерелье длиной в целый ярд. «Я дарю его тебе, потому что ты впервые меня о чем-то попросила». Потом он протянул мне другую коробочку: «А это я дарю тебе потому, что ты просишь так нежно». Это оказалось кольцо с одной черной жемчужиной совершенной формы. Я взяла его руку в желтой перчатке и прижала к своей щеке.

Мы собирались плыть на корабле «Президент Вильсон»: Глория с Нэнни, Брюнетта с Марио, Энричетта и Пуэнзо. Мимми оставался, хотел поехать в летний лагерь.

Уже заперли тридцать восемь чемоданов, все с наклейками, только чемодан с музыкой не закрыли. Мы брали с собой детскую кроватку, детский манеж, складывающиеся машинки для дома и улицы, персональный холодильник Глории, ее постельное белье и специальные подушки, высокий стульчик, ее патефон, ее личную библиотеку, ее сказочные игрушки (хотя сама она отдавала предпочтение большому гладкому камню и тряпке, которой полировала его часами) и еще коробки с крупой и бутылочки с молоком «Уокер-Гордон».

Когда я заказывала по телефону молоко, в комнату вошел Энрико. «А вот меня не кормили специальным молоком», — заметил он. — «Мать вскармливала тебя грудью?» — «Нет, разве можно выкормить молоком двадцать одного ребенка? Двадцать мальчиков и одна девочка — слишком много. Я — девятнадцатый. Одна дама, графиня, очень по-доброму относилась к маме. Ее ребенок умер, и она грустила, изредка приходила к нам. Мама говорила: «У меня нет молока для маленького Энрико. Вы не дадите?» И графиня не отказывала ей. Думаю, по этой причине я не такой, как моя семья».

За день до отплытия мы в последний раз поехали кататься. Энрико решил заехать в одно место заплатить по счету. «Я не хочу уезжать, оставляя долги...»

Я не знала, что едем к врачу, который делал рентген. На месте его не оказалось, и нас встретил молодой ассистент, прежде мы его не видели.

Мы уже попрощались и собирались уходить, но неожиданно молодой человек нас остановил. «Кстати, мистер Карузо, ваше ребро отросло уже на подъюма». У меня оборвалось сердце.

«Ребро?»

Молодой доктор принес снимки и все показал Энрико.

Дверь за нами закрылась. Энрико неподвижно стоял в коридоре и с ужасом смотрел на меня: «Доро! У меня нет ребра!»

Я взяла его за руку и повела к машине.

«Ты не возражаешь, если мы поедем домой? — спросил он. — Я не хочу сегодня кататься».

Всю дорогу я ждала, что он заговорит, но Энрико молчал. И я не нашлась, что сказать: он был безутешен.

Когда вернулись в номер, Энрико пошел прямо в студию, где Фучито укладывал ноты. «Больше не работай, Фучито. Я решил не брать с собой музыку».

Я наблюдала за ним. Он медленно приблизился к фортепьяно и плавно опустил крышку.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Подплывая к Неаполю на закате, увидели, как дымится Везувий. Мы стояли на носу корабля, когда к нам подошел Пунзо. В течение всего пути он вел себя необычайно бестолково и не запомнил ни одного распоряжения. Теперь, стоя рядом с нами, он смотрел на старый город в золотом свете. Энрико взорвался и начал на него кричать: «Тебе что, нравится лодырничать? У тебя нет головы? Ты забыл, что у тебя есть работа? Иди и упаковывайся!»

Пунзо ушел, а Энрико заметил: «Бедный Пунзо. Я скажу тебе что-то, Доро, только он не знает. Я купил для него хороший дом в Неаполе и положил в банк большие деньги на имя его и жены. Ему будет большой сюрприз. Мы никому в Неаполе не скажем, что он работал моим слугой, скажем, что он мой ассистент. Пунзо — гордый человек, а здесь его родина».

Отдохнув несколько дней в Неаполе, мы поплыли через залив

в Сорренто, где заняли этаж в отеле «Виттория». Для Энрико все складывалось замечательно, поскольку окна выходили на террасу над Средиземным морем, а в отдалении виднелись Посилино и Неаполь. К нашей спальне с темно-синими стенами примыкала комната поменьше, там Энрико мог отдохнуть после обеда и смотреть на итальянское небо, по которому так тосковал. Гостиная оказалась несколько официальной, с мебелью в стиле Луи XVI и большим пианино. Я невзлюбила эту комнату, но когда Энрико объяснил, почему она нравится ему, мне она тоже понравилась. «Здесь стулья такие жесткие, что не позволят людям, приходящим к нам, оставаться подолгу».

Еду нам подавали на террасу, и там мы учили Глорию делать первые шаги и произносить первые слова по-итальянски. Всю неделю спали и отдыхали. Однажды утром Энрико почувствовал себя достаточно сильным, чтобы погулять в саду отеля и осмотреть город. Мы медленно шли по базару, залитому солнцем. Он впервые с начала болезни так много прошел, и я искала поводы останавливаться по дороге, чтобы он отдыхал. Доктор Стелла предупреждал меня, что ему ни в коем случае нельзя переутомляться. Но советовал не говорить Энрико об этом, иначе он стал бы беспокоиться, и процесс мог возобновиться. Я не решалась поведать секрет родственникам или друзьям, прекрасно понимая, что те сразу же ему все передадут.

Мы остановились у магазина постельного белья. Энрико любил и собирал красивое постельное белье, и, хотя комната в Сигне уже напоминала большой магазин, мы заказали дюжины простынь, полотенец с длинной бахромой и изысканные скатерти с вышивкой, сделанной монахинями. «Я начинаю собирать приданое для Глории», — объяснил Энрико.

Жители города встречали его с таким почтением, словно великого кардинала, вернувшегося домой после путешествия. Ему улыбались, говорили приветственные слова, дети робко протягивали полевые цветы и отказывались от денег. Никто не паялся, не задавал вопросов и не пытался пожать руку.

Каждый день утренний катер из Агвиано привозил горячую грязь. Марио приносил ее на террасу, и Энрико, пока пил кофе, держал правую руку в этой целебной жиже, надеясь полностью излечить ее.

Много ниже нашей террасы находился маленький пляж, где рыбаки оставляли на ночь свои лодки. Туда-то мы и ходили каждый день купаться в чистой воде на мелководье, и иногда рыбаки брали нас с собой в море забрасывать сети. Длинный шрам на спине Энрико становился бледнее по мере того, как он загорал. Я часто видела, как люди смотрели на него, но ни о чем не спрашивали.

Единственными людьми в отеле, с кем мы познакомились, были итальянский посол во Франции барон Романо Авеццана и его жена-американка по имени Жаклин. Однажды вечером они зашли к нам, и Энрико пригласил их на следующий день обедать. Утром мы стояли на террасе и наблюдали, как двое мужчин сходили с корабля в Неаполе. Один — высокий и худой, с седыми прилизанными волосами и с очень громким голосом,

рукава его льняного пиджака были слишком длинными, а брюки подвязаны красными завязочками. Я уже собиралась сказать: «Посмотри, что за пугало», — но Энрико вдруг завопил: «Ээээй! Арахит! Я спускаюсь!» Арахит оказался тем старым сержантом, что когда-то отвел его к маэстро Верджину на уроки пения.

Энрико привел их и объявил, что они у нас обедают. «Но ты уже пригласил посла с женой». «Ну и что? Им будет очень приятно познакомиться с моими старыми друзьями — мы все подружимся».

Мне показалось, что он ошибается, но ошиблась я. Гордость, с которой он представил старых друзей новым друзьям, сломала барьеры происхождения и положения. В течение всего обеда он изливал на них поток своей щедрой индивидуальности. Когда неаполитанцы ушли, Энрико сказал: «Малыш все еще носит костюм, который я ему отдал, и так его и не укоротил. Я ему говорю, что это смешно, но он никогда его не подрежет».

Шли недели — прекрасные дни тихих радостей, жаркого солнца и долгих лунных ночей. В июле из Нью-Йорка прибыла группа друзей Энрико и заявила, что собирается побыть с ним несколько недель. Он расстроился, что потревожен наш мир, но все-таки радовался видеть знакомые лица. Постепенно они разрушили нашу спокойную жизнь уговорами выходить с ними на экскурсии и устраивать обеды на террасе отеля, куда крестьяне приходили танцевать тарантеллу и петь старинные неаполитанские песни. Я не знала, что делать, поскольку не решалась сказать им о больном сердце Энрико. Иногда ссылалась на усталость, чтобы не идти с ними, и он тоже отказывался. Они винили меня, что я держу его при себе. Наконец, и Энрико упрекнул: «Почему ты хочешь лишить меня развлечения, Доро? Не надо лениться и не хотеть видеть красивые места. Я сказал друзьям, что мы с ними завтра обедаем на Капри».

За обедом он болтал и смеялся вместе с ними, а потом заявил: «Я устал. Давай поедem домой». Его пытались удержать, но Энрико ушел, не прощаясь и не благодари. Как только мы добрались до отеля, я уложила его в постель. «Ты была права, моя Доро, — сказал он. — Я еще не совсем здоров».

Два дня он не выходил из номера, а когда вновь спустился вниз, его уже поджидали с новыми планами. Поскольку они знали, что он намеревается принести благодарность за свое выздоровление Церкви Помпейской Мадонны, вызвались пойти вместе с нами, а потом пригласили нас обедать и посмотреть руины. Тогда-то я и поняла, что должна сказать им о предостережении доктора Стеллы. Я отвела их в сторону и объяснила, какие возникнут последствия такой прогулки, но это не принесло результата. Над моими страхами только посмеялись. «Он здоров, Энрико сам сказал, что набрал двадцать пять фунтов».

Дорога от Сорренто до Помпей извивалась между высокими стенами. За ними виднелись темные вершины апельсиновых деревьев, а розы, увивающие стены, покрывала белая пыль. Лишь небо было голубым, да время от времени мелькало синее море.

Два толстяка в машине, ехавшей впереди, закипали от жары. Они положили на головы носовые платки, а сверху надели соломенные шляпы. Когда дошли до церкви, Энрико попросил их подождать на ступенях другую машину, а мы вошли внутрь и по длинному проходу двинулись к алтарю. Священник поднялся с колен, поздоровался с Энрико, и они вместе ушли в ризницу. Он вернулся, радостно улыбаясь: «Я поблагодарил свою Мадонну».

В ресторане стояла такая же жара, как на улице, помещение заливал белый свет. Через открытые окна доносился запах пыли и ослиного пота, жужжали мухи. Мы уселись за стол, уставленный салями, соленой рыбой и флягами с красным вином. За стулом Энрико находился мальчик и длинной палкой с привязанной на конце бумажной метелкой смахивал мух с его тарелки.

Энрико следил, как гости накладывали на тарелки соус. «Я не ем такие вещи, — признался он. — Мы с мадам съедим курицу и салат». Пока остальные набросились на горы спагетти, Энрико выпил стакан воды и попросил мальчика прекратить махать палкой. Принесли курицу, он поднял свою вилку и внимательно ее изучил. «Она пахнет», — заключил Энрико. Но остальные продолжали есть и пить, громко разговаривая и часто называя Энрико по имени, чтобы привлечь внимание официантов. Их лица покраснели и блестели. Энрико съел персик и погрузил руку в миску с водой для мытья рук. «Освежает», — сказал он, болтая рукой в прохладной воде.

Как обычно, о наших планах прознали заранее, и, когда мы добрались до руин, у входа нас ждала группа чиновников. После обмена приветствиями и долгих речей комиссия сообщила, что, по совпадению, наследный принц Японии Хирохито выбрал этот же день для посещения Помпеи и просит Карузо присутствовать. И вновь я оказалась бессильна его защитить. Хуже того, он отказался, чтобы его несли на носилках, как туриста, и отправился пешком по трудной каменистой дороге. Мы подошли к Хирохито и его команде у нового карьера, где велись раскопки. Будущий император Японии не сделал попыток улыбнуться или обменяться рукопожатием. Мы с удивлением наблюдали за тем, как рабочие извлекли из-под земли статую и бронзовый сосуд. Энрико шепнул: «Они их туда положили вчера». На ничего не подозревающего Сына Неба находка произвела сильное впечатление, и мы ушли, оставив его в окружении свиты.

Мы шли по знойным улицам, мимо винных лавок и вилл, домов и храмов. Визит в Помпею — изнуряющее предприятие даже в прохладный день, а в середине июля это выше человеческих сил. Я чувствовала, как дорожные камни жгут ступни сквозь подошвы, и видела, как обломки колонн вдалеке извиваются в волнах поднимающегося жара. Энрико не мог больше идти. «Думаю, надо взять носилки», — сдался он.

Машины ждали нас у ворот, рядом стоял молодой человек. Он вышел вперед и сказал: «Синьор Карузо, если я приеду в Сорренто, вы бы не могли меня прослушать и высказать мнение

о моем голосе?» Я никогда не видела выражения такой боли на лице Энрико, когда он ответил: «Вы хотите петь? Я вас прослушаю. Приходите завтра утром». Осчастливленный парень заверил, что придет завтра в одиннадцать. «И принесите с собой ноты!» — крикнул Энрико из машины.

В отеле он сразу же лег в постель, слишком усталый, чтобы заметить, как Марио все качал головой и причитал: «Придурки! Как не стыдно!» В ту ночь я долго сидела на террасе и смотрела на огни Неаполя.

Я оделась прежде, чем Энрико проснулся. Когда он вышел на террасу, то был бледнее, чем обычно, но сообщил, что выспался. «Больше никаких экскурсий — хватит», — заявил он. Мы выпили кофе и дождались парня.

Во мне что-то оборвалось, когда я увидела, что он принес партитуру «Марты». Я предполагала, это будут какие-нибудь неаполитанские песни, а не одна из любимейших опер Энрико.

«Какой у вас голос — баритон?»

«Нет, синьор Карузо, тенор».

«Тогда спойте мою партию. Ну, давайте».

Пошли в гостиную, и Энрико сел за фортепьяно. «Я не умею аккомпанировать, только несколько аккордов», — предупредил он. Ни в голосе, ни во взгляде я не уловила никакого выражения и подумала: «Какой ужас! Как он выдержит?»

Энрико нажал на клавиши.

С первой же ноты я поняла, что у юноши нет голоса. Энрико остановил его, сказал, чтобы тот не нервничал, и начал снова. Я ушла в свою комнату и стала ждать.

Я слышала, как они разговаривают. Юноша вновь начал петь. Энрико сказал: «Нет, нет». Потом наступила минута молчания.

И вдруг я услышала голос! Я выбежала в гостиную, Энрико пел, как никогда прежде. Его голос звучал как звездный поток, красивее, чем раньше. Закончив песню, он развел руками. Лицо его совершенно переменялось: «Доро! Я могу петь! Я могу петь! Я не потерял голоса. Я могу петь!»

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

И музыка вернулась в нашу жизнь. В тот день Энрико с новым энтузиазмом говорил о пении — не как о тяжелой работе и ответственности, а как об источнике жизни и счастья.

В тот вечер я перенесла патефон Глории на террасу отеля, и после обеда Энрико устроил концерт, проигрывая пластинки для посла и его жены. Голос разливался по вечернему воздуху, и люди выходили из своих домов и садов послушать. Он рассказывал о пении и счастливо причмокивал, выбирая следующую песню. В полночь отправил Марио за пластинками с вальсом и танго, предложил всем потанцевать и попроцался.

В нашей комнате он лег и развернул газету, но я видела, что глаза его не смотрят на строчки. «С тобой все в порядке, Рико?» «Олрайт», — ответил он и вздохнул. — Я думал о том времени, когда Глория сможет дотягиваться до дверной ручки. Я не

против смерти, но так ужасно не видеть, как наша малышка растет».

На следующий день мы с удовольствием узнали, что Джузеппе де Люка, баритон из «Метрополитена», приезжает на лето в Сорренто. Этого приятного спокойного человека мы очень любили. В тот вечер он пришел к нам, и они с Энрико долго разговаривали о предстоящем сезоне и величайших певцах прошлого. Когда Джузеппе ушел, Энрико сказал, что часок отдохнет, а я спустилась на пляж.

Вернувшись, я узнала, что у Энрико посетитель. Подойдя к его комнате, увидела, что он лежит, а над ним склонился древний старик. В руке он держал зонд, и я заметила, какие у него грязные руки.

«Этот доктор лечил еще мою маму», — объяснил Энрико.

«А что он делает этим зондом?» — спросила я.

«Я просто показываю ему мои шрамы».

«Он мог бы вымыть руки, прежде чем тебя трогать».

«Знаю, но я не хочу его обижать, Доро».

Старик не понимал, о чем мы говорим, и, прежде чем я успела его остановить, оторвал пластырь, который я так тщательно накладывала каждый день, и воткнул нестерильный зонд в старый разрез. «Все зажило вот до сих пор», — сказал он, отмеряя грязным ногтем примерно дюйм на зонде.

На следующее утро Энрико начало лихорадить, и я попросила у Нэнни термометр. 101 градус. Инфекция снова началась.

Я попросила у него разрешения вызвать доктора, но он отказался. Стал нервным, беспокойным и, что еще хуже, испуганным. В отчаянии я послала за де Люка и рассказала ему, что произошло. Он сказал: «Все очень серьезно. Нужно вызвать братьев Бастинелли из Рима, это лучшие врачи в Италии. Вот что мы сделаем. Я скажу ему, что он плохо выглядит и вы очень беспокоитесь, а потому его нужно показать этим врачам». Я согласилась, и Джузеппе пошел к Энрико. Через час они позвали меня.

«Бедная моя Доро, — произнес Энрико. — Джузеппе говорит, что ты беспокоишься. Я завтра же покажусь врачам, и ты снова будешь спокойна».

Знаменитые врачи прибыли на следующий день. Поскольку они говорили на хорошем английском, я смогла рассказать им полную историю болезни Энрико и показать все нью-йоркские анализы и ежедневные записи, которые вел Зирато.

Я полагала, что осмотр займет много времени, но менее чем через двадцать минут один из них вышел ко мне на террасу. Он тихо сказал: «Мадам Карузо, не выказывайте беспокойства, вашему мужу придется удалить почку». Я ошарашенно посмотрела на него: «Разве вы не прочли записи?» «Да, но болезнь пошла дальше. Ему надо приехать в нашу клинику в Риме на операцию». «Когда?» «В течение недели, начиная с четверга». Я боялась ждать целую неделю, ведь температура с каждым часом поднималась все выше. «Можно привезти его завтра?» — спросила я. «Вы не опоздаете и на следующей неделе», — последовал ответ.

В субботу вечером Энрико начал бредить. Он лежал в постели и бормотал: «Сале, пепе — пепе, сале» (соль, перец, перец, соль). Если не сбить температуру, у него не выдержит сердце, испугалась я и велела Марио принести виски. По капле Энрико смог немного проглотить. Через несколько минут так вспотел, что простыня прилипла к телу. Температура начала падать, и он уснул.

Ночью я решила, что не могу больше нести ответственность за жизнь мужа одна. Позвонила его брату Джованни в Неаполь и заявила, что отказываюсь ждать четыре дня до госпитализации, он должен снять частный поезд от Неаполя до Рима, забронировать номера в неапольском отеле «Везувий», немедленно прибыть в Сорренто и помочь нам добраться.

Джованни прибыл рано утром на следующий день, и в воскресенье мы отплыли на катере в Неаполь.

Хотя в ту ночь Энрико отправился спать с температурой 104°, утром я застала его сидящим в постели. Он позвал Глорию, поиграл с ней несколько минут, поцеловал и отпустил.

Было первое августа, и Неаполь казался пустынным. Я стояла на балконе в белом отблеске залива и смотрела, как мальчик ест арбуз. «Хороший фрукт, — улыбнулся Энрико. — И ешь, и пьешь, и умываешься». Внизу по улице прошли стадо коз, потом продавец лимонов с песней.

В помещении стало прохладнее. «Я опущу жалюзи, и, может быть, ты уснешь», — сказала я. Внезапно Энрико остановил на мне пораженный взгляд и закричал. Марио тут же рванулся по коридору, бросив на ходу: «Я за врачом».

Все происходило так же, как и тогда, на Рождество. Энрико при каждом вздохе страшно кричал. Теперь у меня не было эфира, и в ожидании я могла лишь держать его за руку и промокать несчастное лицо, покрытое каплями пота...

Вернулся Марио и сообщил, что всех посыльных отправил на поиски врачей, но большинства из них сейчас нет в городе, поскольку у них летние отпуска. Перепуганный управляющий отеля прибежал и сообщил, что оповестил все клиники и вскоре непременно найдут врача... Но никто не приходил.

Через час голос Энрико уже не походил на человеческий, он кричал как смертельно раненное животное. Крики переходили в рев, думаю, никому не приходилось пережить такую агонию.

Прошло еще два часа, врачи не появлялись. Я умоляла Джованни привести дантиста, медсестру, ветеринара — кого угодно, у кого есть доступ к морфию и шприцу. Просто не укладывалось в голове, что в огромном Неаполе, где так боготворили Карузо, не нашлось ни одного человека, кто пришел бы к нам на помощь в момент такого отчаянного кризиса.

Энрико кричал уже четыре часа, пока не появился первый врач — и без морфия! Когда же вернулся снова, с морфием, рука его так дрожала от страха, что он не мог сделать укол. Я отобрала у него шприц и сама сделала инъекцию. Через десять минут Энрико затих и провалился в беспамятство.

Затем, один за одним, пришли еще шесть врачей. Они осмо-

трели Энрико и отправились на совещание. Через полчаса пригласили меня и сообщили, что предлагают вечером удалить левую почку, но боятся делать общую анестезию, поскольку сердце может не выдержать такого напряжения. Если они прооперируют, он проживет еще две недели в страшных мучениях, а потом у него останется шанс выжить один на тысячу, но, если не сделать операцию, он умрет, прежде чем наступит утро. Решение надо было принимать мне.

Я обратилась к брату Энрико: «Джованни, что мне делать?» Он прижимал носовой платок ко рту и рыдал.

Я сказала врачам: «В Америке его спасли, почему же вы не можете?» Но они лишь покачали головами и продолжали ждать моего ответа.

Наконец я решилась: «Конечно, операцию делать надо. Но, прежде, чем вы начнете удалять почку, я прошу вас разрезать нижний шов в боку, под маленьким шрамом. Пройдете четыре дюйма и пальцами нащупаете абсцесс величиной с грецкой орех. Вскройте его и поставьте дренаж, через двадцать четыре часа он будет вне опасности. Беру всю ответственность на себя. Если не найдете абсцесс, можете удалить почку».

Они попросили меня уйти и стали обсуждать мои слова. Через час опять пригласили и заявили, что оперировать вообще бесполезно. Я умоляла их вскрыть абсцесс, но они отказались. Я бросала им все новые и новые аргументы, но они, казалось, не слышали меня, словно между нами установили стекло и мой голос отскакивал от него. «Сделайте ему по крайней мере переливание крови», — молила я. От этого они тоже отказались. Единственное, на что они согласились, это послать за кислородной подушкой.

Что бы врачи ни говорили, я не могла поверить, что рядом с ним смерть. Я каждой клеткой своего существа сконцентрировалась на том, чтобы продлить его жизнь, как тогда, в Нью-Йорке...

Он казался чужим и серым в предрассветных сумерках. Я опустилась перед ним на колени и прижала руку к его щеке. Шли часы...

Врач, находившийся рядом, потрогал его пульс. Я услышала, как стенные часы бьют девять и как наливают воду в стакан. Энрико открыл глаза и взглянул на меня.

«Доро — я — хочу — пить. — Он закашлялся и начал задыхаться. — Доро — они — снова — мне — больно».

«Не бойся, Рико, дорогой, все в порядке».

«Доро — я — не могу — дышать».

Глаза закрылись, и рука упала. Я подумала: «Наконец-то Энрико хорошо». Мне хотелось выйти на солнце, но я знала, что делать этого нельзя, никто не поймет. Издалека доносились плач, причитания и молитвы двух вопевших монахинь. Я поднялась с колен и вышла, не оборачиваясь.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Я ушла в соседнюю комнату и легла. Там находилась Брюнет-

та, она отворачивалась, чтобы я не видела ее слез. Процессия плачущих людей стала перемещаться из комнаты Энрико в мою, они останавливались и смотрели на меня, но я не знала, кто эти люди. Рядом со мной шел священник и сказал, что знал Энрико много лет и очень его любил.

Утром из Сорренто приехала баронесса Романо Авиццана, чтобы помочь мне. Она отправилась по магазинам и вернулась с длинной густой вуалью, я не подумала о трауре. Я сказала ей, что Энрико не в комнате, а внизу, в гостиной отеля, а мне недостает сил вновь увидеть его, это шокировало и злило Джованни. Я даже не могла плакать, и итальянцы решили, что я холодная и бесчувственная.

Баронесса рассказала, что весь Неаполь говорит о том, что король предложил для отпевания Королевскую базилику Сан-Франциско ди Паоло — уникальная честь, поскольку она предназначалась лишь для членов королевской фамилии. Я была единственной во всем городе, кто не оценил этого широкого жеста. Королей было много, а Карузо один. И, хотя я знала, что он лежит внизу и что толпы пришли взглянуть на него в последний раз, я не могла поверить, что никогда больше он не войдет с улыбкой в комнату и не скажет: «Ах, вот ты где, моя Доро». Я все ждала и ждала, пока не очнулась от этой невероятной грезы.

В день похорон жизнь города остановилась. Флаги приспущены, магазины не работали, витрины закрывали траурные ленты. В одиннадцать часов начал звонить большой колокол, и я впервые вышла в мир одна, без Энрико. Его мачеха, брат и старший сын ждали меня, и мы поехали к белому зданию, которое едва просматривалось сквозь мою вуаль. Я сидела в экипаже, чувствуя себя совершенно одинокой, и смотрела на плачущих.

Два ряда солдат удерживали плотную толпу, собравшуюся на площадке у церкви. Я вышла из машины, и ко мне подошли два солдата, чтобы проводить до ступеней. Большие деревянные двери оказались закрытыми, а солдаты принялись колотить в них башмаками и мушкетам. Как только они открылись, толпа завопила: «Пропустите вдову, пропустите вдову!»

В церкви ко мне повернулись тысячи лиц. В конце длинного прохода рядом с алтарем стоял высокий катафалк, покрытый цветами. Наверху, очень далеко от меня, я увидела маленький гроб. Заиграл орган, я прошла на свое место по проходу, и началась торжественная месса...

Когда я вышла из церкви, яркое солнце ослепило глаза, и какой-то человек взял меня за руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам. Джованни ударил его по руке и завопил так, чтобы слышали все вокруг: «Ты забрал моего брата — ты заберешь и сестру!» Он разразился слезами и закрыл лицо большим носовым платком с траурной каймой. В машине, по дороге к кладбищу, он перестал плакать и вытер красное лицо. Мачеха сказала: «Перестань паясничать», — и они опять стали ссориться.

Кладбище Дель Планта, все в зелени и цветах, находилось на

окраине Неаполя. Там, в часовне, предоставленной нам до того времени, пока мы не построим собственную, я и оставила Энрико.

Я не вернулась в отель «Везувий», а сразу поехала в тихий «Вертеллини», где ждали Марио, Брюнетта и Нэнни. Малышка встретила меня у двери. На плечах детского платица были приколоты два крошечных черных бантика.

Как хорошо видеть небо и воду с широкой открытой террасы и не слышать ничьих голосов, кроме моих дорогих слуг и моей дочери. Вечерами Брюнетта сидела рядом со мной и шила. Она никогда не заговаривала, прежде чем я не обращусь к ней. Марио подавал еду в маленькую гостиную. В комнате жил мышонок, и когда я ела, то кидала ему крошки. Хотелось, чтобы он подошел поближе и взял еду с руки, поэтому каждый вечер я бросала крошки все ближе и ближе к стулу, но он проходил лишь немножко вперед, а потом прятался в норку... Я чувствовала себя растерянной и одинокой.

Прошли дни, пока я не получила ответ на свой вопрос: какова истинная причина смерти Энрико? Наконец узнала, что умер он не от инфекции в почке, а от перитонита, потому что абсцесс в месте, указанном мной, прорвался. Операция, которую я вымалывала, могла бы спасти его жизнь.

90
Бесполезно было обсуждать с Бастиnellи диагноз, который он поставил в Сорренто, я поняла — врачи тоже могут ошибаться. Что же касается тех, других, из Неаполя, они оказались настолько безграмотными, а тяжелое состояние больного так их напугало, что не решились взять на себя ответственность за исход операции.

В своем горе я совсем не могла говорить об Энрико и хотела избавиться от воспоминаний. Но день за днем я сидела за столом, часами отвечая на письма скорбящих людей со всего света. Письма пришли от Александры из Англии, Сэмюэля Гомперса из Нью-Йорка, разносчика газет из Чикаго и пастуха из Шотландии — от тысяч людей, которые любили его неповторимый голос. В телеграмме, присланной из Германии, было написано просто: «ЕДУ». И подпись «СКОЛ».

Он не появлялся много дней, а потом, как-то утром, я встретила его, ожидающего в гостиной. Он рассказал, что выехал из Мюнхена в день смерти Энрико, но его арестовали на границе. При себе у него были все его сбережения — пять тысяч долларов, — и он понятия не имел о том, что такие деньги нельзя вывозить из страны. Тем не менее немцы посадили его в тюрьму, все отобрали, и теперь у него оставался только костюм, в котором он приехал.

Скол кратко изложил эту историю, потом помедлил. «Могу я его видеть?» — вымолвил он наконец. Я мягко сказала, что не пойду с ним, и объяснила, что он увидит Энрико под стеклянным колпаком таким, словно он спит. Поблагодарив, он отправился на кладбище. Вернувшись, встал рядом со мной на террасе

и посмотрел на небо. После долгой паузы заговорил.

«Я наклонился к нему и тихо сказал: «Вы помните бедного старого Скола?» Но он не ответил».

Вот и все, что он сказал, но я наконец-то расплакалась.

Я устроила так, чтобы он пожил некоторое время в Неаполе, и сказала, что возьму его с собой в Америку.

В сентябре я поехала в Сигну. Впервые после смерти Энрико освободилась от итальянских родственников, банкиров, юристов и смогла подумать о возвращении домой.

Мартино показал цветы, которые выбрал Энрико в нью-йоркском каталоге. Из окна моей комнаты было видно, как пышно они цветут. Я обошла кухни, кладовки, винный погреб и все молчаливые комнаты виллы. Всюду царил безупречный порядок.

Я распаковала постельное белье, заказанное им в Сорренто, закрыла незаконченные маленькие фигурки, которые он лепил, и убрала ноты, оставленные на фортепьяно.

Знала, когда-нибудь услышу его голос на пластинке вновь. Мысль о том, что это может произойти в чужом доме или донестись из открытого окна, казалась непереносимой. Я должна быть к этому готова, но сначала послушаю здесь, одна. Однажды вечером отправила всех слуг и пошла в музыкальную комнату. Я выбрала самую веселую из его песен «Luna d'estate».

Вновь в комнату вошел его голос, но я слушала и не узнавала, сердце мое заледенело, но вот я увидела, как Глория карабкается через дверной порог, протягивает ручки и зовет: «Папа! Папа!»

91

Мои переговоры с главным фермером, администратором, телохранителями Глории и все дела на огромной вилле Энрико закончились. Пора было покидать Италию. Марио сказал, что они с Брюнеттой хотели бы поехать во Францию и позаботиться обо мне, пока я не отплыву. Он никогда не собирался служить никому, кроме Энрико, и собрался найти работу в каком-нибудь магазине во Флоренции. Я решила, что для Брюнетты будет лучше, если у него появится собственный магазин, и дала ему денег. Он был доволен.

Старик Скол ждал нас в Ле Хавре. Когда корабль отплывал, Марио сказал: «Сеньора, у нас к вам последняя просьба». Я удивилась — что еще не сделала? Он взял Брюнетту за руку, и они улыбнулись.

«Теперь можно нам сделать ребеночка?» Откуда-то издалека в памяти всплыла фигура Энрико, когда-то он разрешил им пожениться, но с условием: «Никаких детей!»

Каждое утро Скол подходил ко мне на палубе, кланялся и спрашивал, хорошо ли я себя чувствую. Он носил пальто Энрико, которое я ему отдала. Оно было ему до земли, а рукава висели до колен, но он не осознавал, как нелепо выглядит: весь предавался воспоминаниям.

Мы с Глорией прибыли в Нью-Йорк ярким утром в октябре. Зирато первым встретил нас на палубе и, как в былые времена, встал рядом со мной. Вокруг нас уже собирались репортеры и фотокорреспонденты, задававшие привычные вопросы.

Эти люди казались такой неотъемлемой частью жизни Энрико, что принесли с собой неожиданное тепло от возвращения домой. Он всегда говорил: «Я разговариваю с ребятами из газет не только для себя. Они серьезно работают, чтобы меня сфотографировать или написать что-то. Они этим живут, как я пением». И я отвечала на их вопросы, позировала с Глорией и поступала так, как делал бы он.

Я остановилась в «Сент Реджис» рядом с Центральным Парком, где девочка могла играть. Ей было почти два года, а парк — сказочная страна. Каждый вечер она возвращалась и рассказывала о говорящих белочках, лебедях и о том, как полицейский Чик остановил все машины, чтобы они с Нэнни смогли перейти улицу. Глория собирала всякие сокровища — пузырьки и яркие осенние листья, — приносила их в комнату, где сидела я, без будущего, и пыталась как-то познакомиться с чужим миром.

Теперь у Зирато оставалось немного секретарской работы, но меня успокаивал стук пишущей машинки в соседней комнате. Однажды утром он принес коробку с бумагами Энрико, и среди них мы нашли список людей в Италини, которых он годами содержал. Помимо списка родственников, мы насчитали сто двадцать фамилий мужчин и женщин, в прошлом оказавших ему небольшие услуги, о которых он всегда помнил. Он никогда не упоминал об этих подарках, как не говорил и о бесчисленных добрых поступках, ставших естественной частью его жизни.

До того момента я не осознавала, как оберегал меня Энрико от людей. В течение трех лет, что мы были вместе, я видела их только его глазами и словно издалека. Теперь они подошли ко мне вплотную. Потребовались время, простор и тишина, чтобы расставить мысли, как ступеньки пологой аккуратной лестницы, но забота и любопытство людей делали это невозможным. Король среди певцов, он принадлежал им так же, как и мне, и от меня ждали, что я буду вести себя не как безутешная вдова, а как скорбящая королева. Все говорили: мир потерял певца, но никто, кроме меня, не знал о том счастье и необычной любви, которые мы дали друг другу.

Сначала меня просили рассказать о нашей жизни, и я сразу же с готовностью откликнулась. Вспоминая, я видела его и на какое-то время оставалась не одна. Но вскоре им надоело слушать, глаза начинали блуждать, и, как только я делала паузу, переводили разговор на другое. И я перестала рассказывать. Начала понимать, почему Энрико не хотел, чтобы я общалась с людьми и доверяла кому-нибудь.

Летом я опять приехала в Неаполь взглянуть на его могилу. Она находилась в прелестной часовне из белого камня в тени кипарисового дерева. Над алтарем высилась наша добрая Ма-

донна тысячи скорбящих и взирала на белый мраморный саркофаг.

Я не подошла к саркофагу, потому что не хотела видеть Энрико. Хотя просила закрыть крышку гроба, его родственники отказались это сделать: по итальянскому обычаю, они выставляют напоказ тела своих великих соотечественников. Но посетители из других стран, где не существует таких обычаев, были шокированы. И лишь восемь лет спустя, после обращения непосредственно к правительству при посредничестве принца Барберини, мне удалось добиться закрытия саркофага.

Единственный человек в мире, знавший мои истинные чувства к Энрико, была Жаклин Романо Авеццана, и в течение последующих лет я каждую весну приезжала к ней в итальянское посольство в Париже. Они с мужем стали моими самыми близкими друзьями, и летом мы вместе ездили в Венецию. Однажды осенью перед моим возвращением в Америку Жаклин заговорила, что мне надо снова выйти замуж. Мне было тридцать, и она предвидела одинокие годы для меня и Глории, без защиты и дружбы.

Весной следующего года Жаклин умерла. Какая горькая ирония, ведь я смогла бы предложить ее семье такую же помощь, которую она оказала мне в Неаполе, после кончины Энрико.

В своем одиночестве я решила последовать ее совету и вновь выйти замуж. Замужество оказалось неудачным, но оно принесло то, о чем мечтала Глория, — сестренку. Она родилась в Нью-Йорке, и я назвала ее в память своей покойной подруги.

Поскольку я отдала Сигну семье Энрико *, я решила поселиться в Нью-Йорке. Купила дом и попыталась найти место в нормальной жизни, удовлетворившее бы всех. Уже через месяц я поняла, что это невозможно. Мой милый дом превратился в тюрьму. Я возвращалась туда после роскошного вечера и, как только дверь закрывалась, погружалась в тишину. Мое состояние было хуже одиночества и тоски, в душе царила тишина пустоты и нереальности.

Когда это чувство стало всепоглощающим, я расторгла все свои обязательства и отправилась на пароходе в Европу с Нэнни и детьми. Сначала заехала в маленький городок Сорренто и с той же террасы, где так уединенно жил Энрико, наблюдала, как на море опускается ночь. Купила постельное белье в той же маленькой лавочке и заказала свадебную фату для Глории, вышитую теми же монахинями.

* Виллу Белсогардо в Сигне с ее фермами мне было не под силу содержать до совершеннолетия Глории. Большая часть коллекции произведений искусства, собранной Энрико, находилась на попечении старого дворецкого Мартино. С войной я не имею о ней никаких сведений.

Некоторые его костюмы я отдала певцам. Я так и не рассталась с белым кашемировым костюмом, в котором он пел «Паяцы».

Король Виктор Эмануэль купил старинные золотые монеты, чтобы пополнить собственную коллекцию.

Двадцать лет прошло со дня смерти Энрико. Глории исполнилось двадцать два года, Жаклин — семь. Меня вновь уговаривали выйти замуж, на сей раз мои родственники и друзья, чтобы дети могли вырасти в нормальной обстановке.

Вновь я послушалась, и вновь неудача. Не думаю, что в этих неудачах кто-то виноват. Смерть не прервала мой брак с Энрико. Всякий живой человек казался лишь тенью в сравнении с его продолжавшимся существованием. Как только я пыталась превратить тень в человека, ситуация становилась для обоих невыносимой.

Он умер двадцать три года назад, но я до сих пор получаю письма от посторонних людей, которые любили его и не забывали. Они рассказывают, как познакомились с ним, или как он рисовал на них карикатуры, или дарил мне какие-то дорогие для них сувениры. После войны многие задавали вопрос о его могиле. Однажды я получила письмо из Неаполя от американского солдата.

«Имя Карузо — интимная часть города. В первый же день, что я отправился посмотреть достопримечательности, мы вошли в собор Сан-Франциско ди Паоло, и гид рассказал нам, что здесь отпевали Карузо. В ту же неделю я нашел одного сержанта, который отвез меня на машине командования на кладбище, и мы принялись искать могилу Карузо. Шел теплый дождь, солнце уже садилось, на кладбище было тихо. Стало памятным событием для нас, когда гид подвел нас к красивому белому мавзолею и гордо произнес: «Карузо».

Отдав молчаливую дань памяти великого человека, мы с сержантом повернули обратно и пошли под дождем вверх по холму. Каждый из нас по-своему думал о том, что война не смогла разрушить все святыни, маленькие и большие, возведенные людьми для того, чтобы вспомнить о прошлом и вдохновить для будущего».

Больше половины жизни я прожила памятью о трех коротких годах, которые сначала старалась изо всех сил забыть, а потом только помнить.

Эта книга закончена в день его рождения, сегодня ему исполнился бы семьдесят один год. Я сидела у радиоприемника и слушала его голос в передаче по случаю события. Ему бы это понравилось. Он бы сказал: «Как мило с их стороны, что они меня помнят так долго».

Перевод с английского
ТАТЬЯНЫ ШАШКОВОЙ.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Результаты конкурса знатоков мировой живописи

Привычное это словосочетание призвано наводить на размышления. Не минуют они и результатов конкурса знатоков мировой живописи «Фрагмент» («Смена», 1994, № 1—3), причем размышления эти оказались не так однозначны, как можно было предполагать.

Затевая творческий этот конкурс, редакция испытывала довольно серьезные сомнения относительно его своевременности и целесообразности. Судите сами: в эпоху повальной коммерциализации общества, в красные деньки «героя нашего времени» Лени Голубкова, во времена, когда телевидение ежевечерне обрушивает на человека слезливо-фальшивые сериалы «из красивой жизни», а от рассвета до ночи с завидной изобретательностью обучает миллионы соотечественников тому, как, ровным счетом ничего не делая, урвать кусок пожирнее, того вовсе не помышляя, что, в сущности, зовет людей к занятию, издавна на Руси презираемому — давать деньги в рост под проценты, — и вот в эту-то смутную, торгашескую пору, когда уместнее всех прочих будет Шекспиров вопрос «Что он Гекубе и что ему Гекуба?», в это самое время массовый журнал приглашает своих читателей к делу, процентами не измеряемому и никаких «наваров» не сулящему. Куда, казалось бы, разумнее на тех же самых страницах прове-

сти конкурс, ну, скажем, знатоков банковского дела или чего-нибудь другого, но в том же, однако, далеком от прекрасного роде.

Серьезные, согласитесь, причины для опасений; а не поддались мы им только потому, что верили в того читателя «Смены», который вопреки поветриям времени не озабочен проблемами «Игоря» и «Юли»; не проливает ежевечерних слез над судьбою «просто Марии» и которого потому, следовательно, вот именно — следовательно, *пятка блудного сына* в картине Рембрандта или *пламя свечи на фоне белой рубахи стрельца* у Сурикова интересуют и волнуют куда больше, чем курс доллара, хотя именно об этом ему и талдычат с утра до вечера.

Веря в такого читателя, мы не ошиблись. Груды писем на редакционных столах — не единственное тому подтверждение. Но итоги конкурса убеждают и в вещах куда более серьезных.

Социологи, статистики! Кто, скажите, какими законами диалектики объяснит тот поразительный, но далеко, однако, не парадоксальный факт, о котором прямо говорят результаты нашего конкурса? А факт этот в том состоит, что сегодня искусство в нашей стране — большею частью — знают и любят те, кому у нас меньше всех платят! Именно они, те, кто

и у прежней власти ходил в па-сынках, кого и власть нынешняя продолжает пасти возле пресловутой «черты» — учителя, музейные работники, библиотекари, инженеры — именно они оказались победителями и призерами конкурса знатоков мировой живописи.

Но вот что, пожалуй, здесь самое, быть может, интересное и по первому взгляду смахивающее на парадокс. Кажется бы, все обстоятельство жизни этих людей, возможности, которыми они располагают, напротив, должны бы оставить им минимальные шансы на победу, — ведь знание искусства, как ни печально это звучит, требует известных материальных затрат. Но мало сказать, что на нынешнюю зарплату учителя, библиотекаря, инженера или музейного работника не разгуляешься, — на мало-мальски приличный альбом репродукций с трудом выкроишь, а что уж говорить о том, чтобы за целую жизнь разок-другой в какую-нибудь «музейную» страну заглянуть? Чаще, куда чаще ездят туда те, кто, не в обиду будь сказано, путают Ван Гога с Гогеном и всерьез полагают, что Лувр — это фирменный магазин в Париже... Нет, конечно, отнюдь не ко всем, кто частенько наведывается «за рубеж» и кому не обременительно собирать альбомы серии «Chefs-d'œuvre de l'art» или престижные издания «Skira», относится это, быть может, излишне резкое замечание, но все же... Но все же статистика — вещь упрямая, а в данном случае она говорит о том, что в трудном конкурсе по искусству победили именно те, для кого редкое приобретение художественного альбома — праздник, а постоять перед «Динарием кесаря» в Дрездене — только во сне приснится.

Странно? Непонятно? Может быть, может быть. Но результаты

конкурса преподнесли загадки, пожалуй, и позабористее. Почему, например, житель Москвы или Санкт-Петербурга, живущий бок о бок со знаменитыми музеями, и обитатель районного, а то и вовсе «безуездного» городка, в единственной библиотеке которого с грехом пополам сыщется с полдюжины иллюстрированных альбомов, и этим обстоятельством поставленный уже в неравные условия со столичными соперниками, вступает с ними в борьбу на равных, и в результате, при подведении итогов, оказывается, что российская провинция «бьет» обе столицы по всем статьям, а в числе семнадцати призеров — только один москвич и два петербуржца; все остальные — из провинции, и чаще всего из глубокой провинции!.. Ведь от этой самой Верхней Салды до «центров культуры» тысячи и тысячи верст, а работник краеведческого музея **Ирина Николаевна Танкиевская** присылает в редакцию безошибочные сведения об эрмитажных, луврских, венецианских, дрезденских, лондонских картинах... Вот и сомневайся после этого, что будущее России живет в ее провинции!..

О чем же еще побуждают задуматься результаты пусть и скромного в масштабах страны нашего конкурса? Как это ни странно, очень о многом. О том, например, что расхожие сегодня утверждения о тотальном духовном обнищании народа сильно преувеличены, и упаси Бог стричь всех под одну гребенку. Попробуем разобраться в этом на простых, сразу пришедших в голову примерах.

Утверждают, например, что в России стали меньше читать. Но главный вопрос — кто стал читать меньше? — отставляется почему-то в сторонку, хотя вроде бы само собой понятно, что заставлять читать *всех* потому только,

что у нас *всеобщее* среднее образование и *все* обучены грамоте, — нелепо, чтобы не сказать глупо. Вспомним-ка недавние так называемые «читательские конференции» в дворцах (кажется, с большой надо буквы) культуры или районных библиотеках, когда ради «мероприятия» или «переходящего красного знамени» (опять с большой?) уговоренный выступить пенсионер-активист вставал над скромно примостившимся за шатким столиком и опустившим глаза писателем и панибратски-развязно, неся часто чушь и только что не похлопывая покровительственно по плечу, вещал нечто о «достоинствах и недостатках романа уважаемого автора». Стыдно, нестерпимо стыдно было и за писателя, и за читателя его, когда всему этому дурацкому мероприятию найдено уже было точное имя — показуха. Слава Богу, вывелись теперь эти пресловутые «встречи с автором», но ведь из этого вовсе не следует, что интерес к литературе в отечестве нашем упал и читать стали меньше. А главный вопрос, который был прежде и остается теперь, в том, кто и что читает. И тут надо называть вещи своими именами.

Если в прежние годы в «самом лучшем в мире метро» «самой читающей страны мира» одна половина вагона читала «Правду», а вторая — «Приключения майора Пронина», то и сегодня мизансцена та же, переменился только реkvизит: одна половина вагона читает «МК», другая — «Моя плоть сладка». Но, позвольте, это и надо (если, конечно, вообще надо) читать в метро. Дома по-прежнему читают другое. И по-прежнему — другие.

Не станем и в этом случае стыдливо опускать глаза, но если нелепейшие наши замечания по-

кажутся кому-то, как говорили в то время, «апологией элитаризма», то есть смертным грехом прежних лет, то сегодня грех этот выведен за пределы уголовно наказуемых деяний, а все сказанное выше имеет самое прямое отношение к результатам конкурса знатоков мировой живописи; потому и продолжим, не уклоняясь от темы.

Прошли времена, когда развитой наш социализм гордился тем, например, что каждый советский, скажем так, сантехник имел право и считал обязательным запечатлеть свое сугубо личное мнение на страницах подобострастно раскрытой перед ним «Книги отзывов». И, вспомните, униженно и жалко было смотреть, как этот «рядовой представитель рабочего класса» стоял посреди выставочного зала, размахивал руками и всенародно поучал сконфуженного, краснеющего перед ним живописца, как надо *рисовать* картины, да так, чтобы непременно было «как в жизни». На месте нашего сантехника мог быть и профессор философии, например; но сути дела это, конечно, не меняло, а в оправдание условного «сантехника» скажем, что это «партия и правительство» десятки лет и весьма успешно учили его быть агрессивным. Ведь это ему было сказано, как отрезано: «Искусство принадлежит народу!». Но тут и остановимся. Чтобы продолжить.

Дело не только в том, что беспелляционная эта фраза — и *по тону* и *по графике* — весьма смахивает на блатную наколку, но это такая же, прости Господи, абракадабра, как и то, что «Без почт и телеграфа социализм невозможен». А капитализм, черт возьми, возможен?..

Не будем, однако, вступать в полемику со столь тонким цени-

телем искусства и глубоким знатоком народа. — он и не такое сказывал. Зададим обращенный в никуда, риторический, так сказать, вопрос: ну, почему искусство должно принадлежать Лене Голубкову, а «Игорь» и «Юля» («вместе с друзьями») непременно должны его понимать? Товарищ Голубков сам признается, что озабочен лишь тем, чтобы «выкупить свой экскаватор», а пара молодоженов только и думает, куда всунуть рубль, чтобы вытащить бакс. Ну, зачем им морочить голову какими-то живописными шедеврами всех галерей мира? Давайте оставим кесарю — кесарево, а искусство отдадим тем, кто в нем нуждается и кому оно необходимо. Не будем в конце концов голос телевизионных персонажей выдавать за голос всего народа. Хватит, ей-богу, столько лет дурочку валяли друг перед другом...

Вот отчего нет у редакции сожалений по поводу того, что конкурс знатоков мировой живописи не вызвал так называемого *всенародного* интереса, хотя груды писем в его адрес, а среди них большинство с благодарностью за возможность в век повального бизнесбесия прикоснуться к тому, что вечно, тоже о чем-то говорят.

Все это, вместе взятое, лишний раз убеждает нас и в целесообразности, и в своевременности такого рода творческих конкурсов, а потому решили мы не расставаться с этой традицией, и новый конкурс — на этот раз знатоков русской литературы — ожидает читателей в ближайших номерах журнала.

А теперь называем победителей и призеров конкурса «Фрагмент».

1-е место — 36 очков (абсолютный рекорд): И. Н. ТАНКИЕВСКАЯ, работник краеведческого музея, Верхняя Салда Свердловской области; А. П. АНДРИАНОВ, инженер, Санкт-Петербург; Т. А.

СУКОВАТЫХ, библиотекарь, Курск; Г. С. КАТЫХИН, инженер, Санкт-Петербург.

2-е место — 35 очков: Л. С. АНУФРИЕВА, инженер, Калуга; М. В. ИОАНИДИ, студентка, Челябинск; Н. В. ГРИШИНА, библиограф, Волгоград; В. М. МАЙЗЛИШ, инженер, Чебоксары; Т. Ф. КАЛГУШКИНА, библиограф, Кишинев; В. Л. КУЗНЕЦОВ, учитель, Чебоксары; Р. М. ПАЙКИНА, В. А. ЯГОДКИНА, обе — библиотекарки, Петрозаводск.

3-е место — 34 очка: Г. Е. АЛТУНИН, инженер, Москва; В. Е. БЕЗВИКОННЫЙ, экономист, Одесса; семья ГАЛАКТИОНОВЫХ — педагоги, Чебоксары; семья ГУЛЯЕВЫХ, Усть-Илимск; А. В. МИХЕЕВА, учитель, Самара; М. М. НИКИТИН, инженер, Саратов.

Поощрительный приз — за интересные, глубокие ответы — присуждается Р. И. МЫЛЬНИКОВОЙ, топографу, Нижняя Салда Свердловской области.

Мы благодарим всех участников конкурса и называем наиболее активных: Т. М. АМБРОСЬЕВА, п/о Крест-Кытыл, Саха (Якутия); А. Н. АНАСТАСЬЕВА, ст. Провиант Кировской обл.; Н. А. АНИКИНА, Норильск; Л. П. АРТАМОНОВА, Нижний Новгород; Илья АРХИПЕНКО, Санкт-Петербург; А. А. БАБИКОВ, Орск; А. Х. БАГДАСАРЬЯН, Москва; В. Р. БАДРЕТДИНОВ, Уфа; Э. А. БЕЛОУСОВА, Кировск Ленинградской обл.; Е. М. БОЛДОВ, Великие Луки; В. Н. БОРЩЕВА, Минск; Ольга БРЕЕВА, Москва; И. Г. БУГРОВА, п. Ковернино Нижегородской обл.; К. Е. БУТУСОВА, п. Березовка Нижегородской обл.; О. Е. БУРЫЙ-ШАРЬЯ, Саратов; М. В. ВАСИЛЬЕВА, Воскресенск Московской обл.; Н. В. ВАСИЛЬЕВА, Руза Московской обл.; М. ВАНЧУРОВА, Петрозаводск; А. и Л. ГАЛИМОВЫ, г. Салават; В. Н. ГЛАЗЫРИНА, Сургут; И. Л. ГОРБУНОВА, с. Орджоникидзевское, Хакасия; О. О. ДАМДИЖАНОВА, с. Дильдурга Читинской обл.; Т. В. ДЕМЧЕНКО, Череповец; Т. ДМИТРИЕВА, Йошкар-Ола; Н. Г. ДОРОФЕЕВА, Москва; В. С. ДРОНОВ, Тула; семья ЕМЕЛЬЧЕВЫХ, ст. Родниковская Краснодарского края; М. И. ЖИГАЛИНА, Воронеж; Г. Н. ЗАХАРОВА, г. Киров (обл.); Яна ЗОЛотова, Хабаровск; И. В. ИГНАТЕНКО, Ростов-на-Дону; Н. Ю. ИЛЬИНЫХ, Красноярск; А. М. ИНШАКОВ, Санкт-Петербург;

В. КАЗАК, г. Орел; Ю. В. КАНТЕМИРОВА, п. Новобурейский Амурской обл.; Л. А. КАРАБЕТ, г. Глазов; Н. КАРМАНОВА, Бийск; Т. Н. КАРНАУХОВА, Уссурйск; М. Г. КАЧМИНА, Москва; И. Г. КАШАПОВА, Сургут; О. КЕСЛИНА, Хабаровск; В. В. КИРИЧУК, Штыково Ивановской обл.; В. КЛЕПАЦКИЙ, Санкт-Петербург; Н. А. КЛИМЕНКО, Нижний Новгород; Е. И. КЛИМОВА, Верхняя Салда Свердловской обл.; Н. П. КОВТУН, Амурск; Г. И. КОЗЛОВА, Екатеринбург; Т. С. КОЛОСОВА, Салдыкель, Саха (Якутия); Л. Н. КОНОНОВА, Ижевск; Л. Д. КОПЕНКИНА, Мезень Архангельской обл.; Л. В. КОПЫЛОВА, Москва; Н. А. КОРОЛЕВА, Мурманск; В. Т. КОСТЕРИН, Ханты-Мансийск; Г. И. КРАЕВ, Набережные Челны; Н. П. КРАСНОВА, Тула; С. В. КРИВОШЕЕВ, г. Киров (обл.); М. А. КУРЕНКОВА, Калининград Московской обл.; Т. О. КУРОВА, Санкт-Петербург; Б. Д. КУРОЧКИН, Йошкар-Ола; И. В. КУСКОВ, г. Курган; Л. В. ЛАПИН, г. Старица Тверской обл.; Н. В. ЛАЩИЛПА, Тамбов; В. Н. ЛЕБЕДЕВ, Москва; Т. С. ЛЕОНИДОВА, Москва; Л. Е. ЛЕТУНОВА, Москва; О. В. ЛУКЬЯНОВА, г. Свободный Амурской обл.; В. Е. ЛЯПИН, Нижний Новгород; А. В. МАЗИН, Нижневартовск; И. В. МАРЕНОВА, Белгород; Л. М. МАРЫЧЕВА, Пенза; А. МИГАЛЬ, Пенза; С. В. МАССОН, Пенза; Е. Н. МИТРИКОВА, Екатеринбург; Н. МИНГАЛИЕВА, Норильск; Н. В. МИХАЙЛОВА, п. Морки, Марий-Эл; Н. В. МОРОЗОВА, Смоленск; Л. А. МОСЯГИНА, Санкт-Петербург; Е. МУРАДОВА, с. Таштып, Хакасия; Т. В. НАУМОВА, Подольск Московской обл.; Л. Н. НЕЦВЕТАЕВ, Ульяновск; О. В. НОВИКОВА, Саранск; Ю. В. НОВОСЕЛОВ, Екатеринбург; В. В. ОБСЯННИКОВА, с. Верхний Мамон Воронежской обл.; Г. А. ОКОВА, Новодвинск; О. В. ОТТМАР, г. Заречный Свердловской обл.; С. А. ПЕРЕТЯГИНА, г. Киров (обл.); О. Ф. ПОВЕПЬЕВ, Новоуральск; семья ПОДОПРИХИНЫХ, Каменск-Уральский; В. И. ПОЖАРСКИХ, Нижняя Тура Свердловской обл.; И. ПОСТРИГАНЬ, Запорожье; Н. В. ПОЦЕПУН, Нижний Новгород; А. А. ПРОЦЕНКО, п. Школьный Кемеровской обл.; Л. В. РОГОЖИНА, Кемерово; И. А. РОЗЕНФЕЛД, Тольятти; Е. В. САВЕЛЬЕВА, Санкт-Петербург; Е. Б. САВИЦКАЯ, Оренбург; Р. Г. САПАЕВА, д. Нем-

дз, Марий-Эл; И. П. САЯПИНА, Тамбов; Л. Я. САФИНА, г. Салават; Н. СВЕТЛАКОВА, Выкса Нижегородской обл.; Л. Р. СЕРГЕЕВА, с. Помары, Марий-Эл; О. Н. СИМОНОВА, с. Елаш Свердловской обл.; Ю. Б. СИНИЦЫН, Москва; семья СМИРНОВЫХ, Санкт-Петербург; М. С. СМОРОДИНОВА, Москва; И. В. СОЛОВЬЕВА, - Санкт-Петербург; Т. СОЛОВЬЕВА, Чебоксары; Н. А. СОКОЛОВА, с. Терлево Московской обл.; Т. И. СТАРОДУБЦЕВА, с. Сушцека Ульяновской обл.; Л. В. СТРЕЛЬЦОВА, Барнаул; С. Ю. СТРУЧКОВА, Самара; Г. И. СУЕТИНА, Няндама Архангельской обл.; Н. И. ТАНАЕВА, Самара; Г. Г. ТЕРЕЩЕНКО, Владикавказ; Ю. С. ТКАЧЕВ, Токмак, Кыргызстан; Н. Н. ТУЖИКОВА, Екатеринбург; семья ФЕДОРОВЫХ, г. Тихвин; Ольга ФОМЕНКО, Анапа; Л. Ф. ХОДНЕВА, Красногорск Московской обл.; Н. Ф. ЧЕРЕМНА, п. Междуреченский Архангельской обл.; Л. Т. ЧЕРНЯВСКАЯ, Казань; Т. Н. ЧЕХ, Москва; В. И. ЧУМАКОВ, Уфа; И. А. ШАКОЛА, Тольятти; А. А. ШАХОВА, Няндама Архангельской обл.; О. А. ШЕЛУДЬКО, г. Сергиев Посад Московской обл.; В. Е. ШИПИЛОВА, г. Дубовка Волгоградской обл.; М. ШУМАКОВА, Уфа; А. А. ЯЩЕНКО, с. Замостье Курской обл.

Публикуем ответы на вопросы трех туров конкурса «Фрагмент».

ПЕРВЫЙ ТУР

1. К. Юон. Подмосковная молодежь. Государственный Русский музей (далее — ГРМ).

2. И. Репин. Проводы новобранца. ГРМ.

3. Луи Мишель Ванлоо. Портрет Е. Д. Голицыной. Государственный Музей Изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (далее — ГМИИ).

4. И. Репин. Протоиерей. Государственная Третьяковская галерея (далее — ГТГ).

5. В. Феклистов. Портрет Татьяны Свешниковой. ГРМ.

6. Фредерик Базиль. Семейный портрет. Лувр. Париж.

7. Жан Леон Жером. Продажа Невольницы. Эрмитаж.

8. Якоб ван Лоо. Снисходительная старушка. Эрмитаж.

9. Антонелло да Мессина. Мадонна. Музей истории искусств. Вена.

10. Антонелло да Мессина. Мужской портрет. Музей Мандралиска. Чофалу.

11. Лукас Кранах Старший. Венера и амур. Эрмитаж.

12. Лукас Кранах Старший. Святой Иероним в келье. Частное собрание, США.

ВТОРОЙ ТУР

13. Франсуа Буше. Юпитер и Каллисто. ГМИИ.

14. А. Антропов. Портрет А. В. Бутурлиной. ГТГ.

15. В. Тропинин. Старуха, стригущая ногти. ГРМ.

16. Бартель Брейн Старший. Портрет дамы с дочерью. Эрмитаж.

17. Мари Лорансен. Артемида. Эрмитаж.

18. Клод Моне. Дама в саду. Эрмитаж.

19. П. Филонов. Портрет А. Ф. Азизбэра с сыном. ГРМ.

20. Ян Мандейн. Пейзаж со сценой легенды о св. Христофоре. Эрмитаж.

21. К. Юон. Натюрморт. Псковский историко-архитектурный музей-заповедник.

22. Кес ван Донген. Дама в черной шляпе. Эрмитаж.

23. Ян Мостарт. Поругание Христа. ГМИИ.

24. Джорджоне. Гроза. Галерея академии Венеция.

ТРЕТИЙ ТУР

25. Маринус ван Роймерсвале. Сборщики податей. ГМИИ.

26. В. Тропинин. Портрет К. А. Лебедеха. Музей Академии художеств России.

27. Андре Дерен. Матиг (Гавань в Провансе). Эрмитаж.

28. В. Боровиковский. Портрет А. И. Безбородко с дочерьми. ГРМ.

29. Пабло Пикассо. Портрет Солера. Эрмитаж.

30. Якобс Дирк. Групповой портрет корпорации амстердамских стрелков. Эрмитаж.

31. Хендрик Голциус. Крещение. Эрмитаж.

32. Ян Провост. Мария во славе. Эрмитаж.

33. Жак-Луи Давид. Сафо и Фаон. Эрмитаж.

34. Д. Левицкий. Портрет Ф. П. Маковского. ГТГ.

35. П. Чистяков. Великая княгиня Софья Витовтовна, срывающая пояс с Василия Косого на свадьбе Василия Темного. ГРМ.

36. Рафаэль Санти. Портрет папы Льва X с кардиналами Джулио Медичи и Луиджи Росси. Уффици. Флоренция.

МИССИЯ

РОССИЙСКОГО СОЛДАТА-

ВАЛЕРИЙ МАЙОРОВ

МИР

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Начало августа 1994 года...

Село Мархаул с юга почти вплотную прильнуло к окраинным дворам абхазской столицы: минут пятнадцать езды на военном «уазике» от штаба российских миротворческих сил, разместившемся в одном из корпусов санатория ВДВ.

Шоссе — на удивление — почти не пострадало, хотя его и проутюжили в обоих направлениях танки, «бэтээры» и прочая боевая техника, беспорядочно палившая, по свидетельству очевидцев, на полном ходу. Оно все так же оторочено с двух сторон пальмами, магнолиями, кипарисами... Мархаул встретил нас безлюдием на улицах, нежилой тишиной покинутых усадеб, по которым вдобавок, судя по многочисленным признакам, прошла толпа мародеров.

— Отсюда, между прочим, начинался экскурсионный маршрут, — говорит генерал-лейтенант Василий Якушев, командующий российскими миротворческими силами в зоне грузино-абхазского конфликта. — Автобусы ходили до самой Сванетии, через все Кодорское ущелье.

Якушев приехал в Мархаул для того, чтобы, выражаясь военным языком, проверить готовность и поставить боевую задачу группе, которой предстояло тут же выдвинуться в Лату — горное село, возле которого сходятся огневые позиции конфликтующих сторон.

Завершая напутствие, генерал передал командиру группы два полотнища российского государственного флага. Одно — укрепить на головной машине походной колонны. Другое — водрузить по прибытии в лагерь воинов-миротворцев.

— И еще раз прошу: сохраните себя и выполните боевую зада-

чу, — сказал Якушев. Он сел в машину, проехал к окраине Мархаула, откуда начинала виться и петлять дорога в горы, изрезанные ущельями.

Со взгорья, где остановилась машина, было видно, как небольшая воинская колонна втягивается в покрытое лесами наклонное пространство, оглашая его гулом моторов и лязгом гусениц.

Мне отвели место в головном «уазике», позади подполковника Анатолия Чернова. За несколько предыдущих дней знакомства с ним «в санаторных условиях» свылся с неистощимым юмором, словоохотливостью этого человека, ставшего душой офицерской компании. Сейчас он был собран и сосредоточен. Вместе с командиром выдвигающейся группы полковником Борисом Казюлиным ему предстояло основать базовое размещение в Лате воинов-миротворцев и обговорить с командирами действующих в Кодорском ущелье абхазского и грузинского формирований вопросы, связанные с беспрепятственным пропуском российских патрулей.

И Чернов, и Казюлин находятся в зоне конфликта с первых дней появления в ней миротворческих сил (МС — эта аббревиатура обозначена на нарукавных и нагрудных эмблемах, на бортах машин России). Не раз приходилось бывать им и в Кодорском ущелье, где сохранялась наиболее взрывоопасная ситуация. Чернов, командир разведывательного батальона, откомандирован в группу миротворческих сил из Бийска. Там у него квартира, семья — жена и двое сыновей-подростков. Там и отчий его край — он родом из Барнаула. И учится сейчас заочно опять же в Барнаульском аграрном университете на экономическом факультете. Но это с расчетом на послеармейское бу-

дущее. Что же касается службы, то географически она складывалась для Толи от Камчатки до Закавказья. Но в горячей точке он впервые, Полковнику Казюлину в отличие от Чернова довелось побывать два года назад в Цхинвали. Да и срок службы у него поболее — с 1972-го, когда окончил Рязанское воздушно-десантное училище. На офицерском поприще прошел дорогой от командира взвода до начальника разведки дивизии. Нынешнее постоянное место службы — Главный штаб ВДВ.

Десантники и составляют костяк российских миротворческих сил в зоне грузино-абхазского конфликта.

Сколь жесток и кровав был этот конфликт, видно, едва попадаешь в Абхазию.

Самолетом в Сухуми нынче не прилететь — авиарейсов нет. Не ходят и поезда. Пришлось лететь до Адлера, а дальше — автобусом, пешком и снова автобусом добираться до пограничного кордона у моста через реку Псоу. И лишь затем, пройдя контроль российских, а потом абхазских служб, сесть в рейсовый автобус на Сухуми. В Абхазии его подчеркнуто называют теперь «Сухум», что, впрочем, соответствует и до-революционному русскому написанию...

Дорога вначале привела нас в Гагру. Зрелище, которое представлял всемирно известный город-курорт, было ужасающим, ирреальным. Кругом — ни души. Посреди пышной экзотической зелени — пустые корпуса многочисленных санаториев и пансионатов. Старый абхаз, ехавший рядом со мной (на нем, несмотря на жару, был пиджак с тремя рядами орденских колодок и ветеранским значком), пояснил:

— Там ничего нет. Все разграблено. И мебель, и медицинские аппараты. Все. Все.

— Кто разграбил? — спросил я.

— Кто, кто, — переходя почти на шепот, проговорил старик, — будете ночью по Сухуму ходить, узнаете... Бандиты кругом.

Конфликт этот называют по-разному: межнациональным, политическим, агрессией одного государства против другого. Каждый в название вкладывает свой смысл и свой расчет, ориентированный на общественное мнение, оценку международных организаций, иностранных лидеров. Грузинская сторона, следуя дипломатической формуле, в качестве официального использует термин «конфликт», избегая называть войну своим именем. Абхазское руководство ввело во внутреннее обращение идеологически-категоричное определение «отечественная война».

Я не хочу да и не имею такого морального права брать на себя роль оценщика и судьи. Но, думаю, нет «оправдательных» доводов и аргументов, если два народа, мирно — при всех нерешенных проблемах национального характера — уживавшихся друг с другом, оказались по воле и прихоти политиков залитыми кровью.

Вспоминаю свой первый, давнишний уже приезд в Сухуми. Ни с каким другим городом он не был сравним. Я воспринимал его как город-праздник. Особенно по ночам, когда он сплошь был залит электрическим светом и тротуары в районе морвокзала были заставлены столиками, за которыми люди пили кофе, вино, ели мороженое, играли в нарды. Сейчас от того образа ничего не осталось.

Сейчас по вечерам, когда темно, я выходил на лоджии своего

Подполковник Чернов.

Угощайся, сынок!

Школьный кабинет биологии в Латах.

номера на двенадцатом этаже санаторного корпуса (используемого как гостиница и пристанище для миссии ООН) и смотрел туда, где в светлое время открывалась панорама абхазской столицы. Редкие огни. Не угадать ни контуров городской планировки, ни расположения приметных зданий.

Море окутано темнотой. Ни одного мачтового огня во всем открывавшемся с высоты пространстве. Лишь вдаль, как и встарь, исправно мигает маяк.

Но океанские лайнеры сюда уже не приходят. Лишь раз в неделю бывает небольшой турецкий пароходик, связавший Сухуми с Трабзоном.

Когда темнеет, в городе начинается стрельба. За время командировки ни одной ночи без нее не обходилось. То одиночные выстрелы, то очередями. Вдали и поблизости...

Бандитизм расцвел так, что власти признают: собственными силами не справиться. Выход? Пока спорят: обращаться ли за помощью к российскому ОМОНу или вернуться к предложению, выдвинутому в свое время грузинской стороной, — о придании полицейских функций миротворческим силам... Сейчас в Абхазии почти каждый мужчина, начиная с четырнадцати лет, имеет «калашникова» или на худой конец пистолет. И крепостью для бандитов может стать любой сожженный, разрушенный или покинутый дом. Раньше численность населения Сухуми составляла около 150 тысяч. Сейчас осталась, может быть, треть или еще меньше.

То и дело встретишь в столице Абхазии пустой дом или строение, на которых крупными буквами помечено «занято». Но в них никто

не живет и не видно следов ремонта. Такие покинутые дома были предоставлены тем, кто воевал на абхазской стороне в качестве волонтеров из России, других постсоветских государств. Но «солдаты удачи», не обремененные семьями, тягой к оседлости, не обживают.

Не видят для себя перспектив и те абхазы, которые вернулись сюда из других мест в тяжелые для своего народа дни.

Вот история, почерпнутая из случайного знакомства с одной супружеской парой (имена просили не называть). Они встретились и поженились 15 лет назад в одном большом российском городе. Она учительствовала. Он работал инженером. Трудно было с жильем, но добились комнаты в коммуналке.

Когда стало возможно, муж с друзьями организовал кооператив, потом обзавелся магазином. Собрал деньги на покупку хорошей квартиры. Но тут началась война в родной Абхазии, и он ринулся в Сухуми.

За участие в боевых действиях власти передали ему во владение дом возле одной из турбаз. Весной этого года к нему приехали жена с дочкой. А что дальше? Она работу найти не может. Он хотел бы, но не может заняться коммерцией. Приобрести подходящее торговое помещение крайне дорого. Покровителей нет. Но главное — нет перспектив для успешной торговли. Все подобные предприятия влачат здесь жалкое существование. А он-то уже «избалован» российскими условиями.

Вот и возвращаются они в большой российский город, где благо осталась за ними коммуналка...

Юрий Николаевич Воронов, за-

меститель председателя Совета министров Абхазии, говорил:

— Экономические, культурные потери республики огромны. Разрушено, разграблено множество предприятий, магазинов. Сожжены Абхазский Государственный архив, Республиканская библиотека, Русский драматический театр... Мы, по сути дела, оказались в условиях экономической и финансовой блокады. Казна пуста. Работники бюджетной сферы забыли, что такое зарплата. Минимальная пенсия — 2,5 тысячи рублей (грузинские купоны здесь не имеют хождения), буханка хлеба стоит тысячу.

— В республике, — продолжает Воронов, — восемьдесят тысяч пенсионеров. Ежедневно для них выделяется 15 тысяч бесплатных буханок, получаемых по талонам. На большее нет средств. Довелось увидеть картину бесплатной раздачи: невозможно было смотреть без содрогания на истощенных людей, беспомощно отталкивающих друг друга... Многие села, покинутые жителями, разграблены. От Сухуми до Очамчыры — ни одного, избежавшего исхода людей и разорения. А вокруг — богатая земля, некогда равно кормившая и грузин, и абхазов, и русских.

На протяжении пятидесятикилометровой линии вдоль реки Ингури оборудованы и выставлены посты российских ВС. Именно здесь, на грузинской стороне, сконцентрировалась основная масса беженцев.

Миротворческие подразделения — воздушно-десантные, мотострелковые, инженерно-саперные — разместились в городе Гали, селах Тагилони, Рухи, Репозери.

Прилетев вертолетом в Рухи (это неподалеку от Зугдиди), мы приземлились возле палаточного

городка, обнесенного для порядка легким проволочным ограждением. Местные жители, наученные войной, как пояснил часовой у входа в городок, знают, что им здесь делать нечего. А пара коров с телятами, налуганные было вертолетом, упорно искали проход через ограничительную линию. Будто за ней трава вкуснее и слаще...

— Да они к солдатам уже привыкли, — сказал старший лейтенант Валерий Федоткин, командир взвода разминирования.

Их здесь два брата-близнеца, Федоткиных. Валерий и Вячеслав. Оба старшие лейтенанты, командиры взводов. Оба профессионалы высокого класса. Но даже они были удивлены, столкнувшись с новейшими противотанковыми минами фугасного действия. Откуда взялись эти мины? Еще более острый вопрос: откуда взялись специалисты по их установке?

Нет ответа...

— А вообще-то, — сказал один из братьев-близнецов, — еще не одна буренка подорвется на этих игрушках. Не говоря уж о людях.

Карт минных полей, естественно, ни одна из сторон не составляла. К тому же, как спустя несколько дней сказал мне Отари Квициани, один из лидеров сванской вооруженной группировки, в горах каждый, кто хотел, тот «что-то и поставил».

В Лате ребята с абхазского поста, одетые в домашние тапочки и обвешанные автоматами, предупреждали:

— Примерно в километре отсюда, на склоне горы, лежит вертолет, который сбили грузины 14 декабря 1992 года (сообщение об этом обошло прессу всего мира. — В. М.), но ты туда без нас не ходи. Подорвешься. Или на грузинской mine. Или на абхазской. Какая тебе разница...

Кодорское ущелье стало своего

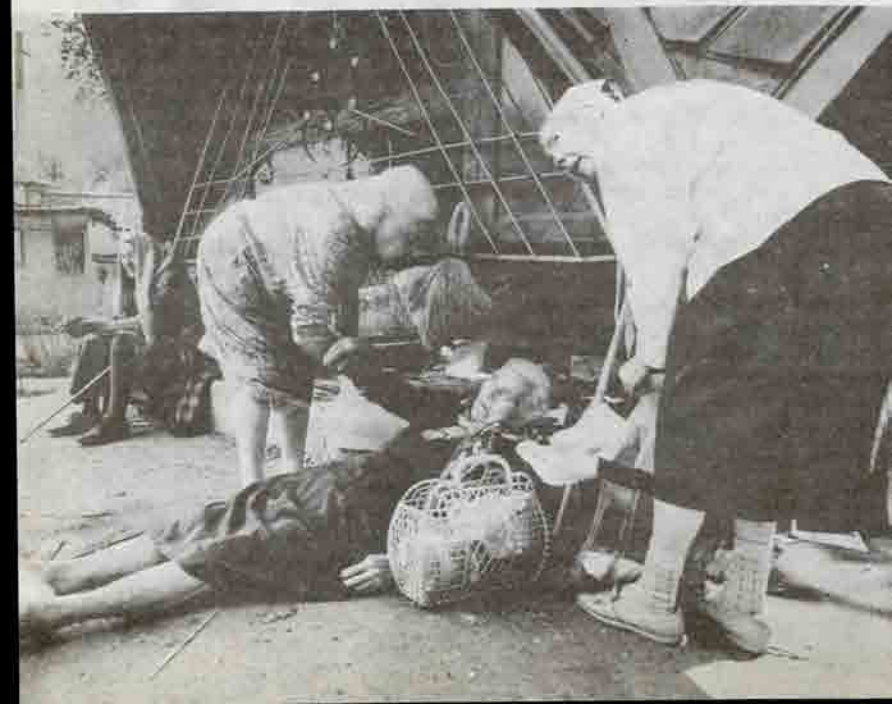
Все, что осталось от госархива Абхазии...

Переговоры на неформальном уровне.

Голодный обморок. (В очереди за бесплатным хлебом.)

рода камнем преткновения, или, точнее сказать, оселком российской миротворческой политики. В его верховьях сосредоточена боевая техника грузинской стороны, вывод которой предусмотрен несколькими международными соглашениями. В свою очередь, сваны, заселяющие этот район (а их непокорный, свободолюбивый нрав порождает легенды во все времена), отказываются разоружаться до тех пор, пока не будет разоружена противостоящая сторона и не возвращены беженцы в места своего проживания...

В Лате, на втором этаже полу-сожженной школы, увидел портреты Чарльза Дарвина, Менделеева и Ивана Павлова с пулевыми отверстиями.

На стене библиотеки был также ряд «расстрелянных» портретов: классики грузинской литературы. Под ними завал книг с порушенных полок — на грузинском, абхазском, русском языках.

Не знаю фамилий тех, кто держал здесь оборону, но с командиром батареи, что вел прицельный огонь по школе, познакомился. Худощавый парень лет двадцати. По виду больше подходит для студенческой аудитории. Сколько таких по обе стороны конфликта, для кого война заменила нормальную жизнь, стала привычной средой обитания.

— Что говорить, летом тут райские условия, постреливай и яблочки кушай, — заметил капитан Владимир Москаленко.

Лата расположена в том месте Кодорского ущелья, где горы чуть расступаются по обе стороны стремительно бегущей реки, образуя небольшую пологую низину. Село большое, вытянувшееся вдоль дороги. Здесь жили сваны, абхазы, русские, была даже польская семья Шапковских, расселившаяся в нескольких усадьбах.

При каждом доме гараж. Сады со всем набором южных фруктов. По заборам вьется виноград. Отойти чуть в сторону, к горам ли, к берегу Кодори — грецкие и лесные ореховые деревья. В реке — лососи и форели. Зажиточно тут жили, основательно...

— Это ж надо, сколько добра пропадает, — вздохнул капитан Владимир Москаленко. — Впервые вижу такое.

Он имел в виду то, что созревало в садах и опадало, никому не нужное, на землю.

Володя — командир воздушно-десантной разведывательной роты. Три года назад закончил Рязанское училище. Более шестидесяти прыжков с парашютом. Разрядник по многим видам спорта. Невысок. Короткая стрижка. Накачан так, что хоть ставь его рядом со Шварценеггером. Под стать ему и другие «рязанцы» — старшие лейтенанты Вадим Король и Анатолий Кирюков, замкомроты и комвзвода. Из личного состава роты здесь при них всего 12 человек. Парни, как говорится, один к одному.

Приходилось видеть на различных учениях, как действуют десантники в обстановке, приближенной к боевой. А тут они открылись иной стороной. Едва мы прибыли в Лату, как, что называется, закипела работа: за несколько часов разбитая, заваленная обломками, мусором, битым стеклом школа была превращена в приемное и даже довольно уютное жилище. В длинном коридоре вдоль окон выстроился ряд учебных столов — получилась солдатская столовая. На окнах и дверях школьной кухни, куда была установлена полевая кухня-печь новой модели с двух котлах, появились занавески, сшитые тремя гвардейцами — младшими сержантами Сергеем Балабановым,

Первыми идут саперы...

Алексеем Волчковым и рядовым Александром Хмелевским...

Пока десантники обустроивали жильё, связисты и саперы навели чистоту на школьной территории, огородили базу колючей проволокой, установили систему сигнальных мин, срабатывающую при нарушении ограничительной линии.

В то же время авианаводчик майор Александр Хомутов (прошел через Афганистан, Чернобыль, Южную Осетию...) со своей группой оборудовал вертолетную площадку...

В общем, через несколько часов база миротворческих сил была готова.

Столь подробно описал я хозяйственный процесс, ибо вижу между ним и готовностью воинского подразделения к выполнению боевых задач не только прямую, служебную связь, но и сугубо нравственную, укладывающуюся в основу той роли, которую суждено сыграть в регионе российским солдатам: они — миссионеры мира, созидания, а не боли и разрушения.

...На следующее утро, в шесть ноль-ноль, Владимир Москаленко вывел своих ребят на физзарядку. Физзарядка десантников, как многие знают, такова, что в пору снимать ее и показывать по телевидению. Обойдемся на сей раз без описаний.

— Сразу видно — профессионалы пришли, — коротко прокомментировал это зрелище один из командиров абхазского ополчения Тигран Читарян, тоже бывший офицер Советской Армии, участник памятных событий на острове Даманском.

В составе парламентарской группы идем вверх по ущелью, в сторону села Копчара, где находится один из пунктов базирования сванских вооруженных фор-

мирований. По рации обговорено: встреча у родника, известного уже Чернову и Казюлину. С обеими сторонами договорено о том, что каждая разминировует свой участок трехкилометрового отрезка дороги, идущей вдоль не особенно глубокого в этих местах каньона.

Вот и родник. Из-за деревьев появляется группа людей привычного уже вида — кто одет в полевую военную форму, кто использовал смешанный «гардероб», кто сугубо гражданский. Но при обязательных автоматах, небрежно перекинутых через плечо.

В нашей группе — представитель абхазского формирования Виталий Бганба. Любопытно было наблюдать, как он неожиданно узнал в одном из участников переговоров противостоящей стороны своего сухумского знакомого Томаза Липартелиани, инженера-строителя.

По завершении переговоров, когда по грузинскому обычаю нас не отпускали без того, чтобы не поднять по стаканчику чачи, они, отойдя чуть в сторонку, беседовали о чем-то своем. Да неужто они такие непримиримые, подумалось мне. Собрать бы вот так всех, усадить за громадный стол... Впрочем, можно и на траве, и под деревьями — места на берегах Кодори всем хватит...

— Мы сделаем все для того, чтобы мир в зоне этого конфликта восстановился, — сказал мне в самолете на пути из Гудауты в Москву заместитель начальника российского Генерального штаба генерал-полковник Владимир Михайлович Журбенко, взявший нас на борт правительственного авиалайнера.

Не сомневаюсь в том, что в конечном итоге именно так и будет. Хотя и существуют в мире силы, которым хотелось бы отстранить

от этого процесса Россию, признать ее роль. Получить геополитические выгоды от присутствия в регионе миротворческой миссии ООН.

Да, конечно, нам есть чему научиться у тех же «ооновцев», хотя механическое перенесение опыта международных миротворческих сил в здешних условиях успеха не гарантирует. Это признал в разговоре со мной один из офицеров ооновской миссии в Сухуми, майор Датской королевской армии Карстен Кристенсен, которому ранее довелось участвовать в урегулировании кипрской проблемы.

Из его рассказа я узнал, что в Дании, к примеру, даже подход к прохождению службы в войсках ООН принципиально разнится с нашим. Там предлагают на выбор: или полгода командовать батальоном, или год — в миротворческих силах ООН.

Но это в Датском королевстве, где у семьи майора Кристенсена есть просторный и уютный дом в городе Оденсе, что на острове Фюн.

У нас не то что домом, квартирой обеспечен далеко не каждый офицер. И принцип добровольности (соблюдаемый для военнослужащих срочной службы) зачастую накладывается на воинское понятие «долг».

Никуда не деться от проблем и иного плана. Например, связанных с выплатой установленных повышенных окладов. От многих офицеров приходилось слышать, что они получают суммы в два раза меньше, чем предусматривалось условиями. Или такая «мелочь», которую объективной никак уж не назовешь: те, кто служит в миротворческих силах в Абхазии, оказались в информационной изоляции. Никто не додумался наладить доставку сюда российской прессы...

Армия России сегодня — на своеобразной перестройке: меняются структуры, системы и методы управления, вводится новая форма... Есть тут свои плюсы и минусы. Но однозначно одно: миссия миротворцев, воинов, несущих людям не огонь, но мир, по плечу российскому солдату. Это показали события в Югославии, Молдавии, Южной и Северной Осетии... Теперь вот — Абхазия, куда уже возвращаются грузинские беженцы...

Август — октябрь 1994 г.

ВИКТОР КОЛЕСНИК,

30 лет, бульдозерист,
Якутия

КАНОУС

ДНУ
СПИЛКОВАНИЯ

Вначале — пауза. А там, презрев черту,
Напропалую: с гиканьем, со свистом —
Да так, чтобы сразило за версту —
И в лоб веслом, и сапогом под дышло.

Вперед — за счастьем — в злобной суете
(Помилуй, Боже, чтоб чего не вышло!)
Приблизиться к решающей черте:
Стать ангелом, стать дьяволом,
стать кришной.

И вот тогда... Да ничего тогда!
Как сонный зверь, башкой в вольер упруешься.
И — в миражах — последняя черта,
И — пауза, в которой задохнешься.

Дуну на камень, он мигнет обратится в жука.
Я ль не волшебник?

Я знаю все тайны на свете!
Знаю, как лужей становится злая река,
Как в ветерок превращается бешеный ветер.

Птица кружит, выжидает — отмерен мой срок.
Тот, кто сильнее, послал эту черную птицу.
Сеткой завесил свой дом,
но какой с того прок:
Что предначертано мне — непременно случится!

Жизнь спешит. Земля меняет кожу:
Как прыщи, возводятся дома,
Стали мы добрее или строже,
Правит нами Бог или Чума?
Что сказать — когда нас не читают,
Как понять — если не видно глаз?
А кометы вещи витают
И глядят молитвенно на нас...
И такая скушь, и лень такая,
Словно все желанное — во сне.
Хочется кричать: «Не надо рая,
Дайте осмотреться на земле!»

Первое июля оказалось первым свободным от игровым днем на чемпионате мира по футболу в США — так был составлен календарь групповых турниров, — а уже 2 июля начинались матчи 1/8 финала.

Передав рано утром очередную репортаж для Радио «Свобода», я вдруг осознал, что у нас с сыном (он освещал чемпионат мира в еженедельнике «Футбол», где работает заместителем главного редактора) образовался первый выходной день после напряженной, семнадцатидневной работы.

И начали мы этот выходной с посещения музея «Арт Институт оф Чикаго», который по богатству экспозиции можно сравнить с нашими «Эрмитажем» и Музеем изобразительных искусств имени Пушкина. Искусствоведы утверждают, кстати, что чикагский

музей обладает самой богатой коллекцией французской живописи за пределами Франции.

Но так уж непознаваемо устроен человек, что именно в этом музее, любуясь не только картинами с юных лет мне почему-то близких по духу Ренуара и Моне, но и мастеров Итальянского Возрождения, я понял, что по возвращении в Москву обязан написать эти заметки о... футболе. Вероятно, и их форма — портреты — навеяна была пребыванием в галерее живописи. Но прежде всего сработала дата — 1 июля.

Не знаю уж почему в памяти всплыло, что этот день пятнадцатилетней давности, 1 июля 1979 года, кто-то из коллег окрестил «черным днем советского футбола». Да, история порой выкидывает такие коленца, что только диву даешься, не иначе, где-то на небесах замысливаются подобные грустные совпадения: именно 1 июля

ВАЛЕРИЙ ВИНОКУРОВ

ГРУШОВОЙ

ПОРТРЕТ

В

АМЕРИКАНСКОМ

ИНТЕРЬЕРЕ

М. И. ЯКУШИНУ,
с пожизненной благодарностью

1979 года скончался наш великий спортсмен Всеволод Бобров и в этот же день был назначен начальником Управления футбола Вячеслав Колосков. Провожая в последний путь красавца и кумира Бобра, героя эпохи романтического нашего футбола, лучший и незабываемый портрет которого создал в своем стихотворении Евгений Евтушенко, мы тогда, конечно, не осознавали, что назначение Колоскова означало победу чиновничества на уровне непосредственного руководства футболом.

Непосредственного потому, что и прежде футболом управляли чиновники из ЦК партии через функционеров Госкомспорта, но непосредственно, точнее сказать конкретно, руководили футбольной федерацией на протяжении многих лет люди футбольной формации — Валентин Гранаткин, Андрей Старостин, Владимир Мошкаркин, все — заслуженные ма-

стера спорта, и даже Николай Ряшенцев, когда-то игравший в команде мастеров, был человеком от футбола. Они хоть в какой-то степени создавали для партийно-государственного чиновничества барьер на пути губительного воздействия на развитие футбола, хотя бы ограждали игру от идиотически-глупых решений. Справедливости ради должен признать, что даже им это не всегда удавалось.

Однако люди футбола, старавшиеся судить о нем профессионально, настолько раздражали чиновников, что председатель Спорткомитета Сергей Павлов совершил две попытки замкнуть их партийными работниками. Но и те ведь бывают разными людьми. Ненадолго мелькнул серый, беспомощный райкомовский секретаришка из Лисичанска и Луганска Зенченко, чуть дольше продержался работник одного из московских райкомов партии Анатолий

Еремин, у которого было прекрасное качество, чрезвычайно редкое в партийной среде. Он никого не хотел учить, он начал руководить футболом, стараясь сам научиться как можно большему у тренеров, футболистов, журналистов. Футбольная среда довольно быстро отторгла нефутбольных начальников. Зенченко исчез со спортивного горизонта мгновенно, а вот Еремину его стремление к познанию сути предмета выручило: много лет и достаточно успешно он работает в спортивных организациях.

Когда пришел Колосков — переводом из Управления хоккея, а какое-то время, чуть позже, он руководил одновременно и футболом, и хоккеем, — вряд ли можно было предположить, что он задержится так надолго. Еще жив был Валентин Гранаткин, сохранивший пост первого вице-президента ФИФА, и казалось, что Колосков, замкнувший ту самую тройцу, какую, считается, любит Бог, вскоре уступит место руководителю, воспитанному футболом, выросшему на футбольном поле и проявившему необходимые для организатора качества. Верю почему-то в то, что, если бы не скорый уход из жизни Гранаткина, он нашел бы со временем достойного себе преемника. Увы...

И вот минуло пятнадцать долгих лет. Руководство Колоскова оказалось губительным для советского, а теперь и российского футбола. Губительным как с профессиональной, так и с морально-нравственной точки зрения. Но об этом речь впереди.

Контурсы автопортрета

Безусловно, журналисту не пришлось писать о себе. Однако надеюсь, читатели простят, если я все же скажу несколько слов в поряд-

ке самопредставления. Скажу впервые за 30 лет работы футбольным обозревателем и лишь потому, что этого, мне кажется, требует необычный жанр этих заметок — по форме попытка создания группового портрета.

На этом большом полотне вижу себя в левом углу картины, в тени, причем полкорпуса отрезано рамой. Групповой портрет создается ведь в американском интерьере, я же, несмотря на то, что освещал этот чемпионат в основном для российских слушателей Радио «Свобода» и читателей газеты «Труд», не представлял в США средства массовой информации своей родной страны, ибо не получил от «Колоскова и компании» аккредитации ни как главный редактор издательства «Физкультура и спорт», ни как обозреватель газеты «Труд». Если бы не помощь зарубежных коллег, прежде всего американцев, не удалось бы мне, конечно, полноценно поработать там, чего очень не хотелось Колоскову и что с превеликим усердием осуществляли, по его поручению — не давать мне аккредитацию, его верные клеветы.

О них тоже речь впереди, они ведь не могут не оказаться среди фигур группового портрета. Эта же их акция также побудила меня нарушить требования журналистской скромности и сказать чуть-чуть о себе, не более чем контурно.

К моменту назначения Колоскова начальником Управления футбола я проработал футбольным обозревателем уже 15 лет, успел осветить несколько чемпионатов мира по футболу и хоккею, несколько чемпионатов Европы и Олимпийских игр. Многие годы был членом Всесоюзного тренерского совета. Необычно для журналиста, не так ли? Кроме статей, очерков, репортажей в периодической печати, выпустил несколько

книг. Сейчас вспоминаю, конечно, с юмором, но дважды был занесен в Книгу почета Федерации футбола СССР. С юмором лишь потому, что не знаю, достаивались ли такой чести замечательные журналисты Мартын Мержанов, Александр Вит, Геннадий Радчук, Лев Филатов, Аркадий Галинский, которых считаю своими вечными учителями и даже мысленно не позволяю себе «соперничать», что ли, с ними. Недавно в ящике книжного стола обнаружил удостоверение о награждении Почетным значком Федерации футбола СССР, датированное — глазам своим не поверил — 31 июля 1979 года (спустя 30 дней после назначения Колоскова) и подписанное тогдашним председателем Федерации, обозревателем «Известий» Борисом Федосовым. После продолжительных поисков нашел и значок, а пока искал, что только не лезло в голову. Но самое главное — возможна ли была тогда ситуация, чтобы аккредитации журналистам раздавали, то есть фактически определяли задания газетам и журналам по освещению чемпионата мира, чиновники из футбольного союза? В страшном сне такое не могло присниться всем тем прекрасным журналистам, которых я только что с чувством глубочайшего уважения перечислил.

Горжусь тем, что у каждого из них хоть что-то паренял, хоть чему-то научился.

Центральные фигуры картины

Это, безусловно, футболисты. Именно они, их мастерство, их характеры, они как личности собственнно и создают то великое действо, то прекрасное зрелище, каким является футбол. И что осознаешь особенно глубоко

и емко во время чемпионата мира, за которым наблюдает едва ли не половина человечества.

Это самая большая и самая важная группа на картине. И никакому великому живописцу никогда бы не удалось создать такое разнообразие типажей, такое различье, какое рождает жизнь. Каждый из них, мастеров, достоин очерка, психологического анализа, портрета. На это не замахиваюсь, этого мне не потянуть, да на это и жизни не хватит. Очерки-портреты лучших из лучших пишут постоянно коллеги, интервью с ними, тоже своего рода портреты или, точнее, автопортреты, не сходят со страниц газет.

Если же говорить о групповом портрете в американском интерьере, то жизнь разделила их всех сначала, то есть 17 ноября 1993 года, на две группы: 14 подписавших письмо с отказом играть под руководством тренера Павла Садырина и требованием навести порядок в работе Российского футбольного союза составили одну группу, которую морально поддерживали остальные игроки «Спартака», а во вторую, значит, вошли те, кто письмом не подписывал и, следовательно, ничего против работы с этим тренером и сотрудничества с РФС не имел.

Но жизнь не стоит на месте, да и люди все разные: по стойкости, принципиальности, взглядам на футбол и свое место в нем, по отношению к материальному благополучию они отличаются друг от друга. Потому и происходила миграция между группами, но только в одном направлении. «Группа 14-ти» постоянно уменьшалась, и теперь на нашем портрете состоит из семи человек.

Опять-таки по удивительному совпадению на пресс-конференции в конце декабря 1993 года футболистов, подписавших пись-

мо, было именно семеро. Шалимов, Добровольский, Кирьяков, Кульков, Иванов — они и на нашей картине среди семерых, вместе с Канчельскисом и Колывановым. Двое же — Юран и Мостовой — уже в другой группе, среди тех, кто согласился впоследствии играть в сборной, как бы дезавуировал свою подпись, за что, к слову, никто из нас не вправе их осуждать. У человека есть право принять решение, у него есть право передумать. В любом случае важны мотивы, побудившие его к тому или иному шагу, а поскольку мотивы эти мне не известны — имею в виду те, что заставили людей свое первоначальное решение изменить, — то не буду их и осуждать.

Не будучи лично знаком со всеми этими молодыми людьми — мне не доводилось никогда брать у них интервью и даже беседовать на футбольные или околофутбольные темы, — я был на этой пресс-конференции просто-таки поражен уровнем культуры игроков нынешнего поколения. Не говорю даже об их знании иностранных языков, это незабываемое впечатление у меня осталось еще с чемпионата Европы в Швеции, когда телевизионные интервью наши футболисты давали на итальянском, английском, шведском, немецком языках, чего раньше и представить себе было невозможно. В данном случае меня поразила их культура речи на родном языке, в чем они, кстати, превосходят абсолютное большинство наших телекомментаторов. Поразило и умение четко и емко сформулировать мысль, изображение, выдержать логику в полемике с искушенными в демагогии функционерами. А самое главное и важное качество этой плеяды молодых мастеров — они говорят правду, говорят откровенно

и искренне то, что думают, не боясь реакции футбольных чиновников или «карманных журналистов» (по меткому определению А. Галинского) Российского футбольного союза.

Да, это, пожалуй, существеннейший итог выступления наших легионеров на футбольных полях Европы — осознание ими собственной независимости от «руки-владыки» доморощенного чиновничества. Новое поколение выбрало не «пепси», как назойливо убеждает нас реклама, а приобрело новый менталитет: верит в себя, в свое мастерство, в свои силы. Однако важно при этом, что новое качество присуще не только тем, кто выступает за рубежом. Точно так же, как и лучшие легионеры, вели себя в ходе всего развития конфликта и некоторые игроки российских клубов, скажем, Добровольский, Карпин, Иванов, а ведь им было гораздо труднее находиться под постоянным прессом давления, оскорблений и клеветы.

Почти год прошел после той пресс-конференции, которая была тогда более или менее подробно освещена. Поэтому не стоит, помоему, детально ее описывать. Но несколько ключевых моментов необходимо все-таки короткими мазками нанести на картину, без них групповой портрет был бы неполным.

Проходила эта встреча игроков с журналистами спустя месяц и несколько дней после того, как было написано «письмо 14-ти», а РФС уже мог отметить первый «успех»: один из 14-ти, а именно Саленко, свою подпись как бы отозвал. По телефону он сказал кому-то из руководства, что имеет претензии только материального характера и, если все вопросы денежного вознаграждения будут решены, у него нет никаких дру-

гих требований, письмо же он якобы подписал просто за компанию.

Любопытно, что именно Саленко может считать не зряшной свою поездку на чемпионат мира. Он установил бомбардирский рекорд — 5 голов в одном матче, стал вместе с болгаринцом Стоичковым лучшим бомбардиром турнира, то есть вписал свое имя в историю мирового футбола и тем самым в какой-то мере скрасил позорное в целом выступление сборной России в США. Но не менее любопытно и признание, которое он сделал после чемпионата, намекнув на то, что не все обещанное ему начальством РФС получило. Смешной мне представляется сегодня и история с Саленко, произошедшая после матча со шведами и до матча с камерунцами, который, собственно, и принес Саленко бомбардирскую славу. Так вот, тренер Павел Садырин обвинил его в нечестности, конкретно выразившейся в том, что он незаметно успел поменять бутсы фирмы «Рибок», из-за чего вышел скандал после игры со шведами, ибо был нарушен контракт со спонсорами сборной. А ведь нежелание играть в форме этой фирмы было одним из камней преткновения между РФС и футболистами-отказниками. Голами же в ворота камерунцев Саленко себя как бы реабилитировал в глазах руководства.

Но все это еще предстояло. Тогда же, на пресс-конференции, Саленко был представлен героем, а остальные футболисты — рвачами, непатриотами и пр. Удивительно, правда: человек, признавший, что имеет только лишь материальный интерес во всем этом конфликте, — герой и патриот. Те же ребята, которые доказывают, что для них важнее всего качество игры, обвиняются в рвачестве и непатриотизме. Все они достой-

нейшим образом отвели эти обвинения. Однако услышит ведь только тот, кто хочет услышать и понять. Функционеры же РФС ни слушать, ни понять их и не собирались. Твердокаменную позицию РФС выражал на этой пресс-конференции заместитель Колоскова Александр Тукманов, который с упорством, выполняя, естественно, наказ своего начальника, твердил одно и то же: «Тренером будет Садырин, что бы тут ни говорилось».

Поскольку Тукманов, как человек без собственной позиции и, я бы даже сказал, без своего лица, на групповом портрете персонифицирован не будет, приведу лишь один его ответ на вопрос журналиста. Его спросили: «Раз вы так твердо стоите на своем и не хотите даже приводить возражения или объяснения в ответ игрокам, хватит ли у вас мужества 25 июня, когда сборная России провалится на чемпионате мира, подать в отставку?» Его ответ был примечателен тем, что, как выяснилось, он даже не понял сути вопроса и попытался сразу же унижить журналиста. «Вы даже не знаете, — с чувством превосходства и аж пыхтя от самодовольства, объяснил Тукманов, — что игры в групповом турнире заканчиваются 28 июня. Что касается отставки, то все будет зависеть от результата».

Но кто же из присутствовавших в зале мог не знать, когда заканчиваются на чемпионате мира матчи в группе? Смысл вопроса в том и заключался, что после двух поражений — от Бразилии и Швеции, что было predeterminedo наличием тренера Садырина и отсутствием лучших футболистов России, — турнир для нашей сборной завершится еще до окончания группового турнира. Так, собственно, и произошло, несмотря даже на сенсационный итог третьего матча.

Однако я опять забежал вперед. Глупый же и пустой ответ Тукманова тогда, в декабре 1993-го, тем не менее многое объяснил. Прежде всего то, что ни о каком нормальном разговоре с руководством РФС и речи быть не может. Ну а до отставки этого деятеля дело не дошло и после двух поражений-пощечин.

Необходимо, однако, уточнить: нет в мире команды, которая была бы застрахована от поражений в матчах с бразильцами и шведами. Это ведь чемпионы мира и третьи призеры турнира в США. И обыграли они, естественно, не только сборную России, но пощечины нанесли именно россиянам, потому что во всех остальных матчах, все остальные соперники бразильцев и шведов соперничали с ними достойно, боролись за победу, показывали содержательную игру, и лишь садыринская команда выглядела беспомощно, бестолково, никакой собственной игры вообще не вела. С этой точки зрения ее нельзя сравнить ни с одной командой из 24-х, участвовавших в чемпионате мира. Все остальные играли, она же отбывала номер.

Когда на пресс-конференции стало окончательно ясно, что никакие дискуссии с функционерами РФС невозможны, я задал вопрос президенту Национального олимпийского комитета России Виталию Смирнову: «Есть ли какая-нибудь управа на наш независимый Российский футбольный союз, насквозь коррумпированную организацию?» Смирнов отвечал долго, минут пятнадцать — двадцать. Его собственная позиция выглядела более чем определенной: цвета российского флага должны защищать лучшие футболисты страны. В то же время из его выступления можно было понять: управы нет, надежда лишь

на победу здравого смысла. Но, поскольку здравый смысл в коридоры РФС даже сквозняком не заносило, значит, и надежды не оставалось.

Полагаю, именно в тот день футболисты должны были понять, что их борьба обречена на поражение. Убежден, подсознательно многие из них, если не все, это поняли. Как прореагировали, сегодня мы уже знаем: семеро продолжали бороться, отстаивая свою позицию, остальные постепенно сдавались, за что, повторяю, никого осуждать нельзя. Бытие определяет сознание, и каждого понять можно, лишь вникнув в его личное бытие.

До самого отъезда в США РФС и его «карманные журналисты» продолжали «полоскать» отказников в печати и в телебеседах. Апофеоза это хамство достигло в мае — начале июня, когда Садырин назвал в газете Шалимова и Добровольского суками, а еще один заместитель Колоскова Никита Симонян в другой газете — подлецами всех отказников. Бумага, конечно, все стерпит, но таких оскорблений в печати мне до той поры видеть не доводилось. Не могу себе даже представить, как можно так поступать, цинично при этом утверждая, что отказники в любой момент могут вернуться в команду. Не знаю, как прореагировали на эти оскорбления футболисты. Я же признаюсь, что в душе — не печатно, конечно, — готов адресовать Садырину использованное им слово, а Симоняну — его. Однако доподлинно знаю, что из всех ярлыков, что вешали на футболистов, самым обидным для них было обвинение в непатриотизме. В моих же глазах, на моем групповом портрете именно они, эти ребята, в отличие от многих других персонажей являются самыми настоящими,

истинными патриотами российского футбола. И сейчас объясню, почему.

В XVIII веке английский писатель Сэмюэл Джонсон сказал фразу, которая в первый момент шокирует: «Патриотизм — последнее прибежище негодяя». Он что, не настоящий англичанин, подумал я в юности, наткнувшись на это высказывание, ведь именно англичане известны своей ультрапатриотической формулой: «Права она или нет, но это моя страна». Уже значительно позже, познакомившись с философскими произведениями Джонсона и приобретя жизненный опыт, понял, почему эта фраза живет два столетия, почему ее приводят в своих работах многие мыслители XIX—XX веков. А разве наша новейшая история не помогает понять ее? Разве не в отсутствие патриотизма обвиняли Александра Солженицына и Андрея Сахарова «патриоты» брежневского времени? Бить себя в грудь с воплями «Я — патриот» и приносить вред своей стране не свойственно ли негодяям? Истинный патриот бить себя в грудь и клясться в патриотизме не будет. Ему это не нужно, он живет и работает для своей страны, в этом его патриотизм. Знаменитый русский журналист Влас Дорошевич, творивший на рубеже прошлого и нынешнего веков, нашел хорошее, как мне кажется, слово, обозначающее показной, крикливый патриотизм — патриотарство (я однажды использовал его в рецензии на непрофессиональные телерепортажи с международных матчей, которые мы с вами вынуждены слушать).

Спустимся, однако, с философских высот на брэнное футбольное поле. Кто же на нашем групповом портрете патриоты, а кто — нет? Ребята, заявившие за семь месяцев до начала чемпионата

мира, что с таким тренером и при таком уровне руководства командой России ничего, кроме поражений, не ждет? Это они-то не патриоты, решившие не молчать, видя, какой вред наносится российскому футболу, не побоявшиеся пойти против всех «сильных сего футбольного мира»? А патриоты, значит, те, кто из собственной корысти, упрямства, привычки командовать, боязни утратить толику власти стоял и настоял на своем, очередной раз нанеся ущерб престижу нашего футбола? И патриоты, значит, те, кто, согласившись играть при нынешнем руководстве, до бесчувствия напился в самолете по пути в США, а затем так вели себя во время чемпионата мира, что стыдно было в глаза иностранцам смотреть? Я не про игру уже говорю, а про моральный облик этих «патриотов». И что же, патриоты те, кто кладет в карман деньги, заработанные чужим трудом и потом, и получает эти так называемые премиальные, несмотря на очевидный провал, ими же, руководителями, подготовленный?

Молодых мастеров не стали слушать на пресс-конференции, не прислушивались и к их выступлениям в печати, когда им удавалось обойти «карманные издания». Никто не возражал им профессионально, хотя доказывали они очевидное (может быть, именно поэтому и не возражали, что нечего было ответить): даже самые великие актеры не могут создать спектакль без драматурга и режиссера. А им в ответ — обвинения и оскорбления.

Вот и стоят они, семеро, на моем групповом портрете: небольшая часть футбольного отряда; стоят, конечно, грустные, ибо вовсе не порадовал их провал сборной, который они предвидели и который не могли бы предотвра-

тить, даже приди они в сборную; стоят и с грустью думают о том, что ушел в прошлое большой футбольный праздник, на котором колосковцы-садыринцы были чужими. Но они, эти семеро, еще молоды. И талантливы. И независимы. И закалены в борьбе. Они еще многое способны сделать на поле. Но, поскольку футбольный век короток, поскольку время такое, что не многие могли их понять (Л. Филатов в одном выступлении сравнил их — с улыбкой, конечно, — с декабристами), полагаю, что еще больше пользы они смогут принести российскому футболу в будущем: тренерами ли, организаторами, может быть, руководителями российского футбола. Ибо они-то оказались самыми стойкими и смелыми его патриотами. Рисковали репутацией, будущим, пострадали материально (путевку-то в США завоевали они и, значит, американские премии, несмотря на результат полученные, должны были принадлежать им), но зато избежали позора. А вот и нет, ловлю себя на слове. Не избежали. Потому что Колосков, Садырин и компания опозорили и их вместе со всеми нами. Со всеми теми, кому по-настоящему дорог российский футбол.

Персонажи говорливые, а по сути бессловесные

Эта группа занимает значительную часть картины, занимая ее правую часть и располагаясь вокруг и под треном, то бишь кожаным чиновничьим креслом президента, тем самым креслом, за которое он изо всех сил держится долгие пятнадцать лет. А входят в группу никому не известные члены исполкома РФС, малоизвестные штатные сотрудники РФС

и ПФЛ (профессиональной футбольной лиги), тренеры высшей и первой российских лиг — самые вроде бы значимые персонажи, но, увы, почти все на одно лицо, как и команды, ими возглавляемые.

Но вот четыре-пять тренеров — «лица не общим выраженьем» — стоят особняком, существенно ближе к центральным фигурам картины — футболистам. Это люди, которые, собственно, и создают российский футбол, а не служат руководству. Это люди, которые не ввязывались в конфликт, не участвовали в травле игроков. Это люди, настолько известные и преданные футболу, что нет необходимости писать их портреты в этих заметках. Достаточно лишь назвать их имена: Константин Бесков, Владимир Сальков, Олег Романцев, Анатолий Бышовец. Первые трое возглавляли в тот самый острый период развития конфликта команды-призеры прошлого чемпионата страны, из коих, помимо легионеров, в основном и должна была комплектоваться сборная. А Бышовца требовали вернуть в сборную футболисты. Вернуть тренера, под руководством которого они выиграли в 1988-м олимпийский турнир, затем уверенно — отборочные матчи чемпионата Европы, но значительно хуже сыграли в финальном европейском турнире в Швеции, сделав, правда, ничьи с тогдашними чемпионами мира — немцами и чемпионами Европы — голландцами. Качество игры сборной СНГ вряд ли могло нас удивлять, что и подчеркнуло поражение от шотландцев. Однако и та, не лучшая игра была все же на несколько порядков выше игры садыринской сборной.

Бышовец и Романцев не могли совсем оставаться в стороне. Дер-жалась достойно, спокойно, мо-

рально были явно на стороне игроков, однако резко не вмешивались. Бышовец вынужден был еще зимой принять предложение южнокорейской федерации помочь в подготовке к чемпионату мира, и выступление сборной Кореи в США показало, что хороший тренер даже за несколько месяцев способен поставить игру слабой команде и буквально преобразить ее. После чемпионата он продолжает возглавлять эту сборную и, значит, на какое-то время потерян для российского футбола. Что касается Романцева, то о нем как о новом тренере сборной России еще будет сказано в конце статьи, это будет как бы последние мазки на картине.

А покамест вернемся к персонажам, которых я не случайно назвал говорливыми и одновременно бессловесными. Говорливыми — потому что они исправно выполняли волю своего начальника, бессловесными — потому что никто из них и слова не произнесет, если знает, что это слово заставит начальника нахмурить брови.

Итак, тренеры остальных команд, ничего не сделавшие для сборной, для прогресса футбола, снизившие класс российского чемпионата до уровня когдатошнего класса «Б», продолжающие заниматься подкупам и сговорами по сей день (одному из них принадлежит фраза, ставшая крылатой: «Всегда давал судьям и буду давать»), исправно голосовали и писали письма в поддержку Садырина, читай — в поддержку Колоскова. Когда же доходило дело до высказываний по профессиональным вопросам, невозможно было удержаться от смеха, знакомясь с их соображениями и прогнозами.

Приведу все же некоторые примеры, характеризующие их общий профессиональный уровень. Кро-

ме тренера из Набережных Челнов, который сказал, что будет хорошо, если садыринская сборная выйдет из группы, все остальные предрекали ей выступления в 1/8 финала, в четвертьфинале, а некоторые видели ее даже среди призеров. После провала в США реакция тренера из Камышина была такой: «Потрясен накалом борьбы». Разве не смешно? Он, оказывается, не представлял себе, что на чемпионатах мира всегда ведется борьба изо всех сил, с полной отдачей. И, не имея представления о накале борьбы, о качестве игры на чемпионатах мира, исправно поддерживал власть предрержавших, считавших, что можно обойтись без лучших футболистов России и вверить судьбу сборной тренеру Садырину, который вообще неоднократно заявлял, что отказники — не лучшие футболисты страны. То есть вот оно, профессиональное понимание: чемпионы Англии и Португалии, обладатель Кубка УЕФА и полуфиналист этого Кубка, один из лучших игроков итальянского чемпионата, — это все не лучшие мастера России. И этот же тренер из Камышина, не представлявший себе, что такое чемпионат мира, публично прогнозировал успех садыринской сборной.

А тренер из Сочи, известный специалист по проведению «договорных матчей», вообще считал, что садыринская команда станет призером мирового первенства. Как заявил впоследствии Колосков, именно этот тренер из Сочи «на последнем перед чемпионатом мира исполкоме РФС убедил Олега Романцева оказать небольшой нажим на спартаковцев и заставить их отказаться от бойкота». (Мне столько раз доводилось ловить Колоскова на лжи в печати, что не уверен, правдиво ли и это высказывание.) И вот этим своим

«поступком» сочинский специалист заслужил право жить в расположении сборной в США. Правда, после первого же поражения он оттуда сбежал. Зато после победы над камерунцами, которая не обошлась без помощи сирийского судьи, ничтоже сумняшеся, сообщил в печати, что этот сириец — его старый добрый знакомый. А как же с прогнозом о призовом месте? «Увы, оказались не готовы», — разводит руками горе-прогнозист. Но как же он мог говорить о призовом месте, если не имел представления о степени готовности команды?

Нет в мире сборной, которая могла бы достойно выступить на чемпионате мира без нескольких лучших мастеров. Отсутствие одного-двоих уже невосполнимо. Потому-то и оказались правы те, кто прогнозировал провал. Разве не примечательно, что тренеров среди серьезных аналитиков не оказалось? Тренеров из группы горюливо-бессловесных. Тех самых, что тянут российский футбол в трясины подкулов и сплавов, или попросту не способных работать с классными командами.

В этой серой безликой группе правого фланга есть несколько человек, чье пребывание в ней воспринимается особенно горько. С ними связаны как воспоминания о нашем прежнем, настоящем футболе, так и о личных симпатиях, которые вызваны были прежде всего уважением к ним как к личностям. Грустно сознавать, что и такие люди могут попасть под давление начальства, власти и из соображений карьерно-корыстных перевернуться на 180 градусов.

Один из них — кумир моей юности Никита Симонян, нынешний заместитель Колоскова. Великолепный мастер, он стал затем хорошим тренером, под его руководством прекрасно играли мо-

сковский «Спартак» и ереванский «Арагат». Не получилось у него лишь в работе со сборной страны. Но разве это такая уж трагедия? Можно быть успевающим тренером клуба и не подходить к роли тренера сборной. Возможно, Симонян это понял и на протяжении ряда лет в меру своих сил помогал тренерам сборной в качестве начальника команды. Его интеллигентность, тонкое понимание игры, я бы даже сказал, душевность, человечность — все это, конечно, незаменимые качества в работе с молодежью.

Однако... однако... Все люди с возрастом меняются. Вопрос лишь в том, в каком направлении движутся. Многолетний друг Симоняна Константин Бесков с возрастом стал еще принципиальнее, еще смелее, еще непримиримее к нечестности, еще независимее от начальства. В одной радиопередаче, когда зашла речь о конфликте в сборной, Бескова спросили, могли бы он возглавить ее и подготовить к чемпионату мира. Он ответил, что с профессиональной точки зрения, безусловно, смог бы, но по моральным соображениям никогда не согласился бы работать с такими людьми, как Колосков, который нечестно повел себя по отношению к Бескову перед чемпионатом мира 1982 года. (Молва приписывает Бескову важную роль в спасении Колоскова от снятия с должности несколько лет назад после очередного провала сборной, и если молва не беспочвенна, то это просто шекспировский сюжет.)

Так вот Симонян с возрастом двигался, увы, в противоположном направлении. Он превратился, по сути, в колосковский рупор, но в отличие от остальных безликих клеветов президента обаянием своей личности облагораживал безнравственные поступки руко-

водства РФС. Выглядел он зачужденную при этом большим роялистом, нежели король. И самыми неприятными в его исполнении были рассуждения о деньгах, которые якобы в первую очередь интересуют футболистов. Он латентно восклидал: «Мы-то в свое время играли вообще за гроши». И это правда. На протяжении многих лет наши ведущие мастера получали гроши, крохи с барского стола. Но те времена давно в прошлом. И сам Симонян как начальник сборной давно уже получает не гроши, когда вместе с Колосковым и Тукмановым расписывается в ведомостях, где делаются деньги, полагающиеся команде. Даже такта, элементарного чувства самоуважения не хватает руководителям РФС для того, чтобы выписать себе премиальные не из командных денег, а из той части, что отходит в распоряжение РФС, но, кстати, тоже заработана потом и кровью игроков. Впрочем, не удивлюсь, если окажется, что фигурируют начальники и в иных ведомостях.

Да, тренеры из Камышина, Сочи или Нижнего Новгорода наравне с Садыриным могут не понимать, что класс Горлуковича, Кузнецова, Корнеева или Галямина никакого сравнения не выдерживает с классом Кулькова, Канчельскиса, Кольянова, Шалимова. Но ведь Симонян этого не понимать не может. Неужели зависимость от начальника — должностная и моральная — способна лишить человека профессиональных знаний, игроцкого вкуса? Видимо, так и есть. Очевидно, в футболе, как и в искусстве, нравственность и профессионализм неразделимы.

А вот еще один персонаж из этой группы — Михаил Гершкович. У него как у футболиста была непростая судьба. 19-летним способным форвардом он хлебнул

лиха от футбольного начальства, и мы, молодые тогда журналисты, многое сделали, чтобы морально поддержать его. Да и дальнейший путь игрока Гершковича был тернистым. Независимость суждений и нестандартная игра многожды делали его спорным, что ли, игроком в глазах некоторых тренеров. Но он нравился зрителям, нравился журналистам, имел, как говорится, хорошую прессу. Я бы даже сказал, что нынешняя молодежь с ее стремлением к правдолюбию, с ее смелостью в отношениях с начальством как бы продолжает, вероятно, не осознанно, то, что когда-то начинали Гершкович, Кипиани, Мунтян.

Не сложилась — уже без всяких оговорок — тренерская карьера Гершковича. Оставшегося без работы, его пригласили в еженедельник «Футбол» в качестве — ни более ни менее — заместителя главного редактора. Но журналистский хлеб несладок, и не всегда найдется масло, чтобы на него намазать. И тогда друг Тукманов приглашает Гершковича на должность пресс-атташе РФС. (Удивительно, однако, у нас понимается, к слову, эта должность. Занимают ее обычно неудавшиеся журналисты, в ПФЛ, к примеру, тоже, а заняв, тут же считают, что обязаны руководить прессой, становятся в собственных глазах этикими начальничками.)

На новой должности Гершкович с неистовостью прозелита начал служить руководству РФС. Излишне объяснять, какую роль он играл в известном конфликте. Однако ему была поручена Колосковым — Тукмановым и более ответственная «миссия»: он обязан был оградить РФС от предстоящей в будущем критики, лишив аккредитаций на чемпионат мира представителей тех изданий, что не только критикуют РФС, но

и заняли сторону конфликтовавших с ним футболистов. И это именно Гершкович в первую очередь постарался, чтобы аккредитации не получили «Труд», «Сегодня», «Российская газета», «Независимая газета», «Собеседник», «Спортивная жизнь России», издательство «Физкультура и спорт». Еженедельнику «Футбол» уже никак невозможно было отказать, и это оказалось фактически единственное оппозиционное — с точки зрения конфликта — издание, имевшее аккредитации на чемпионате мира.

Но самое грустное, лично для меня, обстоятельство заключается в том, что выполнял это задание начальства Гершкович с превеликим усердием, держа все в тайне до того момента, пока не истек срок аккредитации. А ведь элементарная порядочность требовала: ну, позвони тем, с кем тебя связывали годы дружеских отношений, предупреди, посокрушайся — не могу, мол, ничего поделать, принимайте меры. Тоже нравственное падение? «Да, что ты удивляешься, — сказал мне коллега, — ему ведь зарплату в РФС платят в сребрениках».

В моей домашней фонотеке есть два интервью Гершковича Радио «Свобода»: одно — перед матчем с Бразилией, второе — спустя пять дней, после матча со Швецией. Суть первого — нам никто не страшен, команда так подготовлена, что может обыграть не только бразильцев, но и всех остальных. Суть второго — не могу подойти ни к тренерам, ни к игрокам (это пресс-атташе сборной говорит), во всем виноваты игроки, они плохо готовятся, плохо сражаются и т. д. и т. п. Нравственный поворот на 180 градусов тоже привел к потере профессионального взгляда на вещи. Но, поскольку каждый «труд» должен быть оп-

лачен, Гершкович, конечно, нашел свою фамилию в премиальной ведомости и получил заработанное прежде всего отказниками, но и теми, кто плохо сражался. И получил не в сребрениках, а в хотя и бумажной, но твердой валюте. Так что маслом обеспечен теперь надолго.

Что за сюжет без секса в наше время

Три десятка лет назад, когда я начинал службу в «Советском спорте», у журналистов газеты пользовался успехом американский роман «Вторая древнейшая». Дали и мне как молодому новичку почитать его. Большого впечатления он на меня не произвел: ни литературными достоинствами, ни — что важнее — сутью идеи. Смысл был в том, что журналистика, по мнению автора, как раз и является второй древнейшей профессией, по аналогии с первой, всем известной.

Я был с этим посылом категорически не согласен. Не только, конечно, из-за юношеского романтического представления о своей профессии, но и, как убежден до сих пор, потому, что спортивная журналистика даже в то предзастойное, довольно быстро ставшее застойным, время оставалась неким ясным пространством в общем мрачном, задавленном цензурой и «руководящей и направляющей силой» мире советской журналистики. Разве можно было даже сравнивать по степени свободы наш жанр с, скажем, международными или экономическими обозрениями и статьями?

Вскоре я, правда, понял, чем привлекал этот роман журналистов «Советского спорта». Партийные и спортивные чиновники да-

вление, и немалое, на газету и еженедельник «Футбол» постоянно оказывали. К спорту они относились, что для них было вполне естественным, как к явлению политическому. Поэтому расхожий лозунг «Спорт вне политики» звучал в спортивной среде пародийно-издевательски. И спортивные журналисты как могли отстаивали собственную независимость, и зачастую весьма успешно. Во всяком случае, в нашей среде представителей древнейшей профессии было ничтожно мало. Каждый раз у агитпропа возникали сложности, когда надо было найти исполнителя «ответственного партийного задания» по разоблачению, скажем, судьи, из-за которого якобы проиграла футбольная сборная, или для доказательства исключительного успеха в неофициальном командном зачете, когда успеха этого не было и в помине. Исполнителей в конце концов, конечно, находили, но газета, как известно, живет один день, гнусная статья быстро забывалась, а будни спортивной журналистики были, повторяю, гораздо свободнее, нежели у коллег, пишущих о политике.

Завершу на этом исторический экскурс и перескочу сразу через четверть века в наше бесцензурное время независимой прессы. Как профессиональному спортивному обозревателю, мне очень грустно наблюдать все эти последние годы за тем, как «моя» журналистика проигрывает в сравнении со всеми теми жанрами, о каких я упоминал. Сколько талантливых и независимых по образу мышления публицистов обнаружилось в самых разных жанрах журналистики, обретшей свободу! Философское понимание свободы «от» и свободы «для» в полной мере реализовано, порой даже с перехлестом, российской прессой. Но, увы, не спортивной.

У нас же обнаружился катастрофический дефицит дарований. Что форма, что содержание абсолютного большинства спортивных публикаций не выдерживают критики. Уже почти никто и не пишет, а в основном составляют из слов, пользуясь смесью суржика и жаргона. Убогий язык, который нельзя назвать русским, убогие мысли, свидетельствующие о незнании предмета, о неспособности понять и раскрыть существо спорта как явления социального, общественного, как зрелища и серьезной профессии.

И вдруг оказалось, что низкий профессионализм, словно раковая опухоль поразивший спортивную журналистику, действительно превратил ее в древнейшую профессию. Американский роман словно предрек наше будущее, а мое тогдашнее отношение к этой проблеме было, выходит, все-таки наивным.

То, чего с трудом добивалась власть, легко осуществила «экономика», правильнее сказать — экономическая зависимость посредственных журналистов от пришедших, в нашем случае — в футбол, больших денег, которыми оперируют нынешние футбольные власти.

Тема этих заметок и задача, какую я себе поставил, — быть предельно откровенным, вынуждают конкретизировать сказанное. Не может же портрет оставаться безликим, это же не абстрактная живопись. Поэтому впервые в жизни мне придется говорить о коллегах. Почему впервые в жизни? Дело в том, что один из моих учителей — Лев Филатов — когда-то посоветовал не вступать в полемику с коллегами, ссылаясь на их выступления и статьи. Принцип должен быть такой: хочешь высказать нечто противоположное, высказывай, доказывай, мотиви-

руй, но не опровергай по методу — вот Х. написал то-то, я же с ним не согласен и считаю иначе. Журналистику, построенную подобным методом, он называл журналистикой отраженного света. Не абсолютизируя его правоту, я все же взял этот совет за основу и всегда следовал ему. Сегодня впервые позволю себе несколько от него отступить.

Конфликт футболистов с властью — с тренером сборной и руководством РФС — разделил журналистов словно бы материально реализованным нравственным барьером. И в журналистике оказалось, что непрофессионализм идет рука об руку с безнравственностью. Причем проявилось это еще четче, чем в собственно футбольном мире. Там, что ни говорите, существует очевидная, иной раз даже должностная зависимость людей от начальства. Журналисты же и теоретически, и практически от футбольного начальства не зависимы. Вот экономически, как выяснилось, отнюдь не всегда.

Тесной, сплоченной группой в правой части картины, поближе к колосковскому креслу, расположились телекомментаторы. Меня поразило, как с первых же дней развития конфликта все они, будто бы сговорившись, заняли позицию, не оставляющую сомнений в их безоговорочной поддержке футбольных главначпусов. А ведь наших телекомментаторов знаю на протяжении десятков лет. Никогда единомыслием они не отличались, напротив — конфликтовали между собой, скажу больше — подсиживали друг друга едва ли не постоянно. Что их роднило, так это постоянная зависть к Николаю Озерову, хотя все они более или менее удавшиеся его ученики (чаще, конечно, менее, чем более). За глаза они называли его государственным комментато-

ром, обвиняя в конформизме.

Но что это? Почему в этой группе Озерова-то и нет? Вижу его в левой части картины, недалеко от центра, но очень далеко от начальственного кресла. Какой уж тут конформизм, когда он сразу же занял высоконравственную и независимую позицию. Не имея широкого доступа к микрофону, неоднократно выступал в печати с резкой критикой деятельности РФС, идущей во вред развитию нашего футбола, критиковал безобразное судейство, примиренчество, непротивление «договорным матчам», расправы с теми, кто не угождает футбольным властям. Именно Озеров первым возмутился самым фактом распределения журналистских аккредитаций чиновниками из РФС.

А в это же самое время едва ли не все его так называемые ученики дружно дули в одну дуду — точнее, во множество микрофонов, — поддерживая начальство против футболистов. И поступали так бывшие футболисты, ставшие телекомментаторами, бывшие хоккеисты, ватерполисты, фигуристы и боксеры. Поразительное, согласитесь, единодушие. И после этого меня уже не удивляли заявления Садырина и компании о том, что именно они, оказывается, намерены решать, какие матчи российской команды можно доверять комментировать тому или иному комментатору. За что боролись, на то, как говорится, и напоролись. Если, приезжая в командировку, скажем, в греческую столицу, вы предпочитаете поселиться в гостинице и питаться за счет сборной, то и будьте готовы к подобным тренерским пассажирам. Результат матча команды Садырина зависит, видите ли, от того, кто ведет об этом матче репортаж.

В газете, выходящей в Чикаго на русском языке, прочитал я ин-

тервью одного из наших велеречивых телеглашатаев. И обнаружил в этом интервью откровение, которое сняло для меня теперь все вопросы. Представление о своей профессии, оказывается, такое: не важно, что я лично думаю об игре или качестве подготовки сборной, моя работа — ее хвалить, когда выигрывает, и оправдывать, когда проигрывает. Вот оно, патриотарство чистой воды! Чего уж после этого удивляться гневным филиппикам в адрес якобы злокозненных зарубежных арбитров и всем остальным благоглупостям, которыми кормят нас у телевизоров.

Пишущая же футбольная братия тем самым нравственным барьером разделилась на две, неравноценные в численном выражении группы. Малочисленная группа — в левой части группового портрета. В ней, к счастью моему, Лев Филатов и Аркадий Галинский, большая часть сотрудников еженедельника «Футбол» и молодые журналисты из тех газет, которые уже были здесь названы как издания, не получившие аккредитации.

Но насколько же многочисленнее группа справа. Как плохой футбольной команде приходится обороняться не умением, а числом, так и всей этой группе пришлось отрабатывать у начальства РФС право получить аккредитационные бумажки да заодно так называемую спонсорскую поддержку — гроши в общем-то, но тоже на дороге не валяются. Самые же отличившиеся в борьбе против лучших игроков России приобрели еще и возможность пожить в Америке вместе со сборной, а это дорогого стоит не только в переносном, но и — прежде всего — в прямом смысле.

(«Ваша команда — чемпион мира по комфортабельности резиденции», — сказал мне в Чикаго шеф-редактор немецкого «Кикке-

ра» Карл-Хайнц Хайманн, летавший в Сан-Франциско. «Может, она и приехала сюда пожить в роскоши, в футбол-то не играет», — добавил Кир Рэднедж, главный редактор английского «Уорлд Соккер».)

Честно говоря, нет никакого смысла и интереса рассуждать о суржикоязычных репортерах. Возьмешь утром спортивную газету, полную отчетов и интервью, — все с подписями авторов, и впечатление такое, что подписи эти можно ставить под материалы произвольно: печатью индивидуальности ни один из них не отмечен, а все интервьюируемые суррогатной речью изыскаются — о речевых характеристиках репортеры, похоже, и не слышали никогда.

Однако в центре этой безликой группы оказался, к огромному огорчению моему, журналист, который никогда прежде к ней не принадлежал, и если бы создавался наш портрет не в американском интерьере, то, конечно, его фигура написана была бы в левой группе. Впрочем, может быть, опять я наивен и влияю на меня многолетнее доброе к нему отношение. Отбросишь чувства, включишь разум, задумаешься о генезисе личности и тогда поймешь, что бывший спортивный обозреватель «Правды» Лев Лебедев вполне мог стать персонажем упоминавшегося ранее американского романа.

Увы, так было в прежние времена, что представитель партийно-государственной газеты № 1 уже по самой своей принадлежности к ней обязательно должен был что-либо возглавлять, занимая почетные общественные должности и места в президиумах. Так и стал Лебедев быстренько членом редколлегии «Футбола — хоккея», кем-то в руководстве Федерации спортивных журналистов и пред-

ставлял интересы футбольных обозревателей при футбольном начальстве. Справедливости ради отмечу, что он давал возможность многим из нас публиковать в «Правде» острые статьи, которые тогда приносили нашему футболу пользу — от критики в «Правде» колосковым нелегко было отмахнуться.

А вот когда стало можно отмахиваться... В конце 1986-го я опубликовал в «Правде» критическую статью, в которой отмечалась и роль Колоскова в провале сборной СССР на чемпионате мира в Мексике. Реакция начальника последовала незамедлительно: он посетил кого-то из зампредов Спорткомитета и добился того, что в этой организации меня сделали «невыездным», то есть с тех пор по линии Спорткомитета я больше на международные соревнования не ездил. На критическую статью Филатова Колосков тогда же отреагировал еще проще: велел вывести лучшего мастера нашего цеха из редколлегии еженедельника «Футбол — хоккей», с которым имя Филатова связано с момента выхода первого номера еженедельника в 1960 году.

Так начиналась для нас «перестройка». В то время я как-то не задумывался о последствиях — стоит ли, казалось, обращать внимание на подобные пустяки, — а теперь понимаю, что для Лебедева должно было стать делом чести — защитить от «репрессий» (понимаю, что кошунственно употреблять это слово по столь незначительным поводам, поэтому и взял его в кавычки) авторов своего издания. Понимаю и то, что с этого времени и надо отсчитывать период лебедевского перерождения.

И снова перенесемся в американский интерьер. Перешедший из «Правды» в какой-то не имеющий

отношения к спорту и вообще уже не выходящий журнал, Лебедев тем не менее сохранил при Колоскове должность члена исполкома РФС, и, значит, его голос тоже учитывается, когда единогласно — всегда единогласно, что в наше время выглядит просто смешным анахронизмом, — принимаются решения этого марионеточного органа. Да, и к расправам с неугодными РФС журналистами приложил Лебедев руку, правда, изо всех сил стараясь, чтобы все это оставалось не слишком-то явным. Естественно, на чемпионате мира в США он и представлял свой никому не известный журнал, в компании, конечно, и с некоторыми другими подобными изданиями, и с пародийными начальничками пресс-служб. Ну чем, скажите, не персонаж романа «Вторая древнейшая»?

Портрет чиновника в зрелости

Если собрать все, что написано и сказано Вячеславом Колосковым — и о нем — за 15 лет его правления, то по объему это вполне сравнится с джойсовским «Портретом художника в юности». Правда, в отличие от цельного великого романа реальный состоял бы из сплошных противоречий, опровержений и самоопровержений, разоблачений и саморазоблачений. А вот если кратко сформулировать итог генезиса футбольного чиновника, то сведется все к двум его «достижениям»: развал дела и доведенное до совершенства мастерство демагога.

Представляю себе гипотетического зрителя «Группового портрета» (понимай — читателя этих заметок) и слышу его вопрос: почему у вас все положительные, так сказать, персонажи — те, кто выступает с критикой РФС, а отрица-

тельные — в его поддержку? Задать такой вопрос может, увы, лишь тот, кто не задумывался всерьез или не помнит, каким был наш футбол полтора десятка лет назад и каким стал. О личных же качествах пятнадцатилетнего (по стажу) начальника говорить не буду: до меня сказано столько, как в печати, так и на судебных слушаниях, что нелепо к этому возвращаться — имеющий уши давно бы услышал, если б захотел. — да и к конкретному американскому интерьеру это прошлое вроде бы отношения не имеет.

О деятельности же руководителя должны говорить ее результаты. Вот что мы имеем. Завалено четыре чемпионата мира при его непосредственном влиянии и участии. Коррупцией поражены тренерский и судейский отряды. Трибуны на играх чемпионата страны пусты. Массовый, детско-юношеский футбол в развале. Зато сотни миллионов потрачены на создание смехотворного, по сути, документа «Целевая программа развития футбола в России» (эти бы деньги юношеским футбольным школам!). В ФИФА и УЕФА интересы нашего футбола начальник теперь представляет единолично, а в эпоху Валентина Гранаткина едва ли не в каждом комитете этих международных организаций были наши представители.

Это что касается дела. Что же касается демагогии, то тут приведу только один пример. Когда Высший арбитражный суд России признал как РФС, так и соперничающую с ним ВАФ (Всероссийскую ассоциацию футбола) незаконными правопреемниками Федерации футбола РСФСР, то в одних случаях Колосков это решение признавал лишь с точки зрения материальных претензий одной организации к другой, а в других случаях (в частности в очередном су-

дебном разбирательстве, где он выступает ответчиком) ссылаясь на это решение как на «глас закона» (так было выгодно).

И, наконец, последнее во взаимоотношениях с журналистами. Именно на пресс-конференции РФС молодому обозревателю «Российской газеты» Алексею Матвееву (как и остальным критикам Колоскова) некие посторонние футболу, но сторонники начальника, люди угрожали физической расправой. Такое вот удивительное совпадение, что спустя месяц после того, как Матвеев в газете об этих угрозах сообщил, на него напали хулиганы и изрезали лицо ножом. Следствие, конечно, ни к чему не привело. Так что и выводов не ждите. Но как могли посторонние говорить это на встрече журналистов с РФС, почему им слово дали и почему не одернули?

У вас есть еще вопросы, гипотетический читатель-зритель?

А теперь несколько слов о «Портрете чиновника» в американском интерьере. 16 июня в московской газете было опубликовано интервью Колоскова, которое он дал перед отъездом в США. Мы же прилетели в Чикаго 14 июня, ибо 15—16-го там проходил конгресс ФИФА. Колосков должен был утратить на этом конгрессе пост вице-президента ФИФА, ибо занимал его как представитель СССР, — единственный пост вице-президента для представителя конкретной страны был учрежден в 1946 году в знак уважения к стране, победившей фашизм. В силу различных процедурных нелепостей покамест этот пост не ликвидирован, и таким образом еще некоторое время Колосков на этом кресле усидел, никого уже, правда, не представляя.

Но когда он давал интервью, то, конечно, не знал, что его спасет процедура (ни за одно альтер-

нативное решение не набиралось на конгрессе три четверти голосов, как положено по Уставу). И потому заявил в интервью, что ему придется уступить этот пост из-за того, что «ООН не признает Россию правопреемником Советского Союза». Где имение и где наводнение? Кто ООН для ФИФА? Есть страны — члены ФИФА и не члены ООН, и наоборот. Но самое главное в том, что Россия является постоянным членом Совета Безопасности ООН именно как правопреемник СССР. Как может гражданин России этого не знать? Как может этого не знать официальный представитель России?

Не было бы счастья, да несчастье помогло. Не допусти он этого политического ляпа, никогда бы не прочитали мы в Чикаго его интервью под интригующим заголовком «Знаю, как обыграть Бразилию». А поскольку зарубежные журналисты сделали стойку на реплику об ООН, мы сумели с их помощью заполучить через неделю после открытия чемпионата мира эту газету. И, таким образом, уже заранее знали, как обыграть Бразилию, причем узнали и о том, что Колосков своим секретом поделился с Садыриным перед отъездом последнего в США с командой, в которую — еще раз повторю — лучшие футболисты России не вошли.

А обыграть Бразилию, по Колоскову, можно было просто: надо было сыграть так, как «Милан» против «Барселоны». Вот и все! Бельгиец Лео Эллеманс потом шутил: ваш босс, оказывается, знал, как стать чемпионом мира в 1986-м и 1990-м — сыграть, как Аргентина в Мексике и как Германия в Италии...

Нам же было не до шуток. Я и прежде понимал, что Колосков глубоко в футболе не разбирается. Да это чиновнику и не обязатель-

но. По-моему, ему важнее разбираться в том, какую роль играет его страна на мировой политической арене. Но вот о том, что он вообще ничего не понимает в футболе, которым руководит 15 лет, я узнал именно из этого интервью.

Узнал заодно и о том, почему моя страна получила наименьшее количество аккредитаций для своих журналистов из всех 24 стран-участниц. Колосков, видите ли, считает, что на чемпионате мира не должно быть больше российских журналистов, чем их бывает, скажем, на матче «Локомотив» — «Жемчужина». Всем главным редакторам (и мне, видимо, в том числе) надо бы прислушаться к самозваному над нами начальнику и выделять отчетам о матчах типа только что названного столько же газетных строк, сколько посвящалось играм чемпионата мира. Зрительские, а значит, и читательские аудитории, правда, существенно разнятся — миллионов сто человек он упустил из виду в своих рассуждениях.

И, наконец, последний штрих к его портрету — уже в постамериканском интерьере. Когда тучи сгустились и пришла пора подумать о прочности собственного кресла, он быстренько прислушался к общественному мнению и заменил Садырина Олегом Романцевым. Тут уже обошлось без формальностей, на которые он полгода ссылался: не понадобилось включать машину голосования тренеров из Сочи, Камышина, Нижнего Новгорода и прочих футбольных весей; не понадобилось разрывать контракт с Садыриным — тот сам послушно подал заявление об уходе; обошлось и без просьбы к Романцеву оставить тренерский пост в «Спартаке», как это предлагалось прежним тренером (убежден, Романцеву рано или поздно придется ре-

шать для себя этот вопрос). Колоскову понадобилось лишь собрать исполком, подергать за невидимые ниточки и получить очередное единогласное решение.

Чисто по-человечески мне интересно: забыл ли Олег Романцев о том, как сперва его обвиняли, что он не допускает руководителей РФС и сборной к игрокам «Спартака» — облыжно обвиняли, конечно; как потом, после отъезда Бышовца в Сеул, Олега обвиняли, что он чуть ли не стоял у истоков конфликта, — это была прямая клевета; лгали и о том, что в первое, январское турне сборной спартаковцев не взяли, пойдя им навстречу; наконец, публично — устами садыринского помощника — обвинили Романцева в том, что он шантажирует своих подопечных и тем самым не дает им вернуться в сборную? А еще об одном, на мой взгляд, смешном, факте здесь уже говорилось: Колосков полагает, что именно тренера из Сочи послушался Романцев и нажал на игроков, благодаря чему спартаковцы и поехали в США.

Ну, почему, почему Олега не пригласили возглавить сборную за полгода до начала чемпионата мира? Она ведь и поехала бы тогда в сильнейшем составе, и играла бы совсем по-другому!

«Мир комичен для тех, кто думает, и трагичен для тех, кто чувствует», — заметил в XVIII веке Хорас Уолпол. Тогда еще и в Англии футбола не было. В России, понятно, тоже.

Чикаго — Лос-Анджелес — Москва

Ф И Р М А

ДЮНА,

работающая при Министерстве
иностраннх дел
Российской Федерации,

**ИЗГОТОВИТ И УСТАНОВИТ
ВАМ**

**МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ ДВЕРЬ
С КОРОБКЕЙ**

**ФИРМЕННЫЙ ЗАМОК,
ШИРОКИЙ ВЫБОР
МЯГКОЙ ОБИВКИ.**

**Прочность и надежность
гарантируем.**

Звоните сейчас,
и вы освободитесь
от многих проблем:

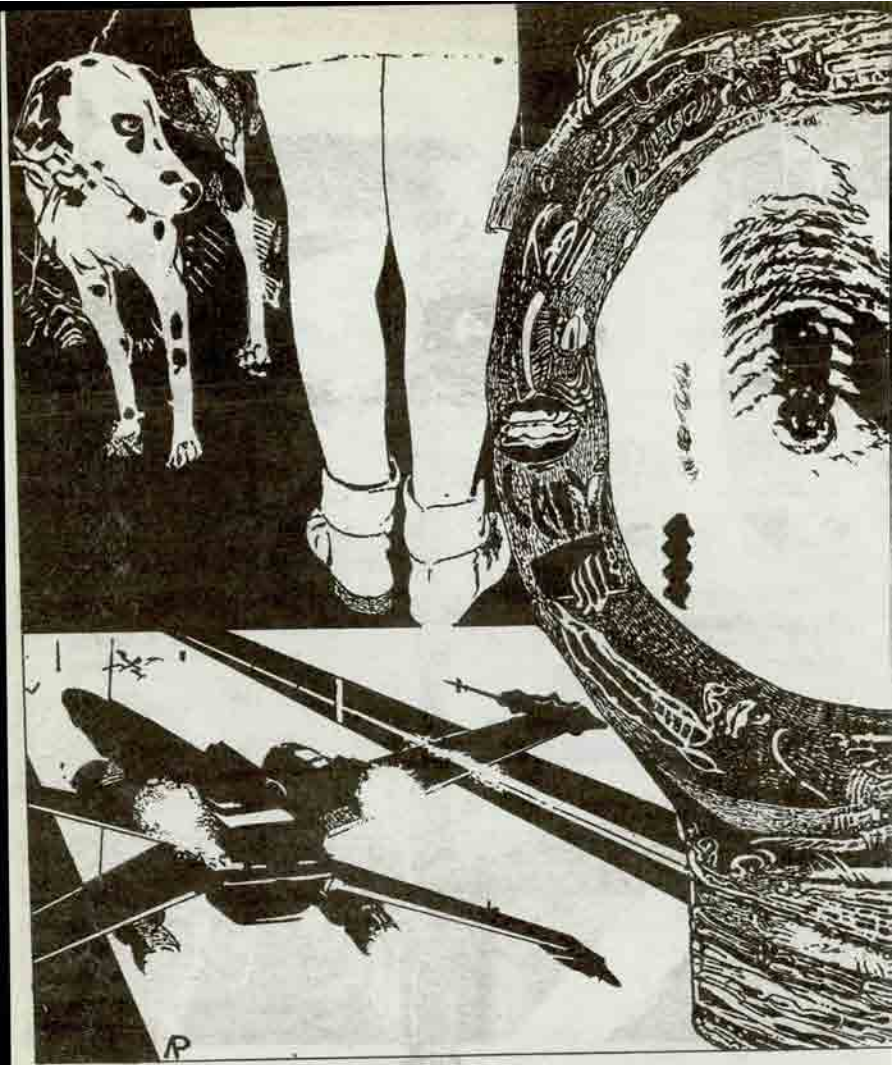
(095) 949-62-03

476-83-59

132-42-57

Изготовление
нестандартной мебели:

(095) 237-06-11

РОБЕРТ ХАЙНЛАЙН

...Мы также выг

ЛИВАЕМ СОБАК

Рисунок ЛЬВА РЯБИНИНА

Говорит мисс Кормет из Всеобщей Службы. — Она обращалась к видеозрану, строго выдерживая грань между теплым, дружеским гостеприимством и профессиональной вежливостью. Экран замигал на несколько секунд, затем показалось стереоизображение возбужденной пожилой вдовы, толстой и разряженной.

— О, моя дорогая, — сказал образ, — я так расстроена. Я не знаю, сможете ли вы помочь мне.

— Конечно же, сможем. — Мисс Кормет невольно задержала взгляд, быстро оценив стоимость платья и драгоценностей женщины (если только они настоящие — сделала она мысленную оговорку), и решила, что это один из тех клиентов, на которых можно заработать.

— Расскажите мне, в чем дело. Но сначала ваше имя, пожалуйста. — Она дотронулась до кнопки на подковообразном столе, который окружал ее кресло, обозначенной «ОТДЕЛ КРЕДИТА».

— Но все случилось так некстати, — настаивал образ. — Питер все-таки сломал себе ногу. — Мисс Кормет немедленно нажала кнопку «МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ». — Я же говорила ему, что играть в поло очень опасно. Вы не представляете, как страдает мать. И это произошло именно сейчас, так не вовремя...

— Вы хотите, чтобы мы установили за ним уход? Где он находится?

— Уход? Нет же, как вы недогадливы! Больница «Меторизл» позаботится об этом. Думаю, мы вложили в них достаточно денег. Я беспокоюсь о приеме, который организовала. Принсипеппа будет так расстроена...

Табло ответа из отдела кредита яростно мигало, Мисс Кормет решила направить разговор в нужное русло.

— Понимаю. Мы организуем ваш прием. Теперь назовите, пожалуйста, ваше имя, адрес и скажите, где вы находитесь.

— Разве вы НЕ ЗНАЕТЕ мое имя?

— Я не совсем уверена, — дипломатично уклонилась от ответа мисс Кормет, — но Всеобщая Служба уважает тайны своих клиентов.

— О да, конечно. Вы очень деликатны. Я миссис Питер ван Хогбейн Джонсон. — Мисс Кормет постаралась скрыть свое изумление. Для этого клиента нет нужды консультироваться с отделом кредита. Но в ту же секунду табло высветило код «AAA» — кредит неограничен. — Но я даже не знаю, что вы можете сделать, — продолжала миссис Джонсон. — Я же не могу быть в двух местах одновременно.

— Всеобщая Служба любит решать трудные проблемы, — уверила ее мисс Кормет. — Теперь, если вы расскажете мне все подробно...

Затем она польстила женщине и тем подтолкнула ее изложить свою проблему связно. Ее сын, Питер III, или слегка потертый жизнью Питер Пэн¹, чье лицо было знакомо Грейс Кормет за годы существования стереографюр в сочетании со всеми мысли-

¹Питер Пэн — герой популярной английской сказки, «мальчик, который никогда не станет взрослым». (Прим. перев.)

мыми одеяниями для богатых бездельников, был так беспечен, что умудрился сломать ногу за день до самого важного события в жизни своей матери, находясь за полконтинента от нее. Мисс Кормет заключила, что метод миссис Джонсон для удержания сына под контролем заключается в стремительных бросках к его кровати и подборе медсестер. Но назначенный званый обед был результатом месячных приготовлений. Что же ей теперь делать?

Мисс Кормет понимала, что благополучие Всеобщей Службы и ее собственный немалый доход в значительной степени зависели от глупости, лени и недостатка сообразительности таких богатых паразитов, как эта недалекая вдовушка. Она уверила миссис Джонсон, что Всеобщая Служба позаботится о том, чтобы прием прошел успешно. В ее гостиной будет установлен переносной стереоскрин, и она сможет заниматься гостями и время от времени наблюдать за сыном. Мисс Кормет поместит в больницу наиболее опытного агента с безупречной репутацией, чья связь со Всеобщей Службой не будет известна никому. При должном подходе к делу эта неприятность может обернуться социальным триумфом и повысит репутацию миссис Джонсон как рачительной хозяйки и преданной матери.

— Летящий автомобиль будет у вашего дома через двадцать минут, — добавила мисс Кормет, нажав кнопку «ТРАНСПОРТ», — чтобы доставить вас в ракетный порт. Один из наших молодых людей будет в машине, чтобы сообщить вам дополнительные подробности по пути в порт. Для вас будет забронирована каюта, а для вашей служанки — место на рейс 1645 до Ньюарка. Теперь вы можете отдыхать. Всеобщая Служба возьмет на себя ваши заботы.

— Спасибо вам, моя дорогая. Вы мне так помогли. Даже не представляете, какую ответственность несет человек в моем положении.

Мисс Кормет пробормотала что-то профессионально вежливое, в то же время соображая, что же еще можно выжать из этой старой крысы.

— Мадам, вы выглядите уставшей. Не пригласить ли мне массажистку, чтобы она сопровождала вас во время вашей поездки? Здоровы ли вы? Может быть, вам нужен доктор?

— Как вы заботливы!

«Я пришлю обоих», — решила мисс Кормет и отключилась, слегка пожалев о том, что она не предложила ей специально зафрахтованную ракету. Специальное обслуживание, не внесенное в главный прейскурант услуг, предоставлялось за особую плату. Особая плата означала, что может быть задействован любой вид транспорта.

Она нажала на кнопку «ИСПОЛНЕНИЕ», и экран заполнило изображение молодого человека с готовностью во взгляде.

— Просмотри-ка запись, Стив, — сказала она. — Специальное обслуживание, тройное «А». Я уже начала действовать.

— Тройное «А» — спецплата? — Брови молодого человека поползли вверх.

— Несомненно. Обслужи-ка эту старую корову по высшему классу. Учти, что ее сын в больнице. Проверь всех сестер. Если

у кого-нибудь есть даже намеки на сексуальность, выдвори ее вон и поставь на ее место кого-нибудь пострашнее.

— О'кей, малышка. Включай запись.

Она снова отключила экран; сигнал готовности к приему заказов в ее кабине автоматически изменился на зеленый, затем почти сразу же стал красным, и на экране появился новый заказчик.

Теперь уж никакой глупой болтовни не будет. Грейс Кормет увидела хорошо одетого мужчину лет сорока, полного, с пронзительным интеллигентным взглядом.

— Всеобщая Служба, — сказала она. — Говорит мисс Кормет.

— Ах, мисс Кормет, здравствуйте, — начал он. — Я хотел бы видеть вашего шефа.

— Начальника отдела приема услуг?

— Нет, президента Всеобщей Службы.

— Не могли бы вы сказать мне, что вы хотите? Возможно, я сама смогу помочь вам.

— Простите, но я не могу давать никаких объяснений. Мне нужно немедленно видеть президента.

— Всеобщая Служба приносит свои извинения. Мистер Клэйр — очень занятой человек; с ним нельзя встретиться без предварительной договоренности и изложения сути вашего дела.

— Вы ведете запись?

— Да, конечно.

— Тогда я прошу вас прекратить ее.

Она отключила видеомэгнофон кнопкой, находящейся на столе, на виду у клиента, а потом при помощи специальной клавиши незаметно, под столом, снова включила его. Клиенты иногда просят Всеобщую Службу совершить нечто незаконное; работникам Службы не остается ничего другого, как вести постоянную запись беседы. Мужчина тем временем выудил что-то из внутреннего кармана пиджака и вытянул руку по направлению к ней. Благодаря стереоэффекту ей показалось, что он поднес руку прямо к ее лицу.

Профессиональная привычка помогла ей скрыть изумление: в руке он держал табличку — официальный символ Планетарного Правительства. Табличка была зеленого цвета.

— Сейчас я организую встречу, — проговорила она.

— Очень хорошо. Можете вы встретить меня и провести к Президенту из комнаты для посетителей через десять минут?

— Я встречу вас, мистер... мистер... — Но он отключился.

Грейс Кормет вызвала кабинет начальника отдела приема услуг и попросила заменить ее. Затем, выключив экран, она взяла в руки видеокассету с записью беседы с мужчиной, посмотрела на нее в нерешительности и после минутного размышления опустила ее в прорезь на столе, где с помощью сильного магнитного поля запись стиралась почти мгновенно.

В кабину вошла женщина.

— Привет, Грейс, — сказала она. — Что такое? Плохо себя чувствуешь?

— Нет. — Без дальнейших объяснений Грейс вышла из кабинета, прошла по коридору мимо других кабин, в которых работали

агенты по приемке нестандартных заказов, и вышла в большой зал, где сидели сотни приемщиков, работающих по каталогу. Здесь не было такого сложного оборудования, как в кабине у Грейс. На каждом рабочем месте имелись небольшой экран и дисплей, подключенный к каталогу, содержащему список всех возможных услуг, которые только может пожелать обычный клиент. Если запрос превышал возможности, предусмотренные каталогом, он переадресовывался в кабины приема нестандартных услуг, как у Грейс Кормет.

Она прошла через комнату Главного Архива, мимо стрекочущих перфорационных машин и вышла в фойе. Пневматический лифт доставил ее на этаж, где находился кабинет Президента. Секретарша не остановила ее.

Обычные приемщики заказов не могут просто так зайти к президенту корпорации с миллиардным доходом. Но Всеобщая Служба не походила по своей структуре ни на одну из компаний планеты. Она скорее напоминала семейную фирму, где, несмотря на то, что специальные знания учитывались, покупались и продавались, более всего ценились сообразительность и живой ум. В этой иерархии первым стоял Президент, Джей Клэйр, за ним — его помощник, Сондер Фрэнсис, за которым следовали две дюжины приемщиков нестандартных заказов, одним из которых была Грейс Кормет. Далее находились сотни тысяч других работников Службы, разбросанных по планете, от Главного Бухгалтера, Главного Юриста, Начальника Архива до мелких менеджеров и приемщиков заказов по каталогу. Самую нижнюю часть этой пирамиды занимали временные работники — стенографистки, щеголи, готовые занять пустующее место на званом обеде, и даже люди, занимающиеся разведением броненосцев и тренировкой блох.

Грейс вошла в кабинет мистера Клэйра. Это была единственная комната в гигантском небоскребе, не напичканная различной электронной, записывающей и коммуникационной аппаратурой. В ней не было ничего, кроме стола, стульев и стереоэкрана, который, когда не использовался по назначению, напоминал знаменитую картину Кранца «Плачущий Будда». Оригинал находился в подвале, на три сотни метров ниже.

— Привет, Грейс, — сказал мистер Клэйр и протянул ей листок бумаги. — Вот, что ты об этом думаешь? Сондер говорит, что написано неважно. — Сондер Фрэнсис перевел свои кошачьи глаза на Грейс, не подтверждая и не отрицая слова шефа.

Мисс Кормет прочитала:

«ПО КАРМАНУ ЛИ ВАМ ЭТО?

ПО КАРМАНУ ЛИ ВАМ ОБРАТИТЬСЯ ВО ВСЕОБЩУЮ СЛУЖБУ?

ПО КАРМАНУ ЛИ ВАМ НЕ ОБРАЩАТЬСЯ ВО ВСЕОБЩУЮ СЛУЖБУ???

В наш ракетный век по карману ли вам тратить драгоценное время на хождение за покупками, оплату счетов, содержание квартиры в чистоте?

Мы отщипаем ребенка

и накормим kota.

Мы снимем для вас квартиру

и купим туфли.

Мы напишем письмо теще

и решим задачу по математике.

Для нас нет невыполнимой работы.

Для нас нет пустяков —

и все удивительно дешево!

ВСЕОБЩАЯ СЛУЖБА

СПЕШИТЕ НАБРАТЬ НАШ НОМЕР!

P.S. Мы также выгуливаем собак».

— Ну как? — спросил Клэйр.

— Сондер прав. Это вязнет в зубах.

— Почему?

— Слишком логично. Многословно. Не захватывает.

— Хорошо. Как бы ты это изложила?

Она подумала с минуту, потом взяла ручку и написала: «**ВАМ НУЖНО КОГО-НИБУДЬ УБИТЬ?**»

(Тогда не звоните во **ВСЕОБЩУЮ СЛУЖБУ.**)

Но для **ЛЮБОЙ** другой работы наберите наш номер — мы поможем.

P. S. Мы также выгуливаем собак».

— Гм... может быть, может быть, — задумчиво произнес мистер Клэйр. — Попробуем. Сондер, проведите это под индексом «Б», две недели, Северная Америка, и дайте мне знать, что из этого получится. — Фрэнсис положил листок в папку, не изменяя застывшего выражения на лице. — Теперь, как я уже говорил...

— Шеф, — перебила Клэйра Грейс Кормет. — Я назначила вам встречу... — она взглянула на часы, — ровно через две минуты и сорок секунд. Официальное лицо.

— Извинитесь и отошлите его прочь. Я занят.

— У него зеленый символ.

Клэйр резко поднял на нее глаза. Даже Фрэнсис, казалось, заинтересовался.

— Так. Взяла кассету с интервью?

— Я ее стерла.

— Стерла? Ладно, тебе лучше знать. Мне нравится твоя осторожность. Приведи его.

Грейс понимающе кивнула и вышла.

Она встретила мужчину, когда он только входил в комнату для посетителей, и провела его через полдюжины дверей, охранники которых, будь он один, потребовали бы у него документы и разъяснений о цели его визита. Войдя в кабинет Клэйра, мужчина осмотрелся по сторонам и сказал:

— Могу я поговорить с вами наедине, мистер Клэйр?

— Мистер Фрэнсис — моя правая рука. А с мисс Кормет вы уже говорили.

— Хорошо. — Мужчина снова достал зеленую табличку и показал ее. — Пока еще рано называть фамилии. Но в вашей благонадежности я уверен.

Президент Всеобщей Службы нетерпеливо привстал в кресле.

— Не лучше ли перейти к делу? Вы — Пьер Бомон, Председатель Межпланетного Комитета. Наверное, Администрация хо-

чет, чтобы мы сделали для нее какую-нибудь работу?

Бомон не смутился от такого наскока.

— Итак, вы знаете, кто я такой. Тем лучше. К делу я сейчас перейду. Правительству может понадобиться ваша помощь. Но в любом случае нельзя допустить утечки информации о нашем разговоре.

— Все отношения клиентов со Всеобщей Службой являются строго конфиденциальными...

— Это дело не конфиденциальное, оно секретное.

— Понимаю вас, — сказал Клэйр. — Продолжайте.

— У вас здесь очень интересная организация, мистер Клэйр. Я прекрасно понимаю, что ваше кредо — ручаться за любую работу. За определенную цену, конечно.

— Если работа законна.

— Да, естественно. Но слово «законна» нуждается в пояснении. Я восхищаюсь тем, как ваша компания организовала обеспечение Второй экспедиции на Плутон. Некоторые из ваших методов просто гениальны.

— Если вы хотите критиковать наши действия в этом деле, то эта работа произведена нашим отделом с соблюдением законов по обычным каналам.

Бомон сделал отрицательный жест ладонью.

— Нет-нет, мистер Клэйр, ради Бога! Вы меня не так поняли. Я не критикую, я восхищаюсь. Такие возможности! Какой бы прекрасный дипломат из вас получился!

— Давайте не будем уходить в сторону. Что вы хотите?

Бомон ждал губы.

— Предположим, вам нужно принять с десятков представителей от каждой планеты нашей Солнечной Системы, и вы хотите, чтобы все они чувствовали себя как дома и устроились со всеми удобствами. Можете вы устроить это?

— Давление и химический состав атмосферы, влажность, — начал вслух думать Клэйр, — мощность радиационного излучения, температура, бытовые условия — все это достаточно просто. Но как быть с гравитацией? Можно использовать центрифугу для юпитериан, но как быть с марсианами и титанцами? Методов снижения гравитационного поля Земли не существует. Нет, вам придется принимать их либо в космосе, либо на Луне. Но это уже не в нашей компетенции, услуги Всеобщей Службы ограничиваются пределами стратосферы.

Бомон покачал головой.

— Встреча не должна происходить в космосе. Можете принять это требование за абсолютное: вы должны устроить все на Земле.

— Почему?

— Разве в обычай Всеобщей Службы входит интересоваться, почему клиент желает определенный вид услуги?

— Нет. Простите.

— Ничего. Но вам требуется дополнительная информация, чтобы лучше представить, что именно надо сделать и почему работа должна оставаться в секрете. Через три месяца на этой планете состоится конференция, но до тех пор, пока она не созвана, ни малейшее подозрение о том, что она состоится, не

должно зародиться ни у кого. Если в определенных кругах будут предприняты некоторые упреждающие шаги перед ее началом, конференцию вообще можно будет не созывать. Я хочу, чтобы вы представили себе эту конференцию в следующем плане: нечто вроде круглого стола ведущих ученых Солнечной Системы, проходившей на Марсе прошлой весной. Вы должны сделать все необходимое для размещения делегатов, и сделать это так, чтобы все приготовления до определенного времени оставались бы скрытыми в пределах вашей фирмы. Что касается деталей...

— Мне кажется, вы уже решили, что наша фирма возьмется за это дело, — перебил его Клэйр. — Но, как мы уже выяснили, это может стоить нашей фирме престижа. Всеобщая Служба не любит провалов. Общеизвестно, что люди, живущие на планете с низкой гравитацией, не могут находиться в условиях повышенной гравитации более нескольких часов без серьезной угрозы своему здоровью. Межпланетные встречи всегда проводились и будут проводиться на планетах с низкой силой тяжести.

— Да, — терпеливо подтвердил Бомон. — Но вы только представьте, какой гигантский дипломатический скачок между Землей и Венерой может произойти впоследствии?

— Не представляю.

— Это не так уж важно. Политическая психология — не ваше дело. Вы должны быть благодарны, что Администрация намеревается поручить подготовку ЭТОЙ конференции вашей фирме.

— Но почему не провести ее на Луне?

Бомон покачал головой.

— Это совсем другое дело. Хотя устраивать все там гораздо легче. Луна-Сити всего лишь перевалочный порт. Не тот психологический эффект.

Клэйр сделал отрицательный жест рукой.

— Мистер Бомон, мне кажется, вы не совсем понимаете сущность Всеобщей Службы, даже если я ничего не смыслю в тонкостях дипломатии. Мы не можем обещать того, чего не делал никто. Мы всего лишь современный эквивалент старой домашней прислуги. Хотя и оснащены всеми новейшими средствами и объединены в корпорацию, мы не волшебная лампа Алладина. Мы ДАЖЕ не занимаемся научными исследованиями и не содержим лабораторий. Мы ПРОСТО стараемся наилучшим способом использовать современные достижения в средствах коммуникации и организации обслуживания, то есть делать то, что уже МОЖЕТ быть сделано.

Он указал рукой на стену, где висела освященная временем эмблема фирмы, вырезанная из красного дерева, — натянувший поводок шотландский терьер, приносящийся к столбику.

— Эмблема выражает дух той работы, которой мы занимаемся. Мы выгуливаем собак для тех, кто слишком занят, чтобы этим заниматься. Моему деду удалось закончить колледж только потому, что он выгуливал собак. Я до сих пор выгуливаю их. И никогда не обещаю неизвестно чего и не балуюсь политикой.

Бомон неторопливо скрестил пальцы рук.

— Итак, вы выгуливаете собак за плату. Да, конечно, я со-

всем забыл: вы же выгуливаете мою пару гончих. Пятипроцентный кредит мне кажется очень дешевым.

— Так оно и есть. Но возьмите сотню тысяч собак дважды в день — и вы получите неплохую прибыль.

— Прибыль за выгуливание этой «собаки» будет очень значительной.

— Сколько? — спросил Фрэнсис.

Бомон посмотрел на него.

— Мой дорогой сэр, последствия этого, так сказать, круглого стола должны изменить всю финансовую жизнь планеты. Мы же не завязываем рот корове, которая топчет пшеницу, если вы позволите мне такую иносказательность.

— Сколько?

— Тридцатипроцентная надбавка к цене вас устроит?

Фрэнсис покачал головой.

— Не слишком ли много вы предлагаете?

— Хорошо, я отнюдь не хочу торговаться. Давайте оставим на ваше усмотрение, джентльмены. Простите, мисс Кормет, какую цену заслуживает эта работа? Думаю, что я могу положиться на ваш патриотизм — планетарный и человеческий. Уверен, что вы назначите разумную и правильную цену.

Фрэнсис откинулся в кресле, ничего не сказав, но с довольным выражением на лице.

— Минуточку, — запротестовал Клэйр. — Мы же еще не согласились взяться за эту работу.

— Мы уже обсудили цену, — заметил Бомон.

Клэйр посмотрел сначала на Фрэнсиса, потом на Грейс Кормет, затем стал рассматривать свои ногти.

— Дайте мне двадцать четыре часа для того, чтобы выяснить, возможно это или нет, — произнес он наконец, — и я скажу вам, возьмемся ли мы прогуливать вашу собаку.

— Я уверен, что все будет в порядке, — ответил Бомон, вставая и протягивая руку.

— О'кей, мыслители, — заметил Клэйр с горечью. — Быстро вы сторговались.

— Не пойти ли мне снова в каталожные приемщицы? — усмехнулась Грейс.

— Давайте поставим группу на каждое дело, кроме гравитации, — посоветовал Фрэнсис. — Все дело только в ней. Остальное — пустяки.

— Несомненно, — согласился Клэйр, — но с этим надо что-то делать. Если мы ничего не сможем, кто нам заплатит за остальные дорогостоящие приготовления? Что вы об этом думаете, Грейс?

— Конечно, — сказал Фрэнсис, — до десяти считать она умеет. Грейс Кормет холодно взглянула на него.

— Иногда я жалею, Сонс Фрэнсис, что вышла за тебя замуж.

— Решайте свои семейные проблемы где-нибудь в другом месте, — предупредил Клэйр. — Итак, с чего начнем?

— Давайте сначала выясним, кто больше всего знает о гравитации, — предложил Фрэнсис.

— Грейс, свяжись-ка с доктором Кратволом.

— Правильно, — согласилась она, подходя к пульту. — Вот в чем прелесть его ремесла: самому знать ничего не надо, а нужно просто уметь выяснить у тех, кто знает.

Доктор Кратвол был членом постоянного штата Всеобщей Службы. Определенных обязанностей у него не было. Корпорация находила полезным платить ему, обеспечивая также неограниченной подпиской на все научные журналы и посылая его на все научные конференции. Доктор Кратвол не обладал даром исследователя, он был дилетантом по натуре. Иногда его о чем-нибудь спрашивали. Он отвечал.

— О, привет, моя дорогая! — Интеллигентное лицо Кратвола улыбалось с экрана. — Знаете, я только что натолкнулся на один любопытный факт в последнем номере «Нейча». Он проливает свет на теорию Браунлея, касающуюся...

— Секунду, док., — перебила Грейс. — Я немного тороплюсь.

— В чем дело, моя дорогая?

— Кто знает больше всего о гравитации?

— С какой точки зрения это нужно? Вам нужен астрофизик или вы хотите рассмотреть предмет с позиций теоретической механики? Фаркварсон, я думаю, будет здесь наиболее полезен.

— Я хочу знать, что может уменьшить гравитацию.

— Теория поля, да? В этом случае Фаркварсон вам не нужен. Он отменный баллистик, теоретик. Работа доктора Джулиана по теории поля является наиболее фундаментальной и, возможно, наиболее оригинальной.

— Где мы можем его найти?

— К сожалению, это невозможно. Он умер в прошлом году, бедняга. Такая потеря!

Грейс с трудом прервала его монолог о большой потере и спросила:

— Кто его последователь?

— Последователь? Я понял. Вы хотите знать имя первого человека в теории поля в настоящий момент. Я бы сказал, что это О'Нейл.

— Как его найти?

— Я это выясню. Я его немного знаю: у него тяжелый характер.

— Выясните, пожалуйста. А пока, кто нас может просветить немного в этой области?

— Спросите молодого Карсона, который работает в нашем инженерном отделе. Он занимался этими вещами перед тем, как начал работать у нас. Знающий парень — я много говорил с ним.

— Я найду его. Спасибо, док. Звоните Президенту, как только обнаружите О'Нейла. Поторопитесь. — Она отключилась.

Карсон согласился с мнением Кратвола, однако засомневался насчет О'Нейла.

— О'Нейл — вспыльчивый и некоммуникабельный человек. Я работал под его началом. Но он, несомненно, знает больше о теории поля и структуре пространства, чем любой другой из живущих ныне людей.

Карсон был введен в круг посвященных: ему объяснили суть проблемы. Он признал, что не видит выхода.

— Может быть, мы принимаем эту проблему слишком близко к сердцу, — настаивал Клэйр. — У меня есть некоторые мысли по этому поводу. Подправьте меня, если я ошибаюсь, Карсон.

— Начинайте, шеф.

— Итак, гравитационное ускорение является следствием притяжения массы, так? Земная гравитация является следствием притяжения Земли. Следовательно, какой же будет эффект, если расположить достаточно большую массу над определенной точкой земной поверхности? Не будет ли это силой, сдерживающей земное притяжение?

— Теоретически — да. Но это должна быть чертовски большая масса.

— Не важно.

— Вы не совсем поняли, шеф. Для полного устранения притяжения Земли в определенной точке необходимо приблизить к Земле планету такого же размера. Конечно, если вам не нужно полностью нейтрализовать притяжение Земли, а просто уменьшить его, это дает вам определенное преимущество: можно использовать меньшую массу, центр тяжести которой должен находиться достаточно близко к центру тяжести Земли. Но этого, однако, недостаточно. В то время как притяжение увеличивается пропорционально квадрату расстояния — в нашем случае половина диаметра, — последующее притяжение убывает прямо пропорционально кубу диаметра.

— Что это нам дает?

Карсон вынул логарифмическую линейку и погрузился на несколько минут в вычисления, затем поднял глаза.

— Я почти боюсь отвечать. Вам будет нужен свинцовый астероид приличного размера, если вы хотите вообще чего-нибудь добиться.

— Астероиды уже передвигали раньше.

— Да, но как его **УДЕРЖАТЬ**? Нет, шеф, у нас нет ни такого источника энергии, ни средств ее приложения, которые бы позволили нам подвесить большой планетоид над определенным местом земной поверхности и удерживать его там.

— Однако эта идея казалась такой хорошей... — задумчиво сказал Клэйр.

Брови Грейс Кормет слегка приподнялись. Она вмешалась в разговор:

— Мне кажется, что более эффективным будет использование сверхтяжелой небольшой массы. Я, кажется, где-то читала, что некоторые из этих штуковин весят тонны на кубический дюйм.

— Ядро карликовых звезд, — согласился Карсон. — Нам нужен всего лишь корабль, способный преодолеть расстояние в световые годы за несколько дней, способ добычи внутреннего вещества звезд и новая теория пространства-времени.

— Ладно, хватит, хватит.

— Погодите-ка минутку, — сказал Фрэнсис. — Магнетизм ведь очень похож на гравитацию, не так ли?

— Ну да.

— А нельзя ли каким-нибудь способом НАМАГНИТИТЬ этих приятелей с малых планет? Используя химическое строение их тел?

— Прекрасная идея, — согласился Карсон, — но их тела — это та же органика.

— Да, по всей видимости, ничего не выйдет. Если бы свиньи имели крылья, они были бы попугаями.

Замигал стереосигнал связи. Доктор Кратвол объявил, что О'Нейла можно найти в его летнем доме в Портадже, штат Висконсин. Он не звонил ему и предпочитал бы не делать этого, если только шеф не будет настаивать.

Клэйр поблагодарил его и повернулся к остальным.

— Мы здесь зря тратили время, — объявил он. — После всех тех многих лет, что мы занимаемся нашим бизнесом, мы не нашли ничего лучше, как пытаться решать технические вопросы. Я не физик и ни черта не смыслю в том, как действует гравитация. Это дело О'Нейла. И Карсона. Карсон, летите в Висконсин и привлеките О'Нейла к работе.

— Я?

— Вы. Вы организатор этой работы — с соответствующей оплатой. Езжайте-ка в порт — там вас будут ждать ракета и кредитная карточка на ваше имя. Подготовьтесь к вылету через семь и восемь минут.

Карсон моргнул.

— А как насчет моей работы здесь?

— Инженерный отдел будет уведомлен, также и бухгалтерия. Поспешите.

Не отвечая, Карсон направился к двери. При подходе к ней его шаги ускорились.

После отъезда Карсона им нечего было делать до тех пор, пока он не объявится, если не считать того, что были отданы распоряжения по воспроизведению физических и культурных условий трех других планет и четырех больших спутников, исключая их природные гравитационные ускорения, которые существуют на их поверхностях.

Это задание, хотя и новое, не представляло больших трудностей для Всеобщей Службы. Где-то ведь всегда были люди, которые знали все ответы на нужные вопросы. Гигантская организация Всеобщей Службы должна была только найти их, нанять и приставить к работе. Любой из приемщиков нестандартных заказов и значительная часть каталожных приемщиков могли выполнить такое задание без спешки и нервозности.

Фрэнсис вызвал одного из нестандартных приемщиков. Он даже не побеспокоился выбрать его, а просто вызвал первого же свободного, чей номер светился на пульте, — все они находились в постоянной готовности. Он детально объяснил задание, затем просто забыл об этом. Он знал, что все будет сделано, и в нужное время. Перфорационные машины застрекочут чуть громче, стереозэкраны засветятся, и умные молодые люди во всех уголках Земли бросят свою работу и начнут искать специалистов, кто и займется выполнением задания.

Он повернулся к Клэйру, и тот задумчиво произнес:

— Я хотел бы знать, что затеял Бомон. Конференция ученых — ерунда!

— Я думал, ты не интересуешься политикой, Джей.

— Нет-нет. Я не дам и ломаного гвоздя за политические новости, межпланетные или другие, если они не затрагивают мой бизнес. И если бы я знал, что планируется, мы могли бы отрезать себе кусок пирога побольше.

— Итак, — вставила Грейс, — мы можем принять как данность то, что тяжеловесы со всех планет решили встретиться и разделить Галактику на три части.

— Кто же оказывается за бортом?

— Я полагаю, Марс.

— Звучит похоже. Одна из костей достается венерианцам. В этом случае мы можем кое-что выжать из Пан-Юпитерианской Торговой Корпорации.

— Полегче, приятель, полегче, — предостерег Фрэнсис, — следай так, и кое-кто может заинтересоваться. Это ведь две стороны одной медали.

— Я думаю, ты прав. Все-таки держи глаза открытыми. Должен же существовать способ отхватить кусок, прежде чем все это закончится.

Телефон Грейс Кормет зазвонил. Она вынула его из кармана и спросила:

— Да?

— С вами хочет говорить миссис Хогбейн Джонсон.

— Вы занимаетесь ею. Я не за пультом.

— Она не хочет ни с кем говорить, кроме вас.

— Хорошо. Выведите ее на экран шефа, но оставайтесь на параллельной связи. Вы займетесь ею, после того как я поговорю.

Экран вернулся к жизни, показав мясистое лицо миссис Джонсон, обрамленное в середине экрана плоским изображением.

— Ох, мисс Кормет, — промычала она, — была допущена ужасная ошибка. На этом корабле нет стереоэкрана.

— Он будет установлен в Цинциннати. Через двадцать минут.

— Вы УВЕРЕНЫ?

— Совершенно уверена.

— О, спасибо вам. Поговорить с вами — это такое облегчение. Вы знаете, я ДУМАЮ сделать вас моим социальным секретарем.

— Спасибо, — ответила Грейс. — Но я работаю по контракту.

— Но КАК вы недогадливы! Вы МОЖЕТЕ разорвать его.

— Нет, простите, миссис Джонсон. До свидания. — Она отключила экран и снова заговорила в телефон: — Скажите бухгалтеру, пусть удвоит ее счет. И я не буду говорить с ней снова. — Она отключилась и положила маленький прибор в карман.

— Социальный секретарь!

Карсон позвонил после обеда, когда Клэйр уже ушел домой. Фрэнсис принял вызов в своем собственном кабинете.

— Что хорошего скажете? — спросил он, когда образ Карсона появился на экране.

— Совсем немного. Я видел О'Нейла.

— Ну? Сделает ли он это?

— Вы имеете в виду, сможет ли он сделать это, не так ли?

— Да, сможет ли?

— Случилась удивительная вещь — по правде, я не думал, что это теоретически возможно. Но после разговора с ним я убедился, что это так. У О'Нейла есть свой новый взгляд на теорию поля, который он никогда не публиковал. Этот человек — гений.

— Мне все равно, — сказал Фрэнсис, — гений он или монгольский идиот. Может он построить систему уменьшения гравитации?

— Я верю, что может. Я серьезно в это верю.

— Прекрасно. Вы наняли его?

— Нет. В этом все дело. Поэтому я и звоню. Мне повезло застать его в хорошем настроении, и потому, что мы когда-то вместе работали, а также потому, что я никогда не раздражал его, как другие ассистенты, он пригласил меня остаться на обед. Мы говорили о многих вещах (торопить его было нельзя), и я высказал ему наше предложение. Оно слегка заинтересовало его — сама идея, я имею в виду, но не предложение, — и он обсудил со мной теорию гравитации или скорее при мне. Но он не будет работать над ней.

— Почему нет? Вы не предложили ему достаточно денег? Я думаю, что смогу убедить его сам.

— Нет, мистер Фрэнсис, нет. Вы не поняли. Деньги его не интересуют. Он полностью независим материально и имеет больше, чем нужно, для своих исследований или для чего-либо еще. А в настоящее время он занят теорией волновой механики и просто не хочет отвлекаться.

— Вы дали ему понять, как это важно?

— И да, и нет. В основном нет. Я пытался, но для него не существует ничего более важного, чем то, что ОН хочет. Это вид интеллектуального снобизма. Другие люди для него просто не принимаются в расчет.

— Хорошо, — сказал Фрэнсис. — Вы и так неплохо продвинулись. Теперь сделайте так: после того, как отключусь, нажмите «ИСПОЛНЕНИЕ» и сделайте запись всего, что вы сможете вспомнить о том, что он говорил вам о гравитационной теории. Мы найдем других людей, передадим им ваше сообщение и посмотрим, даст ли это какие-нибудь новые идеи. Тем временем я поставлю команду поработать над О'Нейлом. У него должно быть какое-то слабое место, нужно просто найти его. Может быть, у него где-то есть женщина...

— Это его уже не интересует.

— ...или, может быть, он скрывает какие-нибудь побочные доходы. Посмотрим. Я хочу, чтобы вы оставались в Портадже. Так как вы не можете нанять его, может быть, вы уговорите его нанять вас. Вы наш трубопровод, и я хочу, чтобы он оставался открытым. Мы должны выяснить, что ему нужно, или, может быть, он боится чего-нибудь.

— Он не боится ничего. Я уверен в этом.

— Значит, он хочет чего-нибудь. Если это не деньги, не женщины, то что-нибудь другое. Это закон природы.

— Я сомневаюсь,— ответил Карсон медленно.— Погодите! Я говорил вам о его хобби?

— Нет. Что это?

— Китайский фарфор. В особенности династии Мин. Я думаю, у него лучшая коллекция в мире. Но я знаю, что он хочет!

— Говорите, приятель, говорите. Не драматизируйте.

— Это маленькая китайская чаша, около четырех дюймов в диаметре и два дюйма высотой. Она получила китайское название, которое означает «Цветок Забвения».

— Хм-м, звучит ничего. Вы думаете, он очень сильно хочет ее заполучить?

— Да, очень. В его рабочем кабинете стоит стереогравиюра этой чаши, где он лобуется на нее. Но говорить о ней без горечи не может.

— Выясните, кому она принадлежит и где находится.

— Я знаю. Британскому музею. Поэтому-то он и не может купить ее.

— Да? — пробормотал Фрэнсис.

— Ладно, вы можете забыть об этом. За дело.

Клэйр спустился в кабинет Фрэнсиса, и все трое стали обсуждать возникшую проблему.

— Я думаю, в этом деле нам нужен Бомон,— сказал Клэйр, когда узнал, в чем дело.— Для того, чтобы выудить что-либо из Британского музея, понадобится помощь Правительства.

Фрэнсис выглядел озабоченным.

— Хорошо, что тебя тревожит? Что не так?

— Я знаю,— сказала Грейс.— Помните соглашение, с которым Великобритания присоединилась к планетарной конфедерации?

— Я никогда не был силен в истории.

— В этом-то все и дело; я сомневаюсь, что планетарное Правительство может трогать что-либо, что принадлежит Музею, без разрешения Британского Парламента.

— Почему нет? Есть соглашение или нет, а планетарное Правительство суверенно. Это было установлено в Бразильском Инциденте.

— Да, конечно. Но при этом могут возникнуть вопросы в Палате Общин, которые приведут к одной вещи, которой Бомон хочет избежать любой ценой,— огласке.

— О'кей. Что ты предлагаешь?

— Мне с Сонсом нужно лететь в Англию и выяснить, как крепко они держат «Цветок Забвения», кто ответственный за него и в чем заключаются его слабости.

Клэйр перевел взгляд на Фрэнсиса. Тот смотрел прямо перед собой.

— О'кей,— согласился Клэйр,— это ваше дело. Полетите специальным рейсом?

— Нет, у нас есть время успеть ночным из Нью-Йорка. Счастливо.

— Позвоните завтра.

Когда Грейс позвонила шефу на следующий день, он взглянул на нее и воскликнул:

— Боже мой, девочка! Что ты сделала со своими волосами?

— Мы обнаружили этого парня, — объяснила она строго. — Блондинки — его слабость.

— У тебя также великолепный загар.

— Конечно. Как он тебе нравится?

— Это глупо: ты мне нравишься такой, какой была всегда. Что Сонс об этом думает?

— Ему все равно — это же для дела. Кстати, если говорить о деле, шеф, то докладывать почти нечего. Это будет левая работа. Если пытаться что-то извлечь из этой могилы нормальным путем, потребуется землетрясение.

— Пожалуйста, постарайся не оставить следов!

— Вы знаете меня, шеф. Я не навлеку на вас беспокойства. Но это будет стоить дорого.

— Конечно.

— На сегодня все. Завтра я позвоню.

На следующий день она снова была брюнеткой.

— Что это такое? — спросил Клэйр. — Маскарад?

— Я не оказалась той блондинкой, к которым у него слабость, — объяснила она, — но я нашла одну, которой он заинтересовался.

— Сработает ли это?

— Думаю, что да. Сонс сейчас подделывает подпись. Если повезет, увидимся завтра.

152

Они появились на следующий день. В руках у них ничего не было.

— Ну? — сказал Клэйр. — Что?

— Перекрой кабинет, Джей, — посоветовал Фрэнсис. — Тогда мы будем говорить.

Клэйр нажал на контрольную клавишу, перекрывающую интерференционным полем кабинет так, что они теперь были даже более тщательно укрыты, чем в гробу.

— Как насчет чаши? — потребовал он. — Вы достали ее?

— Покажи ему, Грейс.

Грейс повернулась спиной, пошарила под одеждой несколько секунд, затем обернулась и аккуратно поставила чашу на стол шефа.

Она была не то чтобы прекрасна — это была сама красота.

Тонкая грань чаши не имела орнамента; любое украшение только испортило бы впечатление. Каждый старался говорить тихо в ее присутствии, боясь, что резкий звук может разбить чашу.

Клэйр хотел дотронуться до чаши, потом передумал и убрал руку. Он просто нагнулся над ней и посмотрел внутрь. Было до странности тяжело сфокусировать зрение — рассмотреть дно чаши. Казалось, что взгляд погружается все глубже и глубже, как в пучок света.

Клэйр дернул головой и моргнул.

— Боже, — прошептал он. — Боже, я не знал, что такие вещи существуют.

Он посмотрел на Грейс, потом повернулся к Фрэнсису. На глазах Фрэнсиса были слезы, или, может быть, ему так показалось, из-за того, что его собственный взгляд затуманился.

— Посмотрите, шеф, — сказал Фрэнсис, — посмотрите, а не оставить ли нам ее у себя и послать всех подальше?

— Не стоит говорить об этом больше, — сказал Фрэнсис устало. — Мы не можем оставить ее, шеф. Мне не стоило предлагать этого, и вам не нужно было слушать меня. Давайте звонить О'Нейлу.

— Мы можем подождать день-другой, прежде чем что-либо предпринимать, — пробормотал Клэйр. Его взгляд все время возвращался к «Цветку Забвения».

Грейс покачала головой:

— Не стоит. Завтра будет только тяжелее. Я знаю. — Она решительно направилась к пульту стереоэкрана и стала набирать номер.

О'Нейл был раздражен из-за того, что его побеспокоили, и дважды раздражен оттого, что они использовали экстренный сигнал, чтобы позвать его к отключенному экрану.

— В чем дело?! — крикнул он. — Почему вы тревожите частное лицо, если у него отключен экран? Говорите, и если вы звоните по пустяку, то, видит Бог, я подам на вас в суд!

— Мы хотим, чтобы вы сделали для нас небольшую работу, доктор, — начал Клэйр.

— Что?! — О'Нейл, казалось, был слишком удивлен, чтобы выплеснуть свой гнев. — Вы хотите сказать, сэр, что нарушили покой моего дома с тем, чтобы просить МЕНЯ работать для ВАС?!

— Оплата должна вас удовлетворить.

О'Нейл, казалось, сосчитал до десяти, прежде чем ответить.

— Сэр, — сказал он, аккуратно произнося слова. — На свете есть люди, которые склонны думать, что они могут купить все или всех. Смее уверить вас, что они иногда слишком далеко заходят в этом своем мнении. Так вот, я заявляю вам, сэр, что не продаюсь. Так как вы, кажется, принадлежите к одной из этих вышеупомянутых персон, я сделаю все от меня зависящее, чтобы это интервью дорого обошлось вам. Вы услышите об этом от моих адвокатов. Доброй ночи!

— Подождите-ка минутку, — сказал Клэйр настойчиво. — Я знаю, что вы интересуетесь китайским фарфором...

— Чем?

— Покажи ее, Грейс. — Грей поднесла «Цветок Забвения» к экрану, осторожно держа чашу двумя руками.

О'Нейл не говорил ничего. Он наклонился вперед и смотрел. Казалось, что он хотел пролезть через экран.

— Где вы ее взяли? — сказал он наконец.

— Не важно.

— Я куплю ее у вас — по вашей собственной цене.

— Чаша не для продажи. Но вы можете получить ее, если мы договоримся.

О'Нейл посмотрел на него.

— Это краденое имущество.

— Вы ошибаетесь. Вы также не найдете никого, кто бы захотел поддержать данное обвинение. Теперь насчет работы...

О'Нейл оторвал глаза от чаши.

— Что вы хотите от меня?

Клэйр объяснил ему суть проблемы. Когда он закончил, О'Нейл покачал головой.

— Это несерьезно, — сказал он.

— У нас есть основание верить, что это теоретически возможно.

— Да, конечно! Теоретически возможно жить вечно. Но никто никогда не достигал этого.

— Мы считаем, что вы можете сделать эту работу.

— Спасибо большое. Погодите! — О'Нейл из экрана указал на Клэйра пальцем. — Вы подослали ко мне этого молодого прохвоста Карсона!

— Он действовал по моим указаниям.

— Тогда, сэр, мне не нравятся ваши манеры.

— А как насчет работы? И этого? — Клэйр указал на чашу.

О'Нейл посмотрел на нее и пожевал усы.

— Предположим, — сказал он наконец, — я предприму серьезную попытку, в полную силу моих способностей, сделать то, что вы хотите, и не смогу.

Клэйр покачал головой.

— Мы платим только за результаты. Да, ваше жалование, конечно, но не это. Это, так сказать, премия за успешную работу.

О'Нейл, казалось, был близок к тому, чтобы согласиться, но потом вдруг резко сказал:

— Вы, может быть, обманываете меня со стереогравюрой. Я не могу ничего сказать через этот чертов экран!

Клэйр пожал плечами.

— Приезжайте и посмотрите сами.

— Да. Сейчас приеду. Оставайтесь, где вы есть. Где вы находитесь? Черт возьми, сэр, как ваше имя?

О'Нейл ворвался два часа спустя.

— Вы надули меня! «Цветок» находится в Англии. Я выяснял, я.. я НАКАЖУ вас, сэр, вот этими двумя руками.

— Посмотрите сюда, — ответил Клэйр. Он отошел в сторону, чтобы О'Нейл мог видеть поверхность стола.

Они проявили к нему уважение: дали возможность насладиться и рассмотреть чашу спокойно. Он долго разглядывал ее, потом обернулся, но ничего не сказал.

— Ну что? — спросил Клэйр.

— Я построю вам чертов замедлитель, — сказал он хрипло. — Я нашел способ решения задачи по пути сюда.

Бомон собственной персоной явился в кабинет Клэйра за день перед открытием первой сессии конференции.

— Решил нанести вам визит, мистер Клэйр, — объявил он. — Хочу выразить вам свою персональную благодарность за проделанную работу. И вручить вот это.

«Это» оказалось чеком Центрального Банка на согласованную сумму. Клэйр взял чек, посмотрел на него, кивнул и положил на стол.

— Надо понимать,— заметил он,— что Правительство удовлетворено выполнением заказа?

— Это очень мягко сказано,— заметил Бомон.— Честно говоря, я не думал, что вы сможете сделать так много. Кажется, что вы продумали все, что можно и нельзя. Каллистианская делегация сейчас осматривает достопримечательности в одной из изготовленных вами небольших кабин. Они просто восхищены. Скажу вам по секрету: я думаю, мы можем рассчитывать на их голос на предстоящей сессии.

— Гравитационные щиты действуют нормально?

— Великолепно. Я зашел в смотровую кабину прежде, чем мы предоставили ее им. Я был легким, как перышко. Даже слишком легким: я чуть не почувствовал себя плохо от космической болезни.— Он улыбнулся.— Зашел также в помещение юпитерианцев. Там я почувствовал себя совсем по-другому.

— Да, конечно,— согласился Клэйр.— Вес в два с половиной больше нормального кажется по крайней мере угнетающим.

— Еще раз поздравляю вас со счастливым завершением трудной задачи. Мне надо идти. Ах, да, совсем забыл — еще один небольшой вопрос: я обсуждал с доктором О'Нейлом возможность того, что Администрация может заинтересоваться последующим использованием новой разработки. Для упрощения вопроса было бы желательным, чтобы вы снабдили меня письменным отказом Всеобщей Службы от прав на эффект О'Нейла.

Клэйр задумчиво смотрел на «Плачущего Будду» и пожевывал ноготь на большом пальце.

— Нет,— сказал он медленно,— нет, боюсь, что это будет сложно сделать.

— Почему нет? — спросил Бомон.— Это даст возможность избежать судебных издержек и пустой траты времени. Мы готовы признать ваши заслуги и оценить их по достоинству.

— Хм-м, мне кажется, вы недооцениваете ситуацию, мистер Бомон. Между нашими контрактами с вами и с доктором О'Нейлом существует некоторая разница. Вы просили нас об определенном виде услуги и определенных условиях выполнения этого задания. Мы обеспечили вам их — за оговоренную плату. Дело сделано. Но в нашем контракте с доктором О'Нейлом подразумевалось, что он будет нашим работником, занятым полный рабочий день на время выполнения задания. Таким образом, результаты его исследований и запатентованные открытия являются собственностью Всеобщей Службы.

— Разве? — удивился Бомон.— У доктора О'Нейла несколько другой взгляд на эти вещи.

— Доктор О'Нейл ошибается. Действительно, мистер Бомон, вы попросили нас разработать, образно выражаясь, осадное оружие для того, чтобы пробить стену крепости. Не хотите ли вы сказать, что мы должны выбросить его после первого же выстрела?

— Нет, надо думать, что нет. Но что же вы собираетесь с ним делать?

— Мы намерены приступить к коммерческой эксплуатации гравитационного модулятора. Я надеюсь, что мы получим хорошую прибыль, приспособив его к марсианским условиям.

— Да, звучит вполне разумно. Однако должен вам заметить, мистер Клэйр, я боюсь, что это будет невозможно. Исходя из требований глобальной политической стратегии, применение разработки должно быть ограничено только Землей. Фактически Администрация будет вынуждена вмешаться и установить на это открытие государственную монополию.

— А вы подумали, как успокоить О'Нейла?

— С точки зрения изменения обстоятельств, нет. А что вы предполагаете организовать по этому поводу?

— Корпорацию, в которой он будет президентом и иметь хороший пакет акций. Один из наших подающих надежды молодых людей будет членом совета директоров.— Клэйр подумал о Карсоне.— Мне кажется, что у этой компании будут хорошие перспективы,— добавил он, посмотрев Бомону в лицо.

Бомон проигнорировал вызов.

— Я предполагаю, что эта корпорация будет работать по правительственным контрактам — на своего единственного заказчика?

— Да, такова наша идея.

— М-м... да, кажется, недурно. Но, возможно, мне все-таки лучше переговорить с доктором О'Нейлом.

— Пожалуйста.

Бомон вызвал О'Нейла на экран и начал тихо говорить с ним. Или, более точно, тихо говорил только сам Бомон. О'Нейл, казалось, хотел снести микрофон. Клэйр послал за Фрэнсисом и Грейс и объяснил им, что произошло.

Бомон отвернулся от экрана.

— Доктор хочет поговорить с вами, мистер Клэйр.

О'Нейл жестко посмотрел на него.

— Что за чепуху я должен был выслушивать, сэр? Насчет того, что эффект О'Нейла является вашей собственностью?

— Это предусматривалось в вашем контракте, доктор. Разве вы не помните?

— Контракт! Я не читал этот чертов контракт. Но я вам одно скажу: я приведу вас в суд. Я свяжу вас узлами, но не позволю делать из меня дурака подобным образом.

— Погодите минуточку, доктор, пожалуйста! — попытался успокоить его Клэйр.— У нас нет намерений просто эксплуатировать ваше изобретение, и мы не собираемся ущемлять ваши интересы. Позвольте мне рассказать вам, о чем я думаю...— Он кратко изложил ему свой план. О'Нейл слушал, но по завершении рассказа его лицо не изменилось.

— Мне все равно,— сказал он угрюмо.— Насколько я осведомлен, Правительство собирается забрать себе все дело. Вот так-то, сударь.

— Я не упомянул еще одно условие,— добавил Клэйр.

— Не обременяйте себя.

— Я должен. Это просто джентльменское соглашение, но оно очень важно. У вас находится «Цветок Забвения».

О'Нейл снова насторожился.

— Что значит «находится»? Он ПРИНАДЛЕЖИТ мне.

— Принадлежит, — повторил Клэйр. — Тем не менее из уважения к предложению, которое мы делаем вам, учитывая ваши заслуги, мы хотим кое-что взамен.

— Что? — спросил О'Нейл. Упоминание чаши еще более разъярило его.

— Чаша принадлежит вам, и вы останетесь ее владельцем. Но я хочу получить ваше слово, что я, или мистер Фрэнсис, или мисс Кормет могли бы время от времени приходить посмотреть на нее.

О'Нейл, казалось, не поверил своим ушам.

— Вы имеете в виду, что вы просто хотите приходить СМОТРЕТЬ на нее?

— Именно так.

— Просто любоваться ею?

— Совершенно верно.

О'Нейл посмотрел на него с каким-то новым уважением во взгляде.

— Простите, мистер Клэйр, я не понял вас. А насчет этой чепухи о корпорации — делайте как хотите. Мне все равно. Вы, мистер Фрэнсис и мисс Кормет можете приходить посмотреть на «Цветок», когда пожелаете. Даю вам слово.

— Спасибо, доктор О'Нейл, от всех нас. — Он отключился так быстро, как только допускал такт.

Бомон тоже смотрел на Клэйра новыми глазами.

— Я думаю, — сказал он, — что в следующий раз мне не стоит вмешиваться в то, как вы обговариваете детали. Я, пожалуй, пойду. До свидания, джентльмены и мисс Кормет.

Когда дверь закрылась за ним, Грейс сказала:

— Кажется, все встало на свои места.

— Да, — сказал Клэйр. — Мы прогуляли его собаку; О'Нейл получил, что хотел, Бомон тоже, даже больше.

— Что он, интересно, теперь будет делать?

— Не знаю, но подозреваю, что он хотел бы стать первым президентом Федерации Солнечной Системы, если, конечно, когда-нибудь будет такая вещь. С теми козырями, которые мы подарили ему, он может сделать это. Вы отдаете себе отчет о потенциальных возможностях эффекта О'Нейла?

— Смутно, — сказал Фрэнсис.

— А вы задумывались над тем, что это даст для космической навигации? А о возможностях колонизации других планет? А медицина? В каждой из этих вещей заключено целое состояние.

— А что мы с этого будем иметь?

— Что мы с этого будем иметь? Деньги, старина. Миллионы и миллиарды. Деньги всегда появляются, когда даешь людям то, что они хотят. — Он посмотрел на эмблему фирмы — шотландского терьера.

— Деньги, — повторил Фрэнсис. — Да, я полагаю, что так.

— Во всяком случае, — добавила Грейс, — мы всегда сможем пойти и посмотреть на «Цветок».

Перевод с английского МАКСИМА ДРОНОВА.

БЕЛЫЕ

НАТАЛЬЯ РОДИОНОВА

159

НОСОЧКИ

*Как одеваться,
чтобы достичь
успеха.*

Едва зародились кооперативы, появились коротко стриженные парни в широких штанах и темно-зеленых свитерах с игривыми надписями. Чуть позже они разом, будто сговорившись, переоделись в турецкие шелковые рубашки. Потом надели кожанки... А вот барышни волокут коробки — все, как на подбор, в шелковых спортивных шароварах, кожаных куртках, туфлях на каблуках и свитерах из ангоры — виват, уличная

Мода

коммерсантка! В офисах появились люди в двубортных разноцветных костюмах, схожие, как близнецы-братья...

...Русский бизнес торопится. Он вытягивается, словно молодой бамбук — так, что кругом слышны треск и шорох этого резвого роста.

Вы покупаете кожанку, слаксы и турецкую шелковую рубашку. И вот вы «кричите» на всю улицу: «Я крутой! У меня есть деньги!» И... нет вкуса!

Любой прохожий просчитывает вас, ибо цену и происхождение таких вещей знают все. Вы добивались этого результата? Тогда все в порядке.

Впрочем, улица есть улица. Она, как известно, легко забывает... Но не офис или кабинет. «Человек, составляющий мнение о подателе заявления, смотрит в первую очередь на одежду. Впечатление от нее затмевает все остальное», — напоминает Дж. Т. Моллой, автор знаменитой книги для бизнесменов «Одежда для успеха». Даже такая мелочь, как расстегнутый пиджак, считают психологи, может сказаться на результате общения. Так что, если ваш собеседник предпочитает строгий официальный вид, не стоит чересчур раскрепощаться. И если купить костюм под силу многим, то хорошие манеры и вкус сегодня пока редкость. Сколько стоит знаменитая американская улыбка, выкованная десятилетиями в горниле соперничества, в огне и пепле бизнеса?

Вы будете приняты в любом обществе в сотни раз быстрее, если поймаете и впитаете его код и алгоритм.

Если подросток, раздувающий пузыри жевательной резинки, вызывает досаду, то взрослый, поступающий так же, выглядит отвратительно. Вы деловой человек, значит, вы серьезны, надежны,

респектабельны, то есть достойны и вызываете уважение. Респектабельность не вульгарна, не суетлива. К одним она приходит всем строем жизни и благополучно эту жизнь обрамляет. Другие, и таких большинство, начинают с создания ее образов, чтобы обрести жизненный комфорт и настоящую уверенность.

Но не с помощью ли изящной линии костюма, элегантно галстука и обуви, дорогого запаха создается это ощущение стабильности?

Ничего кричащего или излишне щеголеватого, никакой избыточности в одежде и манерах — заповедь делового человека. Он не наденет украшения только как украшения (скажем, цепочки или перстни), а предпочтет вещи функциональные — булавку для галстука или цепочку для часов, всегда помня: чем меньше, тем лучше. Он не превратит внешний карман пиджака в пенал для ручек или футляр для очков, не наденет в помещении темные очки, не будет благоухать, как парфюмерный цех; тщательно выберет дорогие перчатки, дипломат или портфель и головной убор. Одна нелепая деталь испортит все впечатление о вас.

И не только о вас. Ибо, переступая порог дома, вы уже посол фирмы, своего крупного или не очень крупного дела. И застиранный воротничок скажет о его состоянии больше, чем папки финансовой отчетности.

«Ваша одежда сегодня должна соответствовать тому посту, который вы хотели бы занять завтра», — советуют западные специалисты в области имиджа. Они же напоминают: респектабельность немыслима без некоторого консерватизма. А потому давно негласно принято, что предпочтительно носить, **когда и какого** цвета.

Точнее, что не носить. Так вот для мужского дневного делового костюма они не советуют выбирать коричневые и черные тона, а также слишком светлые. «Темно-синий или темно-серый в тонкую полоску — наиболее распространенный костюм для каждого случая», — советует Вольфганг Хойер, автор известной книги «Как делать бизнес в Европе».

Темный пиджак хорош для обо торжественных случаев, но желательнее не черный. Неплох и зеленый — от средненасыщенного до темного. Сорочки — белые и светлые. Никогда не пестрые или темные. Узкая полоска или мелкая клетка вполне возможны. Крайне нежелательны малиновые, темно-синие, коричневые. Избегайте короткого рукава, даже летом. У эlegantного мужчины манжеты сорочки (конечно, безусловно свежей) должны быть видны из-под рукавов примерно на 2 сантиметра. Обувь не светлая: серая, темно-синяя, коричневая... И не ошибитесь в носках: предпочтите серые, черные, темно-синие, коричневые под цвет обуви или костюма, с едва заметным узором, а лучше без него.

Если судить о моде, то, например, в ФРГ в этом отношении больше ориентируются на Англию, а в Австрии и Швейцарии больше следуют рекомендациям Франции и Италии. «Вообще в деловой мир мода входит не так активно и быстро, — замечает тот же Вольфганг Хойер и продолжает: — Деловой мир во внешнем облике скорее придерживается не моды, а определенного уровня — одеваться так, чтобы не подмочить свой престиж...»

В этом смысле весьма важно, чтобы одежда и обувь были чистыми и аккуратными. Извините, но заношенный, неглаженный костюм, несвежая сорочка, «съехав-

шие» носки или галстук в пятнах при всем уважении к человеку всегда обращают на себя внимание и оставляют не лучшее впечатление.

Еще более сложно научиться одеваться относительно вольно, как говорят, «с шармом», но одновременно с чувством меры, другими словами, по-настоящему модно и элегантно. Нечего скрывать, молодым менеджерам, желающим не отставать от моды, тоже не всегда это удается.

Итак, если вы человек дела, пройдите за модой с истинно мужским достоинством, пропустив эту особу вперед, но только на полшага, ибо отставший на шаг уже смешон.

— Каковы же сегодня тенденции моды в мужской деловой одежде у нас и на Западе? Кстати, они как-то отличаются? — спрашиваю у **Александра Даниловича Игманда**, признанного мастера мужской одежды, модельера ведущего Дома моделей страны «Кузнецкий мост», человека в высшей степени светского.

— Отличаются ли? Нисколько. Только, пожалуй, на Западе более четко разграничивается одежда по назначению.

Деловая — это офисный, дневной вариант. Здесь вы наиболее свободны в выборе. Равноправны и классический костюм, и с элементами спортивного стиля, и блейзер (особо подчеркну: только для дня). Особенно актуальны тона охры, фисташковый и... все те, которые вам к лицу, за исключением слишком ярких и слишком светлых. Но кто-то может позволить себе даже красный пиджак. Все зависит от темперамента. Человек с хорошим вкусом может одеться в элегантный ансамбль из пиджака и брюк разных цветов, хорошо подумав над их сочетанием. Выбор цвета вообще очень

важный момент. Именно он подчеркнет вашу индивидуальность, даже если костюм самый обычный.

Кстати, везде в мире принято делить одежду на ту, которую носят до пяти и после пяти вечера. И появление на вечернем собрании в откровенно дневной униформе — нонсенс. У нас такой порядок еще не привился. Однако есть так называемая официально-деловая одежда, в которой можно прийти не только в офис, но и на прием, если он состоится потом, или на серьезные переговоры. И требования к ней значительно строже. Это классический костюм, не комбинированный, одного цвета. Особенно модны темно-синий, темно-вишневый, темно-сливовый тона. Ткань не обязательно однотонная, возможны мелкие клетка или полоска. Но все — не пестро, не многоцветно. Представьте: часть официального зала торжественна и серьезна, а другая похожа на слет заморских птиц. Будет ли это способствовать успеху дела?

Для больших приемов, посещения театра, особо торжественных событий, скажем, вручения именных наград, выделяется специальная вечерняя одежда, особенности которой определяются этикетом. Обычные пиджаки здесь не уместны. Это время смокингов с шелковыми лацканами, торжественных, очень темных цветов, ослепительных сорочек с высокой застежкой (мы называем их «дипломат»), «бабочек».

— А галстук? Все-таки это главное украшение в туалете мужчины уже в течение не одного столетия. Если не ошибаюсь, сам Бальзак давал рекомендации по искусству обращения с ним и был автором одного из пособий. Считалось, что в выборе галстука и способе завязывания личность муж-

чины должна проявиться так же выразительно, как когда-то в складках античных одежд...

— Да и сегодня галстук красноречив и нужен всегда, если его владелец — человек бизнеса. Но забудьте крупные расцветки и яркие оттенки. Пестрые галстуки вообще убивают костюм, лучше не рисковать. Да и модные тенденции сегодня очень сдержанны. В фаворе галстуки неширокие, в мелкую полоску, мелкий штампик, гладкие, а также с орнаментом «огурец». Растительные орнаменты, популярные недавно, отступили.

— А что вы скажете о модном силуэте?

— Он, как и в женской одежде, стал вытянутым, узким, словно тянущимся вверх. Это отличительная черта моды девяностых годов, как и общий тон одежды — сдержанный, стильный, качеством тканей дающий понять ее цену. Разворот плеча чуть шире естественного, не утрированный, как прежде. Двубортные пиджаки, приобретшие сейчас популярность в мужской одежде, уже уходят. В авангарде — однобортные, с высокими застежками на 3—4 пуговицы, небольшими удлиненными лацканами, слегка приталенные. Подчеркну: пиджак стал длиннее. Жилеты дополняют мужской костюм. Брюки вверху уменьшились в объеме, и внизу тоже не широкие, не узкие: 23—24 сантиметра. Не короткие, с напуском на ботинки.

В целом ориентироваться советую на классику: она никогда не подводит. Но главное: старайтесь оставаться самим собой и быть при этом всегда ухоженным и аккуратным. Противовес элегантно-сти — неряшливость. Уважающий других человек никогда не появится в грязной одежде или обуви, не наденет турецкую или

китайскую куртку, которую встретишь на каждом втором. И совсем не обязательно иметь тысячи долларов. Лучше предпочесть костюм, сшитый на «Большевичке» или хорошим портным, из добротной ткани, но того цвета, который вам идет. И никаких излишеств!

Иногда я встречаю людей в действительно дорогих костюмах (в наших магазинах они стоят порядка 500—800 долларов) с неспортивным «лейблом» — например, «Пьер Карден». «Это стоит очень дорого!» — вопиет весь вид такого франта — увы, человека, видимо, крайне безвкусного и плохо воспитанного, ибо афишировать свое богатство посредством костюма и прочих внешних атрибутов по крайней мере нелепо.

Кстати, умение подбирать одежду корректно — соответственно своему положению и возрасту — чрезвычайно важно. Молодым людям, 17—22 лет, лучше предпочесть спортивный стиль. Это и есть основная молодежная одежда. Мне могут возразить: у нас уже появились деловые люди этого возраста, много зарабатывающие и стремящиеся солидно выглядеть. Но, как правило, у них это не получается. В нормальном обществе люди в таком возрасте учатся, а не делают деньги. Они могут быть прекрасно одеты за счет чувства стиля и своего «легкого» возраста.

Вторая категория — молодые мужчины до 30—35 лет. У них, пожалуй, самый широкий выбор.

После 35—40, когда фигуры несколько портятся, а знаний о себе и других прибавляется, наступает пора истинной элегантности, и ансамбль подбирается без особого труда, потому что хозяин его, как правило, легче ориентируется в окружающей обстановке.

Как правило... Но, увы... Совсем

недавно я сам видел! известный, даже выдающийся актер выступал на своем творческом вечере в черном костюме, «бабочке» и белых (!) носках. Белых! Согласитесь, нонсенс!

Соглашаюсь с маэстро моды. Но позволю себе предположить, что 90 процентов зрителей просто не заметили этого. Рискну предположить также, что 90 процентов мужчин вообще не ведают, что джентльмен никогда не носит белые носки, разве что летом на даче. Или что только гангстер надевает рубашку темнее костюма или галстук светлее, чем рубашку.

И все-таки в глазах десяти процентов знатоков большой актер выглядел человеком безвкусным, некультурным и нелепым.

А всего-то — белые носочки...

Эскизы одежды А. ИГМАНДА.

Фото ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

Алтынь

ГЛАВА I

Алые розы стояли перед судьей; и были они как брызги крови. А судья был стар — так стар, что, казалось, он пережил и время, и смерть. Ярко-алая оторочка мантии контрастно выделялась на фоне его бледного лица. Он уже три дня просидел в душном зале суда, но не выказывал ни малейшего признака утомления.

Судья не глядел на подсудимую, пока собирал свои заметки в аккуратную стопочку, готовясь обратиться к присяжным, но подсудимая на него смотрела. В ее глазах — двух пятнах темного дыма под густыми прямыми бровями — не отражалось ни страха, ни надежды. Лишь ожидание.

Настойчивые старые глаза как бы вывели обобщенную оценку всех присяжных и критически взвесили их объединенный разум. Респектабельный торговец высокого роста, с логичным, предрасположенным к спору умом; затем — дородный и растерянный, с поникшими усами, несчастливцев с жестокой простудой; директор большой компании, озабоченный потерями драгоценного времени; неуместно веселый трактирщик; двое молодых людей из мастеровых; трудноопределимый пожилой человек образованного вида, но это может ничего и не значить; художник с рыжей бородой, маскирующей слабый подбородок; три женщины — старая дева, уже в годах, тучная и сноровистая владелица кондитерской, и домохозяйка — жена и мать, сидящая как на иголках, явно неотступно думающая только о своем заброшенном домашнем очаге.

— Господа присяжные заседатели, вы с огромным терпением и вниманием выслушали все показания по этому делу, и теперь моя обязанность — суммировать все факты и доводы, которые были изложены вам высокоученым генеральным атторнеем* и высокоученым адвокатом защиты, и выстроить их, насколько возможно, по порядку, дабы помочь вам в формировании вашего решения.

Но прежде всего, вероятно, мне следует сказать несколько слов относительно решения как такового. Все вы, я уверен, знаете великий принцип английского закона: человек, которому предъ-

* Прокурор, выступающий от лица государства, государственный обвинитель. — Прим. перев.

ЫШЛО

Рисунок ВЯЧЕСЛАВА ПОСЕВА

явлено обвинение, считается невиновным до тех пор, пока не доказано противоположное. И, если Корона не предоставила вам достаточно убедительных доказательств, посеяв в ваших душах вполне разумные сомнения, ваша обязанность вынести вердикт: «невиновна». Это вовсе не означает, что доказана невиновность подсудимой; это означает лишь то, что Короне не удалось собрать достаточно доказательств и добиться вашей бесспорной убежденности в ее вине.

Салкомб Харди оторвал свои заплывшие фиалковые глазки от репортерского блокнота и, нацарапав пару слов на клочке бумаги, передал записку Вэффлеу Ньютону. «Судья настроен враждебно». Вэффлс кивнул. Эти двое уже собаку съели на судебных процессах. А судья продолжал скрипеть:

— Это дело — об убийстве, и Корона доказывает, что подсудимая — Харриет Вэйн — убила Филипа Бойеса, отравив его мышьяком. Мне нет нужды задерживать вас, излагая все доказательства, представленные сэром Джеймсом Лаббоком и другими врачами, давшими заключение о причине смерти. Обвинение утверждает, что он умер от отравления мышьяком, и защита этого не оспаривает. Следовательно, налицо очевидность, что смерть вызвана мышьяком, и вам следует принять это как факт. Фактически единственный интересующий вас вопрос — был ли мышьяк умышленно применен подсудимой с целью убийства? Покойный, Филип Бойес, был, как вы слышали, писателем тридцати шести лет. Он опубликовал пять романов и огромное количество статей и эссе. В его литературной работе проповедывались доктрины, которые некоторым из нас могут показаться аморальными и бунтарскими, такие, как атеизм, анархизм и то, что называется «свободной любовью». Его личная жизнь проходила, по крайней мере некоторое время, в соответствии с этими доктринами. Так или иначе, в тысяча девятьсот двадцать седьмом году он познакомился с Харриет Вэйн. Они встретились в тех художественных и литературных кругах, где обсуждаются «передовые» темы, и со временем очень подружились. Подсудимая — тоже романистка по профессии, и весьма важно помнить, что она писательница так называемого «загадочного», или детективного, жанра, то есть изобретает различные хитроумные способы совершения убийств и других преступлений.

Вы заслушали показания как самой подсудимой, так и многочисленных свидетелей. Из их показаний следует, что она весьма талантливая молодая женщина, воспитанная в строгих религиозных принципах и отнюдь не по собственной вине предоставленная самой себе с двадцати трех лет. С тех пор — а сейчас ей двадцать девять — она усердно работала ради добывания средств к существованию. В ее пользу говорит тот факт, что она собственными усилиями и законным путем добывалась своей независимости, не будучи никому обязанной и ни от кого не принимая помощи. Она с величайшей искренностью рассказала нам, как глубоко привязалась к Филипу Бойесу и как довольно долгое время сопротивлялась его настояниям жить с ним вне брака. В самом деле, не было ни единой причины, по которой он не мог бы жениться на ней, но он всячески стремился подчеркнуть свое сознательное противостояние законному браку. Вы слышали показания Сибил Мариотт и Эйлуэнд Прайс о том, что подсудимая была очень несчастна из-за избранного им отношения к этому вопросу, и вы слышали также, что он был очень красивым и привлекательным мужчиной, перед которым трудно устоять любой женщине. Во всяком случае, в марте тысяча девятьсот двадцать восьмого года подсудимая, измотанная, как она говорит, его все возрастающей назойливостью, уступила и согласилась жить с ним интимной жизнью вне брака. У вас может возникнуть вполне естественное ощущение, что поступать так очень дурно. Вас не собьет с толку фальшивое очарование, с помощью которого некоторые писатели исхитряются наводить на мысль, будто «свободная любовь» — это нечто больше, чем заурядный и вульгарный проступок. Сэр Импи Биггс, вполне справедливо используя в интересах клиента свое огромное красноречие, изобразил действия Харриет Вэйн в самых розовых тонах: он говорил о бескорыстной жертве, о самопожертвовании, напомнил о том, что женщина в подобной ситуации всегда расплачивается за двоих. Вы, я уверен, не уделите этому слишком большого внимания. Всем вам отлично известна разница между дурным и хорошим в таких делах, и вы можете посчитать, что, не будь Харриет Вэйн до определенной степени испорчена нездоровыми влияниями, она бы проявила больше мужества, чтобы избавиться себя от общества Филипа Бойеса. Но, с другой стороны, вы должны быть осторожны и не придавать слишком большого значения дурной стороне этой ошибки. Одно дело — жить аморальной жизнью, и совсем другое — совершить убийство. Вы, вероятно, можете решить, что один шаг по дурной дорожке облегчает следующий... — Судья на секунду умолк, и Фредди Арбетнот ткнул локтем между ребер угрюмо потупившегося лорда Питера Вимси. — Около года, — продолжил судья, — Филип Бойес и подсудимая жили вместе. Достаточно близкие друзья с обеих сторон удостоверяют, что они были очень увлечены друг другом. Но в феврале двадцать девятого года произошла ссора, и пара рассталась. Мистер и миссис Дайер, занимающие квартиру, расположенную над квартирой Филипа Бойеса, показывают, что слышали разговор на повышенных тонах и плач женщины, а на следующий день Харриет Вэйн упаковала все

свои вещи и покинула этот дом. Согласно словам мисс Мариотт, у которой Харриет Вэйн нашла приют после разрыва, подсудимая отказалась рассказывать что-либо об этом эпизоде, добавив только, что она жестоко обманута Бойесом и не желает больше слышать его имя. Отсюда можно предположить, что Филип Бойес дал подсудимой повод для обиды своей неверностью, плохим отношением либо продолжающимся отказом узаконить в глазах света их отношения. Но подсудимая категорически это отрицает. Наоборот, Бойес предложил ей сочетаться законным браком, но именно это и стало причиной ссоры. Вы можете счесть причину весьма странной, но таково показание, данное подсудимой под присягой. После этого ничего особенного, кажется, не происходило с этими двумя людьми на протяжении трех месяцев, кроме того, что Харриет Вэйн покинула дом мисс Мариотт и сняла собственную квартиру на Доути Стрит, а Филип Бойес, напротив, сочтя свою одинокую жизнь угнетающей, принял приглашение своего кузена, мистера Нормана Уркьюхарта, поселиться в его доме на Вибери Сквер. Бойес и обвиняемая, по всей видимости, нечасто встречались после разрыва, хотя и проживали в одном и том же квартале Лондона. Раза два или три они случайно пересеклись в гостях у общих друзей.

Как бы то ни было, сейчас мы подходим к дате величайшей важности. 10 апреля молодая женщина, опознанная как Харриет Вэйн, зашла в аптеку мистера Брауна на Саутгэмптон Роу и приобрела две унции мышьяка, сказав, что ей нужно потравить крыс. В книге покупателей ядов она расписалась как Мэри Слатер, почерк же был идентифицирован с почерком подсудимой. Более того, она сама признает, что совершила эту покупку по некоторым личным мотивам. Не придавая этому большого значения, можно упомянуть владельца дома, в котором проживает Харриет Вэйн, свидетельствующего, что крыс в доме не водится и никогда не водилось во все время проживания подсудимой.

5 мая совершается еще одна покупка мышьяка. Подсудимая, по ее собственным показаниям, на этот раз приобретает мышьяковый гербицид той же марки, что и в так называемом «деле Кидвелли» об отравлении. На этот раз она расписалась как Эдит Вотерс. Вокруг дома, где она живет, нет зеленых насаждений, поэтому гербицид никак не мог быть использован по прямому назначению. За период с середины марта по начало мая нам известно о нескольких случаях приобретения различных ядов, включая синильную кислоту (под предлогом фотографических нужд) и стрихнин. Была также провалившаяся попытка приобрести аникотин. Посещались разные магазины, и покупки каждый раз делались под другим именем. Мышьяк — единственный яд, напрямую связанный с данным делом, но и приобретение других ядов имеет значение, поскольку проливает свет на деятельность подсудимой в то время. Она объясняет, что писала в то время роман об отравлении и покупала препараты ради того, чтобы опытным путем убедиться, насколько легкодоступно для обычного человека приобретение смертельных ядов. В доказательство этого ее издатель, мистер Труфут, представил рукопись

книги. Вам зачитывали отрывки, показывающие, что в основе сюжета — убийство при помощи мышьяка. В рукописи также есть описание молодой женщины, заходящей в аптеку и покупающей изрядное количество этого смертоносного вещества. Я хочу, чтобы вы запомнили эти даты: десятое апреля и пятое мая. — Судья перелистнул страницу своих заметок. — Приблизительно в это время у Филипа Бойеса возобновился гастрит, который периодически докучал ему всю жизнь. Вы читали показания доктора Грина, который лечил его в университетские годы. С тех пор прошло уже немало времени, но в тысяча девятьсот двадцать пятом году доктор Веари вынужден был вновь начать лечение. Гастрит — болезнь не слишком опасная, но мучительная и изнуряющая. Мы имеем здесь такое совпадение дат, которое может быть весьма примечательно. Приступы случались — по записям доктора Веари в истории болезни — тридцать первого марта, пятнадцатого апреля и двенадцатого мая. Тройное совпадение: Харриет Вэйн и Филип Бойес встретились «ближе к концу марта» — и тридцать первого марта у него происходит приступ гастрита; десятого апреля Харриет Вэйн приобретает две унции мышьяка, они вновь встречаются «на второй неделе апреля» — и пятнадцатого у него еще один приступ; пятого мая она приобретает гербицид, «где-то в мае» происходит их следующая встреча — и двенадцатого мая он атакован своим заболеванием в третий раз. Вы можете заинтересоваться этими совпадениями, но не должны забывать, что Корона не смогла найти доказательств покупки мышьяка перед их мартовской встречей. На это надо обратить особое внимание. После третьего — майского — приступа врачи посоветовали Бойесу сменить обстановку и уехать. Он выбирает для себя северо-западную часть Уэльса, отправляется в Хардледж и проводит там время очень приятно, чувствуя себя намного лучше. Но сопровождавший его друг, мистер Райленд Возн, утверждает, что «Филип не был счастлив». По мнению мистера Возна, он терзался из-за Харриет Вэйн. Телесное его здоровье улучшилось, но душа была угнетена. Итак, шестнадцатого июня, как нам известно, он пишет письмо мисс Вэйн. Вот оно, это важное письмо, и я прочту вам его еще раз:

«Дорогая Харриет!

Жизнь, по сути своей, пакость. Я не могу ее больше выносить. Я решил плыть по воле волн и отправиться на запад. Но до отъезда хотел бы еще раз увидеться с тобой и выяснить, не сможем ли мы опять все наладить. Ты, конечно, вольна поступать, как хочешь, но я до сих пор не могу понять избранного тобой подхода. Я буду в городе к 20-му. Черкни мне пару слов, куда бы я мог подойти.

Твой Ф.».

Письмо это, как вы уже поняли, весьма двусмысленно. Сэр Импи Биггс выдвинул предположения, подкрепленные весьма весомыми доводами, что «плыть по воле волн и отправиться на запад» и «я не могу ее больше выносить» выражают намерение писателя покончить с собой, если ему не удастся достичь примирения с обвиняемой. Он указал, что «отправиться на запад» —

хорошо известная метафора, означающая «умереть», и это, разумеется, может быть убедительным. Но мистер Уркьюхарт во время его допроса генеральным атторнеем сообщил, что письмо, видимо, связано с его предложением совершить плавание через Атлантику на Барбадос ради смены обстановки. Важно отметить, что покойный просил о свидании на двадцатое число. Ответ на его письмо перед нами, он гласит: «Дорогой Фил! Ты можешь, если хочешь, заглянуть двадцатого около девяти тридцати, но не надейся меня переубедить.

М.».

Письмо холодное, почти враждебное по тону. И все же на девять тридцать назначено свидание. Я не буду далее слишком задерживать ваше внимание, но напоминаю, что именно с этого момента мы подходим, собственно, ко дню смерти. Филип Бойес и мистер Возн вернулись в город вечером девятнадцатого числа, и представляется несомненным, что здоровье Бойеса поправилось. Бойес и мистер Возн вместе переночевали и позавтракали — обычный завтрак из бекона, яиц, тостов, мармелада и кофе. В одиннадцать Бойес выпил пива «Гиннесс», заметив, что оно соответствует рекламе. В час дня он основательно перекусил в своем клубе и чуть позже сыграл несколько сетов в теннис с мистером Возном. На замечание одного из игроков, что Хардледж благотворно подействовал на Бойеса, тот ответил, что чувствует себя как никогда хорошо. После половины седьмого он отправился пообедать со своим кузеном, мистером Норманом Уркьюхартом. Ни мистером Уркьюхартом, ни служанкой, подававшей на стол, не было замечено ничего необычного в его внешности или поведении. Обед подали ровно в восемь часов, и, думаю, неплохо бы вам записать это время и список съеденного и выпитого. Кузены обедали вдвоем, но перед обедом, сидя в библиотеке, выпили по стакану хереса, разлитого служанкой из новой бутылки. Затем последовал холодный бульон, поданный Ханной Вестлок в двух чашках, наполненных из стоявшей на буфете супницы. Его отведали оба мужчины, а после обеда бульон был доеден на кухне поварихой и Ханной Вестлок. После супа подали палтус под соусом. Рыба была разделена на порции опять-таки на буфете, соусница вручена каждому по очереди, а блюдо затем отправлено на кухню, где с ним и покончили! Последним блюдом был сладкий омлет, приготовленный на жаровне самим Филипом Бойесом. Мистер Уркьюхарт и его кузен очень привередливы к качеству омлета, поэтому делали его сами. Четыре сырых яйца принесли на стол, и мистер Уркьюхарт, одно за другим, разбил их над миской, добавив сахар из сахарницы. Затем он протянул миску мистеру Бойесу: «В омлетах ты настоящий дока, Филип, предоставляю это тебе». Филип Бойес взбил яйца с сахаром, приготовил омлет тут же на жаровне, залил его горячим джемом, поданным Ханной Вестлок, а затем собственноручно разделил его на две порции, вручив одну мистеру Уркьюхарту, а оставшуюся взяв себе.

Я так подробно рассказываю об обеде, чтобы напомнить, что каждое поданное блюдо было разделено по меньшей мере между двумя людьми, а в ряде случаев и четырьмя. Омлет — един-

ственное блюдо, не добравшееся до кухни, — был приготовлен самим Филипом Бойесом и разделен с его кузеном. Ни мистер Уркьюхарт, ни мисс Вестлок, ни повариха, мисс Петтикан, не испытывали никаких дурных последствий после еды.

Следует упомянуть также бутылку бургундского, единственное, что пил только Филип Бойес. Превосходный старый «Кортон», поданный на стол в оригинальной фирменной бутылке. Мистер Уркьюхарт откупорил ее и передал Филипу Бойесу, сказав при этом, что сам он пить не будет. Филип Бойес выпил два полных бокала, а оставшееся в бутылке вино, по счастью, сохранилось. Анализ показал, что оно совершенно безвредно.

Теперь мы подходим к девяти часам вечера. После обеда был предложен кофе, но Бойес отказался, сославшись на то, что кофе по-турецки не любит. В девять пятнадцать Бойес покинул дом мистера Уркьюхарта и на такси отправился к дому, где снимала квартиру мисс Вэйн. Мы знаем это от самой мисс Вэйн, от миссис Брайт, живущей на первом этаже, и от дежурного констебля № 1234, проходившего по улице в двадцать пять минут десятого, когда Бойес, стоя на ступенях, звонил в дверь подсудимой.

Мисс Вэйн сообщила нам, что, как только он вошел, она предложила ему чашку кофе, «стоявшего наготове на газовой конфорке». Важность этого факта очевидна. Если кофе был разлит по чашкам до прихода покойного, то имелись все возможности заранее положить ид в одну из них и предложить именно эту чашку Филипу Бойесу; но если кофе разливался из кофейника в присутствии покойного, проделать это было уже намного труднее.

Согласно показаниям подсудимой, беседа получилась весьма неприятной. Упреки так и сыпались с обеих сторон, и около десяти часов Бойес собрался уходить. Подсудимой показалось, что ему не по себе. Сам же Бойес, по ее словам, подтвердил, что чувствует себя не очень хорошо, добавив, что ее поведение глубоко его расстроило.

В десять минут одиннадцатого — и я бы хотел, чтобы вы очень аккуратно следили за временем, — таксист Бёрк со стоянки около Гилфорд-Стрит посадил в машину Филипа Бойеса, велевшего ему ехать на Вибёрн Сквер. Он показывает, что Бойес говорил отрывисто и торопливо, как человек, страдающий от душевного или телесного недомогания. Когда такси остановилось перед домом мистера Уркьюхарта, Бойес из него не вышел, и Бёрк открыл дверь, чтобы поглядеть, в чем дело. Он обнаружил, что его пассажир скрючился в углу, прижав руки к животу, с бледным и покрытым потом лицом. Бёрк спросил его, не заболел ли он, на что получил ответ: «Да, мне плохо». Таксист помог ему вылезти и позвонил в дверь, которую открыла Ханна Вестлок. Филип Бойес, согнувшись пополам, со стоном опустился в кресло и попросил бренди. Она принесла ему из столовой крепкого бренди с содовой, и Бойес оправился настолько, что вынул деньги из кармана и расплатился с таксистом. Поскольку он все еще выглядел весьма нездоровым, Ханна Вестлок вызвала из библиотеки мистера Уркьюхарта. Тот сказал Бойесу: «Эгей, ста-

рина, что с тобой стряслось?» Бойес ответил: «Бог его знает! Чувствую себя кошмарно». Ему помогли подняться наверх и уложили в постель. По телефону был вызван доктор Грейнджер, живущий по соседству. Перед прибытием доктора пациента вырвало и после того продолжало постоянно рвать. Доктор Грейнджер поставил диагноз острого гастрита. У пациента были высокая температура, частый пульс и резкая боль при нажатии на брюшную полость, но доктор не обнаружил никаких признаков аппендицита или перитонита. Поэтому он вернулся к себе в кабинет и приготовил успокаивающее лекарство для прекращения рвоты — смесь бикарбоната углекислого калия, апельсиновой настойки и хлороформа.

На следующий день рвота не унималась, и для консультации с доктором Грейнджером был приглашен уже лечивший больного доктор Веари.— Судья умолк и взглянул на часы.— Время движется, и, поскольку нам не миновать в обозре медицинских свидетельств, объявляю обеденный перерыв.

ГЛАВА 2

Суматоха в зале суда улеглась; присяжные вернулись; подсудимая появилась на своей скамье неожиданно, как привидение; судья занял свое место. С алых роз осыпалось несколько лепестков. Старческий голос продолжал:

— Господа присяжные заседатели, думаю, мне нет нужды слишком подробно напоминать ход болезни Филипа Бойеса. Двадцать первого июня была приглашена сиделка, врачи посетили больного три раза. Его состояние постоянно ухудшалось. Понос и рвота продолжались, он вообще не мог принимать ни пищи, ни лекарств. На следующий день, двадцать второго, ему стало еще хуже — сильная боль, слабеющий пульс, высохшая и шелушащаяся кожа вокруг рта. Доктора уделяли ему усиленное внимание, но ничего не могли поделать. Был вызван его отец, который застал своего сына в сознании, но очень слабым. В присутствии отца и сиделки Вильямс больной выразился следующим образом: «Я умираю, отец, и рад развязаться с этим. Харриет теперь избавится от меня — я не знал, что она меня так сильно ненавидит». Это высказывание имеет огромную важность, и мы слышали две его различные трактовки. Вам судить, что оно может означать — либо: «Ей удалось избавиться от меня; я не думал, что она ненавидит меня до такой степени, чтобы отравить», либо: «Когда я понял, как сильно она меня ненавидит, то решил, что дальше жить не стоит». Возможно, оно не имеет ни того, ни другого смысла. Когда людям очень плохо, к ним приходят порой самые невероятные, бредовые идеи. Не все можно рассматривать всерьез, но тем не менее эти слова являются частью свидетельских показаний, и вы обязаны принимать их в расчет.

В течение ночи он все больше слабел, впадая в беспамятство, и в три часа утра умер. Все попытки спасти его оказались напрасными. Случилось это двадцать третьего июня.

Вплоть до этого времени не возникало никаких подозрений.

И доктор Грейнджер, и доктор Веари пришли к заключению, что причиной смерти явился острый гастрит, и нам нет нужды осуждать их за такие выводы, поскольку они вполне согласовались и с симптомами болезни, и с историей недомоганий больного. Свидетельство о смерти было выдано обычным порядком, и похороны состоялись двадцать восьмого числа.

Затем случилось то, что часто случается в подобных делах: кто-то начинает говорить. В нашем случае первой начала говорить сиделка Вильямс. В последнюю неделю июня она ухаживала еще за одним пациентом доктора Веари, принадлежащим к той же литературной компании в Блумсбери, что и Филип Бойес и Харриет Вэйн. Она разговорилась с ним о Филипе Бойесе и заметила, что, по ее мнению, его болезнь очень похожа на отравление, даже упомянула слово «мышьяк». Вы знаете, как разносятся подобные вещи: один человек говорит другому за чаепитием или коктейлем, и очень скоро вся история становится широко известной. Наша история достигла ушей мисс Мариотт и мисс Прайс и дошла до мистера Воэна. А мистер Воэн был в величайшей степени расстроен и удивлен смертью Филипа Бойеса, особенно потому, что был с ним в Уэльсе и знал, насколько поправилось его здоровье за время отдыха. К тому же он был весьма возмущен поведением Харриет Вэйн в этой любовной истории. Решив, что обязан предпринять какие-то действия, мистер Воэн отправился к мистеру Уркьюхарту и выложил ему все толки. Будучи юристом, мистер Уркьюхарт с осторожностью отнесся к слухам и подозрениям и предупредил мистера Воэна, что неразумно разносить рассказы, так как это может обернуться привлечением к суду за клевету. В то же время он, естественно, был обеспокоен тем, что пошли такие ужасные слухи о родственнике, умершем в его доме, и благоразумно решил подтвердить свой диагноз или сделать выговор сиделке Вильямс и положить конец болтовне. Доктор Веари весьма удивился и огорчился, но не отрицал, что симптомы отравления мышьяком и острым гастрита действительно неразличимы.

Когда это дошло до мистера Воэна, он еще больше укрепился в своих подозрениях и написал мистеру Бойесу-старшему письмо с предложением запросить расследования. Мистер Бойес, потрясенный до глубины души, сразу же заявил, что делу следует дать новый ход. Он знал о любовной связи своего сына с Харриет Вэйн, но отметил, что она не справлялась о Филипе и не была на его похоронах. В итоге связались с полицией, и был получен ордер на эксгумацию тела.

Вы слышали о результатах анализов, выполненных сэром Джеймсом Лоббоком и мистером Стефаном Фордайсом. Поскольку медицинские аспекты экспертизы уже подробно рассматривались, думаю, нам нет нужды излишне вдаваться в эти подробности. Позволю напомнить лишь о том, в чем сошлись все свидетели-медики.

Если человек принимает мышьяк, то он в определенной пропорции откладывается в коже, ногтях и волосах и двигается вместе с растущими волосами. Поэтому, рассмотрев уровень распространения мышьяка в волосах, вы получаете приблизи-

тельное представление, сколь давно начат прием яда. Медики единодушно сошлись на том, что после принятия дозы мышьяка следует ожидать появления его следов в волосах вблизи кожи черепа приблизительно через десять недель. Волосы растут со скоростью около шести дюймов в год, и мышьяк движется вместе с ними, пока не доходит до их конца и не состригается. Уверен, что особенно хорошо это поймут леди, присутствующие среди присяжных, поскольку этот процесс сходен с тем, что мы именуем «перманентной завивкой». Так вот, присутствие мышьяка в корнях волос Филипа Бойеса указывает на то, что он должен был принимать его по меньшей мере в течение трех месяцев до дня смерти. Следует ли связывать факт покупки подсудимой мышьяка в апреле и в мае с появлением болезненных приступов у покойного в марте, апреле и мае? С подсудимой он поссорился в феврале, в марте заболел и умер в июне. Между скорой и смертью прошло пять месяцев, между первым приступом и смертью — четыре, и вы можете легко просчитать, значат ли что-то эти даты.

Теперь мы подходим к полицейскому следствию. Детективы навели справки о всех действиях Харриет Вэйн, а позже явились к ней на квартиру, чтобы взять показания. Когда ей сказали, что Бойес умер от отравления мышьяком, она высказала явное удивление и весьма охотно призналась в сделанных ею покупках мышьяка и других ядов, которые сожгла впоследствии. Мисс Вэйн напрочь отрицала, что давала яд Филипу Бойесу. На вопрос, не мог ли мышьяк попасть в кофе по какой-либо случайности, она ответила, что это невозможно, поскольку все яды были уничтожены еще в конце мая.

Так выглядят факты, связанные с отравлением Филипа Бойеса. То, что он принял мышьяк, несомненно, и если вы убеждены, что этот яд дала ему мисс Вэйн, ваша обязанность счесть ее виновной в убийстве.

У Харриет Вэйн слишком мало мотивов для такого убийства, но я вынужден напомнить вам, что очень часто преступные действия не соответствуют мотивам, вызвавшим их. Если возникнет некое сомнение в том, что подсудимая умышленно дала Филипу Бойесу яд, вы должны вынести вердикт: «невиновна», так как не обязаны решать, как был дан яд покойному, если дала его не она. Рассмотрите обстоятельства дела в целом и сообщите о решении, к которому вы пришли.

ГЛАВА 3

— Не думаю, что они задержатся, — сказал Вэффлс Ньютон. — Тут все как на ладони. Слушай, старина, хочу слетать в редакцию и впихнуть скорей свой матерьялец. Дашь мне знать, что тут произойдет?

— Разумеется, — ответил Салкомб Харди, — если по пути забросишь и мой.

— Ручаюсь, они управятся за двадцать минут. В случае чего, к десяти постараюсь вернуться.

Ньютон удалился, продираясь сквозь толпу. Кутберт Логэн,

готовивший отчет для утренней газеты и потому чувствовавший себя вольготней, принялся набрасывать словесную зарисовку судебного заседания. Он любил подмечать взгляды, интонации, цветовые эффекты. Подготовленные им материалы всегда были занимательными, а порой и изысканными. Фредди Арбетнот, которому не удалось уйти в начале перерыва, решил, что самое время сделать это сейчас. Сэр Импи Биггс, защитник подсудимой, до конца отстаивавший ее интересы, дружелюбно болтал с генеральным атторнеем, вокруг них вились законники помельче. Скамья подсудимых опустела.

Старший инспектор Паркер, отделившись от группки друзей, медленно пробрался сквозь толпу и подошел к лорду Вимси.

— Что ты об этом думаешь, Питер? Сделано без сучка и задоринки, а?

— Чарльз, — ответил Вимси, — ты допустил ошибку, старина.

— Ошибку?

— Она этого не совершала.

— Ну, брось!

— Повторяю, она невиновна. Все доказательства очень убедительны и, кажется, неопровержимы, но все-таки неверны.

Паркер явно расстроился. Он доверял суждениям Вимси и, несмотря на собственную внутреннюю убежденность, почувствовал некоторые колебания.

— Но, дорогой мой, в чем моя ошибка?

— Никакой ошибки. Иголочки не просунешь. Во всем деле нет ничего неверного, кроме того, что девушка невиновна.

— Ты превращаешься в зауряднейшего психолога, — невесело пробормотал Паркер. — Ведь правда, герцогиня? — обратился он к вдовствующей герцогине Денверской.

— Хотелось бы поближе узнать эту девушку, — как всегда неопределенно ответила герцогиня. — У нее действительно интересное и примечательное лицо. Я как-то читала одну из ее книг и не могла угадать убийцу до двухсотой страницы. Весьма умно сделано. Обычно я угадываю на пятнадцатой. Но Боже, какой абсурд — писать книги о преступлениях и самой оказаться в роли обвиняемой. Полагаю, мы скоро узнаем если не всю правду, то хотя бы мнение присяжных.

— Да, они заседают немного дольше, чем я предполагал. Но послушай, Вимси, объясни мне...

— Слишком поздно, ты уже не можешь вмешаться. Ничье мнение не имеет теперь значения, кроме мнения присяжных. А я улавливаю движение. Вот они!..

Все встали. Судья занял свое место. Подсудимая, очень бледная в электрическом освещении, появилась на своем. Открылась дверь, ведущая в комнату присяжных, и секретарь суда обратился к ним:

— Господа присяжные заседатели, пришли ли вы к согласию в вашем решении?

Вперед выступил старшина присяжных:

— С сожалением должен сообщить, что мы не смогли прийти к единому решению.

Зал задохнулся в общем вздохе и ропоте. Судья наклонился

вперед, очень вежливый и без всяких признаков утомления.

— Считаете ли вы, что сможете достичь согласия, если получите еще немного времени?

— Боюсь, что нет, милорд. — Старшина присяжных метнул свирепый взгляд туда, где сидела, склонив голову и туго переплетая пальцы рук, старая дева. — Нет никаких надежд на то, что мы когда-либо придем к согласию.

— Могу ли я вам как-нибудь помочь?

— Нет, благодарю вас, милорд. Мы отлично представляем себе все факты, но не можем прийти к согласию по их поводу.

— Достойно сожаления. Думаю, что вам стоит попытаться еще раз, а затем, если вы все же окажетесь не в состоянии прийти к единому решению, вы должны вернуться и сообщить мне. В то же время, если мое знание закона может вам чем-то помочь, оно, разумеется, полностью в вашем распоряжении.

Присяжные, сникнув, заковыляли назад. Судья в алой мантии потянулся за ними. Ропот в зале усилился.

— Господи помилуй, — сказал Фредди Арбетнот. — По-моему, Вимси, твоя мисс Климпсон и задает тон в этом веселеньком представленьце. Видел, как старшина на нее пялился?

— Молодчина, — усмехнулся Вимси. — Просто молодчина! У нее до ужаса неподатливая совесть — она еще может о себе завить.

Пршло шесть часов. Шесть с половиной.

— Наконец-то!

Присяжные, гуськом потянувшиеся на свои места, представлялись измотанными вконец. Старшина присяжных смотрел так, будто хотел кого-нибудь придушить, а старая дева закрыла глаза и шевелила губами, словно молилась.

— Господа присяжные заседатели, пришли ли вы к единому решению?

— Нет, и уверены, что никогда не придем.

— Уверены? — переспросил судья. — Мне не хотелось бы вас торопить. Я готов ждать столько, сколько вам будет угодно.

Старшина присяжных наконец овладел собой и ответил голосом, срывающимся от ярости и изнеможения:

— Мы никогда не придем к согласию, милорд, даже если будем заседать до Страшного Суда.

— Весьма прискорбно, — сказал судья. — В таком случае ничего не остается, как освободить вас от ваших обязанностей и назначить новый суд.

Не успело еще завершиться оформление последующих формальностей, как Вимси продрался к местам для адвокатов и ухватил за мантию юрисконсульта защиты.

— Бигги, отлично сработано! Вы получили повторный шанс. Позвольте мне войти в дело, и мы его одолеем.

— Вы так думаете, Вимси? К счастью, все обернулось даже лучше, чем я ожидал.

— И в следующий раз мы обстригаем его еще лучше. Послушайте, Бигги, введите меня в дело официально, например, как клерка. Я бы хотел побеседовать с ней.

— С кем, с моей клиенткой?

— Да. Проклевывается кое-какое подозрение, нюхом чую. Мы взялись вытащить ее, и мы сможем это сделать.

— Что ж, приходите завтра. Я буду у себя в конторе к десяти.

Вимси стремительно оторвался от юрисконсульта и кинулся к боковой двери, из которой выходили присяжные. Последней, в криво надетой шляпе и неуклюже наброшенном макинтоше, вышла старая дева. Вимси схватил ее за руку.

— Мисс Климпсон!

— О, лорд Питер! До чего ж кошмарный день. Вы знаете, в основном это я вызвала всю панику, хотя двое из них очень мужественно меня поддержали. Ох, лорд Питер, надеюсь, что поступила правильно. Я просто не могла заставить себя сказать по совести, что она это сделала. Я убеждена, что она невиновна. О Боже!

— Вы абсолютно правы. Она не сделала этого, и слава Богу, что вы встали им поперек и предоставили ей еще один шанс. Я собираюсь доказать, что она этого не делала. Собираюсь пригласить вас пообедать и, мисс Климпсон... собираюсь завести вас в ближайший тихий уголок и расцеловать!

ГЛАВА 4

На следующий день было воскресенье, но сэр Импи Биггс, отменив все свои встречи, держал чрезвычайный военный совет.

— Ну что ж, Вимси, — сказал адвокат, — позвольте мне представить вам мистера Крофтса из «Крофтс и Купер», поверенных защиты. Какие идеи по этому делу?

— Идея моя в том, что мисс Вэйн не совершала убийства, — начал Вимси. — Осмелюсь высказать предположение, что эта мысль и вам уже приходила в голову.

Мистер Крофтс, не совсем уяснив, пошутил Вимси или сморозил глупость, почтительно улыбнулся.

— Что ж, присяжные дали нам еще один шанс, — сказал мистер Крофтс, — так что все к лучшему. Раньше следующей сессии дело рассматриваться не будет, а это около месяца, и, может быть, в следующий раз нам достанется Банкрофт, не такой суровый судья, как Джеффрис. Вопрос в том, можем ли мы что-нибудь предпринять, чтобы исправить положение?

— Я собираюсь взяться за это дело со всем усердием, — перебил его Вимси. — Где-то должны быть доказательства. Знаю, что вы работали, как кроты, но я собираюсь работать, как король кротов. И у меня есть одно большое преимущество перед вами.

— Побольше мозгов? — ухмыльнулся сэр Импи.

— Нет. Просто я верю в невинность мисс Вэйн. И когда обнаружу настоящего убийцу, надеюсь, вы не будете возражать, если я сдам его или ее полиции?

— Нет, не буду, — ответил сэр Импи. — Что ж, джентльмены, завершим нашу встречу. Вы поможете лорду Питеру, мистер Крофтс?

Мистер Крофтс приложил все усилия, и на следующее утро лорд Питер появился перед воротами холловэйской тюрьмы.

— О да, милорд. Вы имеете те же права, что и поверенный заключенной. Мы получили специальное извещение от полиции, так что все будет в порядке, милорд. Надзиратель вас проводит.

Вимси был проведен по пустынным коридорам в маленькую комнатку со стеклянной дверью, в которой стояли длинный сосновый стол и пара отталкивающего вида стульев, по одному с каждого конца стола.

— Вот мы и на месте, милорд. Вы сядете с одного конца, а заключенная с другого. Нельзя вставать со своих стульев, а также передавать через стол какие-нибудь предметы. Я буду видеть вас сквозь стекло, милорд, но ничего не услышу. Когда вы займете свое место, милорд, введут заключенную.

Вимси сел и стал ждать. Вскоре послышались шаги, и в комнату вошла заключенная в сопровождении женщины-надзирательницы. Она села напротив Вимси, надзирательница удалилась, и дверь захлопнулась.

— Доброе утро, мисс Вэйн.— Вимси вскочил и прокашлялся.

— Как я понимаю,— проговорила заключенная тем странным глубоким голосом, который так привлек его в суде,— вы лорд Питер Вимси и пришли от мистера Крофтса.

— Да,— ответил Вимси.— Я был на слушании дела и подумал, что, может, смог бы что-нибудь для вас сделать.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Вовсе нет, и к черту! То есть я хочу сказать, что мне нравится заниматься всякими расследованиями.

— Я вам очень признательна, хотя, боюсь, это совсем безнадежный случай.

— Не говорите так. Безнадежным он быть не может, если только вы не сделали этого на самом деле. А я знаю, что не делали.

— Не делала,— вздохнула мисс Вэйн.

— Полагаю, у вас нет никаких догадок, кто может быть убийцей?

— Не думаю, что убийца вообще есть. Мне кажется, Филип сам проглотил эту пакость. Он, знаете ли, по натуре очень уж смахивал на пораженца.

— Не было ли у него неладов с кузеном?

— Никаких, хотя он всегда говорил, что заботиться о нем — обязанность мистера Уркьюхорта. Мистер Уркьюхарт — человек богатый, у него обширная клиентура и профессиональные связи. Но Филип в этом смысле никаких претензий к нему не имел, поскольку это были не его семейные деньги. Просто идея состояла в том, что великие художники должны устаиваться пицци и кровя за счет обычных людей.

— Простите, что спрашиваю, но вы были очень влюблены в Филипа Бойеса? — задал вопрос Вимси.

— Только так и должно быть, учитывая обстоятельства. Разве нет?

— Не обязательно,— отважно ответил Вимси.— Вы могли испытывать жалость к нему, или же он мог донять вас до смерти. Вы были друзьями?

— Нет, Филип был не из тех мужчин, что дружат с женщи-

ной. Он хотел преклонения. И я ему это дала. Но я не смогла вынести, когда из меня стали делать дурочку.

— Прекрасно понимаю,— перебил ее Вимси.— Но я хочу сказать, я надеюсь, что, когда все будет позади, я хотел бы жениться на вас, если подхожу, и...

Улыбка исчезла с посуровевшего лица Харриет Вэйн, и взгляд ее наполнился необъяснимым отвращением.

— А, так вы еще один? Тогда сорок семь.

— Сорок семь чего? — ошарашенно переспросил Вимси.

— Предложений. Приходят с каждой почтой. По-моему, мир полон слабоумных, жаждущих жениться на ком-нибудь, кто имеет хоть дурную, но славу.

— Ох,— простонал Вимси.— Неловко получилось. На самом деле я не нуждаюсь ни в какой славе. Для меня это не приманка. Пожалуй, лучше не возвращаться вновь к этой теме.

В глазах девушки появилось явное раскаяние.

— Извините, но у человека в моем положении появляется нечто вроде ушибленности восприятия. Столько было всякого свинства.

— Знаю,— успокаивающе произнес лорд Питер.— Глупо с моей стороны...

— Нет, глупо, по-моему, с моей. Но почему?

— Почему? Потому, что вы та женщина, женитьба на которой очень меня привлекает. Вот и все. Мне кажется, я несколько вами увлекся. Не могу сказать почему. Тут, знаете ли, никаких правил не существует.

— Что ж, очень мило с вашей стороны, к тому же вы очень добры...

— Это мое хобби. Я имею в виду заниматься расследованиями, а не делать предложения. Ладно, пора. Всего вам наилучшего... Я еще навещу вас, если позволите.

— Я отдам дворецкому распоряжение принимать вас,— серьезно ответила заключенная.— Вы всегда застанете меня дома.

У Вимси кружилась голова, пока он шел по замызганной улице. Вдруг он остановился и прошептал:

— О Боже! Один месяц — четыре недели — тридцать один день. Времени немного. А я не знаю, с чего начать.

ГЛАВА 5

— Итак,— говорил Вимси,— почему одни люди убивают других?

Он сидел в частной конторе мисс Катарины Климпсон. Заведение это на первый взгляд было обыкновенным машинописным бюро и, разумеется, имело трех квалифицированных машинисток, время от времени превосходно выполнявших работы и для пишущей братии, и для ученых. По всей видимости, дела здесь процветали и шли полным ходом, потому что от работы частенько отказывались под предлогом, что весь штат работает на полную мощность. Но на других этажах здания деятельность была совсем другая. Работали здесь только женщины — в основ-

ном пожилые, но попадались среди них молодые и привлекательные, и доведись кому познакомиться с конфиденциальным регистром в стальном сейфе, он обнаружил бы, что все они относятся к типу, известному под жестоким названием «лишних»: старые девы, одинокие вдовы, вышедшие на пенсию и разочарованные школьные учительницы, безработные актрисы, отважные предпринимательницы, погоревшие на шляпных лавках и маленьких чайных, и даже несколько очаровательных милашек, которым наскучили вечеринки с коктейлями и ночные клубы. Эти женщины, похоже, наибольшую часть времени проводили в ответах на объявления. Неженатые джентльмены, чаявшие встретить леди с хорошим достатком; бодрые старички, ищущие экономку для отдаленных сельских районов; изобретательные джентльмены с финансовыми проектами; литературные джентльмены, заинтересованные в женщине-сотруднице; внушающие доверие джентльмены, которым нужен талант для постановки в провинции; джентльмены-благотворители, которые могли бы рассказать людям, как делать деньги в свободное время, — все эти джентльмены могли рассчитывать на внимание членов предприятия мисс Климпсон. Деньги, платившиеся за аренду и содержание заведения, могли бы после ревностных изысканий вывести на банковский счет лорда Питера Вимси. Иногда, наедине с главным инспектором Паркером или с ближайшими друзьями, его светлость называл эту затею «Моя ловильня».

Мисс Климпсон налила себе чашку чая. На тощих, охваченных кружевами запястьях она носила маленькие браслетки, назойливо звякавшие при каждом ее движении.

— И вправду, не знаю, — ответила она. — Это так опасно и грешно, что можно только удивляться, как хватает бесстыдства совершать такое. К тому же часто результат приносит мало выгоды.

— В том-то и дело, — поддержал ее Вимси. — Хотя, конечно, есть люди, которые совершают убийства просто из удовольствия, ощущая при этом, что управляют истоками жизни и смерти. Ладно, давайте на секунду забудем о мании убийства. За что еще убивают людей?

— Существует такое понятие, как страсть, — немного поколебавшись, сказала мисс Климпсон, — поскольку я не могу назвать ее любовью из-за необузданности.

— Это объяснение, предложенное обвинением. Я его не приемлю.

— Разумеется, нет. Но ведь может же быть какая-нибудь несчастная молодая женщина, связанная с мистером Бойесом и испытывающая к нему мстительные чувства?

— Да, или ревнивый мужчина. Но время — вот в чем трудность. Для того чтобы дать человеку мышьяк, надо изобрести благовидный предлог. Нельзя же ведь просто поймать его на пороге и сказать: «Слушай, выйди-ка это».

— Но эти десять минут, о которых ничего неизвестно? — строительно возразила мисс Климпсон. — Разве не мог он заглянуть в какой-нибудь кабачок освежиться и встретить там своего врага?

— Ей-богу, это версняя. Теперь перейдем к следующему мотиву — деньги. Очень хороший мотив для убийства богача, но в случае Бойеса — весьма хлипкий. И все же поговорим о деньгах. Я могу придумать три пункта: первый — случайное ограбление, что очень проблематично, второй — страховка и третий — наследство. Не знаю, сколько денег было у Бойеса при себе, но не думаю, что много. Об этом могут знать Уркьюхарт и Возн; однако мышьяк — не то средство, которое разумно использовать при ограблении. Он начинает действовать через сравнительно долгое время. Если только не предположить, что его отравил и ограбил таксист. Но это глупо.

Затем страховка. Здесь мы вступаем в область догадок. Был ли Бойес застрахован? Кажется, никому и в голову не пришло это выяснить. Вероятнее всего, нет. Литераторы не слишком предусмотрительны и не беспокоятся о таких пустяках, как страховые премии. Но следует уточнить. Кто мог быть заинтересован в страховке? Его отец, возможно, его кузен, другие родственники, если они есть; его дети, опять же, если есть, и, положим, мисс Вэйн, если он приобрел полис в то время, пока жил с ней. А так же кто-то, кто мог одолжить ему деньги под заклад такой страховки. Здесь полным-полно вероятностей. Надо прошвырнуться и повидаться с его издателем. О страховке могут знать отец или кузен. Отец его — приходской священник. Возникает вопрос: составлял ли Бойес завещание? Хотя защита наверняка занималась этим. Я опять погружаюсь в уныние. Остается лишь шантаж или самоубийство, к чему я склоняюсь все больше и больше. Мышьяк — дурацкое средство, чтобы совершать самоубийство, но ведь такое уже бывало. У нас есть четыре недели на то, чтоб раздобыть новые улики. Могу я рассчитывать на вас и ваших сотрудников?

— Конечно, можете, лорд Питер. Только дайте знать, и в любую минуту, днем или ночью, я постараюсь вам помочь.

Вимс поблагодарил мисс Климпсон, немного порасспросил ее о работе бюро и удалился. Поймав такси, он направился в Скотленд-Ярд.

Старший инспектор-детектив Паркер был, как всегда, рад видеть лорда Питера, но его неказистое, хотя и приятное лицо сохраняло угрюмое выражение, когда он приветствовал посетителя.

— С чем пришел, Питер? Опять с делом Вэйн?

— Да. Здорово ты гробанулся с ним, старина.

— Ну, не знаю. Нам все показалось достаточно простым и однозначным.

— Чарли, никогда не доверяй делу, которое кажется совершенно ясным, и постарайся выправить его до следующей сессии. Если не сделаешь, я тебе никогда не прощу. Ты ведь не хочешь, чтобы повесили невинного? Особенно учитывая, что это все-таки женщина...

— Угомонись, — ответил Паркер. — Ты слишком много на нас наваливаешь. Сожалею, если мы схватили не того, кого нужно, но это дело защиты указать, где мы не правы. Но не сказал бы,

что их доводы были уж очень убедительны. Что же я могу теперь сделать?

— Вот это разговор. Послушай, вероятнее всего, противный зануда Бойес покончил жизнь самоубийством. Неопишимо простоватая защита не в состоянии была установить, имел ли он мышьяк в своем распоряжении, и я хочу, чтобы вы за это взялись. Выясните также, не посещал ли Бойес какой-нибудь паб близ Боути-Стрит между, скажем, без десяти десять и десятью минутами одиннадцатого вечера двадцатого июня, не встречался ли с кем-нибудь, что он пил, и не находил ли кто в том районе бумажку или бутылку, содержащие мышьяк.

— Да ну? Не хочешь ли ты, чтобы я отыскал еще и автобусный билет миссис Браун, оброненный ею за Селфриджем в свете прошлого Рождества? Не стоит это считать легким делом.

— Бутылка вероятней бумажки, — продолжал Вимси, — так как мышьяк должен быть принят в жидкой форме, чтобы подействовать быстро. Кстати, я бы пошарил в садике на Мекленбург Сквер. Под кустами что угодно может валяться.

— Очень хорошо. Сделаю, что смогу, а ты ведь дашь нам знать, если найдешь существенные доказательства того, что мы шли по ложному следу?

— Что ж... Я честно обещал защите, что не буду этого делать, но, если найду преступника, я помогу тебе арестовать его.

— Спасибо и на этом. Ладно, удачи! Забавно, что мы с тобой оказались по разные стороны, а?

— Сожалею, но это твой грех.

ГЛАВА 6

Следующий день выдался погожим и ясным, и Вимси, кативший к Твиддинг Парва, испытывал некоторое возбуждение. Его машина весело пофыркивала всеми своими двенадцатью цилиндрами, а воздух был тронут морозцем. Он добрался до цели около десяти часов, и ему показали дорогу к дому священника — одному из тех больших, беспорядочных, ненужных строений, которые пожирают доход священника-бенефицианта всю его жизнь, а после смерти его ставят наследников в трудное положение неподъемным счетом.

Священнослужитель был высоким, несколько поблекшим человеком, с глубокими морщинами забот на лице и кроткими голубыми глазами, с легкой обескураженностью взиравшими на неутешительное состояние дел вокруг. Он подал Вимси руку и предложил сесть. Лорду Питеру было трудно объяснить цель своего визита. Его имя явно не вызывало никаких ассоциаций в уме тихого и отрешенного от мира священника. Поэтому он начал с некоторым колебанием:

— Прощу прощения, что беспокою вас, но я по поводу смерти вашего сына, суда и так далее. Пожалуйста, не подумайте, что мне хочется быть навязчивым, но я глубоко заинтересован, лично заинтересован. Видите ли, я знаю мисс Вэйн... и не могу избавиться от мысли, что где-то была допущена ошибка... Мне хотелось бы исправить ее, если это возможно.

— О... о, да! — произнес мистер Бойес и осторожно протер пенсне. — Бедная заблудшая девушка! Уверю вас, у меня нет мстительных чувств. Увидев мисс Вэйн в суде, я испытал прискорбные сомнения, правильно ли поступила полиция, обвинив ее.

— Спасибо, вы очень добры. Это облегчает мою задачу. Но вы сказали «увидев ее в суде». Вы прежде с ней не встречались?

— Нет. Я знал, конечно, что мой несчастный сын вступил в незаконную связь с молодой женщиной, но не мог заставить себя увидеться с ней. Ох, если бы была жива его мать... Мы должны приложить все усилия, чтобы исправить судебную ошибку. Чем я могу вам помочь?

— Прежде всего... Боюсь, это весьма отвратительный вопрос, но не говорил ли или не писал ваш сын что-то такое, что навело бы вас на мысль, будто он... устал от жизни? Извините.

— Нет, нет, ни разу. Мне, конечно же, этот вопрос уже задавали полиция и защитник. Честно скажу, что такая идея никогда не приходила мне в голову.

— Даже тогда, когда он разошелся с мисс Вэйн?

— Даже тогда. В сущности, он был больше рассержен, чем подавлен. Я очень удивился, узнав, что она не пожелала выйти за него замуж. Ее отказ стал для него огромным шоком. Позже я узнал, что он чувствует себя не очень хорошо. Мы решили, что возобновился его гастрит. Из Харледжа он присылал бодрые письма, сообщая, что ему намного лучше, и упоминая о своем плане путешествия на Барбадос.

— Он что-нибудь сообщал о мисс Вэйн?

— Нет, никогда не упоминал ее имени вплоть до того дня, когда лежал при смерти.

— Ну что ж, мистер Бойес. Предположим, это не самоубийство...

— Я тоже так не думаю.

— Есть и другие версии. Он оставил завещание?

— Оставил. Но завещать особенно нечего. Бедный мальчик, его книги очень умно написаны, но они не приносили больших денег. Я помогал ему маленьким пособием, и он существовал на него и на то, что зарабатывал статьями в периодике.

— Насколько я понимаю, он кому-то должен был оставить авторские права...

— Да. Хотел оставить мне, но я не мог их принять. Видите ли, я не одобрял его взглядов и считал непорядочным извлекать из этого прибыль. Он оставил все права своему другу, мистеру Возну.

— А можно спросить, когда было составлено завещание?

— Во время его поездки в Уэльс. По-моему, до того было еще одно, по которому все отходило мисс Вэйн.

— Разумеется! И, наверное, она об этом знала. Но в любом случае была незначительная сумма.

— Конечно, нет. Крайним пределом ежегодного заработка моего сына на книгах было пятьдесят фунтов. Хотя мне говорили, что после всего случившегося его новая книга пойдет лучше.

— Очень вероятно, — сказал Вимси. — Стоит только попасть в газеты — и восторженную публику уже не заботит, из-за чего вы там оказались. Ладно, оставим это. Я так понимаю, что личных денег у него не было?

— Совсем никаких. В нашей семье никогда не водились деньги, лорд Питер, так же, как и в семье моей жены. Мы — те самые церковные мыши из пословицы, кроме, полагаю, Креморны Гарден.

— Кроме... простите, пожалуйста?

— Тетушка моей жены, знаменитая Креморна Гарден шестидесятых...

— Господи! Та актриса?!

— Да. Но о ней, конечно же, ни при каких обстоятельствах в доме не упоминалось. Никто не вникал, каким путем она сколотила себе состояние. Думаю, не худшим, чем другие. Более пятидесяти лет мы ее не видели и ничего не слышали о ней. Помоему, она сейчас совсем впала в детство.

— А я и не знал, что она еще жива!

— Да, кажется, жива, хотя ей должно быть далеко за девяносто. Разумеется, Филипп никогда не получал от нее ни копейки.

— Что ж, деньги исключаются. Кстати, жизнь вашего сына случайно не была застрахована?

— Никогда об этом не слышал. Среди его бумаг страхового полиса мы не нашли, и, насколько мне известно, ни от кого никаких извещений не поступало.

— Долгов он не оставил?

— Только пустяковые — счета торговцев и так далее. Может, наберется фунтов на пятьдесят.

— Примите мою благодарность. — Вимси встал. — Теперь многое прояснилось.

Когда Вимси петлял по Сити, его осенила внезапная мысль, и он свернул на улицу к югу от Стрэнда, на которой находилось заведение господ Гримсби и Коула, издававших работы мистера Бойеса. После небольшой заминки его провели в контору мистера Коула.

Мистеру Коулу, тучному добряку, очень интересно было услышать, что знаменитый лорд Питер Вимси проявляет внимание к делам равно знаменитого мистера Бойеса. Вимси представил дело так, что, будучи собирателем первых изданий, он был бы рад приобрести экземпляры всех произведений мистера Бойеса. Мистер Коул выразил крайнее сожаление, что не может ему в этом помочь.

— Не хочу показаться бессердечным, дорогой лорд Питер, — заявил он, плюхаясь в кресло так, что из складок его тройного подбородка разом образовалось подбородков семь или восемь, — но мистер Бойес не мог сделать для себя ничего лучшего, чем взять да и быть вот так убитым. Весь тираж разошелся за неделю после обнародования результатов вскрытия, еще два больших издания его последней книги разошлись до начала суда — по исходной цене семь шиллингов шесть пенсов, а библиотеки так требовали более ранние произведения, что нам пришлось заново

печатать большинство из них. Весьма прискорбно, что все так получилось. Мистер Бойес был очень талантливым молодым человеком. Жаль, что ничем не могу вам помочь.

Вимси сердечно распрощался и поспешно сбежал вниз по лестнице.

Следующий его визит был в контору мистера Чаллонера, агента Харриет Вэйн, — резкого, смуглого, воинственного вида человечка со взъерошенными волосами и в очках с толстыми линзами.

— Бум? — переспросил он, когда Вимси представился и объяснил, что интересуется мисс Вэйн. — Да, конечно, бум. На самом деле довольно противный, но тут уж ничего не поделаешь. Мы считаем себя обязанными делать все возможное для клиента, каковы бы ни были обстоятельства. Книги мисс Вэйн всегда расходились довольно хорошо — на уровне от трех до четырех тысяч по стране, — но, конечно, это дело подлило масла в огонь. Последняя книга разошлась тремя изданиями, а новой, еще до выхода, распродано семь тысяч экземпляров.

— Так что с финансовой стороны все к лучшему, не правда ли?

— О, да. Но, честно говоря, не знаю, так ли уж на пользу авторской репутации эти искусственно взвинченные распродажи. Когда мисс Вэйн будет освобождена...

— Я рад, что вы говорите «когда».

— Я не допускаю другой возможности. Но, когда это случится, читательский интерес угаснет очень быстро. Настоящие доходы зависят от продажи, а здесь я предвижу резкий спад.

— Но вы, надеюсь, отнюдь не рады тому, что произошло?

— Заглядывая вперед, нет. Что касается лично меня, то я безмерно опечален и испытываю вполне определенное чувство, что это ошибка.

— И я так думаю, — сказал Вимси. — А эта книга о мышьяке — не могли бы вы позволить взглянуть на нее?

— Разумеется, если это вам поможет. — Мистер Чаллонер позвонил. — Мисс Вобертон, принесите мне гранки «Смерти в банке». У Трюффо торопятся с изданием книги, как могут. Книга была еще не закончена, когда мисс Вэйн арестовали, и она, с редкими энергией и отвагой, дописала недостающее и сама вычитала корректуры. Разумеется, все это должно было проходить через руки тюремных властей. Мы, однако, и не считали нужным что-либо скрывать. Здесь все полностью, мисс Вобертон? Возьмите, пожалуйста. Что-нибудь еще?

— Только одно. Что вы думаете о господах Гримсби и Коуле?

— Никогда и не думал о них. Вы ведь не собираетесь заводить с ними какие-то дела?

— Ну, не знаю, собираюсь ли всерьез.

— Если собираетесь, внимательно читайте ваш контракт. Я не говорю, принесите его нам...

— Если когда-либо буду издаваться у Гримсби и Коула, — усмехнулся лорд Питер, — обещаю делать это через вас.

На следующее утро лорд Питер Вимси почти влетел в Холловэйскую тюрьму. Харриет Вэйн приветствовала его подобием унылой улыбки.

— Итак, вы вновь появились?

— Конечно. Я же надеюсь произвести хорошее впечатление. Вы случайно не знаете, составлял ли Филип Бойес завещание?

— Составлял, когда мы жили вместе.

— В чью пользу?

— В мою. Конечно, завещать фактически было нечего, просто он хотел иметь литературного душеприказчика.

— И что, вы являетесь теперь его душеприказчицей?

— Господи, помилуй! Никогда об этом не думала. Я считала само собой разумеющимся, что он изменит завещание после нашего разрыва. — Она посмотрела прямо ему в глаза, и Вимси почувствовал себя немного неуютно. — А вам не стоит деликатничать, упоминая об убийстве. Думаете, что я могла убить его ради денег? Но это, знаете, не стоило бы и выведенного яйца. Я зарабатывала в четыре раза больше его.

— О, да. Это всего лишь тот глупый сюжетец, который пришел мне в голову. Теперь он кажется мне еще глупей.

— А все же расскажите.

— Видите ли... — Вимси чуть поперхнулся, а затем затараторил с преувеличенной легкостью: — Ну, это о девушке, которая пишет романы — детективные истории. И есть у нее друг, тоже пишущий. Оба заурядные романисты. Среди бестселлеров их книги не числятся. И этот друг составляет завещание, оставляя все доходы от книг девушке. А девушка подумывает о большой сенсации, которая превратила бы их книги в бестселлеры. Она избавляется от него тем же способом, что был использован в ее последней детективной истории. Его книги сразу же становятся бестселлерами. Она срывает большой куш.

— Здорово придумано. Совершенно новый мотив для убийства — то, что я искала годами. Но... это может быть опасным. Ее же заподозрят в убийстве.

— Тогда и ее книги станут бестселлерами.

— Верно! Но, возможно, она не доживет до того дня, когда сможет наслаждаться своими прибылями. Если ее заподозрят, арестуют и отдадут под суд, сенсация сработает только наполовину.

— То-то и оно. Но разве вы, как опытная торговка загадками, не можете придумать способа обойти это?

— Пожалуй, рискну. Например, она могла бы обеспечить себе хитроумное алиби. Или, будь она совсем великой грешницей, умудриться свалить вину на кого-то другого. Или надумать всех, что ее друг покончил с собой.

— Слишком расплывчато, — сказал Вимси. — Как бы она это сделала?

— Не могу сказать. Надо продумать. Хотя... есть идея!

— Да?

— Она человек с манией. Нет, нет, не с манией убийства. Это

дешево и не совсем честно перед читателем. Но есть кто-то, кого она желает облагодетельствовать. Например, отец, мать, сестра, любовник, словом, человек, отчаянно нуждающийся в деньгах. Она составляет завещание в его или в ее пользу и дает себя повесить, зная, что любимый объект получит все деньги. Как вам?!

— Грандиозно! — воскликнул Вимси. — Только погодите минутку. Разве дадут ей унаследовать деньги ее друга? Ведь преступник не имеет права наследовать после жертвы.

— Тьфу, верно! Тогда наследовались бы только ее собственные деньги. Но она могла бы повернуть это через дарственную. Если она оформляет дарственную сразу же после убийства, то это включает и все то, что перешло к ней по завещанию ее друга. — Она с ликованием взглянула на Вимси. — Ну что? Напишем?

— Ей-богу, давайте!

— Только боюсь, у нас не будет такой возможности.

— А для чего я здесь? Даже примирился я с потерей вас, с потерей шанса написать свой бестселлер я бы не примирился!

— Но пока что вы взяли да и снабдили меня очень убедительным мотивом для убийства.

— Я доказал, что это не было для вас мотивом.

— Почему?

— Если бы было, вы не стали бы мне рассказывать. И, кроме того... я повидал мистера Коула и знаю, кто собирается заграбастать главную часть доходов Филипа Бойеса. А уж представить его любимым объектом я никак не могу.

— Не можете? Но почему? Разве вы не знаете, что я страстно и до безумия влюблена в каждый его подбородок?

— Если в первую очередь вас восхищают подбородки, постараюсь отрастить несколько, хотя это будет весьма трудно.

«Все это очень славно, — подумал Вимси, когда за ним закрылись ворота тюрьмы. — Однако вперед нас не продвигает. А как насчет этого парня, Уркьюхарта? В суде он выглядел нормально, но кто знает, кто знает. Думаю, надо повидаться с ним».

Так он и сделал, но на Вибёрн Сквер его ждало разочарование. Мистер Уркьюхарт был вызван к больной родственнице. Дверь лорду Питеру открыла дородная пожилая женщина. Вимси предположил, что это повариха, и ограничился вопросом, сколь долго будет отсутствовать мистер Уркьюхарт.

— Не могу сказать точно, сэр. Все зависит от того, как пойдут дела у больной леди. Если она выкарабкается, то он сразу же вернется, а если скончается, то он будет занят некоторое время улаживанием имущественных дел.

— Понимаю, — сказал Вимси. — А вы не могли бы дать мне его адрес?

— Ну, сэр, я, право, не знаю, понравится ли это мистеру Уркьюхарту. Если вы к нему по делу, то можете получить информацию в его конторе на Бедфорд Роу.

— Огромное спасибо. — Вимси записал адрес и отправился на Бедфорд Роу, где был принят пожилым клерком, без всяких

проблем снабдившим его адресом мистера Уркьюхарта.

— Вот он, милорд. По адресу мистера Рейберна. Эшлфорд, Винди, Вестморленд. Но не думаю, что он там задержится надолго. Его здесь ждет много дел, тем более что наша секретарша уволилась, собираясь выйти замуж. Надо устраивать личную жизнь, но это так неудобно, а для юридической конторы временный работник не очень-то подходит.

Вимси сделал вид, что сочувствует проблемам конторы, и любезно распрощался со старшим клерком. Влетев в телефонную будку на Бедфорд Роу, он немедленно позвонил мисс Климпсон:

— Лорд Питер говорит. Здравствуйте, мисс Климпсон! Как дела? Все прекрасненько? Да, теперь слушайте. Есть вакантное место для достойной доверия секретарши у мистера Нормана Уркьюхарта, юриста, на Бедфорд Роу. Вы можете туда кого-нибудь послать? Отлично! Пошлите их всех. Мне очень хочется иметь там своего человека. О, нет! Никаких специальных расследований: просто ловить каждое словечко о деле Вэйн. Да, выберите подходящую кандидатуру, только учтите, что клерк настроен против привлекательных женщин. Годится! Направьте ее, а я дам все инструкции. Господь вас благослови, здоровья и долгих лет!

ГЛАВА 8

— Бантер!

— Милорд!

Вимси похлопал рукой по только что полученному письму, а Бантер, на руках которого покоился поднос с завтраком, слегка кашлянул.

— На этот раз, Бантер, ваша преданность должна подвергнуться большому испытанию. Это риск для нас обоих, потому что если вас увлечет вдаль супружество, то кто будет подавать мне кофе, готовить ванну и бритву и выполнять все прочие священные ритуалы? И все же...

— Кто эта особа, милорд?

— Их две, Бантер. Горничную вы видели. Зовут ее Ханна Вестлок. Женщина за тридцать и приятной наружности. Другая, повариха, чудесная женщина, чуть перезрелая, быть может, но хуже от этого не ставшая.

— Разумеется, нет, милорд. Осмелюсь заметить, женщина зрелых лет и царственной фигуры зачастую восприимчивей к деликатному вниманию, чем ветреная и бездумная юная красотка.

— Верно. Итак, предположим, Бантер, что вы отправлены доставить учтивое официальное послание некоему мистеру Норману Уркьюхарту на Вибёрн Сквер. Смогли бы вы, имея в распоряжении очень мало времени, прошмыгнуть, так сказать, за пазуху этого дома?

— Если вы желаете, милорд, то я постараюсь прошмыгнуть.

— Воплощенное благородство. В случае возбуждения дела о нарушении брачного обязательства или иных подобных последствий все издержки, естественно, будет нести администрация.

— Признателен вашей светлости. Когда желаете, чтобы я приступил?

— Как только закончу записку к мистеру Уркьюхарту. Я позвоню.

— Очень хорошо, милорд.

Вимси направился к письменному столу, но через несколько секунд раздраженно оглянулся.

— Бантер, у меня чувство, будто надо мной нависают. Мне это не нравится. Заклинаю вас не нависать. У вас возникла какая-то неприятная проблема, или вы хотите приобрести мне новую шляпу? Что гнетет ваше сознание?

— Прошу прощения. Мне пришло на ум спросить вашу светлость со всем почтением...

— О Боже, Бантер, не надо так мягко стелить. Давайте сразу к сути! В чем дело?

— Я бы хотела спросить, милорд, не подумывала ли ваша светлость о внесении изменений в ваш домашний уклад?

Вимси положил ручку и уставился на дворецкого.

— Изменений, Бантер? Когда я только что столь красноречиво выразил вам мою горячую привязанность к излюбленному распорядку, вы предостерегаете меня?

— Разумеется, нет, милорд. Мне было бы очень жаль оставить службу у вашей светлости. Но я подумал, что, возможно, если вы подумываете завести новые... — Бантер запнулся. — Порой, когда джентльмен реорганизует свой домашний уклад на основе супружеской жизни, леди может иметь право голоса в выборе личного слуги джентльмена. В этом случае...

— Бантер, — удивленно проговорил Вимси. — Откуда у вас такие идеи?

— Я рискнул вывести умозаключения, милорд.

— Вот что выходит, когда обучаешь людей быть детективами. Так я взрастил ищейку на собственных харчах? Могу спросить, зашли ли вы столь далеко, чтобы определить имя леди?

— Да, милорд.

— Ну? — приглушенно спросил Вимси. — Что вы скажете, Бантер?

— Очень подходящая леди.

— В том смысле, что она устраивает вас, да? Обстоятельства, конечно, несколько необычны.

— Да, милорд. Я бы набрался дерзости назвать их романтическими.

— Вы можете набраться дерзости и назвать их отвратительными, Бантер.

— Да, милорд.

— Вы не собираетесь покинуть корабль, Бантер?

— Ни в коем случае, милорд.

— Тогда не надо меня больше пугать. Вот записка. Отправьтесь и сделайте, что только сможете.

— Очень хорошо, милорд.

Бантер тихо удалился, а Вимси встревоженно подошел к зеркалу.

— Ничего не вижу, — сказал он самому себе. — Хотя, полагаю,

безнадежно пытаться провести Бантера. Не важно. Дело прежде всего. Я перекрыл одну, две, три, четыре норы. Какая следующая? Как там насчет Возна?

Когда предстояли какие-либо розыски в среде богемы, Вимси привык заручаться помощью мисс Марджори Фелпс. Она делала фарфоровые статуэтки, поэтому ее всегда можно было найти либо в своей, либо в чьей-то мастерской. Звонок в десять часов утра застал ее снимающей яичницу — болтуню с огня.

— Привет, Марджори. Это Питер Вимси. Как делишки?

— Спасибо, превосходно. Рада снова слышать твой мелодичный голос. Чем могу служить Лорду Верховному Следователю?

— Ты знаешь некоего Возна, замешанного в дело Филипа Бойеса?

— О, Вимси, ты в это влез? Как великолепно! На чьей ты стороне?

— Защита.

— Ура!

— С чего такое пышное празднество?

— Это же намного трудней и беспокойней, верно?

— Боюсь, что да. Кстати, ты знаешь мисс Вэйн?

— И да, и нет. Видела ее в компаншке Бойеса — Возна.

— А Возна?

— Прилипала. Цепной пес. Хочешь встретиться с ним?

— Если это не слишком хлопотно.

— Что ж, подъезжай сегодня вечером на такси, и пустимся в объезд. Где-нибудь наверняка он нам подвернется. Заодно можно сунуться и к банде-сопернице — к сторонникам Харриет Вэйн.

— К тем девушкам, что давали показания?

— Да. Думаю, ты захочешь увидаться с Эйлуэнд Прайс. Она презирает всех, кто носит штаны, но в беде — лучший друг.

— Идет! Нагряну к тебе около девяти.

В девять часов Вимси сидел с Марджори Фелпс в такси, объезжая мастерские.

— Я здорово повисела на телефоне, — сказала Марджори, — и, думаю, мы найдем Возна у Кропотких. Они пробойесовцы, любители музыки, выпивка у них плохая, но на их русский чай можно положиться. Такси будет нас ждать?

— Да. Я предупредил, что мы можем улизнуть.

— Что ж, хорошо быть богатым. Это здесь, через двор направо, за конюшней Петровича. Лучше мне пойти впереди.

Они вскарабкались по узкой и захламленной лестнице. Марджори громко постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнула ее.

Комната была очень маленькой, тускло освещенной электрической лампочкой, приглушенной к тому же абажуром из цветного стекла, и битком забита людьми, чьи шелковые ноги, голые руки и бледные лица расплывчато маячили перед глазами Вимси, как жуки-светляки в потемках. Докрасна раскаленная и воющая угольная печка в одном углу сореживалась с работающей

на полную мощь газовой духовкой в другом, и объединенными усилиями они превращали комнату в пекло. На печке стоял огромный кипящий чайник; на боковой столик был водружен огромный и тоже кипящий самовар; над газовой плитой, переворачивая вилкой сосиски на сковородке, склонилась расплывчатая фигура, а рядом с ней помощник возился в духовке с чем-то, что Вимси, прекрасно различавший запахи, выделил и весьма правильно определил как копченые селедки. За пианино сидел молодой человек со взъерошенной рыжей шевелюрой, игравший что-то в славянском духе под скрипичное облигато персоны неопределенного пола с крайне разболтанными конечностями. Никто не оглянулся на их приход. Марджори, через множество рук и ног на полу, добралась до молодой женщины в красном и пробормотала что-то ей на ухо. Та кивнула и поманила Вимси к себе. Вимси был представлен по очень простой формуле:

— Это Питер, а это Нина Кропотких.

— Очень приятно! — сквозь шум прокричала мадам Кропотких. — Садитесь рядом со мной. Ваня принесет что-нибудь выпить.

И одновременно блюдо с копчеными селедками угрожающе зависло над плечом лорда Питера.

— Марджори, в чем дело? — встрепнулся Вимси, чувствуя, как его колотят локтем в бок.

— Пойди потолкуй с Райлэндом Возном, — ответила Марджори. — Я сказала ему, что ты трепетный поклонник книг Филипа Вейеса. Ты их читал?

— Кое-что. Но, по-моему, у меня начинается умственное расстройство.

— Через часок тебе будет еще хуже. Так что пошли сейчас.

Она провела его к уединенному местечку рядом с газовой духовкой, где сидел, скрючась на положенной на пол подушке, необыкновенно вытянутый в длину человек и поедал из банки икру вилочкой для солений.

— Адское помещение, — сказал он. — Да и занятие адское. Печка слишком перетоплена. Выпейте. Что еще тут, к дьяволу, делать? Я прихожу сюда, потому что Филип частенько здесь бывал. Привычка, знаете ли. Ненавижу это место, но некуда больше пойти.

— Вы, конечно же, очень хорошо его знали. — Вимси присел на корзину для бумаг.

— Я был его единственным настоящим другом, — скорбно продолжал Райлэнд Возн. — Все остальные думали только, как бы уворовать его мысли. Обезьяны! Попуган! Все они, к черту, таковы.

— Я читал его книги, и, по-моему, они очень утонченные. Но мне показалось, что душа его была несчастна.

— Никто его не понимал, а эта сучья девка просто взяла и отравила. Господи, что за жизнь!

— Да, но зачем она это сделала, если только сделала?

— Потому что сама не могла написать ничего, кроме дряни. Харриет Вэйн рехнулась на том же, на чем съезжают все эти чертовы женщины — воображают, будто могут сделать нечто

стоящее. Они ненавидят мужчин и ненавидят их работу. Вы бы, наверное, решили, что ухаживать за таким гением, как Фил, и помогать ему должно бы быть для нее вполне достаточным, а? Черта с два, он ведь даже просил у нее совета в своей работе. Великий Боже!

— И он его принял?

— Принял? Она его и не дала. Сказала, что никогда не высказывает мнения о работах других авторов. Что за нахальство! Никто из нас, конечно же, и не попросил бы ее совета, но как она не могла осознать разницы между своим и его умом! Разумеется, то, что он спутался с такой женщиной, с самого начала не могло привести Филипа ни к чему хорошему. Гению надо служить, а не спорить с ним! В свое время я предостерегал его, но он ослеп от любви. А затем захотел жениться на ней!..

— Почему?

— По-моему, остатки воспитания папеньки-священника. И в самом деле, прискорбно. Кроме того, думаю, много зла принес и этот самый Уркьюхарт. Лоснящийся семейный законник. Вы знаете его?

— Нет.

— Он прибрал его к рукам. Я замечал, как его влияние проникает в Фила задолго до того, как оно стало совершенно явным. Может быть, и к лучшему, что он умер.

— И когда же кузен начал прибирать его к рукам?

— О, около двух лет назад. Приглашал его к обеду и всякое такое... С той минуты, как я его увидел, я понял, что он метит погубить Филипа. Чего он хотел — я имею в виду Фила, — так это свободы и пространства... Что толку сейчас горевать об этом. Он оставил свои труды, а это лучшая его часть. И по крайней мере он оставил меня присматривать за ними. Харриет Вэйн, так или иначе, не отхватит от этого пирога кусок.

— Уверен, что вы позаботитесь о его трудах, — произнес Вимси. — Кстати, — добавил он, — вы были с ним весь последний день, пока он не отправился к своему кузену. Как вы думаете, при нем могло быть что-нибудь вроде... яда? Не хочу казаться жестоким, но он ведь был несчастен...

— Нет, — ответил Возн. — Нет. Клянусь, что ничего такого не было. Он бы наверняка сказал мне. Кроме того, он пошел бы не по этому пути. С чего бы? Я бы мог дать ему... — Он осекся и кинул взгляд на Вимси, но, не заметив в лице того ничего, кроме сочувственного внимания, продолжил: — Помню, мы говорили с ним о наркотиках... Гиоспин, веронал и все такое... И он сказал: «Если бы я когда-нибудь захотел уйти, Райлэнд, ты бы показал мне дорогу». Филип, так сильно любивший красоту, и вы думаете, он выбрал бы мышьяк? Средство вульгарного отравителя? Это совершенно невозможно.

— Да, разумеется, согласен с вами, — поддакнул Вимси и, тихо поднявшись, удалился.

Марджори выскочила вслед за ним.

— По-моему, я настоящая мученица, раз вытерпела этот вертеп. Во всяком случае, ты повидал Возна. Отличный экземпляр остолопа, а?

— Да, но не думаю, что он убил Филипа Бойеса. Я должен был повидать его, чтоб убедиться в этом.

Пока такси ташилось по дождливой набережной, Вимси ощущал унылую и раздражающую беспомощность. Впервые он усомнился в своей способности осилить дело, за которое взялся. Он шарил наугад, неуверенно цепляясь за мимолетные и насмешливые ускользающие вероятности.

— Прости, Марджори, — сказал Вимси, преодолевая вялость. — Боюсь, сегодня я кажусь чертовски занудным. От духоты, наверное. Ты не возражаешь, если мы чуть приоткроем окошко? Вот так лучше. Обеспечьте меня хорошим питанием и глоточком свежего воздуха, и я буду резвиться вплоть до престарелого возраста.

Марджори Фелпс взглянула на него и ничего не сказала. Она внезапно почувствовала, как внутри у нее что-то болезненно сжалось.

ГЛАВА 9

194
Какие методы умудрился применить вкрадчивый Бантер, чтобы превратить вручение записки в приглашение к чаю, известно только ему самому. В половине четвертого он сидел на кухне дома мистера Уркьюхарта, поджаривая сладкие пышки. Благодаря частой практике он достиг великолепных результатов и необычайной сноровки в приготовлении пышек, а если и расходовал чересчур щедро масло, то ведь это не шло во вред никому, кроме мистера Уркьюхарта. Естественно, разговор свернул на тему убийства. Ничего нет лучше для жаркого очага и промасленных пышек, чем пасмурный день снаружи и добрая порция ужасов внутри.

— Он выглядел ужасно бледным, когда вошел, — рассказывала миссис Петтикэн, повариха. — Его так рвало, так рвало, что вы не поверите. И уж очень жалостно он стонал.

— По мне, он выглядел зеленым, — перебила ее Ханна Вестлок. — Или, скорее, зеленовато-желтым. Я уж решила, что у него желтуха.

— Это совсем не было похоже на то, что в последний раз, — продолжала миссис Петтикэн. — Боли и судороги очень сильно поразили сиделку Вильямс. «Миссис Петтикэн, — говорила она мне, — никогда не видела ничего подобного, кроме одного случая, который был по всем признакам точь-в-точь, как этот. И попомните мои слова, судороги взялись не просто так». Ах, как мало я тогда поняла из ее слов.

— Верный признак отравления мышьяком, во всяком случае, так мне говорил его светлость, — сказал Бантер. — Очень озорчивый симптом. А раньше у него бывало что-нибудь похожее?

— Когда он весной болел, — стала объяснять Ханна, — то жаловался на что-то неладное с руками и ногами. Очень ему это докучало, бедняжке.

— Как я понял из слов джентльмена от обвинения, — заметил

Бантер, — все это колотье и плохое зрение — признаки того, что он получал мышьяк регулярно, если можно так выразиться.

— Она ужасно грешная женщина, — высказалась миссис Петтикэн. — Двинуть по голове или пустить в дело кухонный нож со злости, это я еще могу понять... Но медленно травить! Исчадие в человеческом облике, вот мое мнение.

— Наутро после того, как заболел мистер Бойес, хозяин спустился к нам и сказал: «Боюсь, мистер Бойес очень болен. Думаю, он съел что-то неподходящее, может, цыпленка. Поэтому я хочу, чтобы вы и повариха перебрали все, что было у нас на обед вчера вечером». Я ответила: «Что ж, сэр, не вижу, чего бы такого мог съесть мистер Бойес, потому что мы с поварихой ели то же самое, не говоря уже о вас, сэр, и все было таким свежим, каким только могло быть», — призналась Ханна.

— И я ответила то же самое, — сказала повариха. — Простой обед, без причуд, без всяких там устриц, мидий или чего подобного. Только капелька хорошего крепкого супа, да отменная рыба, да цыпленок, тушенный с репой и морковью, в мясном соусе, да омлет — чего уж легче и лучше? Ну да, есть ведь такие люди, которые не выносят яиц в любом виде. Но мистер Бойес с яйцами всегда был в ладах, а уж омлеты особенно в его вкусе.

— Он ведь сам приготовил омлет в тот вечер, верно?

— Приготовил, — подтвердила Ханна, — и я хорошо это помню, потому что мистер Уркьюхарт особенно интересовался яйцами, были ли они свежими. А я напомнила ему, что он сам их покупал днем в магазине на углу Лэмс Кондунт Стрит. Там уж яйца всегда свежие, прямо с фермы. Я принесла из кухни чистую миску, переложила яйца прямо в нее и больше к ним не прикасалась до тех пор, пока не принесла их к столу. Верно, повариха?

— Да, Ханна. А что до цыпленка, то он был прямо прелесть. Молоденький, нежный, я ж тогда так Ханне и сказала, что просто стыдно его тушить, ведь его бы поджарить — одно объединение. Но мистер Уркьюхарт очень любит тушеных цыплят — говорит, в тушеных аромата поболее, и здесь с ним не поспоришь.

— Если он приготовлен на хорошем говяжьём бульоне, — со знанием дела изрек мистер Бантер, — и овощи как следует уложены слоями, и все это хорошо приправлено солью, перцем и паприкой, то немногие блюда сравнятся с тушеным цыпленком. Со своей стороны, я бы рекомендовал чуточку чеснока, но сознаю, что его не все любят. Ну что ж, разумеется, будь с цыпленком что-нибудь неладное, то и вам с Ханной не миновать бы неприятностей.

— Ни в коем случае, — согласилась Ханна, — потому что мы прикончили его до последнего кусочка, кроме одного маленького, который я дала кошке. Мистер Уркьюхарт пожелал на следующий день увидеть остатки и весьма растерялся, увидев, что все убрано и вымыто. А что до бургундского, того, что только один мистер Бойес пил, то мистер Уркьюхарт велел мне как следует его закупорить и сохранить. И хорошо, что мы так сделали,

потому что, конечно же, полиция заинтересовалась им, когда пришло время.

— Очень дальновидно со стороны Уркьюхарта, — заметил Бантер, — принять такие предосторожности.

— А я как подумаю, что мистер Уркьюхарт чуть было не отбыл из дому в то время, у меня прямо сердце заходится, — сообщила миссис Петтикэн. — Ну да, его вызвали к этой занудной старухе, которая все умирает и никак не умрет. Он ведь и сейчас там, у миссис Рэйберн, в Виндле. Богата, говорят, да только никому от этого толку нет, потому что она совсем в детство впала. Ох, и грешницей была в свое время, и никто из родственников ничего с ней общего иметь не желает, только мистер Уркьюхарт, да и он, думаю, не стал бы с ней связываться, не будь он ее поверенным.

— Наверное, мистер Уркьюхарт рассчитывает на что-то, когда старуха умрет, — предположил Бантер.

— Вполне может быть, — подтвердила Ханна. — Он не болтун, но надо думать, что он не стал бы мотаться в Вестморленд просто так. Хотя я лично поостереглась бы прибираться к рукам деньги, добытые грешным путем. Они добра не приносят.

— Легко говорить, моя девочка, тебе такой соблазн не грозит, — сказала миссис Петтикэн. — Немало великих семейств в королевстве, о которых можно было бы порассказать кое-что интересное. Если бы вся правда выплыла, то много бы обнаружилось скелетов в шкафах.

— Говорят, что даже некоторые из высокородных не были удостоены возможности кинуть глаз на миссис Рэйберн в дни ее молодости, — мрачно сообщила Ханна Вестлок. — Королева Виктория никогда не разрешала ей играть перед королевской семьей — слишком много она знала о ее повадках.

— Она была актрисой?

— И, говорят, прекрасной, хотя не припомню в точности, какое же имя она носила на сцене, — задумчиво проговорила миссис Петтикэн. — Знаю, что чудное оно какое-то было — что-то вроде Гайд Парк. Рэйберн, за которого она вышла замуж, был ничтожеством. У нее было двое детей, но, право, не возьмусь сказать, от кого. Оба умерли от холеры, и это, без сомнения, было возмездием.

— Мистер Бойес называл по-другому, — фыркнула Ханна. — И черт о своих печется, вот как он выражался.

— Значит, мистер Бойес все знал о миссис Рэйберн?

— О, да, не сомневаюсь, что мистер Уркьюхарт рассказал ему больше, чем слышали от него мы. Каким поездом, Ханна, мистер Уркьюхарт собирался вернуться?

— Обед он велел подавать к половине седьмого, так что, думаю, это будет поезд в шесть тридцать.

Миссис Петтикэн взглянула на часы, и Бантер, поняв это как намек, встал и распрощался.

— Надеюсь, вы еще заглянете к нам, мистер Бантер, — любезно сказала повариха. — Хозяин не возражает, чтобы уважаемые джентльмены заходили к нам в гости на чай. В среду я работаю только полдня.

— А у меня полдня — в пятницу, — добавила Ханна. — И каждое второе воскресенье. Если вы евангелист, мистер Бантер, то преподобный Кроуфорд с Джайд Стрит — прекрасный проповедник. Но, наверное, на Рождество вы уедете из города.

Бантер ответил, что это время наверняка будет проведено им в Дюкс Денвере, и удалился в сияющем ореоле причастности к чужому величию.

ГЛАВА 10

— А, вот и ты, Питер, — сказал старший инспектор Паркер. — А вот и леди, с которой ты рвался встретиться. Миссис Балфинч, позвольте мне представить вам лорда Питера Вимси.

— Чрезвычайно польщена, — хихикнула миссис Балфинч, крашенная блондинка.

— Миссис Балфинч, до того, как соединила свою судьбу с мистером Балфинчем, была душой бара-салона в «Девяти Кольцах» на Грэйс Инн Роуд, — сообщил мистер Паркер.

— Я не нуждаюсь в рекомендациях, — кивнул Вимси. — У меня есть собственные глаза и уши, миссис Балфинч, и могу сказать только, что, познакомься я с вами до того, как стало слишком поздно, я бы делом своей жизни посчитал утереть нос мистеру Балфинчу.

— Вы ничуть не лучше всех остальных, — отозвалась весьма довольная миссис Балфинч.

— Мы вас пригласили, — перебил обмен любезностями Паркер, — чтобы вы рассказали нам об этом молодом человеке, о котором говорили, и помогли найти белый бумажный пакетик. Вы можете спасти невинного человека, и, уверен, ваш муж несколько не станет против этого возражать.

— Ну да, конечно. Что ж, милорд, до того, как выйти замуж, я была подавальщицей в «Девяти Кольцах», как сказал старший инспектор. Тогда я была мисс Монтегю — это имечко получше, чем Балфинч, и мне было жалко расставаться с ним, но, что поделать, девушка должна приносить много жертв, когда выходит замуж, и одной больше или меньше — не имеет значения. Я прислуживала в салун-баре, и, помню, однажды вечером заходит джентльмен...

— Не могли бы вы поточнее припомнить дату?

— Нет, с точностью не смогу, но это был вроде бы самый длинный день в году, потому что я сказала об этом джентльмену, чтобы поговорить хоть о чем-нибудь.

— Довольно близко, — заметил Паркер. — Что-то около двадцатого июня или двадцать первого?

— Верно, где-то так. Так вот, я хорошо помню, как дверь бара торопливо распахнулась, вошел молодой джентльмен и крикнул: «Дайте мне поскорее двойного бренди!» Он выглядел таким бледным и странным, однако разговаривал нормально. Он навалился на стойку и прошептал: «И покрепче, покрепче, милая девушка. Я чувствую себя ужасно плохо». Он обхватил руками жилет, и я поняла, что он не пьян. Поэтому одним духом смешала ему двойной мартель с капелькой содовой, а он хватанул его и проговорил: «Вот так-то лучше». Вскоре джентльмен

попросил подать ему стакан воды. Когда я подошла к нему со стаканом, он сказал: «Простите, что напугал вас, но я только что перенес тяжелое потрясение, и, наверно, оно отразилось на моем организме. Я подвержен приступам гастрита, и любое беспокойство или потрясение отзываются на моем желудке. Однако, может быть, вот это все остановит». Он достал белый бумажный пакетик с каким-то порошком, высыпал в стакан с водой, размешал авторучкой и выпил. Затем поблагодарил меня и вышел из бара.

— И сколько, по-вашему, он принял порошка?

— Добрую дозу. Он не отмерял его, просто вытряхнул из пакетика. Приблизительно с десертную ложку.

— А что случилось с пакетиком? — спросил Паркер.

— Вот то-то и оно! — Миссис Балфинч бросила взгляд на Вимси и, казалось, осталась довольна произведенным эффектом. — Мы как раз проводили последнего посетителя — было, должно быть, около пяти минут двенадцатого, — и Джордж запер дверь, когда я увидела на стуле белый бумажный пакетик и сказала Джорджу: «Эй! Джентльмен забыл свое лекарство». Это был один из аптечных пакетиков, ну, знаете, с загнутыми уголками и перехваченный ярлычком, но от ярлычка и следа не осталось.

— Вы даже не смогли разглядеть, отпечатана была надпись черными или красными буквами?

— Нет, не разглядела. Вроде бы было что-то красное, но сейчас не припомню. Я прибрала пакетик на полку позади стойки, где держат крепкие напитки, и больше никогда о нем не вспоминала, вплоть до вчерашнего дня, когда пришел ваш полицейский.

— Там его и искали, — сказал Паркер, — но найти нигде не смогли.

— Ну, насчет этого я не знаю. Я положила его туда, а «Кольца» оставила в августе, так что не могу сказать, куда он подевался. Риску предположить, что его выкинули во время уборки.

— Жаль, что вы раньше не пришли к нам с этой историей, — сурово сказал Паркер.

— Ну, откуда ж мне было знать, что это важно?

— Скоро будет новый суд, — объяснил Паркер. — И на нем вам, возможно, придется давать показания.

— Вы знаете, где меня найти, — с жаром заявила миссис Балфинч. — Я не сбегу.

— Мы очень признательны вам за то, что вы пришли сегодня, — любезно произнес Вимси.

— Не стоит благодарности, — ответила леди. — Это все, чего вы хотите, инспектор?

— В настоящее время, да. Если мы найдем пакетик, то попросим вас опознать его. И, кстати, разумным было бы не обсуждать этих дел с вашими друзьями, миссис Балфинч. Порой леди начинают толковать друг с другом, одно цепляется за другое, и в конце концов они припоминают случаи, которые вообще никогда не происходили. Ну, вы понимаете.

— Я не из болтливых, — оскорбленно заявила миссис Бал-

финч. — И, по-моему, джентльмены еще похлеще леди умеют сложить два и два так, что получится пять.

После визита в Скотленд-Ярд Вимси решил посетить контору мистера Уркьюхарта на Бедфорд Роу. Старший клерк помнил его и приветствовал со всем уважением к высокопоставленному посетителю. Он предложил его светлости немного подождать и исчез за внутренними дверями.

Машинистка — с лицом сильным, уродливым и почти мужским — подняла глаза от машинки и коротко кивнула лорду Питеру. Вимси узнал в ней одну из обитательниц «ловильни» и мысленно поблагодарил мисс Климпсон за то, что все было организовано быстро и четко. Через несколько секунд старший клерк вернулся и предложил лорду Питеру пройти в кабинет.

Норман Уркьюхарт встал из-за письменного стола, дружески поздоровался с гостем и осведомился, чем может быть ему полезен. Вимси объяснил, что интересуется процессом Вэйн и что уполномочен господами Крофтсом и Купером задать несколько вопросов мистеру Уркьюхарту. Он начал с завешания.

— Мистер Бойес не питал надежд на какие-нибудь деньги?

— Насколько мне известно, нет, — ответил Уркьюхарт. — Отец его небогат — обычный сельский священник с маленькими доходами и огромным домом, да еще разваливающейся церковью в придачу. По сути, вся семья принадлежит к горемыкам-работникам среднего класса, влачащим свое существование, почти не имея денег. Не думаю, чтобы к Филипу Бойесу перешло больше нескольких сот фунтов, переживи он даже большинство своих родственников.

— А я вроде так понял, что где-то была богатая тетушка.

— Ох нет, если только вы не имеете в виду старую Креморну Гарден, тетку его матери. Но она уже много лет не общается с ними.

В этот момент два разрозненных факта сомкнулись в мозгу Вимси. В возбуждении от услышанных от Паркера новостей о бедном бумажном пакетике, он не обратил особенного внимания на отчет Бантера о чаепитии с Ханной Вестлок и миссис Петтикэн, но теперь ему припомнились слова об актрисе, «имя которой напроминало Гайд Парк». Следующий вопрос вырвался у него без промедления:

— Это не миссис Рэйберн из Виндла в Вестморленде?

— Да, она. В сущности, я только что побывал там. В последние пять лет бедная престарелая леди совсем впала в детство. Жалкая жизнь — дотягивать свои дни подобным образом, несчастье и для нее, и для всех окружающих.

— Бедная Креморна Гарден, — заметил Вимси. — Она все в том же состоянии. Но наверняка протянет не слишком долго.

— В сущности, все мы думали, что она вот-вот скончается. Ей уже за девяносто, бедняжке, и приступы случаются с ней время от времени. Но в некоторых из этих древних леди есть потрясающая жизнестойкость.

— Насколько я понимаю, вы теперь ее единственный родственник?

— Пожалуй, да, кроме моего дяди в Австралии. — Мистер Уркьюхарт признал факт родства, не поинтересовавшись, откуда Вимси знает о нем. — Как поверенному в ее делах, мне следует присутствовать там.

— О, да, в самом деле. И, будучи ее поверенным в делах, вы знаете, конечно, как она распорядилась своими деньгами?

— Ну, конечно же. Хотя, простите, не вполне понимаю, какое это может иметь отношение к настоящей проблеме?

— Просто мне пришло в голову, что Филип Бойес мог влипнуть в какие-нибудь финансовые неприятности — такое случается и с лучшими из нас — и избрать быстрый способ от них избавиться. Но если он возлагал какие-то надежды на миссис Рэйберн, а старуха была уже так близка к тому, чтобы покинуть юдоль земную, но задержалась, то могли возникнуть непредвиденные осложнения. Особенно в том случае, если он успел разжить деньги под заклад будущего наследства... Вы улавливаете смысл?

— О, да, вы стараетесь склонить дело к тому, что это было самоубийство. Что ж, согласен с вами. Для друзей мисс Вэйн это наиболее обнадеживающая версия, и, до определенной степени, я могу вас поддержать. Дело в том, что миссис Рэйберн ничего Филипу не оставила. И у него не было ни малейшей причины ожидать, что она могла бы это сделать.

— Вы в этом уверены?

— Совершенно. Однажды он меня об этом спрашивал, и я был вынужден сказать ему, что у него нет ни малейшего шанса что-либо от нее унаследовать.

— Он действительно спрашивал? И давно?

— По-моему, где-то месяцев восемнадцать назад, не могу вспомнить точнее.

— И, поскольку миссис Рэйберн сейчас впала в детство, он не мог делеять надежду, что она когда-либо изменит свое завещание?

— Ни малейшей.

— Как велико наследство?

— Около семидесяти или восьмидесяти тысяч.

— Весьма досадно думать, что все добро уплывет мимо рук, а ты даже пальцем к нему не притронешься. Кстати, а что насчет вас? Вы ничего не получаете? Прошу прощения, я любопытен не в меру, но, учитывая, что вы годами за ней приглядывали и остались единственным ее родственником, то для нее это не пустяк, а?

— Вы правы, я единственный наследник.

— Ну? — разочарованно переспросил Вимси. — Но ведь это сильно ослабляет данную версию. Я имею в виду, что в этом случае ваш кузен вполне мог полагать, что может обратиться к вам за... то есть... конечно, я не знаю, какие мысли были у вас на этот счет...

Мистер Уркьюхарт покачал головой:

— Вижу, куда вы клоните, и мысль эта очень естественна. Но в действительности такое расходование денег вошло бы в прямое противоречие с выраженной завещательной волей. Я мог бы,

конечно, помогать Филипу, время от времени подкидывая ему денег, но, честно говоря, вряд ли стал бы этим заниматься. По моему мнению, единственная надежда Филипа на спасение была в том, чтобы самому проложить себе дорогу своей работой. А он был склонен излишне полагаться на других людей.

— Да, верно. И, без сомнения, у миссис Рэйберн была такая же мысль?

— Не совсем. Она полагала, что вся семья дурно с ней обращалась. Что ж, если мы зашли столь далеко, то я не возражаю против того, чтобы показать вам одну бумагу. — Он позвонил в колокольчик на письменном столе и добавил: — Самого завещания у меня здесь нет, но имеется черновик. А, мисс Мерчисон, не будете ли вы добры принести мне ящик с документами, помеченный «Рэйберн»? Мистер Понд вам его покажет.

Леди из «Ловильни» молчаливо удалилась на поиски ящика.

— Все это весьма нарушает правила, лорд Питер, — продолжил мистер Уркьюхарт, — но бывают времена, когда слишком много скрытности так же плохо, как и слишком мало. Я хотел бы, чтобы вы в точности поняли, почему я принужден был занять столь бескомпромиссную позицию по отношению к моему кузену. Ага, спасибо, мисс Мерчисон.

Он отпер ключом ящик с документами и перебрал несколько бумаг. Вимси наблюдал за ним с глуповатым выражением терьера, ждущего лакомого куска.

— О Господи, — воскликнул юрист, — Кажется, его здесь нет.

ГЛАВА 11

201

На следующий день в девять утра Вимси прибыл домой к мистеру Уркьюхарту и застал его за завтраком.

— Я подумал, что лучше перехватить вас до того, как вы отправитесь в контору, — извинился его светлость. — Нет, нет, спасибо, я уже заморил червячка.

— Что ж, я разыскал для вас черновик, — любезно сообщил мистер Уркьюхарт. — Вы можете пробежать его, пока я пью кофе. В нем чуть приоткрываются семейные тайны.

Он извлек из бокового столика листок с машинописным текстом и протянул его Вимси. Вимси машинально отметил, что отпечатан он на пишущей машинке фирмы «Вудсток», с усеченной строчкой «п» и чуть выпадающей из ряда «а».

— Пожалуй, лучше до конца объяснить семейные отношения между Бойесами и Уркьюхартами, — мистер Уркьюхарт вернулся к завтраку, — чтобы вы поняли завещание. Наш общий предок, Джон Хаббард, — весьма уважаемый банкир начала прошлого века. Жил он в Ноттингеме, и банк, как обычно в те времена, был частным, семейным предприятием. У него было три дочери, Джейн, Мэри и Розана. Он дал дочерям хорошее образование, и им надлежало стать его наследницами. Но старик наделал кучу ошибок — неумно спекулировал, давал клиентам слишком много воли — одним словом, старая история. Банк лопнул, и дочери остались без гроша. Старшая, Джейн, вышла замуж за человека по имени Генри Браун. Он был школьным учителем,

очень бедным и непрошибаемым моралистом. Их единственная дочь Джулия вышла замуж за викария, преподобного Артура Бойеса, и стала матерью Филипа Бойеса. Вторая дочь, Мэри, устроилась намного лучше в финансовом плане, хотя по социальному положению стала ниже, чем старшая. Она отдала руку некоему Джозии Уркьюхарту, торговцу кружевом. Для стариков это был удар, но Джозия происходил из весьма порядочной семьи, так что впоследствии они примирились с ним. Сын Мэри, Чарльз Уркьюхарт, стремился порвать с унизительным торговым прошлым своей семьи. Он пошел работать в юридическую контору, преуспел и, наконец, стал партнером в фирме. Это мой отец, и я его наследник в юридическом деле. Третья дочь, Розана, была очень красивой, но одновременно весьма избалованной и испорченной юной особой. К ужасу родителей, она сбежала из дома и подалась на сцену. Имя ее было вычеркнуто из семейных святцев. Она действительно оправдала их худшие ожидания, став несносным баловнем модного Лондона. Под сценическим именем Креморна Гарден Розана шествовала от одного сомнительного триумфа к другому. И, заметьте, гребла все — деньги, драгоценности, лошадей, экипажи, и обращала их в надежные вклады. Она была скупердяйкой во всем, кроме ухода за своей внешностью. Впервые я увидел ее лишь в старости, но и тогда у нее сохранились остатки примечательной былой красоты. Старшая из сестер, Джейн, не желала иметь ничего общего с семейной «паршивой овцой». Она и ее муж содрогались, когда видели «обесчещенное» имя Креморны Гарден на афишах «Олимпика» или «Адельфи», возвращали ее письма нераспечатанными и отказали ей от дома. А высшей точкой стал тот момент, когда Генри Браун пытался выставить ее из церкви во время похорон своей жены. Мои дед с бабкой были не столь пуритански настроены. Они ее не приглашали и сами не навещали, но время от времени брали ложу на один из ее спектаклей и вообще, как говорится, были вежливы на расстоянии. Как следствие этого, она поддерживала учтивые отношения с моим отцом и в итоге поручила ему ведение своих дел. Он придерживался того взгляда, что собственность есть собственность, как бы она ни была приобретена, и говорил, что юристу, отказывающемуся иметь дело с грязными деньгами, пришлось бы указать на дверь половине своих клиентов. Старая леди никогда ничего не забывала и никому не простила. Одно упоминание о браунбойесовском родстве приводило ее в бешенство. Поэтому когда она взялась составлять свое завещание, то включила в него параграф, который сейчас перед вами. Я говорил ей, что Филип Бойес не имеет ничего общего с гонениями на нее, точно так же, разумеется, как и Артур Бойес, но старая рана так и не зажила, и она не пожелала и словечка выслушать в его защиту. Итак, я составил завещание в таком виде, в каком ей было угодно.

Вимси кивнул и обратил все внимание на завещание, датированное восемью годами раньше. Норман Уркьюхарт назначался в нем единственным наследником. После перечисления нескольких пожертвований слугам и театральным благотворительным обществам в завещании следовало:

«Все остальное мое имущество, сколько бы и где бы оно ни находилось, я отдаю моему внучатому племяннику Норману Уркьюхарту, солиситору с Бедфорд Роу, пожизненно, а после его смерти оно должно быть поровну разделено между его законным потомством. Если вышеназванный Норман скончается, не имея законного потомства, то вышеназванная собственность должна быть направлена (следовали названия уже упомянутых прежде благотворительных обществ). Я распоряжаюсь своей собственностью таким образом в знак признательности за уважение, которое мне оказывали на протяжении всей жизни вышеназванный внучатый племянник Норман Уркьюхарт и его отец, покойный Чарльз Уркьюхарт, и дабы увериться, что ни одна часть моей собственности не попадет в руки моего внучатого племянника Филипа Бойеса или его наследников. Ради того, чтобы отметить, сколь бесчеловечным было обращение со мной семьи вышеупомянутого Филипа Бойеса, я, в качестве своей посмертной воли, запрещаю вышеназванному Норману Уркьюхарту одалживать либо передавать вышеназванному Филипу Бойесу любую долю дохода, извлеченного из вышеназванной собственности, пожизненно принадлежавшей ему. Равно как и использовать ее для помощи вышеназванному Филипу Бойесу».

— Гм! — заметил Вимси. — Донельзя ясно. И донельзя мстительно.

— Да, так и есть. Но что прикажете делать со старыми леди, которые не желают слушать доводов разума? Она тщательно проверила, насколько беспощадно я все это изложил, прежде чем поставить свою подпись.

— Да, это должно было разочаровать Филипа Бойеса. Благодарю вас. Я рад, что увидел завещание. Это делает теорию о самоубийстве более вероятной.

Лорд Питер вернулся домой и прочел гранки романа Харриет. Несомненно, писать она умела здорово, но было несомненно и то, что она слишком уж много знала о применении мышьяка. Более того, книга была о двух художниках, живших в Блумсбери и ведших существование, полное любви, смеха и бедности, пока кто-то не отравил молодого человека и не оставил молодую женщину безутешной и страстно жаждущей отомстить за него. Вимси заскрежетал зубами и отправился в Холловэйскую тюрьму, где был близок к тому, чтобы из-за ревности выставить себя в самом неприглядном и смешном виде. К счастью, чувство юмора пришло на выручку в тот момент, когда он допросом довел свою подопечную до слез.

— Простите, — сказал Вимси. — Дело в том, что я чертовски ревную к Бойесу. Не должен бы, а ревную.

— Именно так, — ответила Харриет. — И вы всегда будете ревновать.

— А если буду, то не подойду для совместной жизни. Вы об этом?

— Вы будете очень несчастливы. Не говоря уже о всех других отрицательных сторонах.

— Но, черт все побери, — сказал Вимси, — если бы вы хоть

однажды сказали, что я вам не совсем безразличен, то все было бы в порядке. Я воображаю всякую ерунду только потому, что вы не желаете мне этого сказать.

— Вы будете и дальше продолжать так думать наперекор самому себе. Вы никогда не сможете относиться ко мне объективно. Такое не удавалось ни одному мужчине.

— Если я окажусь идиотом подобного сорта, то все будет совершенно безнадежным, — серьезно заметил Вимси. — Знал я одного парня, который этак съехал на ревности. Если жена не висла все время у него на шее, то, по его словам, это показывало, будто он для нее ничего не значит, а если она выражала ему свою любовь, он называл ее лицемеркой. Это стало совершенно невыносимым, и она сбежала с кем-то. Ему говорили, что виновата его собственная глупость, но все это очень запутано. Ладно, бедная девочка. Предоставьте все дядюшке Питеру.

Когда Вимси вернулся домой, его ждала записка:

«Уважаемый лорд Питер!

Как вы видели, на работу я устроилась. Мисс Климпсон послала шестерых с разными историями и рекомендациями, и мистер Понд (старший клерк), с предварительного одобрения мистера Уркьюхарта, нанял меня.

Я пробыла здесь только пару дней, так что не очень много могу рассказать вам о моем нанимателе как о личности, кроме того, что он падок на сладкое и всегда держит в своем письменном столе запасы сливочных шоколадок и рахат-лукума, которые жует исподтишка, пока диктует. Кажется он достаточно любезным. Но есть одно — полезно было бы поинтересоваться его финансовой деятельностью. Как вы знаете, у нас были дела с биржевыми маклерами, а вчера в его отсутствие я подошла к телефону и услышала кое-что, для меня не предназначавшееся. Этот звонок ничего бы не сказал обычному человеку, но мне он сказал, потому что я кое-что знаю о том, кто звонил. Выясните, не имел ли дел мистер Уркьюхарт с трестом Мегатериум до пресловутого краха этого треста.

Искренне ваша Джоан Мерчисон».

— Трест Мегатериум? — промолвил Вимси. — Чудненькая штука для заигрывания с уважаемым адвокатом. Порасспрошу Фредди Арбеттнота. Он болван во всем, кроме капиталов и акций, в них он, по некоей возмутительной причине, соображает.

Он еще раз перечитал письмо, машинально отметив, что оно было отпечатано на пишущей машинке фирмы «Вудсток», с усеченной строчной «п» и выпадающей из ряда заглавной «а», и, внезапно очнувшись, перечитал письмо в третий раз, внимательно разглядывая поврежденные буквы.

Затем он сел, написал строчку на листе бумаги, сложил этот лист, адресовав его мисс Мерчисон, и послал Бантера отправить его.

ГЛАВА 12

Будучи стариком, в минуты откровения Вимси частенько говаривал, что воспоминания о том Рождестве в Дюкс-Денвер

преследовали его в кошмарах каждую ночь на протяжении последующих двадцати лет. Его самообладание, несомненно, подверглось жестокому испытанию. Тучи зловеще ступились за чаем, когда миссис Димсворфи-«Блажь» просвистела своим высоким голосом:

— А правда, лорд Питер, что вы взялись защищать ужасную отравительницу?

Вопрос сработал наподобие пробки, вырвавшейся из бутылки с шампанским, раскупорив общее любопытство всех присутствующих к делу Вэйн, и оно с пенистым шипением вырвалось наружу целым потоком жгущего пустословия.

— Не сомневаюсь, что это сделала она, но не осуждаю, — сказал капитан Томми Бэйтс. — До чего ж охальный тип. По фотографиям на суперобложках его книг ясно видно, каким он был наглцом. Просто удивительно, в какую дрянь влюбляются интеллектуалки.

— Но он был таким изящным писателем, — запротестовала миссис Фестостун. — Его книги смелы и строги по стилю. Он искренен, а этого люди в нашей стране не прощают.

— Что ж, и я не стал бы держать дома такую мерзость, — твердо заявил капитан. — Однажды поймал Хильду за чтением книги Бойеса и велел немедленно отослать ее назад в библиотеку. Я не вмешиваюсь, но где-то нужно провести черту.

— Откуда же вы знаете, какова из себя его писанина? — с невинным видом спросил Вимси.

— Ну, знаете, статьи Джеймса Дугласа в «Экспрессе» было для меня достаточно, — ответил капитан Бэйтс. — То, что он цитировал, было совершенно непотребным.

— Да, хорошо, что о его книгах мы заранее прочли в той статье, — ехидно заметил Вимси. — Кто предупрежден — тот вооружен.

— Мы должны быть чрезвычайно признательны нашей прессе, — сказала вдовствующая герцогиня. — Так любезно с их стороны, что они избавляют нас от забот читать книги, вы так не думаете?

— Не думаю все же, что она убийца, — перебила ее невестка. — Судя по всему, она была ничем не лучше его. Хотя, говорят, тиражи горемычной растут как на дрожжах.

— Что ж, на сей раз это смахивает на дело о повешении гусыни, которая несет золотые яйца, — громко расхохотался капитан Бэйтс. — Если только Вимси не намерен преподнести один из своих чародейских фокусов.

— Надеюсь, что да, — сказала мисс Титтертон. — Я обожаю детективные истории. Я бы заменила ей смертный приговор на каторжные работы — при условии, что она каждые полгода будет выдавать новую книгу. Это было бы намного полезней, чем щипать паклю или шить почтовые мешки для того, чтобы их затеряли на почте.

— Не опережаете ли вы чуть-чуть события? — тихо спросил Вимси. — Она еще не осуждена.

— Но следующий суд осудит. Против фактов не попрешь, Питер.

— Верно, не погрешь, — сказал капитан Бэйтс. — Полиция знает, что делает. Просто так, если нет ничего подозрительного, людей на скамью подсудимых не отправляют.

Это было ужасно бестактно, поскольку прошло не так много лет с тех пор, как герцог Денверский сам побывал под судом из-за ошибочного обвинения в убийстве. Наступила тишина, которую прервал ледяной голос молодой герцогини:

— Знаете ли, капитан Бэйтс!..

— Что? А? Э, конечно, я хотел сказать, что ошибки порой случаются, но это совсем другое..

— Выпейте, Томми, — попытался смягчить его слова лорд Питер. — Насчет такта вы сегодня отнюдь не в ударе.

— Да, но расскажите же, лорд Питер, — вскричала миссис Димсворфи, — на что похоже это создание? Вы с ней разговаривали? Мне помнится, у нее такой чудесный голос, хотя сама она плоская, как блин...

— Чудесный голос, говоришь? О нет, — возразила миссис Фестуон. — Я бы, скорей, назвала его зловецим. Он меня просто до смерти напугал. Она могла быть очень привлекательной, с этими странными дымчатыми глазами, если бы была одета должным образом. Тип, знаете ли, роковой женщины. Она пыталась гипнотизировать вас, лорд Питер?

— Я читала в газетах, — вставила мисс Титтертон, — что она получила сотни брачных предложений.

— Убийца может стать очень хорошей женой, — миролюбиво произнес Харрингэй. — Помните Маделен Смит? Она вышла за кого-то замуж и счастливо дожила до почтенной старости.

— Но дожил ли до почтенной старости ее муж? — улыбнулась мисс Титтертон. — Вот в чем весь вопрос.

— Единожды отравив, отравляешь всегда. Я так считаю, — заявила миссис Фестуон. — Это страсть, которая вами овладевает, как пьянство или наркотики.

У Вимси вдруг пропало всякое желание поддерживать эту пустую болтовню. Он тихо вышел из комнаты и столкнулся в дверях с Фредди Арбеттнотом.

— Слушай-ка, Питер, я хотел тебя перехватить, — обрадованно произнес Фредди.

— Взаимно, — живо отозвался Вимси. — Эти беседы меня совсем измотали. Давай-ка заглянем в бильярдную и без помех поправим наше здоровье.

— Грандиозная мысль! — с энтузиазмом поддержал Фредди. Он поспешил за Вимси в бильярдную и шлепнулся в большое кресло. — Ужасная доука, Рождество, правда? Самые ненавистные люди собираются вместе во имя доброй воли и еще неизвестно чего.

— Принесите нам пару виски, — обратился Вимси к лакею. — И, Джеймс, если кто-нибудь будет спрашивать меня или мистера Арбеттнота, скажите, что мы куда-то вышли. Что ж, Фредди, нам повезло! Просочилось ли что-нибудь наружу, как выражаются журналисты?

— Принюхивался, как собака, идя по следам твоего человека, — ответил мистер Арбеттнот. — И вправду, знаешь ли, я скоро

поднатаскаюсь до того, чтобы выступать в твоём амбула. Дружок Уркьюхарт очень осторожен. А как же иначе — почтенный законник и все такое... Но вчера я видел человека, знающего одного парня, который слышал от другого, что Уркьюхарт завяз, опрометчиво погорячившись.

— Ты уверен, Фредди?

— Ну, не сказать, чтоб уверен. Но этот человек кое-чем мне обязан.

— Надеюсь, Фредди, ты не забудешь о нашем дельце?

— Не забуду, старина, честное слово, не забуду. Дам тебе знать сразу же, как что-нибудь прослышу. Там и вправду можно рассчитывать на то, что дело нечисто.

Вимси нашел в этом некое утешение. Во всяком случае, он настолько воспрянул духом, чтобы стать заводилой, растормошившим сдержанное застолье в Дюкс-Денвер. Герцогиня Хелен, разумеется, весьма холодно заметила герцогу, что Питер слишком стар для того, чтобы валять дурака, и что ему следовало бы относиться ко всему серьезней и остепениться.

— Ах, оставь, — ответил герцог. — Питер — сущий сфинкс, никогда не знаешь, что у него на уме. Однажды он вытацил меня из большой беды, и я не собираюсь приставать к нему. Оставь его в покое, Хелен.

Другого взгляда придерживалась Мэри Вимси, прибывшая к исходу сочельника. В два часа ночи, когда уже начался Боксинг-Дей *, она последовала в спальню младшего брата. До того были обед, и танцы, и шарады — ужасно утомительный день. Вимси, закутанный в тяжелый халат, задумчиво сидел у камина.

— Послушай-ка, Питер, старичок, — сказала леди Мэри, — ты, похоже, немного на взводе, а? Что-то стряслось?

— Слишком много сливового пудинга, — ответил Вимси. — И слишком много сельской жизни. Я ученик, вот кто я такой, — сгорающий в бренди во имя семейного праздника.

— Да, это кошмарно. Ну, как жизнь? Я целый век тебя не видела. Ты так долго отсутствовал.

— Да, а ты, похоже, была чересчур занята работенкой по убранству дома.

— Надо же что-то делать. От безделья я совсем извелась.

— Послушай, Мэри, ты случайно не встречалась со старинной Паркером в эти дни?

Мэри оставилась на огонь в камине.

— Я пообедала с ним раз или два, когда была в городе.

— Да? Он человек очень порядочный. Надежный, неприхотливый, но не слишком занимательный, к сожалению. Мне было бы очень неприятно, если бы с Паркером случилось что-нибудь удручающее. Это, собственно, к тому, что нечестно играть его чувствами и...

— Обеспокоен, Питер? — рассмеялась Мэри.

— Нет. Но мне бы хотелось, чтобы с ним играли по-честному.

* День на святках, когда, по английскому обычаю, слуги, письмоноscopy и посыльные получают подарки.

— Ну, Питер, я ведь не могу просто взять и сказать «да» или «нет», пока он меня не спросит. Это нарушило бы его понятия об этикете, ты не находишь?

— Пожалуй, да. Но как раз с не меньшей вероятностью эти же понятия могут мешать ему задать тебе некий вопрос. Может, он чувствует, что в самой мысли о дворецком, объявляющем: «Старший детектив-инспектор и леди Паркер», — есть что-то шокирующее?

— Но тогда это тупик.

— Ты можешь перестать обедать с ним.

— Да, конечно, могу.

— И сам факт, что ты этого не делаешь... Понимаю. Будет ли какой-нибудь толк, если я прямо спрошу его о намерениях?

— С чего бы эта внезапная жажда сбывь с рук члена своей семьи, старина? Ведь никто же из нас тебе не противен?

— Нет-нет. Просто я чувствую себя чем-то вроде благожелательного дядюшки, вот и все. Старость подкрадывается. И на лучших из нас нападает этакая страсть быть полезным, когда позади весна наших дней. Я сообщу инспектору Паркеру, что, если он отринет свою природную скромность и сделает предложение, ты скажешь «да».

— Это будет огромным потрясением для Хелен, Питер.

— К черту Хелен. Смею сказать, это будет для нее еще не самым худшим потрясением.

— Питер, ты замышляешь что-то дьявольское. Ладно, если хочешь, чтобы первый удар нанесла ей я, пусть так и будет.

— Идет! — небрежно кинул Вимси.

— Ты порядочный старый идиот. — Леди Мэри обвила рукой его шею. — И выглядишь совсем умотанным, ступай-ка спать.

— Ступай-ка к черту, — добродушно отозвался лорд Питер.

ГЛАВА 13

Нажимая на звонок у двери квартиры лорда Питера, мисс Мерчисон чувствовала легкое возбуждение в своей упорядоченной душе. Вызвано оно было не мыслями о его титуле, богатстве или холостяцкой жизни, поскольку мисс Мерчисон всю свою жизнь слыла деловой женщиной и привыкла к встречам с холостяками всех мастей. Волнение выдавала его записка.

Тридцатидевятилетняя мисс Мерчисон была очень некрасива. Двенадцать лет она работала в конторе одного финансиста. В целом это были хорошие годы, и лишь в последние пару лет она начала осознавать, что ее блестящий финансист ловчил теперь ради своей жизни, поскольку обстоятельства становились все тяжелей. Трюкач смылся со сцены и бежал за границу, его главный помощник пустил себе пулю в лоб, зрительный зал зашикал, занавес опустился, а мисс Мерчисон в тридцать семь лет оказалась безработной.

Она сама дала объявления в газетах и ответила на множество помещенных в них. Подавляющее большинство явно желало иметь красивых и дешевых секретарш. Это удручало и обескураживало.

Затем пришел ответ на ее объявление — от мисс Климпсон, содержавшей машинописное бюро.

Это было не совсем то, чего хотела мисс Мерчисон. Но она пошла и обнаружила в итоге вовсе не машинописное бюро, а что более интересное.

Таинственный лорд Питер Вимси, незримо стоявший за этим предприятием, как раз был за границей, когда мисс Мерчисон оказалась в «Павильоне», и она впервые увидела его лишь несколько недель назад. А сейчас впервые с ним заговорит. На вид — чудак чудачком, думала она, но люди говорят, у него есть голова на плечах. Во всяком случае...

Дверь открыл Бантер, который, казалось, ожидал ее. Он сразу же провел мисс Мерчисон в заставленную книжными полками гостиную. Были в ней и гравюры на стенах, и обюссоновский гобелен, и рояль, и несколько глубоких удобных кресел, обитых коричневой кожей. В очаге пылали дрова, а перед очагом стоял столик с серебряным чайным сервизом, восхитительные линии которого радовали глаз.

Когда она вошла, лорд Питер поднялся из глубины кресла и приветствовал ее тем прохладным, сухим и несколько вялым голосом, который она уже слышала как-то в конторе мистера Уркьюхарта.

— Чрезвычайно любезно с вашей стороны, что вы пришли, мисс Мерчисон. Зверский денечек, не правда ли? Не сомневаюсь, что вы хотите чаю. Как вы относитесь к пышкам? Или предпочитаете что-нибудь более современное?

— Спасибо, — ответила мисс Мерчисон, когда Бантер исполнительно застыл у ее локтя. — Я очень люблю пышки.

— Отлично! Что ж, Бантер, с чайником мы справимся сами. Подайте мисс Мерчисон еще одну подушку и можете идти. По уши в работе, я полагаю? Как там наш мистер Уркьюхарт?

— Он в порядке. — Мисс Мерчисон никогда не отличалась разговорчивостью. — Есть только одно, о чем я хотела бы рассказать вам...

— Вы выяснили насчет пишущей машинки? — перебил ее Вимси.

— Да. Она была куплена три года назад.

— Хорошо. Я, кстати, пришел к выводу, что вы, вероятно, были правы, когда написали мне о связях Уркьюхарта с трестом Мегатериум. Вы сделали очень полезное наблюдение. Примите мою высочайшую благодарность.

— Спасибо.

— Ничего свежестького?

— Ничего, кроме того, что вечером после вашего визита в контору он долго еще оставался там и что-то печатал.

— Откуда вы знаете, сколько он оставался и что делал, если все ушли?

— Вы сказали, что хотели бы знать все, пусть даже самое незначительное, если в этом есть хоть что-то странное. Я подумала, что остаться после вас было бы необычным для него, поэтому и прогуливалась вокруг Ред Лайон Сквер до половины восьмого. На следующее утро я обратила внимание, что кто-то трогал мой

бумаги, оставленные под чехлом пишущей машинки, и сделала вывод, что он печатал.

— Может, их перевернула уборщица?

— Не она. Она и пылинки никогда не тронет, не то, чтобы чехол.

— У вас задатки первоклассного сыщика, мисс Мерчисон, — довольно кивнул Вимси. — Очень хорошо. В таком случае нужно браться за наше маленькое дельце. Вы хорошо понимаете, что я собираюсь попросить вас сделать нечто незаконное?

— Да, понимаю.

— И не возражаете?

— Нет. Как мне представляется, вы уплатите все необходимые издержки, если я попадусь.

— Разумеется.

— А если я попаду в тюрьму?

— Не думаю, что дойдет до этого. Конечно, есть незначительный риск, но самое большое, что может случиться, — вас привлекут к суду за попытку кражи или за обладание воровским инструментом.

— Что ж, в таком случае вполне можно рискнуть.

— Великолепно! Помните вы ящик с документами, что приносили в комнату мистера Уркьюхарта в тот день, когда я был у него?

— Да, помеченный «Рэйберн».

— Вы можете до него добраться? Где его держат?

— На полке вместе со множеством других.

— Отлично. Найдется у вас возможность как-нибудь остаться одной в конторе, скажем, на полчаса?

— В обеденное время я выхожу в половине первого и возвращаюсь через час. Мистер Понд в это время уходит, но мистер Уркьюхарт порой возвращается. Не могу быть уверена, что он меня не накроет. А вздумай я остаться после четырех тридцати, это выглядело бы подозрительным. Если только не сделать вид, будто допустила ошибку и хочу задержаться, чтобы ее исправить. Можно прийти пораньше утром, когда в конторе уборщица...

— Ладно, выбор времени предоставляю вам, — задумчиво проговорил Вимси.

— Но что нужно сделать? Украсть ящик?

— Не совсем. Вы знаете, как вскрывать замок?

— Боюсь, не имею ни малейшего понятия.

— Придется обратиться к знатоку. Вы не возражаете, если наденете пальто и отправитесь со мной к моему приятелю?

— Нисколько. Буду рада.

— Живет он на Уайтчепел Роуд, человек очень приятный, если смотреть сквозь пальцы на его религиозные воззрения. Я-то нахожу их освежающими. Бантер! Вызовите нам, пожалуйста, такси.

По дороге Вимси настойчиво сводил разговоры к музыке, и мисс Мерчисон начала подумывать, что есть нечто зловещее в этом упорном отказе обсуждать цель их путешествия.

— Кстати, — осмелилась она перебить какие-то рассуждения

Вимси о форме фуги, — этот человек, к которому мы едем... Как его зовут?

— Имя-то у него есть, но только он его, наверное, и сам забыл. Зовут его Бзик. Но, когда он был лучшим в своей профессии, его называли Билл-Вслеую.

Расплатившись с таксистом, Вимси провел свою спутницу по грязному проходнику. В конце его был небольшой домик, сквозь освещенные окна которого изливались наружу напевы поющих хором голосов, сопровождаемых гармоникой и другими музыкальными инструментами.

— О Боже! — сказал Вимси. — Нарвались на собрание. Ничего не попишешь. Приступим.

Дождавшись, когда напевы «Славься, славься, славься» сменились жаркой молитвой, он громко постучал в дверь. Вскоре из-за двери высунула головку маленькая девочка и, увидев лорда Питера, пронзительно вскрикнула от восторга.

— Привет, Эсмеральда Гиацинт! — сказал Вимси. — Отец дома?

— Да, сэр, пожалуйста, сэр, они будут так рады, сэр, входите, пожалуйста, и еще, пожалуйста...

— Что?

— Пожалуйста, сэр, вы не споете «Назарет»?

— Нет, «Назарет» я не спою. Удивляюсь тебе, Эсмеральда. Я хочу поговорить с отцом о деле, когда закончится собрание.

Девочка кивнула. В этот же момент молитва в комнате под возгласы «Аллилуйя!» закончилась, и Эсмеральда, распахнув дверь, громко провозгласила:

— Здесь лорд Питер и леди!

Комната была маленькой, душной и битком забита людьми. В одном углу находилась фисгармония, и музыканты группировались вокруг нее. В середине комнаты у круглого стола, покрытого красной скатертью, стоял дородный и крепко сбитый человек с бульдожьим лицом. Он держал в руке книгу и явно собирался объявить гимн, но, увидя Вимси и мисс Мерчисон, шагнул вперед, с сердечностью протягивая к ним руки.

— Добро пожаловать всем! — провозгласил он. — Собратья, перед нами наши дорогие брат и сестра во Господе, и прибыли они к нам из притонов богатой и буйной жизни Вест-Энда, чтобы присоединиться к нашему пению песни Сиона. Воспоем же и вознесем хвалу. Аллилуйя! Все мы подобны овцам, сбившимся с пути, и тем более я могу сказать так, что сам был дурным и нечистым грешником, пока сей джентльмен, поскольку это воистину он и есть, не возложил на меня свою длань, с поличным зацапав меня у своего сейфа, и стал он орудием Господним, отвратившим меня от того широкого пути, что ведет к гибели. О братья, какой это был для меня счастливый день! Какой поток благ изливается на меня по милости этого лорда! Давайте же объединимся в благодарности милосердию небесному, исполнив гимн сто второй. Эсмеральда, подай нашим дорогим друзьям сборник гимнов.

— Я извиняюсь, — шепнул Вимси мисс Мерчисон. — Вы сможете это вынести? По-моему, уже последний всплеск.

Фисгармония, арфа, волынка, псалтерион, цимбалы и все прочие музыкальные инструменты грянули с такой силой, что чуть не полопались барабанные перепонки, собрание дружно запело, и мисс Мерчисон, к собственному изумлению, обнаружила, что и она присоединила свой голос — сначала полуосознанно, а затем с чудесным рвением — к будоражащему песнопению.

Вимси, похоже, находивший все это очень забавным, распевал без малейшего смущения; мисс Мерчисон не могла определить, от того ли, что он привык к подобному упражнению, или просто от того, что был одним из невозмутимых людей, которые в любом окружении и при любых обстоятельствах чувствуют себя на своем месте.

К ее облегчению, с концом гимна закончилась и религиозная сходка, члены собрания разошлись, обмениваясь друг с другом многочисленными рукопожатиями. Музыканты вежливо вытряхнули в камин влагу, скопившуюся в их духовых инструментах, а леди, игравшая на фисгармонии, зачехлила клавиатуру и подошла поприветствовать гостей. Представлена она была просто как Белла, и мисс Мерчисон справедливо заключила, что она была женой мистера Билла Бзика и матерью Эсмеральды.

— Ну что ж, — сказал Вимси. — Я привел вам новую ученицу.

— Всегда счастлива служить вам, сэр, зная, что это работа Господня. Да славится...

— Спасибо, — сдержанно отозвался лорд Питер. — Дело-то простое, Билл, но, поскольку молодая леди не имеет опыта с замками и тому подобным, я привел ее сюда на выучку. Видите ли, мисс Мерчисон, до того, как Билл узрел свет, он был не знающим себе равных во всех трех королевствах грабителем и взломщиком сейфов. И время от времени, когда мне нужна маленькая помощь ради правого дела, Билл делится со мной своим огромным опытом. Так вот, Билл, у меня на заметке ящик с документами одного юриста, и в нем может содержаться — а может, и нет — то, что поможет вытащить из беды невинного человека. Эта молодая женщина получит доступ к ящику, если вы покажете ей, как в него проникнуть.

— Если? — презрительно хмыкнул Билл. — Конечно, покажу! Ящик с документами, да это ж ничто. Тут и мастерства никакого не надо! Все равно что детскую копилку вскрыть. Нет в этом городе ни одного ящика для документов, который я не мог бы открыть вслепую.

— Знаю, Билл, но ведь не ты же будешь этим заниматься. Можешь научить леди, как это сделать?

— Разумеется, могу. Что за замок, леди?

— Не знаю, — смутилась мисс Мерчисон. — По-моему, обычный замок, то есть ключ к нему самый обыкновенный. Мистер... то есть юрист... у него один комплект ключей, а у мистера Понда другой — всего лишь обыкновенные ключи с выемками.

— Ха! — сказал Билл. — Тогда я за полчаса научу вас всему, чему надобно, мисс.

Он подошел к буфету и вытащил с полдюжины собранных на пластинах замковых механизмов и связку причудливых крючьев из тонкой проволоки, нанизанных на кольцо.

— Это отмычки? — с любопытством спросила мисс Мерчисон.

— Да, мисс, изобретения сатаны! — Билл покачал головой, ласково касаясь пальцами яркой стали. — Много раз ключики, подобные этим, через задние ворота приводили бедных грешников в ад.

— На этот раз, — сказал Вимси, — они вызволят невинного беднягу из тюрьмы.

Билл взял один из замков и показал, как, задерживая пружинку, можно отомкнуть защелку.

— Видите, мисс, барабан и пружинка — вот и все, что в них есть. Просто попробуйте.

Мисс Мерчисон последовала этому предложению и, удивляясь самой себе, с легкостью справилась с несколькими замками.

— Видите ли, мисс, теперь трудность в том, что, когда замок установлен на свое место, вы не можете пользоваться глазами. Но у вас есть слух и осязание, данное для того провидением вашим пальцам. Что теперь должны вы сделать, мисс, так это закрыть глаза и видеть пальцами, достаточно ли сдвинули отмычкой пружинку, чтобы освободить защелку.

— Боюсь, я очень неуклюжа, — на пятой или шестой попытке сказала мисс Мерчисон.

— Вы только не нервничайте, мисс. Отнеситесь ко всему спокойно и вдруг обнаружите, что у вас получится как надо. Не хотите ли пока попробовать замочек с секретом, сэр? У меня тут один прямо прекрасный.

Вимси положил замок перед собой и начал манипуляции, двигая пальцами с микроскопической чуткостью и наклонив голову, чтобы уловить соскоки реверсного механизма.

— Господи! — воскликнул Билл. — От какого пути отвратил вас Господь в безмерной милости своей — каким бы вы были взломщиком!

— И без того мне в этой жизни забот хватает, — ответил Вимси. — Черт подери, на этот раз промашка.

Он повернул ручку назад и начал все сначала.

К тому времени мисс Мерчисон в достаточной степени освоилась с наиболее обычными типами замков, а ее уважение к профессии взломщика резко возросло.

— И не ударяйтесь в спешку, мисс, — давал последние наставления Билл, — а то оставите царапины на замке. Чудная штука, правда ли, лорд Питер?

— Боюсь, что мне не по зубам, — со смехом ответил Вимси.

Вечер приятно завершился исполнением гимна, и мисс Мерчисон шествовала теперь по Уайтчепел Роуд со связкой отмычек в кармане и с набором новых удивительных познаний в голове.

— У вас очень забавные знакомства, лорд Питер, — заметила она.

— Да, смахивает на шутку, верно? Но Билл-Вслепую — один из лучших. Я застал его как-то ночью у себя в доме и заключил с ним нечто вроде сделки. Брал уроки, и всякое такое. Сначала он был чуть застенчив, но затем взялся за ремесло слесаря. Билл

весьма хорош на этом поприще. Вы теперь вполне компетентны в замках?

— Думаю, да. Что я должна искать, когда открою ящик?

— Вот в этом вся суть. Мистер Уркьюхарт показал мне то, что якобы было черновиком завещания, написанным миссис Рэйберн пять лет назад. Я записал для вас на бумажке его содержание. Вот она. Закавыка в том, что черновик этот был отпечатан на машинке, которая, как вы говорите, куплена у производителей три года назад.

— Вы имеете в виду, что именно он и печатал в тот вечер, когда надолго задержался в конторе?

— Похоже на то. Теперь — почему? Если существовал настоящий черновик, то почему бы его не показать? Вообще-то у него не было нужды что-нибудь мне показывать. На самом деле он хотел ввести меня в заблуждение. Затем он сделал вид, что ищет бумагу в ящичке миссис Рэйберн. Опять-таки, почему? Чтобы внушить мне мысль, что она существовала, когда я его посетил. Отсюда делаю такой вывод: если и есть завещание, то оно никак не совпадает с показанным мне черновиком.

— Да, разумеется, весьма на то похоже.

— И я хочу, чтобы вы поискали настоящее завещание — или оригинал, или копии, что-то должно там быть. Не забирайте его, но постарайтесь запомнить главные пункты, особенно имена главного наследника, или наследников, и наследника имущества, которое останется после уплаты долгов и налогов. Помните, что этот последний наследник получает все, что специально не оговорено, а также и то, что остается от другого наследника, умирающего раньше завещательницы. Я особенно хочу знать, было ли что-либо оставлено Филипу Бойесу или было ли сделано в завещании какое-нибудь упоминание о семье Бойесов. Если не окажется завещания, то может подвернуться какой-нибудь интересный документ, например, секретная доверенность, требующая от доверенного распоряжаться деньгами особым образом. Вкратце, я хочу подробных отчетов о всех документах, которые могут показаться представляющими интерес. Не тратьте слишком много времени на заметки. Держите все прочитанное в голове, если сможете, и запишите, когда будете вне конторы. Удостоверьтесь, что не оставили отмычки там, где их смогут найти.

Мисс Мерчисон пообещала соблюдать все инструкции, и Вимси, остановив такси, быстро домчал ее домой.

ГЛАВА 14

Мистер Норман Уркьюхарт взглянул на часы, показывавшие четверть пятого, и окликнул через открытую дверь:

— Вы заканчиваете с этими показаниями, мисс Мерчисон?

— Я как раз на последней странице, мистер Уркьюхарт.

— Принесите, как только закончите. Их следует сегодня же вечером отправить к Хансонам.

Мисс быстро и шумно застучала по клавишам, с ненужным неистовством хлопая рукояткой перевода строк, вызывая этим в мистере Понде сожаление о захвате женщинами рабочих мест.

Она закончила страницу, украсила ее снизу причудливым узором из точек и черточек, энергично отвела рычажок и прокрутила валик. В ужасной спешке выдернув листы бумаги, выкинула копирку, разобрала копии по порядку, шумно постучала ими со всех четырех сторон, чтобы сошлись края, и кинулась внутрь конторы.

— У меня не было времени их вычитать, — провозгласила она.

— Очень хорошо, — ответил мистер Уркьюхарт.

Мисс Мерчисон удалилась, затворив за собой дверь. Она собрала свои вещички, вынув зеркальце, беззастенчиво напудрила свой большой нос, сгребла всякую всячину в пузатую сумку, подсунула бумагу — на завтра — под футляр пишущей машинки, сдернула с вешалки шляпку и, нахлобучив ее на голову, крепкими и нетерпеливыми пальцами заправила под нее космы волос.

Дважды позвонил колокольчик мистера Уркьюхарта.

— Ох, этого еще не хватало! — Краска бросилась в лицо мисс Мерчисон. Она сорвала с головы шляпку и пошла на вызов.

— Мисс Мерчисон. — Мистер Уркьюхарт был достаточно раздражен. — Вы знаете, что пропустили целый параграф на первой странице?

Мисс Мерчисон совсем зарделась:

— Неужели? Я очень сожалею.

— Это очень досадно, — заявил мистер Уркьюхарт. — Самый длинный и важный из всех трех, и именно он требуется прежде всего к завтрашнему утру.

— Понять не могу, как я допустила такой промах, — пробормотала мисс Мерчисон. — Я останусь на вечер и перепечатаю.

— Сожалею, но вам придется это сделать. Плохо то, что сам я уже не смогу его проглядеть, но ничего не поделаешь. Пожалуйста, внимательно проверьте его на этот раз и проследите, чтобы Хансоны получили его до десяти утра.

— Да, мистер Уркьюхарт. Буду предельно внимательна. Я и в самом деле очень опечалена случившимся, поэтому проверю, чтобы в нем не было ни одной ошибки, и сама его отправлю.

— Очень хорошо, ступайте, — согласился мистер Уркьюхарт. — И смотрите, чтобы такое не повторилось.

Мисс Мерчисон забрала документы и вышла с возбужденным видом. С шумом и яростью она стащила чехол с пишущей машинки и неистово накинулась на нее.

Мистер Понд, который только что запер свой стол и теперь обматывал вокруг горла шелковый шарф, удивленно взглянул на нее.

— Вы должны еще что-то напечатать сегодня, мисс Мерчисон?

— Да, заново всю эту дрянь, — сообщила мисс Мерчисон. — Пропустила параграф — конечно же, такая ошибка всегда угрожает быть на первой странице, — а он хочет, чтобы эта муть попала к Хансонам к десяти утра.

Мистер Понд покачал головой:

— Как легкомысленно стали относиться к делу из-за этих машинок. В прежние дни клерки дважды все проверили бы,

иначе им пришлось бы заново переписывать весь документ от руки.

Дверь мистера Уркьюхарта открылась, он вышел из кабинета и попрощался, мистер Понд последовал за ним.

— Наверное, вы закончите до того, как уйдет уборщица, мисс Мерчисон, — сказал мистер Понд. — Если нет, то, пожалуйста, не забудьте погасить свет и занести ключ миссис Ходжес в цокольный этаж.

— Конечно, мистер Понд. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Когда они удалились, мисс Мерчисон встала, быстро оглянулась по сторонам и подошла к уходящим ввысь полкам, заставленным черными ящиками, на каждом из которых броскими белыми буквами было нанесено имя клиента.

«Рэйберн», конечно же, был здесь, и только здесь, но каким-то таинственным образом поменял свое место. Это выглядело странным. Она ясно помнила, что как раз перед Рождеством ставила его поверх башенки из «Мортимера», «Скроггинса», «Лорда Кута», «Добли Броса» и «Вингфилда», а теперь на нем громоздились «Боджерс сэр Дж. Пенкридж», «Трубоди Лтд» и несколько других. Кто-то явно прибрался здесь на праздники — и весьма неправдоподобно, подумала мисс Мерчисон, чтобы это была миссис Ходжес.

Она встала на стул и сняла «Универсал Боун Трест». Ящик был тяжелый, и стул, вращавшийся на хлипкой ножке, угрожающе качнулся, когда она осторожно опустила ящик и установила его на узкий буфет. Затем она сняла «Трубоди Лтд» и поставила его на «Боун Трест». Забравшись в третий раз, она ухватила «Флэтсби и Коатен». Когда она замерла с ним, в дверях послышались шаги, и удивленный голос позади нее спросил:

— Вы что-нибудь ищете, мисс Мерчисон?

Мисс Мерчисон так сильно вздрогнула, что стул крутнулся на четверть круга и чуть не швырнул ее в объятия мистера Понда. Она неуклюже слезла с него, все еще сжимая черный ящик.

— Как вы напугали меня, мистер Понд! Я думала, вы ушли.

— Я и ушел, — ответил мистер Понд, — но, дойдя до метро, обнаружил, что забыл маленький сверточек. Как ни досадно, пришлось вернуться за ним. Вы его нигде не видели? Маленькая круглая баночка, завернутая в коричневую бумагу.

Мисс Мерчисон опустила «Флэтсби и Коатен» на сиденье стула и пристально осмотрелась вокруг.

— Похоже, на моем столе его нет, — пробормотал мистер Понд. — О Боже, я так опаздываю, но я не могу уйти без него, потому что он нужен к обеду. Это баночка икры, а у нас сегодня гости. Куда же я мог ее положить?

— Может быть, вы забыли ее, когда мыли руки? — с готовностью подсказала мисс Мерчисон.

— Да, да, возможно. — Мистер Понд вышел, и она услышала, как в коридоре с громким скрипом открылась дверь маленькой туалетной комнатки. Через несколько минут он вернулся и торжественно обратился к мисс Мерчисон:

— Весьма признателен за вашу подсказку, мисс Мерчисон.

Там она и была. Миссис Понд очень бы расстроилась. Что ж, еще раз доброй ночи. — Он повернулся к двери, но вдруг остановился. — Кстати, что это вы там выскивали?

— Мышь, — с нервным смешком ответила мисс Мерчисон. — Я как раз работала, когда увидела ее. Она пробежала по крышке буфета и... по стенке позади этих ящиков.

— Грязные маленькие твари, — сказал мистер Понд. — Они тут кишмя кишат. Сколько раз говорил, что следует завести кошку. Позвольте помочь поставить на место эти ящики.

— Вы пропустите ваш поезд, — запротестовала мисс Мерчисон.

— Я уже его пропустил, — возразил мистер Понд, глянув на часы. — Придется ехать на поезде в пять тридцать. — Он вежливо ухватил «Флэтсби и Коатен» и вскарабкался на неустойчивое сиденье вращающегося стула.

— Очень любезно с вашей стороны, — проговорила мисс Мерчисон, наблюдая, как он ставит ящик на место.

— Нисколько. Будьте добры, подайте остальные...

Мисс Мерчисон подала ему «Трубоди Лтд» и «Универсал Боун Трест».

— Вот так! — удовлетворенно произнес мистер Понд, установив все на место и отряхивая руки. — И будем надеяться, что мышь удрала подобру-поздорову. Я поговорю с миссис Ходжес, чтобы она подыскала подходящего котенка.

— Это было бы здорово, — еле выговорила мисс Мерчисон. — Доброй ночи, мистер Понд.

— Доброй ночи.

Мисс Мерчисон пододвинула стул к столу и села, заслышав звяканье метелок и ведер снаружи, возвестившее о приходе миссис Ходжес.

— Ого! — воскликнула миссис Ходжес, останавливаясь на пороге при виде усердно печатающей машинистки. — Прошу прощения, мисс, но я не знала, что здесь кто-то есть.

— Извините, миссис Ходжес. Мне нужно закончить небольшую работу. Но вы приступайте. Не обращайтесь на меня внимания.

— Ничего, ничего, мисс, — ответила миссис Ходжес. — Я могу сначала заняться конторой мистера Патриджа.

— Что ж, если вам все равно... Мне надо только допечатать несколько страниц и... э... сделать конспект... заметки... по документам, для мистера Уркьюхарта.

Миссис Ходжес кивнула и удалилась. Вскоре над головой мисс Мерчисон послышался громкий стук, сообщивший, что уборщица находится в конторе мистера Патриджа. Мисс Мерчисон не стала выжидать. Она опять пододвинула стул к полкам и быстро, один за другим, сняла «Боун Трест», «Трубоди Лтд», «Флэтсби и Коатена», «Сэра Дж. Пенкриджа» и «Борджеса». Сердце ее ходило ходуном, когда она добралась до «Рэйберн» и перенесла ящик на свой стол. Затем открыла сумку и вытряхнула ее содержимое. Связка отмычек стукнулась о стол — вперемешку с пудреницей, карманным гребнем и носовым платком. Тонкие и блестящие стержни, казалось, жгли ей пальцы. Она

тщательно выбрала отмычку и ввела ее в замок, надавливая на зажимную пружину, вставила вторую отмычку. Одно движение рычажка — и замок, резко щелкнув, открылся.

В ящике находилось огромное количество документов. Первым из них был длинный список ценных бумаг, озаглавленный «Ценные бумаги, находящиеся на хранении в Банке Ллойда». Затем шли копии документов на право собственности, оригиналы которых хранились там же. Затем — папка с письмами. Некоторые из них были написаны самой миссис Рэйберн, на самом позднем из них стояла дата пятнадцатилетней давности. Кроме этого, были письма от арендаторов, банкиров и акционеров с копиями ответов, написанных в конторе и подписанных Норманом Уркьюхартом.

Мисс Мерчисон в беспокойной спешке перебирала бумаги, но не находила ничего похожего на завещание или его копию. На дне ящика оставались только две бумаги. Она взяла первую из них. Доверенность, датированная январем двадцать пятого года, дававшая Норману Уркьюхарту все права действовать в интересах миссис Рэйберн. Второй документ оказался толще и был аккуратно перевязан красной ленточкой. Мисс Мерчисон сняла ее и развернула документ. Акт об опеке, передававший все имущество миссис Рэйберн под управление мистера Уркьюхарта, равно как и опеку над ней самой, причем оговаривалось, что он будет вносить на ее текущий счет некую определенную ежегодную сумму от дохода с имущества — на личные расходы. Акт датировался июлем двадцатого года, и к нему было приложено письмо:

«Эшплфорд, Виндл.

5 мая 20 года. Мой дорогой Норман. Огромное тебе спасибо, мой милый мальчик, за поздравления с днем рождения и чудесный шарф. Очень мило с твоей стороны так преданно помнить о старой тете.

Мне подумалось, что сейчас, когда мне уже за восемьдесят, самое время передать ведение всех моих дел целиком и полностью в твои руки. Все эти годы ты и твой отец очень хорошо вели мои дела и всегда, конечно, самым должным образом советовались со мной, прежде чем предпринять какой-либо шаг в отношении денежных вложений. Но я СТАЛА СЕЙЧАС ТАК СТАРА, что утратила всякие точки соприкосновения с современным миром, и не могу претендовать на то, что мое мнение имеет какую-то подлинную ценность. К тому же я еще и УСТАВШАЯ старая женщина, и хотя ты всегда объясняешь все СОВЕРШЕННО ЯСНО, но ПИСАНИЕ ПИСЕМ я нахожу слишком тяжким трудом для своего почтенного возраста.

Итак, я решила вверить мою собственность под твою опеку на все время моей жизни, чтобы ты был в полной власти управлять всем соответственно твоему собственному усмотрению, не советуясь со мной каждый раз. А также, хотя, радостно сознавать, я еще сильна и здорова и весь мой разум — при мне, такое счастливое положение дел может в любой момент измениться, меня может парализовать, или я могу выжить из ума, или пожелать как-нибудь несуразно использовать свои деньги — что

до сих пор не однажды уже делали старые женщины.

Так что не составишь ли ты акт подобного рода и не привезешь ли его мне — а я его подпишу? Тогда же я дам тебе распоряжения относительно моего завещания.

Спасибо тебе еще раз за добрые пожелания. Любящая тебя тетушка.

Розана Рэйберн».

— Ура! — воскликнула мисс Мерчисон. — Значит, завещание было! И опека, наверное, очень важна.

Она сложила документы в первоначальном порядке, заперла ящик и водрузила его на прежнее место, затем достала заранее заготовленную для этой цели отпечатанную страницу, добавила ее к стопке готовых документов, вложила первый экземпляр и необходимое количество копий в конверт, запечатала его, адресовав «Господам Хансону и Хансону», надела шляпку и пальто и вышла, любезно распрощавшись в дверях с миссис Ходжес.

ГЛАВА 15

Лорд Питер поздравил мисс Мерчисон и устроил ей превосходный обед в «Русле», с его особенно дивным старым коньяком — для тех, кто может такое оценить. Разумеется, мисс Мерчисон чуть не запоздала с возвращением в контору мистера Уркьюхарта и в спешке забыла вернуть отмычки. Но не может же человек помнить обо всем, когда вино хорошее и компания подходящая.

Сам Вимси проявил все свое самообладание, чтобы не ринуться в Холлуэйскую тюрьму, и вернулся домой поразмышлять. Ежедневные визиты к заключенной он оправдывал милосердием и необходимостью поддерживать ее дух. Он не мог не признать, что намного полезней и милосердней было бы доказать ее невиновность, но как раз здесь реального продвижения вперед достигнуто не было.

Теория самоубийства выглядела очень обнадеживающе, когда Норман Уркьюхарт выложил ему черновик завещания, теперь же его вера в этот черновик была глубоко подорвана. Оставалась еще слабая надежда на обнаружение пакета с белым порошком в «Девяти Кольцах», но, по мере того как безжалостно проходили дни, эта надежда таяла почти до полного исчезновения. Его так и подзуживало принять участие в розысках — кинуться на Грейс Инн Роуд, устроить перекрестные допросы, действовать то кнутом, то пряником, тряся каждого человека в окрестностях «Колец», но он знал, что полиция справится с этим делом лучше него.

Зачем Норман Уркьюхарт пытался сбить его с толку этим завещанием? Он легко мог отказать ему в любой информации. Была в этом какая-то загадка. Но если Уркьюхарт на самом деле не наследник, то он играл в очень опасную игру. Если старая леди умрет и завещание вступит в силу, все факты появятся в газетах, — а умереть она могла в любой день.

Как было бы легко, с сожалением подумал он, поторопить смерть миссис Рэйберн. Ей девяносто три года, и она очень слаба... Но не следует об этом думать. Он праздно полюбопыт-

ствовад, кто же живет со старой леди и присматривает за ней... Затем велел подать ему пальто и шляпу и отправился на такси к мисс Климпсон.

— У меня есть работа, — произнес он отрывисто. — И желательно, чтобы за нее взялись лично вы. Больше я никому довериться не могу.

— Очень любезно с вашей стороны, — заметила мисс Климпсон.

— Беда в том, что я ни в коей мере не могу подсказать вам, как выполнить эту работу. Все зависит от того, что вы обнаружите, когда прибудете на место. Надо отправиться в Виндл в Вестморленде и добраться до слабоумной и парализованной старой леди по имени миссис Рэйберн, живущей в доме, называемом Эшпифорд. Вы должны проникнуть в него и выяснить, где хранится ее завещание.

— О Боже! — выдохнула мисс Климпсон.

— И, что хуже, на все про все у вас есть не более недели.

— Очень мало времени, — предупредила мисс Климпсон.

— Видите ли, — проговорил Вимси, — если только мы не найдем какой-нибудь подходящей причины для отсрочки, то дело Вэйн вынесут почти первым на ближайшую сессию. Если бы я мог убедить представителей защиты, что есть шанс раздобыть свежие доказательства, они могли бы добиваться отсрочки. Но в настоящее время у меня нет ничего, что можно было бы назвать доказательством.

— Понимаю, — сказала мисс Климпсон. — Что ж, никто из нас не может сделать больше того, на что способен, но веру терять нельзя ни в коем случае.

— Тогда, ради Бога, запаситесь ею поосновательней, — мрачно заметил Вимси, — потому что работа, которую вам предстоит сделать, то же самое, что сдвинуть вместе взятые Гималаи и Альпы.

— Я сделаю все, что в моих скромных силах, — ответила мисс Климпсон. — Когда вам угодно, чтобы я приступила?

— Немедленно. Думаю, лучше вам ехать туда под собственным именем и остановиться в местной гостинице или в пансионе. В Виндле все должны знать о миссис Рэйберн. Она очень богата, а в свое время была знаменита. Нужно подружиться с женщиной, которая ухаживает за миссис Рэйберн и прислуживает ей. Когда обнаружите ее особенную слабину, немедленно сыграйте на ней. Да, кстати! Вполне возможно, что завещание вообще не там, а в руках молодчика — поверенного по имени Норман Уркьюхарт, который ошивается на Бедфорд Роуд. Если так, то все, что вы можете сделать — выкачать что-нибудь не в его пользу. Он — внучатый племянник миссис Рэйберн и порой приезжает ее навестить.

Мисс Климпсон внимательно выслушала и записала эти наставления.

Расставшись с мисс Климпсон, лорд Питер Вимси добрался на такси до Скотленд-Ярда и спросил старшего инспектора Паркера,

Паркер в своей конторе читал только что поступивший доклад. Он приветствовал Вимси с выражением скорее смущенным, чем радостным.

— Ты из-за этого пакетика с порошком?

— На сей раз нет. Пожалуй, вряд ли вы о нем еще что-нибудь услышите. Нет. Это... много более... э... деликатное дельце. По поводу моей сестры.

Паркер вздрогнул и отодвинул доклад в сторону:

— По поводу леди Мэри?

— Ммм... да. Насколько понимаю, она встречалась с тобой... пообедать... и все такое, а?

— Леди Мэри оказала мне честь... один или два раза... составить мне компанию. Я не думаю... я не знаю... то есть я понимаю...

— А! Но понял ли ты, в чем суть? — торжественно спросил Вимси. — Видишь ли, Мэри — из девушек весьма щепетильного склада, хотя говорю я это, и...

Паркер сосредоточенно прокалывал пером промокашку.

— О чем ты думаешь, Вимси? Я вполне понимаю, что неуместно, с точки зрения вашей семьи, чтобы леди Мэри Вимси обедала с полицейским в ресторанах, но если ты воображаешь, что я когда-либо сказал ей хоть словечко, выходящее за рамки наивысшей пристойности...

— Разумеется, ты не сказал ни словечка. Я и хочу знать — почему?

Паркер уставился на него.

— Последние пять лет или около того, — продолжал Вимси, — ты взираешь на мою сестру, как спятивший барашек, и вздрагиваешь, как кролик, при упоминании ее имени. Это изводит бедную девушку, а меня наводит на печальные мысли о твоей бесхребетности, если позволишь такое выражение. Я вполне понимаю, что ты давал Мэри время оправиться после этого несчастного дела с Каткартом и Гойлосом, но, разрази тебя, милый мой, ведь с деликатностью можно и перебрать. Ведь не рассчитываешь же ты вечно сохранять с девушкой отстраненность ради строгих приличий, а? Чего ты ждешь — високосного года или чего-то еще?

— Послушай-ка, Питер, не будь кретином. Как я могу просить твою сестру выйти за меня замуж?

— Как ты это сделаешь — твоя забота. Можно бы сказать: «Как ты думаешь, не пожениться ли нам, дорогуша?» Это вполне современно, ясно и безошибочно. Можно встать на одно колено и сказать: «Не окажете ли вы мне честь отдать мне руку и сердце?» — что очень мило, старомодно и в наше время обладает достоинством оригинальности. Или написать письмо, или дать телеграмму, или позвонить. Все это предоставляю твоей собственной фантазии...

— Ты шутишь?!

— О Господи! Изживу ли я когда-нибудь эту гибельную для меня репутацию паяца? Ты делаешь Мэри очень несчастной, Чарльз, и я бы хотел, чтобы ты женился на ней и покончил с этим.

— Делаю ее несчастной? — возопил Паркер. — Я... Ее... Несчастной?

Вимси выразительно постучал пальцем по лбу:

— Дубина, стоеросовая дубина! Но последний удар, кажется, в тебя проник. Да, ты — ее — несчастной — внял наконец?

— Питер... Если бы я действительно так думал...

— Не надо пороть горячку, — сказал Вимси. — Не траться на меня впустую. Побереги свои чувства для Мэри. Я выполнил свой братский долг, и кончено на том. Успокойся. Вернись к своим докладам...

— О Господи, да, — вздохнул Паркер. — У меня есть доклад для тебя — до того, как мы двинемся дальше.

— Доклад? Почему ты мне не сказал сразу?

— Ты мне не дал.

— Ну и о чем же?

— Мы нашли пакетик.

— Что?

— Мы нашли пакетик.

— Действительно нашли?

— Один из барменов...

— Оставь бармена. Ты уверен, что это тот самый пакетик?

— О, да, его опознали.

— Продолжай. Вы сделали анализ?

— Сделали.

— Ну и что?

Паркер взглянул на него глазами человека, приносящего плохие новости, и с неохотой проговорил:

— Сода.

ГЛАВА 16

В хронике ежедневной жизни лорда Питера Вимси не найдется в последующей неделе ничего ни выдающегося, ни поучительного. Вынужденное бездействие и в лучших представителях рода человеческого вызывает раздражительность. Не принесло ему утешения и телячье счастье старшего инспектора Паркера и леди Мэри Вимси, сопутствующие этому счастью проявления привязанности к лорду Питеру были ему в тягость. Единственно, чем он был в меру обрадован — сообщением от прилежного Фредди Арбеттнота, что, как выяснилось, мистер Норман Уркьюхарт достаточно глубоко погряз в бедствиях треста Мегатериум.

Мисс Китти Климпсон, с другой стороны, вела такую жизнь, которую она любила называть, «как белка в колесе», и описывала ее со всеми богатейшими подробностями в письме, написанном на второй день после ее прибытия в Виндл.

«Хиллсайд Вью, Виндл, Вестморленд, января 30 года.

Мой дорогой лорд Питер, уверена, вам не терпится как можно раньше узнать, как идут дела, и, хотя я провела здесь только один день, но и вправду думаю, что, принимая все во внимание, я поработала не так уж плохо!

Мой поезд прибыл в понедельник очень поздно вечером, после самого кошмарного путешествия и мрачного ожидания в Прин-

стоне, хотя я благодарна вам, что вы были так добры, настояв, чтобы я ехала первым классом, и я действительно совсем не устала! Невозможно выразить, какую великую разницу создают эти дополнительные удобства, особенно, когда ты не первой молодости, и после неудобных странствий, которые мне приходилось совершать в дни моей бедной молодости, я чувствую себя живущей в почти греховной роскоши! В вагоне хорошо топили — даже слишком уж хорошо, — и мне хотелось опустить окно, но там был очень толстый деловитый мужчина, закутанный по уши в пальто и шерстяные жилеты, который решительно возражал против свежего воздуха! Мужчины нынешние такие тепличные растения (разве нет?), совершенно непохожи на моего дорогого батюшку, который никогда не разрешал топить печь в доме до первого ноября или после тридцать первого марта, даже если термометр стоял на точке замерзания!

Невзирая на поздний час, я без трудностей получила удобную комнату в станционной гостинице. В прежние денечки незамужнюю женщину, прибывшую в полночь одну, только с саквояжем, вряд ли сочли бы почтенной — какая же чудесная разница сегодня! Я рада, что дожила до таких времен, потому, что бы старомодные люди ни говорили о более строгом поведении и скромности женщин времен королевы Виктории, тот, кто помнит прежние условия, знает, насколько они были трудны и неприятны!

Вчера утром, разумеется, первой моей задачей было найти подходящий пансион в соответствии с вашими наставлениями, и мне повезло наткнуться на нужный дом со второй попытки. Он хорошо расположен и устроен, изыскан, а три пожилые леди, постоянно живущие там, весьма сведущи во всех городских сплетнях, так что места более выгодного для нашей цели и найти нельзя!

Как только я сняла комнату, и вышла на маленькую разведывательную прогулку. Обнаружила очень полезного полицейского на Хай Стрит и спросила его, как найти дом миссис Рэйберн. Он очень хорошо объяснил, что надо сесть на омнибус и за пенни доехать до Фишерменс Армз, а потом пройти пешком минут пять. Я последовала его указаниям, и омнибус доставил меня прямо за город, к перекрестку с Фишерменс Армз. Кондуктор — сама вежливость и услужливость — показал мне дорогу, поэтому я без трудностей нашла дом.

Это прекрасная старая усадьба, окруженная собственным садом, — довольно большой дом, построенный в восемнадцатом веке, с итальянским портиком и очаровательной зеленой лужайкой с кедром и симметричными клумбами, и летом это воистину должен быть сам Эдем. Я чуть-чуть понаблюдала за ним с дороги, не привлекая к себе внимания особенным поведением, потому что всякий мог бы заинтересоваться таким привлекательным старым местечком. Почти все шторы были опущены, придавая дому необитаемый вид, и я не смогла разглядеть ни садовника, ни кого иного, работающего в саду. Однако же из одной трубы шел дым, так что в доме были некоторые признаки жизни.

Я немного прогулялась чуть дальше по дороге, а затем повер-

нула обратно и опять прошла мимо дома. На этот раз я увидела служанку, как раз поворачивающую за угол, но, конечно же, она была слишком далеко от меня, чтобы попытаться заговорить. Итак, я на omnibusе вернулась назад, пообедала в Хиллсайд Вью, чтобы завести знакомство с моими новыми соседями.

Естественно, чтобы не показаться слишком настырной, я сначала ничего не сказала о доме миссис Рэйберн, а просто поговорила о Виндле вообще. Было несколько трудновато отбиться от вопросов добрых леди, очень удивляющихся моему приезду в Виндл в это время года. Не прибегая к отъявленной лжи, мне удалось оставить у них впечатление, что я получила небольшое наследство и объезжаю район Озер, чтобы найти подходящее местечко, где можно провести лето! Я заговорила об этюдах — девочками мы все немножко баловались акварельками, так что я была в состоянии проявить вполне достаточные технические познания, чтобы удовлетворить собеседниц. Это дало весьма хорошую возможность спросить о доме. Такая прекрасная старая усадьба. Я спросила: живет ли там кто-нибудь? (Конечно же, я не выпалила этого немедленно — подождала, пока они не расскажут мне о самых достопримечательных местах в окрестностях, которые могли бы заинтересовать художника!) Миссис Пеглер, очень дородная и игривая пожилая леди с длинным языком, поведала мне об этом почти все.

Мой дорогой лорд Питер, то, чего я не знаю о греховной распутности прежней жизни миссис Рэйберн, того, по правде, и знать не стоит! Но кое-что по делу она сказала — назвала мне имя сиделки-компаньонки миссис Рэйберн. Зовут ее мисс Бут, она — ушедшая от дел сиделка, около шестидесяти лет, и, не считая слуг и экономки, живет в доме с миссис Рэйберн совершенно одна. Когда мне рассказали, что миссис Рэйберн очень стара, хрупка и парализована, я спросила, не слишком ли опасно, что мисс Бут единственная, кто следит за миссис Рэйберн. Но миссис Пеглер уверила меня, что экономка — женщина, достойная полного доверия, провела с миссис Рэйберн много лет и прекрасно может приглядеть за ней всякий раз, когда мисс Бут выходит. А это значит, что мисс Бут порой выходит! Никто в нашем доме не знаком с ней, но говорят, что ее можно частенько видеть в городе в платье сиделки. Я умудрилась выжать весьма хорошее ее описание, поэтому, доведись мне встретиться с ней, смею надеяться, соображу, как ее узнать и познакомиться поближе.

Вот, кажется, и все, что я была в состоянии выяснить за один день. Надеюсь, вы не будете слишком разочарованы, но мне пришлось выслушать ужасное количество самых разных местных историй, специально же сворачивать разговор на миссис Рэйберн я побанвалась, чтобы не вызвать подозрений.

Как только у меня появится хоть чуточку информации, я сразу же дам вам знать. Искреннейше ваша, Катарина Александра Климпсон».

Мисс Климпсон закончила письмо в уединении своей спальни и аккуратно убрала его в сумочку, прежде чем спуститься вниз. Долгий опыт проживания в пансионатах научил ее проявлять

осторожность с корреспонденцией, адресованной даже незначительным представителям знати, — дабы не накликать излишнего любопытства. Она тихонько пробралась через входную дверь и направилась к центру города.

Накануне она заметила одну большую чайную, две поменьше, процветающие и конкурирующие с первой, одну — слегка поблекшую и «Лайонс» — почти в упадке, еще четыре — совсем неприметные, где одновременно продавались освежительные напитки, закуски и сладости. Была половина одиннадцатого. В следующие полтора часа она могла, приложив немного усилий, обозреть за свой обход всю ту часть населения Виндла, которая находит удовольствие в утреннем кофе.

Она отправила письмо и обсудила сама с собой, откуда начать, склоняясь к тому, чтобы оставить «Лайонс» на другой день. Из четырех других чайных наиболее вероятной была «Центральная», но она имела один недостаток — всякий, двигавшийся со стороны дома миссис Рэйберн, должен был миновать все остальные, чтобы ее достичь, что делало ее неподходящей для наблюдательного поста. Преимущество было за «Кози Корнер», возвышавшейся над остановкой омнибуса. Соответственно с этой точки зрения мисс Климпсон и решила начать свои действия. Она выбрала столик у окна, заказала чашку кофе и легкие бисквиты и приступила к дежурству.

Через полчаса ей пришлось заказать еще чашечку кофе и печенье. Ни одна из женщин, зашедших в чайную, не носила платья сиделки и не соответствовала описанию мисс Бут. В полдвенадцатого мисс Климпсон почувствовала, что начнет слишком бросаться в глаза и может вызвать раздражение персонала. Она оплатила счет и удалилась.

«Центральная», где было намного больше народа, отличалась от «Кози Корнер» в лучшую сторону — удобные плетеные стулья и проворные официантки. Мисс Климпсон заказала еще одну чашку кофе и булочку с маслом. У окон свободных столиков не было, но она нашла столик близ оркестра, откуда обозревалось все помещение. К двенадцати часам мисс Климпсон решила, что «Центральная» — билет без выигрыша.

Последний ее визит был в «Восточную» — заведение, исключительно неприкосновенное для шпионажа. Она поглотила четвертую чашку кофе. К половине первого — никакой мисс Бут.

«Теперь-то она не сможет прийти, — подумала мисс Климпсон. — Ей надо кормить свою пациентку».

Она вернулась в Хиллсайд Вью, где без особого аппетита отнеслась к жареной баранине.

На следующее утро мисс Климпсон повторила все представление, заняв на этот раз пост в «Кози Корнер». Едва она успела заказать кофе, как подкатил омнибус, и из него вышла дородная сиделка в черно-белой униформе. Она не зашла в «Кози Корнер», а быстрой рысцой пустилась по противоположной стороне улицы; ее вуаль развевалась, как флаг.

Мисс Климпсон испустила резкий взглас досады и направилась к двери. Черная вуаль все еще развевалась в отдалении. Мисс Климпсон следовала за ней затаив дыхание. Вуаль нырну-

ла в аптеку. Мисс Климпсон перешла дорогу и уставилась на витрину, заполненную детским бельем. Вуаль вышла наружу, поколебалась в нерешительности на тротуаре, повернулась и зашла в обувной магазин. «Если она за шнурками для ботинок, то все будет быстро,— подумала мисс Климпсон.— Но если это примерка, то может занять все утро». Она медленно подошла к магазину и смело распахнула дверь. Покупая пару коричневых шелковых шнурков, мисс Климпсон решала, что делать дальше. Просчитав мысленно всю ситуацию, мисс Климпсон решила заплатить за шнурки и удалиться. Она внимательно изучала витрины, ожидая сиделку. Наконец сиделка вышла из обувного магазина, пересекла улицу, взглянула на витрину, загроможденную разноцветной шерстью, пустилась дальше и свернула в кафе «Восточное».

Мисс Климпсон быстро зашла в магазин канцпринадлежностей и купила ластик, три художественные открытки, берлинский карандаш и календарь, подождала, пока все это запаковали в один сверток, а затем направилась в «Восточное».

В самом темном и уединенном уголке сидела мисс Бут и читала какую-то книгу.

— Простите, пожалуйста,— любезно улыбнулась мисс Климпсон,— но, по-моему, этот сверточек ваш. Я подобрала его прямо перед входом и уже опросила всех людей в кафе.

Сиделка подняла взгляд. Была она пожилой седовласой женщиной, с теми странно большими голубыми глазами, которые смущают своей напряженной пристальностью и свидетельствуют обычно о некоторой эмоциональной неустойчивости. Она улыбнулась мисс Климпсон и учтиво ответила:

— Нет, нет, это не мое. Очень мило с вашей стороны. Но все мои свертки при мне.

Она неопределенным жестом указала на подушки сиденья, и мисс Климпсон, приняв этот жест за приглашение, живо села.

В этот момент к ним подошла официантка, чтобы принять заказ, и мисс Климпсон воскликнула:

— О Боже, я кажется, вторглась за ваш стол...

— О, не вставайте,— учтиво перебила ее сиделка.

— Вы уверены, правда? Потому что я не хочу мешать вам...

— Ни в коей мере. Я веду очень одинокую жизнь и всегда рада найти собеседника.

— Как мило с вашей стороны. Мне, пожалуйста, лепешки с маслом и кружку чая. Такое славное маленькое кафе, вы не находите? Тихое и мирное.— Мисс Климпсон вдруг замолчала, заметив название лежавшей на столике книги. Книга была издана издательством «Спиритуалист» и называлась «Могут ли мертвые разговаривать?».

— Простите меня,— снова заговорила она,— но я вижу, вы изучаете спиритизм. Как это интересно! А не опасно ли? Мне говорили, что я сама восприимчива, но я никогда не осмеливалась попробовать. Мудро ли открывать душу для сверхъестественных явлений?

— Это не опасно, если вы знаете, как правильно действовать,— ответила сиделка.— Нужно выстраивать панцирь из

чистых мыслей вокруг души, чтобы злые влияния не могли проникнуть. У меня были самые восхитительные разговоры с дорогими ушедшими...

Мисс Климпсон налила себе еще чая и попросила официантку подать сладких пирожных.

— ...К несчастью, сама я не медиумистична. Миссис Крэг говорит, что это придет с практикой и сосредоточенностью. Вчера вечером я попробовала со спиритической планшечкой, но — ничего, кроме белых спиралей.

— Наверное, ваш сознательный ум слишком активен, — предположила мисс Климпсон.

— Да, пожалуй. Миссис Крэг говорит, что я на удивление симпатическая. Мы получаем удивительнейшие результаты, когда сидим вместе. К несчастью, как раз сейчас она за границей.

У мисс Климпсон так подпрыгнуло сердце, что она чуть не расплескала свой чай.

— Вы значит, тоже медиум? — продолжила сиделка.

— Мне так говорили, — осторожно ответила мисс Климпсон.

— Интересно, если бы мы с вами сели вместе... — Сиделка взглянула на мисс Климпсон голодным взглядом.

— Мне и вправду не по душе...

— Попробуйте! Вы такой симпатический человек. Уверена, у нас будут хорошие результаты. А духи так трогательно ищут коммуникаций. Конечно, я бы не захотела попробовать, не будь я уверена в человеке. Вокруг так много медиумов-мошенников, но с подобными вам можно быть абсолютно спокойной. Вы увидите, как это изменит вашу жизнь. Я была такой несчастливой из-за боли и страданий, существующих в мире, пока не осознала, что все испытания посланы нам, чтобы подготовить к жизни высшей.

— Что ж, — медленно проговорила мисс Климпсон, — я согласна, но только просто попробовать. Видите ли, я не могу сказать, что действительно верю в это.

— Вы поверите, поверите.

— Конечно, я видела, как произошли один-два странных случая, но не могла объяснить...

— Вот что, приходите ко мне сегодня вечером! — попыталась убедить ее сиделка. — Мы просто тихо посидим и увидим, являетесь ли вы на самом деле медиумом. Я не сомневаюсь, что являетесь.

— Очень хорошо, — согласилась мисс Климпсон. — Кстати, как вас зовут?

— Каролина Бут, мисс Каролина Бут. Я сиделка у старой парализованной леди в большом доме по Кендал Роуд.

— А меня зовут мисс Климпсон, я живу в Хиллсайд Вью. Как до вас добраться?

Мисс Бут незамедлительно сообщила ей адрес и расписание омнибуса, добавив к этому приглашение на ужин, которое было великодушно принято.

Мисс Климпсон вернулась домой и написала торопливую записку:

«Мой дорогой лорд Питер,

уверена, вы все гадали, что со мной случилось. Но наконец у меня появились новости! Я взяла цитадель! Собираюсь сегодня в дом, и вы можете ожидать грандиозного!

В спешке, искреннейше ваша, Катарина А. Климпсон».

Мисс Климпсон вновь вышла в город после ленча. Она посетила несколько магазинов и наконец выбрала маленькую металлическую мыльницу, соответствовавшую ее требованиям. С помощью толики сообразительности и крепкого пластыря она прикрепила мыльницу к упругой резиновой подвязке. Прикрепленная к костлявому колену, мыльница производила серию потрескиваний. Мисс Климпсон, сидя перед зеркалом, потренировалась приблизительно с час, пока не научилась извлекать треск, почти не прибегая к физическим усилиям.

Другой ее покупкой стал кусок жесткой проволоки в черной обмотке. Сложенная вдвое, аккуратно согнутая под двойным углом и прикрепленная к запястью, проволока способна была покачивать легкий столик. Мисс Климпсон вытащила домашнее платье из черного бархата с длинными широкими рукавами и убедилась, что проволока становится совершенно незаметной.

В шесть часов она надела это одеяние, пристегнула к ноге мыльницу, укуталась в плотный дождевик инвернесского покроя, взяла шляпку и зонтик и отправилась в путь на похищение завещания миссис Рэйберн.

ГЛАВА 17

228

Ужин завершился. Накрыт он был в прекрасной старинной комнате, и еда была отменной. Мисс Климпсон почувствовала себя готовой к выполнению важного задания.

— Мы сядем в моей комнате, — сказала мисс Бут. — Это единственное удобное место. Большая часть дома закрыта. Простите меня, дорогая, я только покормлю миссис Рэйберн ужином и позабочусь о ней, бедняжке, а затем мы можем начать. Я буду отсутствовать не более получаса или около того.

— Она, наверно, совсем беспомощна?

— Да, совсем.

— Бедняжка!

Сиделка провела мисс Климпсон в небольшую нарядную гостиную и оставила там среди кретоновых покрывал и украшений. Когда она через полчаса вернулась, то застала мисс Климпсон сидящей у огня и читающей «Раймонда».

— Сожалею, что заставила вас ждать, — сказала мисс Бут, — но бедная старушка весьма неспокойна сегодня. На пару часов с ней все улажено, но позже опять придется к ней подняться. Начнем немедленно? Мне так хочется попробовать.

Мисс Климпсон охотно согласилась.

— Мы обычно используем этот столик, — продолжала мисс Бут, выдвигая вперед маленький круглый бамбуковый стол с полочкой между ножек. Мисс Климпсон подумала, что никогда не видела предмета мебели, столь приспособленного для спиритического жульничества, и от души одобрила выбор миссис Крэг.

— Мы сядем при свете? — осведомилась она.

— Миссис Крэг объясняла мне, — ответила мисс Бут, — что голубые лучи дневного света и электричество слишком тяжелы для духов. Поэтому обычно мы выключаем свет и сидим при свете камина, вполне достаточном для того, чтобы делать заметки. — Она взяла карандаш и блокнот и погасила свет. — Теперь мы сидим, касаясь кончиками пальцев края стола. Лучше, конечно, образовать круг, но у нас двоих он не получится. С какой стороны вы сядете?

— Если вы не против, то здесь, — ответила мисс Климпсон. Они положили пальцы на стол и стали ждать. Прошло десять минут.

— Вы чувствуете какое-нибудь движение? — прошептала мисс Бут.

— Нет.

— Порой это занимает совсем немного времени.

Молчание.

— Мне показалось, будто я что-то ощутила.

— А у меня немеют пальцы.

— И у меня.

Пауза.

— Не хотите немного отдохнуть?

— У меня запястья побаливают.

— Так и будет, пока вы не привыкнете. Это сквозь них идет сила.

Мисс Климпсон подняла пальцы и немного растерла руки. Тонкие черные крючки неслышно сдвинулись к самому краю ее черного бархатного рукава.

— Я уверена, что сила вокруг нас. Я чувствую холодный трепет в спине, — прошептала мисс Бут.

— А я чувствую, как что-то стискивает меня сзади за шею.

— Не двигайтесь!

В этот момент стол сильно накренился — мисс Климпсон переусердствовала, пытаясь сдвинуть его.

— Ах!

После небольшой паузы стол начал двигаться вновь, но более плавно. Мисс Климпсон обнаружила, что, осторожно приподнимая ногу, удается снимать практически всю нагрузку со своих крючков. Это было удачно, потому что она сомневалась, выдержат ли они напряжение.

— Заговорим мы с ним? — спросила она.

— Подождите секунду, — ответила мисс Бут. — Он хочет пойти вкось.

Мисс Климпсон удивило это заявление, доказывающее, казалось, высокую степень воображения, но она послушно придала столику легкое вращательное движение.

— Не встать ли нам? — предложила мисс Бут.

Это было весьма некстати, потому что, сутулясь и стоя на одной ноге, не так-то легко колебать столик. Мисс Климпсон решила впасть в транс — уронила голову на грудь и испустила стон. В то же время она отвела руки назад, освобождая крючки, и стол продолжил конвульсивно поворачиваться, вертеться под их пальцами.

Огненный уголек с треском выпал из камина, прочертив светящийся след. Мисс Климпсон вздрогнула, стол перестал вращаться и утих.

— Надо же! — воскликнула мисс Бут. — Свет рассеял вибрации. Вы в порядке, дорогая?

— Да-да, — рассеянно ответила мисс Климпсон. — Что-нибудь произошло?

— Сила была потрясающей. Я никогда не ощущала ее до такой степени.

— По-моему, я просто-напросто уснула, — возразила мисс Климпсон.

— Вы были в трансе, — воспротивилась мисс Бут. — Вами владел контроль. Вы очень устали или можете продолжать?

— Продолжим.

— Вы на удивление сильный медиум.

Мисс Климпсон, исподтишка разминавшая лодыжку, склонна была согласиться.

— На этот раз мы поставим ширму перед огнем, — предложила мисс Бут, сопровождая слова делом. — Вот так-то лучше. Ну! — Пальцы заняли прежнее место на столике, который вновь начал покачиваться. — Не будем терять время. — Она слегка прокашлялась. — Есть ли здесь дух?

Щелк! Стол перестал двигаться.

— Будешь ли ты отвечать мне одним стуком на «да» и двумя на «нет»?

Щелк!

— Ты дух одного из тех, кто покинул нас?

— Да.

— Ты Федора?

— Нет.

— Ты один из духов, посещавших меня прежде?

— Нет.

— Ты дружелюбен к нам?

— Да.

— Ты рад видеть нас?

— Да. Да. Да.

— Ты здесь, чтобы попросить о чем-нибудь для себя?

— Нет.

— Ты озабочен тем, чтобы помочь нам?

— Нет.

— Ты говоришь от имени другого духа?

— Да.

— Он хочет поговорить с моей подругой?

— Нет.

— Значит, со мной?

— Да. Да. Да. Да. — Столик яростно закачался.

— Это дух женщины?

— Нет.

— Мужчины?

— Да.

У мисс Бут чуть перехватило дыхание:

— Тот ли ты дух, с которым я все старалась связаться?

— Да,

Пауза и покачивание стола.

— Не поговоришь ли ты с нами при помощи алфавита? Один стук для А, два — для Б и так далее.

Щелк!

— Как твоё имя?

Четыре стука — и долгий вздох. Один стук...

— Г-А...

Длинная вереница стуков.

— Это значит — «Р»? Ты слишком частишь.

Щелк!

— Г-А-Р... — правильно?

— Да.

— Это Гарри?

— Да. Да. Да.

— О Гарри! Наконец! Как ты? Ты счастлив?

— Да — нет — одиноко.

— Это не моя вина, Гарри. Я должна была помнить о своём долге. Вспомни, кто встал между нами.

— Да. О-Т...

— Нет, нет, Гарри! Это была мать.

— Б-И-В-Н-А-Я С-В-И-Н-А-Я! — торжествующе заключил стол.

— Как ты можешь так говорить?

— Любовь прежде всего.

— Теперь я это знаю. Но тогда я была всего лишь девчонкой.

Простишь ли ты меня?

— Все прощено. Мать тоже прощена.

— Я так рада. Что ты делаешь там, где ты находишься,

Гарри?

— Жди. Помоги. Искупи.

— У тебя ко мне какое-то особое поручение?

— Иди в Ковентри! — Стол пришел в сильное возбуждение.

Поручение ошеломило вопрошавшую.

— О, это и вправду ты, Гарри! Ты не забыл нашей славной старой шутки. Расскажи мне...

Стол ответил градом неразборчивых букв.

— Чего ты хочешь?

— Д-Д-Д...

— Наверняка вмешался кто-то еще, — решила мисс Бут. —

Кто это, скажите, пожалуйста?

— Д-Ж-О-Р-Д-Ж.

— Джордж! Я не знаю никакого Джорджа, кроме сына Тома.

Уж не стряслось ли с ним чего-нибудь?

— Ха! Ха! Ха! Не Джордж Бут — Джордж Вашингтон.

— Джордж Вашингтон?

— Ха! Ха! — Столик начал конвульсивно трястись. Мисс Бут, записывавшая беседу, опять положила руки на стол, и стол, прекратив резвиться, начал тихо покачиваться.

— Кто здесь теперь?

— Понго.

— Кто такой Понго?

- Твой контроль.
- Кто с нами только что говорил?
- Дурной дух. Теперь ушел.
- Гарри все еще там?
- Ушел.
- Кто-нибудь еще хочет поговорить?
- Элен.
- Какая Элен?
- Ты не помнишь? Мэйдстон.
- Мэйдстон? О, ты имеешь в виду Элен Пэйт?
- Да. Пэйт.
- Подумать только! Добрый вечер, Элен. Как славно, что ты подала весточку.
- Вспомни гвалт.
- Ты подразумеваешь большой гвалт в общей спальней?
- Кэт плохая девочка.
- Нет, не помню Кэт, кроме Кэт Харли. Ты ведь не ее имеешь в виду, верно?
- Противная Кэт. Свет погашен.
- О, я знаю, о чем ты пытаешься сказать. Пирожные после того, как свет бывал погашен...
- Правильно.
- Тебя все так же трудно понять, Элен.
- Мисс... Мисс...
- Миссисипи? Ты этого так и не выучила?
- Смешно.
- Из нашего класса многие там же, где и ты?
- Алиса и Мэйбл. Шлют привет.
- Как мило с их стороны. Им тоже передай привет.
- Да. Все приветы. Цветы. Солнце.
- Что ты?..
- П, — нетерпеливо сказал столик.
- Это опять Понго?
- Да. Устал.
- Ты хочешь, чтобы мы остановились?
- Да. В другой раз.
- Очень хорошо, спокойной ночи.
- Спокойной ночи.

Медиум откинулась на свой стул с изможденным видом, совершенно оправданным. Было очень утомительно выстукивать буквы, и она боялась, что мольница соскользнет.

Мисс Бут зажгла свет, воскликнув:

— Это было чудесно!

— Вы получили те ответы, какие хотели? — спросила мисс Климпсон.

— Да, разумеется. Вы их не разобрали?

— Я не за всеми поспевала.

— Да, немного трудно считать, пока не привыкнешь. Вы, должно быть, ужасно устали. Теперь мы остановимся и выпьем чаю. В следующий раз попробуем использовать планшетку. С ней получение ответов займет немного меньше времени. — Мисс Бут поставила чайник на огонь и взглянула на часы. —

Господи! Уже почти одиннадцать. Как время пролетело! Я должна проведать мою бедную старушку. Не хотите ли прочесть вопросы и ответы? Я задержусь ненадолго.

Пока что удовлетворительно, подумала мисс Климпсон. За несколько дней она сможет провести свой план. Но с Джорджем еле выпуталась. И глупо было говорить «Элен», «Нелли» — вот что надо было бы выбирать: сорок пять лет назад Нелли была в каждой школе. Как отчаянно болят руки и ноги! Зато завоевано прочное доверие.

ГЛАВА 18

Конечно же, бесполезно было пытаться скрыть от проживавших в пансионате леди, где она была и что там делала. Ее возвращение в полночь на такси уже само по себе возбудило живейшее любопытство, и она вынуждена была рассказать правду, чтоб избежать обвинений в каком-нибудь греховодничестве похуже.

— Моя дорогая мисс Климпсон, — назидательно сказала миссис Пеглер, — вы не подумайте, будто я вмешиваюсь, но должна предостеречь вас от общения с миссис Крэг и ее друзьями. Не сомневаюсь, мисс Бут — превосходная женщина, но мне не нравится компания, с которой она водится. Лично я спиритизма не одобряю. Эти штучки не нашего ума дело и до добра не доведут. Поверьте на слово, все эти фокусы вызывают только недоверие и в некотором отношении могут оказать весьма серьезное воздействие на личность.

— О, миссис Пеглер, — высказалась мисс Этеридж. — Не стоит так говорить. Одна из самых прекрасных женщин, которую я знаю и которую каждый посчитал бы за честь назвать своим другом, — спиритка, а она настоящая святая в жизни и в отношениях с людьми.

— Вполне вероятно, мисс Этеридж, — возразила миссис Пеглер, — но это не довод. Я не говорю, что спирит не может вести порядочный образ жизни, а только то, что большинство из них — люди не совсем приличные и далекие от правдивости.

— В своей жизни мне доводилось встречаться с несколькими так называемыми медиумами, — холодно согласилась мисс Твилл. — И все они, без исключения, были людьми, которым я не стала бы доверять.

— Все это сущая правда в отношении огромного их большинства, — перебила ее мисс Климпсон. — Но я надеюсь, что по крайней мере некоторые из них искренни в своих заблуждениях. Что вы думаете, миссис Лиффи? — добавила она, обращаясь к владелице заведения.

— Ну-ну, — проговорила миссис Лиффи, обязанная в силу своего официального положения соглашаться со всеми сторонами, — должна сказать, что в некоторых случаях, возможно, и существуют некоторые основания для утверждения правдивости спиритов. Хотя лично я, как правило, не очень-то высокого мнения о людях, занимающихся спиритизмом. Думаю, обсуждение этой темы следует предоставить более компетентным исследователям.

— Вот тут я с вами согласна, — сказала миссис Пеглер. — Не описать словами, какое отвращение я испытываю от вторжения женщин, подобных миссис Крэг, в те царства, которые должны быть для всех нас святыми. Представьте, мисс Климпсон, что эта женщина однажды имела наглость написать мне, что на одном из своих сеансов, как она их называет, приняла послание, якобы пришедшее от моего дорогого мужа. Какое оскорбление! Генерал аккуратно посещал церковь и был полностью против молитв за умерших и всего остального папистского, это лучший из людей, пусть и бывал чуть резок порой.

— Кто такая эта миссис Крэг? — спросила мисс Климпсон.

— Никто не знает, — зловеще отозвалась миссис Пеглер.

— Говорят, она — вдова врача, — сказала миссис Лиффи.

— Женщина... ее возраста, — продолжила миссис Пеглер, — с крашенными хной волосами и серьгами длиною в фут...

— Расхаживающая в своих причудливых нарядах, — вставила мисс Твилл.

— И с такими странными людьми, которые у нее останавливаются, — подхватила миссис Пеглер. — Вы помните того черного человека, миссис Лиффи, что носил зеленый тюрбан и все время молился в переднем садике, пока не вмешалась полиция?

— Что мне хотелось бы знать, — сказала мисс Твилл, — так это — откуда берет она свои деньги.

— Если спросите меня, моя милая, то она занимается всем этим корысти ради. Бог его знает, чего она добивается от людей на этих спиритических сборищах.

— Но что привело ее в Виндл? — спросила мисс Климпсон. — Мне кажется, Лондон или другой крупный город был для нее лучшим местом, если она такова, как вы ее описываете.

— Не удивилась бы, узнай, что она прячется, — мрачно заметила мисс Твилл. — Можно ведь вытворить что-нибудь такое, чтобы прежнее место жгло тебе пятки.

— По-моему, лучше вообще держаться от всего этого подальше.

Превосходный совет не отпугнул мисс Климпсон, и она прибыла на встречу в назначенное время. После того, как покачивание стола возвестило о появлении духа, Понго согласился общаться с ними при помощи планшетки, хотя поначалу у него выходило очень неуклюже. Однако он объяснил этот факт тем, что при земной жизни никогда не учился писать, и рассказал, что был итальянским акробатом и что полное его имя — Понгочелли. Он вел неправедную жизнь, но искупил ее героическим отказом бросить больного ребенка во время Великой Чумы во Флоренции. Сам заразился чумой и умер от нее, а теперь проводит свой испытательный срок, служа проводником и переводчиком другим духам. Трогательная вышла история, и мисс Климпсон была весьма горда ею. Джордж Вашингтон вел себя настырно, и «сеанс» несколько страдал от вмешательства того, что Понго назвал «ревнующим влиянием». Как бы то ни было, но «Гарри» появился еще раз и передал несколько утешительных посланий, последовала и дальнейшая связь с Мэйбл Херридж, живо описавшей

свою жизнь в Индии. В целом, принимая в расчет все трудности, вечер получился удачным.

В воскресенье «сеанса» не было: забастовала совесть мисс Бут — мисс Климпсон почувствовала, что не может больше обманывать доверчивую женщину. Вместо этого она отправилась в церковь и в расстройстве прослушала Рождественское Послание. Однако в понедельник обе вопрошательницы опять заняли свои места у бамбукового столика, и все последующее является отчетом о «сеансе», как это было записано мисс Бут:

7.30 вечера.

Вопрос: Добрый вечер. Кто это?

Ответ: Понго. Добрый вечер. Небеса благословляют вас.

В: Мы очерь рады, что ты с нами, Понго.

О: Хорошо, очень хорошо. Вот мы и опять вместе!

В: Это ты, Гарри?

О: Да, только передать привет. Такая толпа.

В: Чем больше, тем лучше. Мы рады встретить всех наших друзей. Что мы можем сделать для вас?

О: Будьте внимательны. Повинуйтесь духам.

В: Мы сделаем все, что сможем, если вы скажете нам, что делать.

О: Сварите ваши головы!

В: Уходи, Джордж, мы тебя не хотим.

О: Не занимай линию, глупая.

В: Понго, ты не можешь его услать?

О: Я услал его. Очень шумен сегодня. Ф. ревнует и посылает его мешать нам. Ничего. Понго сильнее.

В: Кто, говоришь, ревнует?

О: Не важно. Плохой человек.

В: Гарри все еще там?

О: Нет. Другое дело. Здесь дух, желающий твоей помощи.

В: Кто это?

О: Очень тяжело. Жди.

Карандаш начертил серию широких петель.

В: Что это за буква?

О: Глупая! Не подгоняй. Есть трудность. Попробую опять.

Карандаш, несколько минут помалевав каракули, вывел большое К.

В: Мы получили букву К. Это правильно?

О: К-К-К...

В: «К» мы приняли.

О: К-Р-Е... М-О...

В: Это часть того же слова?

О: Р-Н-А.

В: Вы имеете в виду — «Креморна»?

О: КРЕМОРНА, КРЕМОРНА, КРЕМОРНА! От и до! Рада, рада, рада!

Мисс Бут повернулась к мисс Климпсон и озадаченно произнесла:

— Это очень странно. Креморна — таким был сценический псевдоним миссис Рэйберн. Я надеюсь... нет, она никак не могла внезапно отойти. Может, наведаться к ней и проверить?

— Может быть, это другая Креморна? — предположила мисс Климпсон.

— Но это такое необычное имя.

— Почему бы не спросить, кто она?

В: Креморна — а как дальше?

О: Розагарден — теперь легче.

В: Я вас не понимаю.

О: Роза-Роза-Роза-глупая!

В: О! Вы имеете в виду Креморну Гарден?

О: Да.

В: Розану Рэйберн?

О: Да.

В: Вы отошли в другой мир?

О: Еще нет. В изгнании.

В: Мы очень сожалеем. Вас что-то удручает?

О: Огромная забота.

В: Надеюсь, это не связано с уходом доктора Брауна или с моим...

О: (Понго.) Не будь дурочкой. (Кремона.) Мое завещание.

В: Вы хотите изменить завещание?

О: Нет.

В: Чего вы от нас хотите в связи с ним, дорогая миссис Рэйберн?

О: Послать его к Норману.

В: Норману Уркьюхарту?

О: Да. Он знает.

В: Он знает, что с ним надо сделать?

О: Оно ему требуется.

В: Очень хорошо. Можете вы сказать нам, где его найти?

О: Забыла. Ищите.

В: В доме?

О: Говорю вам, забыла. Глубокие воды. Небезопасно. Слабею, слабею...

Почерк стал очень слабым и неровным.

В: Постарайтесь вспомнить.

О: Б-Б-Б... — Замешательство, карандаш отчаянно споткнулся. — Без толку. — Внезапно, другой рукой, очень решительно. — Прервите связь, не занимайте линию, прервите связь...

В: Кто это был?

О: (Понго.) Она ушла. Вновь дурное влияние. Ха! Ха! Прерываем. Теперь закончено.

Карандаш унап, выйдя из-под управления медиума, и отказался отвечать на дальнейшие вопросы.

— До чего досадно! — воскликнула мисс Бут.

— Полагаю, вы не знаете, где завещание?

— Нет. «В Б...» Что это может быть?

— А если в банке? — предположила мисс Климпсон.

— Скорее всего. Но тогда только мистер Уркьюхарт может его оттуда забрать.

— Почему бы ему этого не сделать? Она же сказала, что оно ему требуется.

— Конечно. Значит, оно должно быть где-то в доме. Что может начинаться на Б?

— Вауд, Буфет, Бюро...

— Бельевая? Все что угодно.

— Какая жалость, что она не смогла закончить послание. Надо посмотреть во всех вероятных местах.

— Хорошая идея. В одном из ящиков ее бюро есть ключи от всяких вещей.

— Почему бы не опробовать их? — отважно спросила мисс Климпсон.

— Опробуем. Вы ведь пойдете со мной и поможете?

— Если вы считаете это возможным. Я ведь, знаете ли, постонья.

— Послание относится к вам в такой же степени, как и ко мне. Я бы предпочла, чтоб вы пошли со мной.

Без дальнейших церемоний мисс Климпсон последовала наверх за сиделкой. Прекрасную лестницу, украшенную обильной резьбой, завершал длинный широкий коридор со стенами, густо увешанными от пола до потолка портретами, набросками, письмами-автографами в рамках, программками и прочими безделушками, напоминающими театральное фойе.

— В этих двух комнатах — вся ее жизнь, — сказала сиделка. — Если однажды коллекция будет продана, то принесет немало денег. Наверное, когда-нибудь так и случится.

— А не знаете, кому отходят деньги?

— Ну, я всегда думала, что к мистеру Норману Уркьюхарту — он ее родственник, и чуть ли не единственный, насколько мне известно. Но мне об этом никогда не говорили.

Мисс Бут отворила высокую дверь, привлекавшую резными панелями и классическим архитравом, и включила свет. Это была великолепная комната — огромная, с тремя резными высокими окнами и изящным лепным потолком с лепными изображениями факелов и цветов. Чистоту ее линий, однако, уродовали и оскорбляли отвратительные розовые обои и тяжелые плюшевые шторы полыхающе-алого цвета, с густой золотой бахромой. Каждая пядь пространства была битком забита мебелью — горками стиля «Буль», шифоньерками красного дерева, столиками-этажерками, лаковыми ширмами, китайскими вазами, алебастровыми светильниками, стульями и оттоманками всех форм. Одним словом, комната женщины, лишенной умеренности и вкуса, ни от чего не отказывавшейся и ничего не упускавшей.

— Это здесь или в ее спальне, — сказала мисс Бут. — Возьму ключи. — Она открыла дверь справа, и мисс Климпсон, бесконечно любопытствуя, на цыпочках прошла вслед за ней. Спальня была еще кошмарней гостиной. Маленькая лампочка ночника тускло светила у кровати, огромной и позолоченной, с занавесями из розовой парчи, длинными складками ниспадающими с балдахина, который держали пухлые золотые купидоны. Виднелись неясные очертания чудовищных шкафов, новых и новых горок, высоких комодов. На туалетном столике стояло широкое трехстворчатое зеркало, отражавшее возвышавшиеся темные силуэты мебели.

Мисс Бут открыла дверцу самого большого из шкафов, а мисс Климпсон подошла к кровати. Инстинкт заставлял ее двигаться

с кошачьей осторожностью, хотя было ясно: ничто уже не напугает и не удивит обитательницу этой кровати. Старое личико, такое крохотное по сравнению с огромностью подушки и простыни, уставилось на нее немигающими и невидящими глазами. Оно было покрыто тонкими морщинками и казалось одновременно и опухшим, и съежившимся. Из-под украшенного оборочками ночного чепца выбилось несколько прядей седых волос.

— Забавно, не правда ли? — прошептала мисс Бут. — Только подумать, что она лежит здесь, а ее дух связывался с нами.

Мисс Климпсон одолело ощущение святотатства. Только огромным усилием воли сдержалась она от того, чтобы не выложить всю правду.

Прошло два часа, а они все искали. Буква «Б» открывала необыкновенно широкое поле для розысков.

— Вот уж не думала, — ворчливо заметила мисс Бут, — что может быть так много подходящих мест.

Мисс Климпсон, сидевшая на полу с растрепанными черными волосами и подвернувшимися почти до мыльницы черными нижними юбками, усиленно закивала головой в знак согласия.

— Ужасно утомительно, а? — продолжала мисс Бут. — Не хотите ли передохнуть? Я могу сама продолжить поиски завтра. Стыдно мучить вас таким образом.

Мисс Климпсон мысленно рассмотрела это предложение — если завещание будет найдено в ее отсутствие и послано мистеру Уркьюхарту, то сумеет ли мисс Мерчисон добраться до него прежде, чем оно опять будет спрятано или уничтожено? Хотя... сам факт посылки завещания мисс Бут воспрепятствует уверенному разделаться с ним — поскольку будет свидетельница его существования. Но он может успешно спрятать его на значительное время — а время сейчас значило все.

— О, я ничуть не устала, — бодро проговорила она, садясь на корточки и держа в руке черный блокнот, взятый в одном из ящичков японского шкафчика. Взгляд ее упал на ряд цифр: 12, 18, 4, 0, 9, 3, 15, и она рассеянно полюбопытствовала, что это значит.

— Здесь мы все просмотрели, — сказала мисс Бут. — Навряд ли что-нибудь пропустили — если только, конечно, не существует где-то потайной ящичек.

— Как вы думаете, не может ли оно быть в библиотеке?

— В библиотеке! Ну, конечно же, может. Как глупо, что мы об этом не подумали! В детективных историях завещания всегда прячут в книгах.

«Намного чаще, чем в реальной жизни», — подумала мисс Климпсон, а вслух произнесла:

— Да, это так. И много в доме книг?

— В библиотеке? — переспросила мисс Бут. — Тысячи.

— Никогда бы не подумала, что миссис Рэйберн была страстной читательницей.

— О, по-моему, и не была. Как говорил мне мистер Уркьюхарт, книги куплены вместе с домом. Они очень старые и ужасно скучные. Я не нашла ни одной, подходящей для чтения. Но зато как раз того типа, чтобы прятать в них завещания.

Они выбрались в коридор.

— Кстати,— спросила мисс Климпсон,— не почтут ли слуги странным, что мы блуждаем по дому так поздно?

— Они спят в другом крыле. Кроме того, слуги знают, что иногда я принимаю гостей. Миссис Крэг, когда у нас бывали интересные посиделки, часто задерживалась. Здесь есть свободная спальня, и я могу разместить в ней кого захочу.

Спустившись вниз по лестнице и пройдя через холл, они направились в библиотеку.

— Я предполагаю, что бумаги спрятаны в сейфе,— сказала мисс Бут.

— Почему бы не взглянуть? — предложила мисс Климпсон.

— Но если оно в сейфе, то мистер Уркьюхарт знал бы об этом.

— Невредно просто убедиться.

— Но я не знаю шифра. Мистер Уркьюхарт, конечно, знает. Можно написать и спросить у него.

— Думаю, я знаю! — воскликнула мисс Климпсон. — В черном блокноте, который я только что проглядывала, был ряд из семи цифр, у меня еще мелькнуло в уме, что это может быть какая-то памятка.

— Черный блокнот! Так вот же оно! И как мы могли быть такими глупыми! Конечно же, миссис Рэйберн пыталась сообщить нам, где найти шифр!

Мисс Климпсон мысленно благословила всеподходящую полезность буквы «В».

— Я сбегаю за ним наверх! — закричала она.

Когда она опять спустилась вниз, мисс Бут стояла перед одним из отделений книжных полок, которое было отвергнуто от стены и открывало взгляду зеленую дверь встроенного сейфа. Трясущими руками мисс Климпсон коснулась вращающейся ручки и повернула ее. Первая попытка была безуспешной, так как в записке не указывалось, в какую сторону надо поворачивать ручку, но на второй попытке указатель, повернутый вплоть до седьмого числа, издал убажывающий щелчок.

Мисс Бут взялась за ручку, тяжелая дверь сдвинулась и открылась настежь. Внутри лежала пачка бумаг, на которой покоился длинный запечатанный конверт. Мисс Климпсон схватила его.

«Завещание Розаны Рэйберн.

5 июня 1920 года».

— Ну, разве это не чудесно? — вскричала мисс Бут.

И мисс Климпсон согласилась с нею.

ГЛАВА 19

Ночь мисс Климпсон решила провести в свободной спальне, предназначавшейся для задержавшихся гостей.

— Лучше всего,— сказала она, беседуя на кухне с мисс Бут,— если вы напишете письмецо мистеру Уркьюхарту с объяснениями по поводу того, что вы сочли самым надежным переслать завещание ему.

— Он будет очень удивлен, — ответила мисс Бут. — Интересно, что он скажет. Юристы, как правило, не верят в связь с духами. И он может счесть весьма подозрительным, что мы умудрились открыть сейф.

— Да, но ведь дух направил нас прямо к шифру. Вряд ли он мог бы ожидать от вас, что вы проигнорируете послание, подобное этому, верно? А то, что вы пошлете завещание прямо ему — доказательство нашей честности и добросовестности.

— Не лучше ли будет подержать завещание и попросить его приехать за ним?

— А может, оно ему настоятельно требуется?

— Тогда почему он не приехал, чтобы его забрать?

Мисс Климпсон отметила с некоторым раздражением, что там, где дело не касается спиритических посланий, мисс Бут проявляет признаки развитого и независимого мышления.

— Может быть, он еще не знает, что оно ему нужно. Дух предвидел потребность, которая возникнет только завтра.

— О, да, это вполне вероятно. Думаю, вы правы. Мы найдем большой конверт, я напишу письмо, и все отправим завтра с первой же почтой.

— Лучше заказным, — подсказала мисс Климпсон. — Если вы доверите мне, то я отнесу его завтра на почту.

— Отнесете? Прекрасно! А теперь, уверена, вы устали не меньше моего, поэтому я поставлю чайник для грелок, и мы ляжем спать. Вам удобно подождать в моей гостиной? Мне надо приготовить вам кровать.

— А я присмотрю за чайником, — сказала мисс Климпсон. — Надо же быть хоть чем-нибудь полезной.

— Очень хорошо. Времени это много не займет.

Оставшись в кухне одна, мисс Климпсон не теряла времени даром. Она скользнула в маленькую гостиную, взяла завещание в запечатанном конверте, длинный тонкий нож для бумаги и спеша обратилась к чайнику. Дождавшись, когда чайник закипит, мисс Климпсон осторожно взяла конверт и поднесла его к хлещущему пару.

— Я не должна спешить, — уговаривала она сама себя. — О святые угодники, я не должна спешить, а то порву его.

Она подвела ножичек для бумаги под запечатанный край, тот приподнялся и аккуратно открылся. В этот момент шаги мисс Бут вновь зазвучали в коридоре. Мисс Климпсон ловко отправила ножичек за плиту, а конверт, загнув в другую сторону распечатанный край, чтобы он не вздумал снова заклеиться, пихнула за настенную полку для посуды.

— Вода готова! — жизнерадостно прокричала она. — Где грелки?

Надо воздать должное ее нервам — грелки она наполнила твердой рукой. Мисс Бут поблагодарила ее и удалилась наверх, с грелкой в каждой руке. А мисс Климпсон вытащила завещание из тайника, извлекла его из конверта и быстро проглядела.

Несмотря на заковыристую юридическую фразеологию, смысл документа был весьма внятен. В три минуты она убрала завещание в конверт. Увлажнила клейкий край и вновь его заклеила,

потом убрала в карман своей нижней юбки и принялась шарить в кладовой. Когда вернулась мисс Бут, она безмятежно готовила чай.

— Я подумала, что это освежит нас после всех наших усилий.

— Очень хорошая идея, — похвалила ее мисс Бут. — В сущности, я и сама как раз собиралась предложить то же самое.

Мисс Климпсон отнесла чайник в гостиную, предоставив мисс Бут следовать за ней с чашками, молоком и сахаром на подносе. Когда чайник подогревался над огнем камина, а завещание вновь невинно покоилось на столе, она улыбнулась и глубоко вздохнула. Миссия ее была выполнена.

Письмо мисс Климпсон к лорду Питеру Вимси.

Четверг, 7 ноября, 1930 года

Мой дорогой лорд Питер, как вы узнаете сегодня утром из моей телеграммы, я преуспела! Хотя какое оправдание смогу найти за примененные мной методы, я не знаю! Но верю, что Церковь принимает во внимание необходимость обмана в определенных профессиях, таких, например, как полицейский сыщик, и уповаю, что мои увертки будут отнесены к той же категории. Вы, однако ж, хотите услышать не о моих религиозных терзаниях! Поэтому поспешу поведать вам, что я обнаружила!

В последнем письме я объяснила, какой придумала план, так что вы знаете, что делать с завещанием, которое должным образом отправлено этим утром заказной почтой в конверте, адресованном мистеру Норману Уркьюхарту. Как удивлен он будет, получив его! Мисс Бут написала превосходное сопроводительное письмо, объясняющее все обстоятельства. Я телеграфировала мисс Мерчисон, чтобы она ожидала пакет, и надеюсь, когда он придет, она устроит так, чтобы присутствовать при его вскрытии, дабы обеспечить еще одного свидетеля существования завещания. Во всяком случае, не думаю, что он рискнет подделывать его. Может быть, мисс Мерчисон сможет изучить его в подробностях, на что у меня не было времени, но на всякий случай набросаю вам общий контур. Имущество состоит из недвижимости (дом и зелень) и движимости, которую я не смогла точно подсчитать. Но список таков:

Все недвижимое имущество отходит Филипу Бойесу, целиком и полностью.

Филипу Бойесу остаются также пятьдесят тысяч фунтов наличными. Оставлены небольшие суммы в пользу государственных Благотворительных обществ, но здесь я частностей запомнить не сумела. Есть специальный параграф, объясняющий, что наибольшая часть имущества оставлена Филипу Бойесу в знак того, что завещательница прощает дурное обращение с ней со стороны его семьи, за которое он не ответственен.

Дата на завещании — 5 июня 1920 года, а свидетели — Ева Губбинс, экономка, и Джон Бриггс, садовник.

Надеюсь, дорогой лорд Питер, что эта информация будет достаточной для ваших целей. Вы поймете, что я не могу вот так

сразу покинуть Виндл — это выглядело бы подозрительным. Кроме того, я надеюсь за последующие «вечера» настроить мисс Бут против миссис Крэг, поскольку совершенно уверена, что эта женщина такой же большой шарлатан, как и я! Итак, вы не будете удивлены, если я не вернусь в город, скажем, еще неделю? Меня немного беспокоят связанные с этим дополнительные расходы, но если вы считаете, что они не оправданы безопасностью, дайте знать — и я соответственно изменю свои планы.

Желаю вам всяческих успехов, дорогой лорд Питер. Искреннейше ваша, Катарина А. Климпсон.

P.S. Я умудрилась выполнить «работку» почти в пределах оговоренной недели. Так сожалею, что не смогла закончить вчера, но очень боялась излишней спешкой испортить все дело!»

— Бантер, — сказал лорд Питер, поднимая взгляд от письма, — я знал, что с этим завещанием что-то неладное.

— Да, милорд.

— Есть в завещаниях что-то, вытаскивающее на поверхность худшую сторону человеческой природы. Люди, которые в обычных обстоятельствах добропорядочны и добродушны, совершенно выскакивают из колеи и приходят в бешенство всякий раз, когда слышат слова «Я завещаю и оставляю наследство...». Думается, неплохо было бы отметить это капелькой шампанского. Доставайте бутылку «Помери» и сообщите старшему инспектору Паркеру, что я был бы рад перемолвиться с ним словцом. Принесите мне записки мистера Арбеттнота. И позвоните мистру Крофтсу. Передайте ему мои наилучшие пожелания и скажите, что я нашел и преступника, и мотив, и надеюсь вскоре предоставить доказательства того, каким путем было совершено преступление — если только он позаботится, чтобы слушание дела отложили на неделю или около того.

— Очень хорошо, милорд.

— И все равно, Бантер, я действительно не знаю, как это было совершено.

— Несомненно, вам очень скоро придет это в голову, милорд.

— О, да, — беззаботно ответил Вимси. — Конечно. Такой пуктяк меня и не тревожит.

ГЛАВА 20

— Т-ц! Т-ц! — Мистер Понд пощелкал языком по вставным зубам.

Мисс Мерчисон оторвалась от машинки и подняла на него взгляд:

— В чем трудности, мистер Понд?

— Ни в чем, — раздраженно ответил старший клерк. — Дурацкое письмо от дурацкой представительницы вашего пола, мисс Мерчисон.

— В этом нет ничего нового.

Мистер Понд нахмурился, схватил письмо и конверт и ушел с ними во внутреннюю контору.

Мисс Мерчисон быстро шмыгнула к его столу и взглянула на

распечатанный заказной конверт. На почтовом штемпеле значился Виндл.

— Очень удачно, — пробормотала мисс Мерчисон. — Мистер Понд — свидетель получше меня. Рада, что он его открыл. — Она вернулась на свое место.

Через несколько минут вошел улыбающийся мистер Понд. Мисс Мерчисон взяла блокнот с записями и подошла к нему.

— Вы умеете читать стенографию, мистер Понд?

— Нет, — ответил старший клерк. — В мое время это не считалось необходимым.

— Не могу разобрать. Выглядит как «соглашаясь», но по смыслу должно быть «сообразуясь» — ведь есть разница, не правда ли?

— Разумеется, есть.

— Может быть, лучше не рисковать? — продолжала мисс Мерчисон. — Это должно быть отправлено завтра утром. Лучше спрошу у него. — Она быстро пересекла комнату и без стука открыла дверь внутренней конторы.

Мистер Уркьюхарт стоял спиной к двери, возясь с чем-то на каминной полке. Он резко обернулся и раздраженно произнес:

— Я говорил вам раньше, мисс Мерчисон, чтобы вы стучали перед тем, как войти.

— О, простите, простите, я забыла.

— В чем дело?

Он не вернулся к своему столу, а стоял, прислонившись к каминной полке. Его лоснящаяся голова, четким контуром проступавшая на фоне окрашенных в тускло-коричневый цвет панелей, была чуть запрокинута.

— Я не смогла разобрать свою стенографическую запись письма к Тьюки и Пибоди и подумала, что лучше зайти и спросить у вас.

— Мне хотелось бы, — мистер Уркьюхарт устремил на нее суровый взгляд, — чтобы ваши записи были понятны вам с первого раза. Если я диктую слишком быстро, скажите. В конечном счете это избавит от лишних забот.

Мисс Мерчисон вспомнил маленький свод правил, составленный лордом Питером Вимси как наставление для «Ловильни». В частности, правило семь, гласившее: «Никогда не доверяйте человеку, смотрящему вам прямо в глаза. Он не хочет допустить, чтобы вы что-то увидели. Посмотрите, что».

Глаза мисс Мерчисон забегали под пристальным взглядом нанимателя.

— Еще раз простите, мистер Уркьюхарт. Больше я такого не допущу, — пробормотала она, заметив тянущуюся по краю панели, как раз за головой поверенного, занятную темную линию, как будто панель была установлена не совсем точно. Выходя из кабинета, мисс Мерчисон бросила взгляд на стол. Завещания на нем не было. Сев за машинку, она быстро покончила с письмами и понесла их на подпись, стараясь более внимательно рассмотреть панель. Темная линия исчезла.

Ровно в половине пятого мисс Мерчисон покинула контору и двинулась через Хэнд Корт к Ред Лайон Сквер. Затем проде-

лала тот же путь в обратном направлении и подошла к конторе. Убедившись, что там никого нет, она вошла внутрь и столкнулась на лестнице с уборщицей.

— Ох, миссис Ходжес, это опять я! Вы впустили меня? Я потеряла отрез шелка. Или оставила его на столе, или уронила на пол. Вы еще не прибирались?

— Нет, мисс, еще не успела.

— Тогда я поищу. Мне нужно до половины шестого успеть к Боурну и Холлингсворфу. Такая незадача.

— Да, мисс, к тому же постоянная давка в автобусах и все такое. Пожалуйста, мисс.

Она открыла дверь, и мисс Мерчисон ворвалась в контору.

— Может, вам помочь, мисс?

— Нет, спасибо, миссис Ходжес, не беспокойтесь. Думаю, отрез где-то на виду.

Мисс Ходжес взяла пустое ведро и пошла на задний двор наполнить его. Как только ее тяжелая поступь опять проследовала на верхний этаж, мисс Мерчисон пробралась во внутреннюю контору.

— Я должна увидеть и увижу, что позади этой панели.

Панели в кабинете мистера Уркьюхарта сохранили красоту первоначального замысла, а над каминной полкой тинулся фронтон из цветов и фруктов с корзиной в центре. Если панель управлялась скрытой пружиной, то ключ к ней находился, вероятно, среди выступов этого украшения. Пододвинув кресло к камину, мисс Мерчисон быстро пропальцами по фестону, надавливая и нажимая на него и чутко прислушиваясь при этом, не войдет ли кто. Примерно через четверть часа она начала отчаиваться.

Топ-топ-топ — миссис Ходжес спускалась вниз.

Мисс Мерчисон отпрянула от панели так поспешно, что кресло заскользило, и ей пришлось сильно опереться на стену, чтобы не упасть. Она спрыгнула, поставила кресло на место и увидела, что панель широко отворилась.

Миссис Ходжес приближалась, но мисс Мерчисон была слишком взволнована, чтобы беспокоиться об этом. Она пододвинула к двери тяжелое кресло, так, чтобы никто не смог беспрепятственно войти в кабинет. В одну секунду отмычки Билла-Вслепую были в ее руках. Еще несколько мгновений — и замок повернулся. Она отворила маленькую дверцу.

Внутри была пачка бумаг. Мисс Мерчисон проглядела их — сперва бегло, затем еще раз, с озадаченным лицом. Квитанции ценных бумаг — паевые сертификаты — трест Мегатериум — названия инвестиций — были ей, конечно же, знакомы, но где же завещание?..

Мисс Мерчисон почувствовала жуткую слабость и села, держа пачку бумаг в руке. Она вдруг поняла, что случилось с деньгами мисс Рэйнберн, которыми по доверенности распоряжался мистер Уркьюхарт, и почему вопрос завещания был так важен. Схватив со стола лист бумаги, она начала поспешно стенографировать подробности сделок.

Кто-то постучал в дверь.

— Вы там, мисс?

— Одну секунду, мисс Ходжес. По-моему, я уронила его где-то здесь. И он куда-то закатился.

Она резко толкнула большое кресло, понадежней приперев дверь. Ей надо было спешить. Во всяком случае, она раздобыла достаточно, чтобы убедить лорда Питера в необходимости вникнуть в дела мистера Уркьюхарта. Мисс Мерчисон убрала бумаги во встроенный шкаф, на то же место, откуда взяла их. Вдруг она заметила что-то еще, засунутое подалее, и вытащила таинственный предмет, оказавшийся белым бумажным пакетом, с именем иностранного аптекаря на нем. С одного конца он был открыт и закручен. Она раскрутила бумагу и увидела в пакете около двух унций мелкого белого порошка. Взяв лист чистой бумаги, мисс Мерчисон вытряхнула на него щепотку порошка, положила пакет на место и заперла дверцу отмычкой. Затем трясущимися пальцами задвинула панель на место, заботясь о том, чтобы она полностью закрылась и не осталось разоблачительной темной линии.

— Я нашла его, миссис Ходжес! — весело крикнула она.

— Ну наконец! — Миссис Ходжес появилась в дверях.

— Только вообразите! Я разглядывала образцы тканей, когда меня вызвал мистер Уркьюхарт, и этот наверняка свалился на пол.

— О Господи, — вздохнула миссис Ходжес. — Как хорошо, что вам удалось отыскать его, верно, мисс?

— Могла бы и не найти, — ответила мисс Мерчисон. — Он был вон в том темном углу. Что ж, я должна бежать, чтобы успеть до закрытия магазина. Спокойной ночи, миссис Ходжес.

Задолго до того, как услужливые господа Боурн и Холлингворф заперли свои двери, мисс Мерчисон звонила в дверь третьего этажа по Пиккадилли, 110А.

Совещание было в самом разгаре. Присутствовали: достопочтенный Фредди Арбеттот, выглядевший добродушным; старший инспектор Паркер, выглядевший обеспокоенным; лорд Питер, выглядевший сонным; и Бантер, выглядевший, как всегда, корректным.

— Вы принесли нам новости, мисс Мерчисон? Если так — вы пришли в самый подходящий момент, чтобы застать слетевшихся орлов. Мистер Арбеттот, старший инспектор Паркер, мисс Мерчисон. Вы уже пили чай? Или желаете подкрепиться?

Мисс Мерчисон отказалась.

— Гм! — хмыкнул Вимси. — Пациент отказывается от пицци. Глаза его бешено сверкают. Выражение встревоженное. Губы приоткрыты. Пальцы тискают застежку сумки. Симптомы указывают на острый приступ разговорчивости. Поведайте нам худшее, мисс Мерчисон.

Мисс Мерчисон в поощрении не нуждалась. Она поведала о своих приключениях, получая удовольствие от вида слушателей, захваченных ее рассказом от первого до последнего слова. Когда она под конец извлекла бумажный кулек с белым порошком, чувства собравшихся выплеснулись бурными рукоплеска-

ниями, к которым сдержанно присоединился Бантер.

— Ты убежден, Чарльз? — спросил Вимси.

— Признаюсь, я сильно поколеблен, — ответил Паркер. — Нужно обязательно сделать анализ порошка...

— Сделаем, воплощенная предосторожность. Приготовьте штатив и тиски. Бантер обучался делать тест Марча и производит его артистически. Ты ведь тоже все об этом знаешь, Чарльз?

— Достаточно для грубой проверки.

— Тогда продолжим, дети мои. Давайте пока что суммируем наши находки.

Бантер удалился, и Паркер, делавший пометки в своей записной книжке, прокашлялся.

— Что ж, дело, насколько понимаю, обстоит так. Ты утверждаешь, что мисс Вэйн невиновна, и берешься доказать это, выдвигая убедительное обвинение против Нормана Уркьюхарта. До сих пор твои улики против него были целиком связаны с имеющимся мотивом, а розыски подвели дело Уркьюхарта к той точке, когда полиция может, и даже обязана, за него взяться. Я склонен согласиться с тобой, однако предупреждаю, что ты должен предъявить доказательства в отношении способов и возможностей.

— Знаю. Скажи что-нибудь новенькое.

— Очень хорошо. Итак, Филип Бойес и Норман Уркьюхарт — родственники богатой миссис Рэйберн, или Кремоны Гарден. Много лет назад миссис Рэйберн передала все свои дела в руки отца Уркьюхарта, единственного члена семьи, с которым у нее сохранились хорошие отношения. После смерти отца Норман Уркьюхарт продолжал вести дела сам, и в 1920 году миссис Рэйберн, назначив его опекуном и доверенным, предоставила ему исключительное право распоряжаться своей собственностью. Она также составила завещание, поделив имущество между внучатыми племянниками на две неравные доли. Филип Бойес получил всю недвижимость и пятьдесят тысяч фунтов, а мистер Уркьюхарт получал все, что оставалось, и назначался душеприказчиком. Норман Уркьюхарт на вопрос о завещании умышленно сказал тебе неправду, сообщив, что основная масса денег оставлена ему, и даже зашел столь далеко, что изготовил документ, выданный им за черновик завещания. Тот факт, что настоящее завещание не было уничтожено, наводит на мысль, что оно и не перечеркивалось более поздними распоряжениями завещательницы. Кстати, Вимси, а почему он не уничтожил его? Как единственный оставшийся в живых наследник, он мог бы потом получить все без спора.

— Может быть, это не приходило ему в голову. А может быть, есть и другие родственники. Что там насчет дядюшки в Австралии?

— Верно. Во всяком случае, он его не уничтожил. В 1925 году миссис Рэйберн оказалась полностью парализованной и недееспособной, так что у нее не было никакой возможности поинтересоваться состоянием своего имущества или составить новое завещание. Приблизительно в то же время, как мы знаем от мистера Арбетнота, мистер Уркьюхарт сделал опасный шаг, увлекшись

игрой на бирже. Он натворил ошибок, потерял деньги, завяз еще глубже, пытаясь выбраться, и оказался в значительной степени вцутанным в грандиозный крах компании Мегатернум Трест. Он, несомненно, потерял намного больше, чем мог себе позволить, и, как мы теперь знаем благодаря открытиям мисс Мерчисон, последовательно злоупотреблял своим положением опекуна и использовал ее акции под обеспечение больших ссуд, а вырученные таким образом деньги пускал в Мегатернум и другие рискованные проекты. Пока мисс Рэйберн жива, он в полной безопасности, поскольку должен был только платить ей суммы, необходимые для содержания ее дома и хозяйства. В сущности, все счета на домашние и прочие расходы погашались им, все жалованья платил он, и никого не трогало, что же он сделал с состоянием. Но, когда миссис Рэйберн умрет, ему придется отчитаться перед другим наследником, Филипом Бойесом, за ее состояние, которое он растратил.

Далее, в 1929 году, почти тогда же, когда Филип Бойес поссорился с мисс Вэйн, у миссис Рэйберн был серьезный приступ, и она чуть не умерла. Опасность миновала, но могла вновь грянуть в любой момент. Почти сразу же после этого мы обнаруживаем, что мистер Уркьюхарт завязывает дружбу с Филипом Бойесом и приглашает его пожить в своем доме. За время проживания у Уркьюхарта с Бойесом случаются три приступа, которые врачи приняли за гастрит. В июне 1929 года Бойес уезжает в Уэльс, и здоровье его поправляется. Пока он отсутствует, с миссис Рэйберн происходит еще один приступ, и Уркьюхарт спешит в Виндл, возможно, желая уничтожить завещание, если случится худшее. Худшего не происходит, и он возвращается в Лондон как раз вовремя, чтобы принять Бойеса, вернувшегося из Уэльса. В тот вечер Бойес заболевает, симптомы сходны с теми, что были и прежде, но на этот раз приступ намного сильнее. В три дня он умирает.

Уркьюхарт теперь в полной безопасности. Кроме того, после смерти миссис Рэйберн он получит все деньги, завещанные Филипу Бойесу. То есть не получит, потому что давно их растратил, но больше уже никто не потребует с него отчета, и его мошеннические делишки не выйдут наружу. До сих пор улики, говорящие о мотиве, более чем обоснованы и намного убедительнее улики против мисс Вэйн.

Но вот в чем загвоздка, Вимси: где и как мог быть дан яд? Мы знаем, что у мисс Вэйн имелся мышьяк и она легко могла подсунуть его без свидетелей. Единственная же возможность Уркьюхарта — обед, разделенный с Бойесом, но не приходится сомневаться, что яд был дан не во время обеда. Все, что ел или пил Бойес, вместе с ним ели или пили Уркьюхарт и слуги. Кроме бургундского, а оно тоже было безвредным.

— Знаю, — сказал Вимси. — Но это-то как раз и подозрительно. Ты когда-нибудь слышал о трапезе, которая окружалась бы такими предосторожностями? Это неестественно, Чарльз. Херес, налитый служанкой из распечатанной на месте бутылки; суп, рыба, тушеный цыпленок — невозможно отравить одну порцию, не отравив остальных; омлет, как напоказ приготовленный за

столом руками самой жертвы; вино, опечатанное и помеченное; остатки, доеденные на кухне; можно подумать, человек изо всех сил старался отвести от себя подозрения. Но почему он это делал? Значит, умышленно подстраховал себя.

— Возможно, — согласился Паркер. — Но в конце концов, старина, когда же он дал яд?

— Вероятно, вообще не за обедом, — заметила мисс Мерчисон. — Как вы говорите, предосторожности кажутся весьма очевидными. Они могли быть рассчитаны на то, чтобы заставить сосредоточиться на обеде и забыть о других возможностях. Может, Бойес что-нибудь выпил еще до обеда?

— Увы, нет. Ханна Вестлок открыла Бойесу дверь по его приезду. Он прошел прямо наверх в свою комнату, Уркьюхарт отсутствовал в это время и вернулся только за четверть часа до обеда. Эти двое впервые встретились за знаменитым стаканчиком хереса в библиотеке. Раздвижные двери между библиотекой и столовой были открыты. Ханна все время сновала, накрывая на стол, и уверена, что Бойес пил только херес.

— А после обеда?

— Когда они покончили с обедом, Уркьюхарт что-то сказал насчет кофе. Бойес взглянул на часы и ответил: «Нет времени, старина, я должен двинуться на Доути Стрит». Уркьюхарт пошел вызывать такси, а Бойес вышел в холл. Ханна последовала за ним и помогла ему надеть пальто. Когда такси подъехало, Бойес умчался, даже не повидавшись с Уркьюхартом.

— Мне кажется, — сказала мисс Мерчисон, — что Ханна — чрезвычайно важный свидетель защиты мистера Уркьюхарта. Вы не думаете, что Бантер позволяет своим чувствам взять верх над объективностью?

— Нет, — отозвался лорд Питер. — Если Бантер говорит, что Ханна честна, значит, она честна.

— Тогда напитки и обед определенно отпадают. А как насчет графина с водой в спальне?

— Черт! — воскликнул Вимси. — Очко в вашу пользу, мисс Мерчисон. Об этом мы и не подумали. Графин с водой — какая заманчивая идея! А вот и Бантер! В следующий раз, когда будете держать Ханну за руку, спросите у нее, не пил ли Бойес из графина в своей спальне?

— Эта мысль уже приходила мне в голову.

— Правда?

— Да, милорд.

— Вы никогда ничего не упускаете, Бантер.

— Стараюсь исполнить свой долг, милорд.

— Только не надо изъясняться таким слогом. Он меня раздражает. Так что насчет графина с водой?

— Когда подошла эта леди, милорд, я как раз хотел заметить, что выведаль некое особенное обстоятельство, связанное с графином. Ханна рассказала, что по приезде мистера Бойеса проводила его в спальню и удалилась. Затем он попросил ее наполнить водой его графин. Эта просьба была довольно удивительной, потому что она отлично помнила, что наполняла его, когда прибиралась в комнате.

— Сам он не мог его опустошить? — жадно спросил Паркер.

— Нет, сэр, на это у него не было времени. Но графин оказался не просто пуст, но и сух изнутри. Ханна извинилась за небрежность, немедленно ополоснула графин и наполнила его из-под крана.

— Занятно, — произнес Паркер. — Но вполне вероятно, что она его вообще не наполняла.

— Простите меня, сэр. Ханна была так удивлена этим эпизодом, что упомянула о нем миссис Петтикэн, которая сказала, что отчетливо помнит, как видела ее утром, наполняющей графин.

— Что ж, тогда Уркьюхарт или кто-то другой должен был опустошить его и высушить. А зачем? Что ты, например, сделаешь, если увидишь, что твой графин для воды пуст?

— Позвоню в колокольчик, — живо ответил Вимси.

— Или позову на помощь, — добавил Паркер.

— Или, — подхватила мисс Мерчисон, — если не привык, чтобы тебя обслуживали, можешь воспользоваться водой из кувшина в спальне.

— Ага... Конечно, Бойес вел более или менее богемную жизнь.

— Как ни крути, — заметил Вимси, — это до идиотизма окольный путь. Намного проще было отравить воду в самом графине. Зачем уделять этому столько внимания, создавая лишние трудности? Кроме того, вы не можете рассчитывать, что жертва воспользуется водой из кувшина — он и не воспользовался на самом деле.

— Но он был отравлен, — возразила мисс Мерчисон, — так что яд находился либо в кувшине, либо в графине.

— Нет, боюсь, департаменту кувшинов и графинов тут делать нечего.

— И все равно, — сказал Паркер, — этот инцидент меня убеждает. Он как бы подводит черту. Вимси прав: для защиты он неестественно безукоризнен.

— Господи, — облегченно вздохнул Вимси. — Мы убедили Чарльза Паркера. Ничего более и не требуется. Он даст сто очков любому присяжному.

— Да, — скромно сознался Паркер, — но, по-моему, я и более логичен. Меня вполне устроит маленькая улика более объективного свойства.

— Получишь. Ты хочешь немного настоящего мышьяка. Бантер, как там у нас?

— Аппарат готов, милорд.

— Очень хорошо. Пойдемте посмотрим, сможем ли мы дать мистру Паркеру то, чего он хочет.

В небольшом закутке, обычно посвящаемом фотографическим занятиям Бантера и оборудованном раковиной, верстаком и бунзеновской горелкой, стоял аппарат для теста Марча на мышьяк. Дистиллированная вода уже кипела в колбе, и Бантер приподнял маленькую стеклянную трубку, лежавшую поперек пламени горелки.

— Убедитесь, милорд, — предложил Бантер, — что аппарат не загрязнен.

— Я вообще ничего не вижу, — сказал Фредди.

— Это, как сказал бы Шерлок Холмс, то, что вы и можете ожидать увидеть там, где ничего нет, — любезно ответил Вимси. — Чарльз, проведи ревизию воды, колбы, трубки и остального на предмет отсутствия в них мышьяка.

— Хорошо. — Бантер взял лист бумаги, разорвал его на мелкие куски, бросил их в проявительное корытце, а затем ссыпал в колбу. Вода слегка кипела, но стеклянная трубочка оставалась чистой. Бантер открыл конверт, в котором лежал белый порошок, и аккуратно отсыпал его в широкое горлышко колбы. Пять голов жадно склонились над аппаратом. В трубочке мгновенно начало образовываться тонкое серебристое пятно. Секунда за секундой — пятно расплзлось и потемнело до насыщенного черно-коричневого кольца с сияющим металлическим центром.

— О, прекрасно, прекрасно, — восторженно проговорил Паркер.

— Это мышьяк? — тихо выдохнула Мерчисон.

— Надеюсь, что да, — ответил Вимси, осторожно взял трубочку и поднял ее к свету. — Это либо мышьяк, либо сурьма.

— Позвольте мне, милорд. Добавка небольшого количества раствора хлорной извести решит вопрос.

Дальнейшую проверку Бантер провел среди тревожного молчания. С добавкой раствора хлорной извести пятно растаяло и исчезло.

— Это мышьяк, — провозгласил Паркер.

— О, да, — беспечно откликнулся Вимси, — конечно, это мышьяк. Разве я вам не говорил?

— И это все? — разочарованно спросил Фредди.

— Разве не достаточно? — переспросила мисс Мерчисон.

— Не совсем, — ответил Паркер. — Но пройден большой участок пути. Это доказывает, что Уркьюхарт имеет мышьяк в своем распоряжении, и, наведя официальные справки во Франции, мы, вероятно, выясним, находился ли пакет в его распоряжении в июне. Замечу, что это обыкновенная белая мышьяковая кислота, без примеси древесного угля или индиго, что согласуется с результатами вскрытия. Очень убедительно, если мы сумеем доказать, что Уркьюхарт имел возможность дать его. Пока что мы сделали только одно — ясно продемонстрировали, что яд не мог быть дан Бойесу ни до, ни после, ни во время обеда. Но я бы предпочел иметь нечто большее, дабы убедить присяжных.

— Сеяли-просеяли-реши-мою-загадку, — невозмутимо проговорил Вимси. — Мы что-то проглядели, вот и все. Что-то, вероятно, совсем очевидное. Дайте мне мой законный халат и унцию табачку — и я берусь избавить вас от этой маленькой трудности. Между тем ты, несомненно, предпримешь шаги для официального подтверждения доказательств, так умело собранных нашими добрыми друзьями с помощью методов, выходящих за рамки условностей, и готов арестовать того, кого надо, когда придет время?

— С радостью, — подтвердил Паркер. — Не говоря уж о личных соображениях, я бы предпочел видеть на месте подсудимых этого субъекта с маслянистыми волосами, а не женщину. Если

полиция совершила ошибку, то чем скорей она ее исправит, тем лучше будет для всех, кого это касается.

Вимси допоздна засиделся в библиотеке, в окружении смотревших на него высоких корешков фолиантов, представлявших собой хранилище зрелой мудрости и поэтической красоты, скопленной миром, не говоря уж о вложенных в них тысячах фунтов. Но эти советники безмолвствовали на своих полках. По столам и креслу были раскиданы ярко-алые тома «Знаменитых британских процессов», Палмер, Причард, Мэйбрик, Седдом, Армстронг, Маделен Смит — великие практики применения мышьяка — лежали в куче с ведущими авторитетами по судебной медицине и токсикологии...

Толпы театралов растеклись по домам на «седанах» и такси, уличные фонари сияли над пустой ширью Пиккадилли, изредка прогромыхивали по черному гудрону тяжелые ночные грузовики. Вот уж долгая ночь пошла на убыль, и зимняя заря неохотно занялась над бесчисленными лондонскими крышами. Бантер, безмолвный и встревоженный, сидел на кухне, держа в руках чашечку с кофе и машинально перечитывая одну и ту же страницу «Британского фотографического журнала».

В полдевятого утра из библиотеки зазвонил колокольчик.

— Милорд?

— Ванну, Бантер.

— Очень хорошо, милорд.

— И кофе.

— Немедленно, милорд.

— И уберите на место все книги, кроме этих.

— Да, милорд.

— Теперь я знаю, как это было сделано.

— Неужели, милорд? Позвольте поздравить вас.

— Мне еще нужно доказать.

— Это уже вторично, милорд.

Когда минуты через две Бантер зашел в библиотеку с подносом, Вимси уже спал. Бантер осторожно поставил поднос на столик и не без любопытства глянул на отобранные книги, оставленные открытыми на столе. Это были: «Процесс Флоренс Мэйбрик», «Судебная медицина и токсикология» Диксона Манна, книга на немецком языке, название которой Бантер прочесть не смог, и «Парень из Шропшира» А. Э. Хаусмана.

Бантер просмотрел их за несколько минут, а затем хлопнул себя по ляжке.

— Ну, конечно же! — прошептал он. — Какие же мы все тупоголовые бараны! — Он слегка тронул хозяина за плечо: — Ваш кофе, милорд.

ГЛАВА 21

— Так вы выйдете за меня замуж? — спросил лорд Питер. Заключение покачала головой.

— Нет. Это было бы нечестно по отношению к вам. И кроме того...

— Да?

— Меня это пугает. Я буду жить с вами, если хотите, но не выйду за вас замуж.

В голосе ее было столько непередаваемой тоски, что Вимси испытал воодушевление из-за столь щедрого предложения.

— Это не всегда помогает, — воспротивился он. — Черт побери, вам-то следует знать. Ссор в такой жизни бывает столько же, сколько и в законном браке.

— Знаю. Зато можно оборвать отношения в любое время, когда захочешь.

— Но я не захочу.

— О, нет, захотите. У вас, знаете ли, семья, традиции... Жена Цезаря и все такое...

— Разрази жену Цезаря! А что до семейных традиций, то мы обращаем на них столько внимания, сколько они того заслуживают. Все, что делает Вимси, правильно, и да помогут небеса вставшему на его пути.

— Люди не смогут забыть, что у меня был любовник.

— Дорогое дитя, они ежедневно забывают подобные вещи.

— И то, что я подозревалась в его убийстве?

— И это обвинение было с вас триумфально снято, несмотря на то, что убитый здорово вас бесил.

— Вот я и не выйду замуж. Если люди могут забыть все это, то могут забыть и то, что мы не женаты.

— О, да, они-то могут, но я не могу. Кажется, разговор наш застопорился на одной точке.

— Пожалуйста, не давите на меня. Я хочу только выбраться из всего этого и хочу, чтобы меня оставили в покое.

— Ладно, — сказал Вимси, — не буду вас больше теребить. Я удаляюсь. У меня свидание... с маникюршей. Чудесная девчущечка, вот только очень уж неразговорчива. Привет!

Маникюрша, найденная при помощи старшего инспектора Паркера и его ищеек, была мальшшкой с мордочкой котенка, привлекательными манерами и с трезвым практичным взглядом. Она без всяких колебаний приняла приглашение своего клиента пообедать и не удивилась, когда он украдкой пробормотал, что у него есть для нее маленькое предложенье. Она поставила пухлые локоточки на стол, вскинула голову и, чуть склонив ее набок, приготовилась дорого продать свою честь. Предложение лорда Питера привело к самой комической перемене в ее манерах: глаза утратили округло-невинное выражение, волосы стали менее пышными, а брови изогнулись в изумлении.

— Конечно, я могла бы это сделать, — произнесла она наконец. — Но для чего? Очень уж подозрительно.

— Назовем это просто шуткой, — ответил Вимси.

— Нет. — Губы ее жестко поджалась. — Мне это не нравится. Не вижу смысла — шутка сомнительного свойства и может доставить девушке неприятности. Мне бы не хотелось кому-либо причинять вред.

— Послушайте, вы из тех девушек, которые умеют хранить тайну?

— О, я не из болтливых.

— Так я и думал. Вот почему пригласил вас сюда. Что ж, слушайте.

Он наклонился вперед и заговорил. Обращенное к нему накрашенное личико стало настолько увлеченным и настолько взволнованным, что задушевный друг, обедавший через несколько столиков от них, чуть с ума не сошел от ревности, считая, что его дорогой Мэйбл предлагают квартиру в Париже, автомобиль марки «даймлер» и ожерелье в тысячу фунтов.

— Итак, вы видите,— сказал Вимси,— для меня это много значит.

«Дорогая Мэйбл» испустила восторженный вздох.

— И это все правда? Вы мне голову не морочите?

— Да, правда, но вы должны помалкивать. Вы — единственный человек, которому я рассказал. Не выдадите меня ему?

— Ему? Да он скупая свинья... Идет. Сделаю для вас. Будет трудно, потому что мне придется пользоваться ножницами, но я сумею. Доверьтесь мне. Отдам вам все, что добуду. И договорюсь с Фредом. Стрижет его всегда Фред, и он сделает, если я попрошу. Что мне делать со всем собранным?

Вимси вытащил из кармана конверт.

— В конверте,— выразительно объяснил он,— две маленькие коробочки. Вы не должны доставать их, пока не добудете образчиков, поскольку они обработаны так, чтобы быть химически чистыми, вы понимаете, что я имею в виду. Когда все будет готово, распечатайте конверт, выньте коробочки, положите обрезки ногтей в одну, а волосы — в другую, сразу же закройте их, положите в чистый конверт и отправьте по этому адресу. Понятно?

— Да.— Она нетерпеливо протянула руку.

— Молодчина. И — ни слова.

— Ни единого слова!

— Когда ваш день рождения?

— О, у меня его нет. Я вообще не взрослею.

— Ладно, тогда в любой день я могу послать вам подарок. Помоему, норка будет в самый раз.

— Для вас — в самый раз,— поддразнила она его.— Так вы еще и поэт?

— Меня вдохновляете вы,— галантно ответил Вимси.

ГЛАВА 22

— Я пришел,— начал мистер Уркьюхарт,— в ответ на ваше письмо, в котором вы говорили, что мне будет в высшей степени интересно услышать кое-какие свежие сведения о смерти моего несчастного кузена. Буду рад помочь вам, чем смогу.

— Благодарю вас,— сказал Вимси.— Садитесь, пожалуйста. Вы, конечно, уже пообедали? Но от чашечки кофе не откажетесь.

Предпочитаете кофе по-турецки? Мой слуга отлично его готовит.

Мистер Уркьюхарт принял это предложение и похвалил Бантера за правильное приготовление этого удивительно густого варева, нестерпимого для среднего европейца.

Бантер поблагодарил его и поставил на стол коробочку «рахат-лукума». Мистер Уркьюхарт незамедлительно забил себе рот, неразборчиво пробормотав, что это настоящий восточный сорт. Вимси с улыбкой отпил несколько глоточков крепкого черного кофе без сахара и налил себе рюмку бренди. Бантер удалился, а лорд Питер, положив открытую записную книжку себе на колени, взглянул на часы и начал свое повествование.

Он несколько пространно пересказал обстоятельства жизни и смерти Филипа Бойеса. Мистер Уркьюхарт, зевая исподтишка, ел, пил и слушал. Затем Вимси принялся за историю с завещанием миссис Рэйберн. Удивленный мистер Уркьюхарт отставил чашку с кофе, вытер лишние пальцы носовым платком и во все глаза уставился на Вимси.

— Можно спросить, откуда вы раздобыли эти замечательные сведения?

— Полиция, — махнул рукой лорд Питер. — Чего они только не разыщут, если вобьют себе в голову. Вы, полагаю, ничего не отрицаете?

— Я слушаю, — мрачно ответил мистер Уркьюхарт. — Когда вы закончите свое необыкновенное сочинение, я, может быть, точно уясню, что нужно отрицать.

— О, да. Я не юрист, конечно, но постараюсь быть столь внятным, насколько смогу. — Вимси продолжал безжалостно нудить, а стрелки часов все двигались и двигались. — Итак, насколько можно понять, весьма и весьма в ваших интересах было избавиться от мистера Филипа Бойеса. Хотя на вашем месте я бы испытывал к нему те же самые чувства.

— К этому и сводится все ваше фантастическое обвинение? — осведомился юрист.

— Ни в коем случае. Я как раз подхожу к сути.

— Если даже допустить, что вся эта нелепая история была правдой, что я категорически отрицаю, — заметил мистер Уркьюхарт, — мне очень интересно узнать, как, по-вашему, я мог дать ему мышьяк? Нашли вы какой-нибудь хитроумный способ? Или предполагаете, что я подкупил повариху и горничную? Это было бы опрометчиво с моей стороны.

— Настолько опрометчиво, — заметил Вимси, — что и вопрос об этом не стоит. Запечатывание бутылки бургундского, например, доказывает, как тонко вы рассматриваете создавшиеся перспективы. Этот эпизод привлек внимание с самого начала.

— Неужели?

— Вы спрашиваете меня, как и когда вы дали яд. Думаю, не до обеда. Продуманность, с которой был оставлен в спальне пустой графин, забота о том, чтобы встретить кузена при свидетелях и ни на миг не оставаться с ним наедине, — все это исключает время до обеда. Херес, — задумчиво продолжал Вимси. — Новая бутылка, откупоренная на месте. Нашлось объясне-

ние и исчезновению остатков. По-моему, херес мы можем помиловать.

Мистер Уркьюхарт иронически поклонился.

— Суп отведали повариха с горничной и остались живы. Я склонен пропустить суп, то же самое приложимо и к рыбе. Порцию рыбы можно было отравить, но это не обошлось бы без сотрудничества с Ханной Вестлок, что противоречит моей гипотезе. А гипотеза для меня свята, мистер Уркьюхарт.

— Небезопасный склад ума, но спорить не буду.

— Кроме того, если бы яд был в супе или в рыбе, то начал бы действовать до того, как Филип покинул дом. Подходим к цыпленку. Миссис Петтикэн и Ханна Вестлок могут, по-моему, выдать цыпленку безупречное карантинное свидетельство. И, кстати, по описанию, он был восхитительнейшим. Итак, остается омлет. Бесподобная вещь, когда он хорошо приготовлен и съеден немедленно. Приказать подать яйца и сахар прямо к столу и приготовить омлет на месте — идея очаровательная. Кстати, насколько понимаю, для кухни омлета не осталось? Уверен, что, кроме вас и Филипа, никто омлета не отведал.

— Именно так, — сказал мистер Уркьюхарт. — Не отрицаю. Но вы должны иметь в виду, что и я его отведал, более того, мой кузен сам его приготовил.

— Да, приготовил. Четыре яйца, с сахаром и джемом, — обычные компоненты. Нет, с сахаром или джемом ничего неладного не было. Гм... По-моему, я буду прав, если скажу, что одно из яиц, поданных к столу, было треснувшим?

— Может быть. Не помню.

— Нет? Что ж, присягать вас не просят. Но Ханна Вестлок помнит, что когда вы принесли яйца — вы ведь сами и купили их, — то заметили, что одно из яиц треснуло, и не только высказали особое пожелание использовать его для омлета, но и сами отложили в миску для этой цели.

— Ну и что? — спросил мистер Уркьюхарт менее беззаботно, чем прежде.

— Не составляет труда ввести порошок мышьяка в треснувшее яйцо, — сказал Вимси. — Я проделал эксперимент со стеклянной трубкой. Может быть, маленькая воронка была бы еще сподручней. Мышьяк — вещество очень тяжелое: в чайную ложку входит от семи до восьми гранов. Он скапливается в одном конце яйца, а следы на скорлупе легко стираются. Конечно, еще легче впрыснуть жидкий мышьяк, но по некоторым причинам я проделал мой эксперимент с обычным белым порошком. Он великолепно растворяется.

Мистер Уркьюхарт вынул из портсигара сигару и принялся усердно ее раскуривать.

— Вы полагаете, — осведомился он, — что при сбивании четырех яиц одно из них, отравленное, можно каким-то чудесным образом отделить от остальных? Или мой кузен умышленно взял себе отравленную половину, а другую оставил мне?

— Нет, — ответил Вимси. — Я полагаю, что мышьяк был в омлете и попал в него через яйцо.

Мистер Уркьюхарт бросил спичку в камин.

— Кажется, в ваших предположениях есть трещины, так же, как и в яйце.

— Я еще не закончил. Дальнейшее вывожу почти из пустяковых причин. Позвольте их перечислить. Ваше нежелание пить за обедом, цвет лица, несколько обрезочков ногтей, чуть-чуть состриженных волос — складываю все это вместе, добавляю пакетик белого мышьяка из секретного отделения в вашей конторе, слегка потираю руки — вот так — и получаю пеньку, мистер Уркьюхарт, пеньку. — Он небрежно прочертил в воздухе петлю.

— Не понимаю вас, — прохрипел юрист.

— О, вы понимаете, — сказал Вимси. — Пенька — то, из чего делают веревки. Большая дрянь, эта пенька. Да, и насчет мышьяка. Как вы знаете, обычно он людям не на пользу, но есть некоторые, поедающие его ради забавы. Говорят, он улучшает дыхание, цвет лица, делает волосы лоснящимися — по тем же причинам его дают и лошадям. Одним словом, хорошо известно, что некоторые люди его принимают и по прошествии небольшого времени способны переварить дозы, достаточные, чтобы убить обыкновенного человека. Но вы все это знаете.

— Впервые слышу.

— Ладно. Сделаем вид, что все это для вас внове. Что ж, один парень заинтересовался, как действует такая уловка, и принялся за опыты на собаках и прочих животных, давая им мышьяк, и, как понимаю, множество их угробил, но в конце концов выяснил, что, в то время как жидкий мышьяк воздействует на почки и необычайно вреден для организма, сухой мышьяк можно давать день за днем чуть увеличивающимися каждый раз дозами. В итоге: если вы принимаете сухой мышьяк достаточно долгое время — скажем, с год, — то приобретаете этакую штучку, иммунитет, и можете за один раз принять шесть или семь гран.

— Очень интересно, — процедил сквозь зубы мистер Уркьюхарт.

— Мне пришло в голову, что если вы выработали у себя иммунитет, то легко могли бы разделить напичканный мышьяком омлет с другом. Он убил бы его и не повредил бы вам.

— Понимаю. — Юрист облизал губы.

— Что ж, как я сказал, у вас прямо-таки прекраснейший цвет лица. Кроме того, должен заметить, мышьяк кое-где оставил пигментацию на коже, это случается порой, и у вас лоснящиеся волосы. Далее я заметил, что вы очень остерегались пить за обедом, и сказал себе: «Питер, головушка ты моя смысленая, а что ты думаешь по поводу этого?» А когда нашли белый мышьяк в вашем шкафу, я подумал: «Эх, и сколько же времени он его принимал?» Аптекарь с континента, продавший вам мышьяк, сообщил полиции, что это было два года назад. Приблизительно в то же время последовал крах треста Мегатериум. Затем мы заполучили кусочки ваших ногтей и волос, и — о чудо! — в них оказалось полным-полно мышьяка. Вот почему я попросил вас зайти и поболтать со мной.

— Я могу только предложить вам, — Уркьюхарт был мертвенно-бледен, но манеры его оставались строго профессиональными, — поостеречься выкладывать кому-нибудь эту смехотворную

теорию. Искренне верю, что наша полиция способна на все, поэтому не знаю, что вы подсунули мне в дом. Но заявлять о моей подверженности наркотическим привычкам — клевета и преступление. Сущая правда, некоторое время я принимал лекарство, содержащее крохотную долю мышьяка, — доктор Грейнджер может представить рецепт, — и это, весьма вероятно, могло отразиться на моей коже и волосах, но нет никаких оснований для столь чудовищного обвинения.

— Никаких?

— Никаких.

— Тогда, как же вы, — спросил Вимси с некоторой угрозой в голосе, — только что приняли дозу мышьяка, достаточную, чтобы убить двух или трех обыкновенных людей? Эта отвратительная сладость, проглоченная в манере, совершенно неподходящей вашему возрасту и положению, была припудрена белым мышьяком. Вы съели ее, Господь вас прости, полтора часа назад. Если мышьяк мог причинить вам вред, вы бы уже катались в предсмертной агонии.

— Вы дьявол!

— Не могли бы вы постараться изобразить какие-нибудь симптомы? — саркастически произнес Вимси. — Подать вам тазик? Вызвать врача? Жмет горло? Корчит от страданий? Вы весьма запоздали, конечно, но немного желания — и даже сейчас можно изобразить внешние проявления ваших ощущений.

— Вы лжете! Не осмелились бы сделать такое! Это убийство.

— Думаю, в данном случае — нет. Но я готов подождать и посмотреть. — Вимси стремительно поднялся из кресла и встал над Уркьюхартом. — На вашем месте я бы не прибегал к насилью. Всяк отравитель знай свой шесток. Кроме того, я вооружен. Простите за мелодраму. Ну что, собираетесь заболеть или нет?

— Вы сумасшедший.

— Не говорите так. Ну-ка, дружище, соберитесь. Попробуйте. Мне показать вам, где ванная?

— Я болен.

— Конечно, но голос ваш не убедителен. Через дверь, по коридору и третья дверь налево.

Юрист вышел, спотыкаясь, а Вимси вернулся в библиотеку и позвонил в колокольчик.

— По-моему, Бантер, мистеру Паркеру в ванной может потребоваться помощь.

— Очень хорошо, милорд.

Бантер удалился. Вскоре в отдалении послышался шум борьбы. В дверях появилась группа — Уркьюхарт, весь белый, а по бокам — Паркер и Бантер, крепко державшие его за руки.

— Ему плохо? — с интересом спросил Вимси.

— Нет, — мрачно ответил Паркер, защелкивая наручники. — Он пять минут без перерыва крыл тебя на чем свет стоит, попробовал выбраться из окна, увидел, что третий этаж, ткнулся в дверь гардеробной и налетел прямо на меня. Брось сопротивляться, парень, только себя поранишь.

— И он до сих пор не знает, был ли отравлен или нет?

— Во всяком случае, это его совсем не занимает. Он думал только о том, чтобы смыться.

— Хило, хило, — проговорил Вимси. — Если бы я хотел, чтобы люди поверили, будто я отравлен, то разыграл бы представление получше.

— Хватит болтать, ради Бога, — сказал арестованный. — Вы подловили меня. Этого недостаточно? Теперь можете заткнуть-ся...

— О, — перебил Паркер, — мы подловили вас, да? Что ж, я предупреждал, что каждое ваше слово... а если вы их произносите, то не моя в том вина. Кстати, Питер, ведь ты не отравлял его на самом деле, а? Кажется, это ему не повредило, но должно отразиться на медицинском заключении.

— Нет, на самом деле не отравлял, — ответил Вимси. — Просто хотел поглядеть, как он отреагирует на такое предположение. Ну, привет! Остальное теперь предоставляю вам.

— Мы о нем позаботимся, — закончил разговор Паркер.

Когда арестованный и полицейский удалились, Вимси задумчиво повернулся к Бантеру:

— «Митридат, он умер старым», — говорил поэт. Но сомневаюсь, Бантер. В данном случае я сильно сомневаюсь.

ГЛАВА 23

Золотые хризантемы стояли перед судьей, словно полыхающие знамена победы.

Да и подсудимая, пока секретарь суда читал обвинительное заключение, вызывающе поглядывала на переполненный зал. Судья, полный пожилой мужчина, с выжиданием посмотрел на генерального атторнея.

— Милорд, как мне сообщили, Корона не имеет улики против подсудимой.

Вздых, прокатившийся по помещению, прозвучал как шелест деревьев под нарастающим ветром.

— Понимать ли мне это так, что обвинение против подсудимой отозвано?

— Таковы мои инструкции, милорд.

— В таком случае, — выразительно произнес судья, поворачиваясь к присяжным, — вам ничего не остается, как вынести вердикт «невиновна». Пристав, утихомирьте людей на галерке.

— Одну секунду, милорд, — встал со своего места сэр Импи Биггс. — В интересах моей клиентки, мисс Вэйн, прошу вашего снисхождения, дабы сказать несколько слов. Против нее было выдвинуто обвинение, милорд, ужаснейшее обвинение в убийстве, и мне бы хотелось окончательно прояснить, что моя клиентка покидает суд без пятна на репутации. Насколько мне известно, это не то дело, когда обвинение снимается за недостаточностью улики. Я знаю, милорд, что в полицию поступили новые сведения, доказывающие полную невиновность моей клиентки. Я также знаю, милорд, что новый арест уже произведен и за ним последует следствие. Эта леди должна выйти в мир оправданной не только в глазах суда, но и в глазах общественного мнения.

Всякая двусмысленность была бы нетерпима, и я уверен, что во всем сказанном меня поддерживает и высокоученый генеральный атторней.

— Целиком и полностью, — подтвердил атторней. — Мне поручено сообщить, милорд, что, отзывая обвинение против подсудимой, Корона исходит из убеждения в ее абсолютной невинности.

— Очень рад слышать это, — сказал судья. — Подсудимая, безоговорочным снятием предъявлявшегося вам ужасного обвинения Корона демонстрирует вашу невинность. После этого никто не в состоянии допустить, будто осталась хоть малейшая тень на вашей репутации. Я от всего сердца поздравляю вас с благополучным исходом вашего долгого испытания. Теперь, пожалуйста, господа присяжные заседатели, находите вы подсудимую виновной или невинной?

— Невинновна, милорд.

— Очень хорошо. Подсудимая освобождена. Следующее дело.

Вечером того же дня Питер Вимси прибыл в Дюкс Денвер. Семью он застал в состоянии смятения — всю, кроме вдовствующей герцогини, своей матери, безмятежно вышивавшей коврик посреди шумихи.

— Послушай-ка, Питер, — сказал герцог. — Ты единственный, у кого есть влияние на Мэри. Ты должен что-то сделать. Она хочет выйти замуж за твоего приятеля-полицейского.

— Знаю, — ответил Вимси. — А почему бы и нет?

— Курам на смех! — воскликнул герцог.

— Ни в коей мере, — возразил лорд Питер. — Чарльз — один из лучших, кого я знаю.

— Вполне вероятно, — хмыкнул герцог, — но Мэри не может выйти замуж за полицейского.

— Послушай-ка, — Вимси взял сестру за руку, — оставь Мэри в покое. Чарльз чуть ошибся в начале этого дела об убийстве, но много ошибок он не делает и в свое время станет большим человеком с титулом, чему я не удивлюсь. Если хочешь с кем-нибудь поскандалить, скандаль со мной.

— Господи! — возопил герцог. — Ты ведь не собираешься жениться на женщине-полицейской?

— Не совсем, — ответил Вимси. — Я намереваюсь жениться на подсудимой.

— Что? — переспросил герцог. — Великий Боже! Что-что?

— Если она согласится, — добавил лорд Питер Вимси.

ЗЛЬВИРА
ПОПОВА

На улице. 1955 г.

Константин ЮОН

260

Об одной из картин, посвященных Константином Юоном Троице-Сергиевой лавре. Бенуа писал, что «тройки по дороге действительно едут, мириады фигур действительно движутся, и это сообщает всему характер большого, здорового, русского веселья». Через десять лет Бенуа сказал о работах художника то же самое...

К тому времени Юон уже был сложившимся художником, известным и на родине, и за рубежом. Когда прошла знаменитая дягилевская выставка русского искусства, Юона избрали постоянным членом Парижского Салона.

Ранние, почти ученические работы художника имели успех и быстро раскупались. На эти деньги молодой Юон смог побывать в Италии, Германии, Франции, Австрии, Швейцарии. Некоторое время работал в парижских мастерских, которых тогда появилось множество. Но его работ того

периода не оказалось, даже набросков. Видимо, музеи, памятники и архитектура европейских городов так захватили его, что взявшись за карандаш даже не тянуло. Особой «статьей» — результатом поездки за границу — Юон считал знакомство с современными европейцами. Действительно, след Ван Гога, Дега, Гогена, Сезанна заметен в его творчестве, и не только в ранних работах. Но все же главное влияние на молодого художника оказали Суриков, Серов...

Путь Юона в искусстве был простым и гладким. Без срывов, но и без особенных взлетов. Хотя порою появлялись и такие шедевры, как, к примеру, «Мартовское солнце» 1915 года.

Родился Константин Федорович в Москве в семье страхового агента. Он писал: «Весь мой жизненный путь прошел в Москве. Дом на 4-й Мещанской, где я родился

(в октябре 1871 года.— Э. П.), и сад при нем изображены на небольшой картинке, кроме моих родителей, изображен и я на первом году жизни, на руках кормилицы». Когда Косте было семь лет, один любитель живописи дал ему первые советы — по смешиванию красок, соблюдению законов перспективы. «С восьми лет я начал заниматься живописью и не отходил более от нее», — напишет Юон в «Автобиографии».

Первые шаги не только копирование картинок и гравюр из журналов, а и первые «постановки» — чернильница, спичечный коробок и достижение точности в их изображении. Однажды мальчик срисовал из журнала понравившуюся картинку и показал учителю рисования. Тот заметил: «По Верещагину, молодой человек, делаете». Костя не знал, кто такой Верещагин, и пошел в галерею Третьякова. Здесь перед ним раскрылся невиданный мир образов, созданных великими мастерами. Впоследствии Третьяковка сыграла огромную роль в формировании молодого художника.

Повезло Юону и с местожительством: семья переехала в Лефортово. Вообще Москва была как бы музеем для Юона. Кремль, стены Китай-города, старинные московские улицы, мосты станут для него «магнитом» и войдут в будущие полотна. С переездом в Лефортово перед ним открылись остатки петровской Москвы, возведенной М. Земцовым и В. Растрелли, — не мещанская Москва, а столичная, барочная, тяготеющая к пышности, театральности. Юон успел увидеть много построек, которые впоследствии снесли или перестроили.

Учась в реальном училище, он «играл в архитектуру» — проектировал дворцы, храмы, архитектурные ансамбли. Но когда в 1894

году Юон поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества, «краски перетянули», и он «вкусил счастье живописца». Преподавали в училище Перов, Саврасов, Левитан, Архипов, Касаткин, Полену, Серов. Училище по своему духу считалось выше Академии. Здесь отсутствовал академический застой, воспитанников постоянно знакомили с новыми завоеваниями в искусстве, творческими и общественными событиями, связывая профессиональный курс с внимательным отношением к жизни.

Занятия Юона в училище совпали с переломным моментом в истории русской живописи. Передвижничество прошло точку своего апогея. Появилось новое поколение, диктовавшее иные формы выражения в искусстве, иные творческие интересы. «Время моего развития, — писал Юон, — совпало с началом проявления индивидуализма в искусстве. Я был еще учеником начального класса, когда вернулся из-за границы Борисов-Мусатов и на первой ученической выставке показал целый ряд полотен, привезенных им из Парижа, сильно отличавшихся по краскам от того, что мы знали до сих пор. Поражали голубые тени, голубые рефлексы, розовые краски. Эти вещи вызывали среди молодежи огромный интерес».

Дать четкое определение русскому импрессионизму сложно в связи с тем, что он до конца остался невыявленным и не оформился как единое художественное течение. Но некоторые импрессионистские признаки: непосредственное восприятие природы, светоносность палитры, разработка цветных рефлексов (отражения одного цвета на другом), фрагментальность композиции, понимание живописного простран-

**Эскиз костюма
к опере М. П. Мусоргского
«Хованщина», 1940 г.**

**Портрет артистки
О. А. Глебовой. 1915 г.**

ства, «смешение», а точнее, «снятие пограничных столбов» между жанрами — находили свое проявление в русской живописи конца XIX — начала XX века. Классическим примером тому является творчество К. А. Коровина, наиболее яркого представителя русского варианта импрессионизма.

«Русские художники-импрессионисты были более неторопливы, созерцательны перед лицом природы, в создании образа человека. За редким исключением, они не пытались «растворить» человека в окружающей среде, бережно охраняя значительность его образа». А о себе Юон говорил: «...в моем раннем творчестве некоторую роль сыграло импрессионистическое течение, шедшее из Франции и властно захватившее умы художников всех стран».

Бенуа утверждал, что здоровый, бодрый реализм является лучшим на все времена питанием искус-

ства. Этот «здоровый реализм» Юон пронес через всю жизнь. После окончания училища он поступил в мастерскую Серова, ставшего к тому времени профессором натурального класса, а затем руководителем персональной мастерской. В ней-то Юон и остался. В мастерскую пришли Левитан, К. Коровин, Паоло Трубецкой, историк Ключевский, читавший там лекции о русской старине. Молодежь восторженно приняла Серова. П. П. Чистяков, учитель Серова, говорил о том, что он «не встречал в другом человеке такой меры всестороннего художественного постижения искусства, какая отпущена была природой Серову. И рисунок, и колорит, и светотень, и характерность, и чувства цельности своей задачи и композиции — все было у Серова, и было в превосходной степени». Серов мало говорил на занятиях, но его замечания отличались меткостью

и точно раскрывали суть работы — ее достоинства или пробы. Серов вместе с учениками рисовал модель, и это было для воспитанников наглядной профессиональной школой. Он следовал заветам Чистякова, требовавшего знания законов анатомии и высокого уровня технического исполнения.

Юон удостоился похвалы Серова за удачное композиционное решение этюда известной в училище натурщицы Дунечки. «Серов не был против Пикассо и Матисса... он возмущался обезьяньей перимчивостью нашей, бравшей только поверхностный стиль французских модернистов, только менявшей чужие рубахи на грязное тело», — ядовито писал К. Петров-Водкин.

90-й год — конец ученической поры Юона. К этому времени он уже постоянно участвовал не только в ученических, но и в Пе-

риодической и Передвижной выставках, выставлялся и в «Мире искусства». Позднее: «Неужели выставки «Мира Ис. (куства) действительно больше не будет? Полагаю, что ни одна выставка не может заменить нам того исключительного ощущения, которое получали от выставок «М. И.» и которое достигалось, конечно, лишь одной объединяющей идеей (выделено Юоном — **З. П.**) мира его остроумным, всегда интересным подбором вещей».

В феврале 1902 года Юон писал А. П. Боткиной, директору Третьяковской галереи: «Приближается моя первая русская свободная сознательная весна. Я стою перед ней не как школьник, не как зарабатывающий свой хлеб живописью, не как пейзажист или жанрист, или турист, — иначе». К этому времени Юон как признанный художник — участник

Молодые. Смех. 1930 г.

всех значительных выставок. В 1899 году на Передвижной он представил полотно «Березы», впоследствии приобретенное И. А. Морозовым, а в 1900-м Третьяковская галерея купила у художника акварель «У Новодевичьего монастыря весной». Этот факт — уже всероссийское признание. Нестеров вспоминал, как его отец говорил: «Какой ты художник? Вот выставят тебя в Третьяковской галерее, тогда я поверю, что ты художник».

«Каждому художнику надо найти себя» — часто повторял Юон. Ему хотелось «найти свое художническое счастье, открыть новые декоративные красоты, новые формы и краски». Он много путешествовал в «поиске себя». За границей все «чужое» заинтересовало его, но не затронуло сердца. Друзья порекомендовали поехать на Кавказ, где столько живописного, тем более что он увлекся экзотическими открытиями Гогена. В первый раз Юон не послушался рекомендации и писал Боткиной: «Меня соблазнили поехать на Кавказ в одно имение, чуть было я не поддался зову к тамошнему солнцу, цветам... Я не хочу быть один и желал бы создать греющее солнце в глубине самого себя, а не искать его». Да ему и не пришлось ничего искать. Перед ним была «Москва, маленькие русские городки, Волга...».

Постепенно Юон создал свой особенный, «юоновский мир», полный света, радости, красоты природы и русской старины. «Я чувствовал себя влюбленным, — писал Юон, — в очаровавший меня мир сказочной красочности. Мои... поездки в древнерусские города (Нижний Новгород, Тверь, Торжок, Переславль, Ростов, Кострому, Углич. — **З. П.**) еще больше обогащали мою радость художника, словно моим взорам являлась

нетронутая целина эстетических ценностей, предельно живописно выражающих духовный облик и историю русского народа. Поездки в новые города не мешали моим многократным возвращениям к этой народной жемчужине, не исчерпаемой по своим живописным и декоративным историко-бытовым богатствам». Еще в первое посещение Сергиева Посада Юон создал о лавре несколько живописных работ «К Троице», «В Монастырском посаде у Троицы-Сергия», «Праздничный день», «Красные санки»...

Но все-таки главной музой для него оставалась Москва. Он «воспевал» самые дальние ее уголки, и многие работы теперь не только произведения искусства, но и документ, ведь Москву «повырубили крепко». Сами видим, что осталось от ее сорока сороков. А когда-то церковные приходы буквально теснили друг к другу, и центр бурлил веселой, бесшабашной жизнью. И на полотнах Юона нарядная, пестрая толпа горожан — торговцы, мужики, бабы... на Красной площади, на Москворецком мосту. И даже первый трамвай. Но у Юона есть и другая Москва: «Перед вступлением в Кремль. Никольские ворота 2(15) ноября 1917 года». Полотно написано с натуры. В тот день, несмотря на протесты близких, художник несколько раз бежал на Красную площадь смотреть, как разворачиваются события. Так и запечатлел: величаявая машина Кремля, Арсенал, толпа атакующих устремляется к Никольским воротам. Революцию Юон принял с восторгом. «Переход на тематику революции был для меня естественным и органичным; я продолжал жить с народом, как и раньше, стремясь выразить то новое, что внесла в жизнь народная революция, ее

новую культуру, новые цели и новых людей».

Еще до революции Юон купил имение у помещицы Фирсановой в деревне Лигачево, на родине своей жены Клавдии Алексеевны, рядом с домом ее родителей. Участок располагался в долине реки Горетовки, на совершенно голом склоне — ни единого дерева, ни кустика. Здесь художник построил дом-мастерскую — квадратный сруб с большими, не по-деревенски, окнами. Затем пристроил южную террасу и стал там жить постоянно, в Москву выезжал редко. Лучшие сельские пейзажи созданы в Лигачеве. И именно Лигачево стало «виновником» перемен в семейной жизни Юона. Внук художника вспоминал: «Работая над очередным зимним этюдом в районе деревни Лигачево, он увидел, как медленно в гору от реки поднималась с двумя ведрами воды девушка. Стройность фигуры, правильные черты лица, огромная коса произвели на него неизгладимое впечатление». Вопреки неистовому сопротивлению родных Константин Федорович женился на простой крестьянке, которая стала ему верным другом и помощницей. Но переход к новой жизни не был быстрым и легким. Мастер не мог предвидеть, что открытый им мир русской провинции окажется за исторической чертой, а творчество самого художника приобретет новое содержание. Вначале он повторяется, создает варианты старых работ. Опять продолжает писать лавру: «В Сергиевом Посаде», «Красный товар», серии автолитографий «Сергиев Посад», «Русская провинция». Юон понимал: это уже прошлое. А новые художественные идеи еще не сформировались. Он ищет себя, и не всегда удачно. Фантастическое полотно «Новая планета», конечно же, не юоновская

тема. Некое космическое обновление мира, оранжевые лучи, солнечно-желтые круги планет, плоская темная земля, на ней фигурки людей, прикрывающие руками глаза. Они бегут, падают, вновь бегут...

К концу 20-х Юон создает бодрые, радостные холсты: «Первые колхозницы», «Сестры-комсомолки», «Молодые. Смех». На всех — счастливые, веселые девушки. С граблями, с корзинами, с книжками, некоторые в традиционных красных косынках. Картины поражают рассчитанностью, какой-то сухостью композиции. Больше полотен о «счастье коллективизации» Юон не напишет. Увидел, как разваливается у него на глазах, мрачнеет крестьянская жизнь, как искренняя радость сменяется фальшивым пафосом, а свободный труд оказывается подневольным.

В советское время Юон шефствовал над художественными школами, студиями, домами народного творчества. Он разрабатывал специальные программы преподавания изобразительного искусства начинающим художникам и любителям. Привычный труд, ведь до революции после окончания Академии художеств он вместе с И. О. Дудиным в художественной школе руководил классами рисования и живописи, куда мог поступить каждый желающий. «Мы с Дудиным были не столько «хозяевами», сколько товарищами».

Но такая деятельность продолжалась не долго. Юон «вернулся к родной природе». «На природу и на все живое никогда не скучно смотреть, — писал он, — от того, что живописный материал заключен буквально во всем. Но скучно смотреть на произведения живописи, в которых отсутствует живописное решение».

ВЛАДИМИР ТРУШИН:

“Говоря
о женщинах,
становлюсь
сентиментальным...”

Стоит меломанам назвать имя Владимира Трушина, как они тут же пропойт: «Очарована, околдована». Удивительная судьба у этого романса. Успех песне обеспечили прежде всего прекрасные стихи Николая Заболоцкого. Правда, они несколько изменены: опущено одно четверостишие и вместо «зацелована» — «очарована». Романс долгое время исполнял, да и сегодня иногда поет, автор музыки Михаил Звездинский, другие арти-

сты тоже выходили с ним к зрителям. Только так тепло, как Владимира Трушина, никого зал не встречает. Песня принесла группе «Санкт-Петербург» известность, и вот уже пять лет как радио и телевидение «крутят» ее исключительно в этом исполнении. Сам Владимир и музыканты, с которыми он работает, говорят, что в репертуаре группы есть и другие хиты. Несомненно, есть. И все же такого «попадания», как с этим романсом, не было.

— *Владимир, может, вам и надо петь одни романсы?*

— С годами я пришел к этому... А начинали мы как рок-группа. Но наш рок — мягкий, не «забивающий». И вот как-то Владимир Киселев предложил мне исполнить романс. Согласился после долгих уговоров, увлекся. У Киселева удивительное чутье на хиты.

— *Сейчас, мне кажется, ваша группа как-то затерялась, ушла в тень...*

— Да нет, зовут — выступаем, крутимся без передышки, работа по одной схеме. Надо, конечно, меняться. Мы выросли из своей старой одежды. Потому на какое-то время сознательно отказались от гастролей, ушли в «тень». Готовили новый репертуар. Не были на слуху, вот многие и решили, что вообще нас нет. К тому же мы перешли из центра Киселева на «вольные хлеба», что тоже создало массу проблем.

— *Но работа в центре Киселева была достаточно длительным и ярким отрезком в вашей жизни?*

— Да, Киселев собрал профессиональную команду. И, именно работая в группе «Санкт-Петербург», я узнал, что такое настоящее творчество. И все же что-то произошло в последний год. Понял: дальше хуже будет. То ли устали мы друг от друга, то ли

ушло понимание. Решили расстаться.

— *Ну и как?*

— Если бы ответ мог быть таким же простым, как вопрос... Когда на человека обрушивается слишком много свободы, становится трудно. Все надо начинать заново. И первый шаг будет стоять ста последующих. Голова полна новых идей. Для певца опасно топтаться на одном месте. Необходимо постоянно обновлять репертуар. У меня такое чувство, что романс «Очарована... околдована» существует уже отдельно от меня; куда бы мы ни приехали на гастроли, он звучит из каждого «утюга». Я его с удовольствием исполняю, но иногда обидно, ведь у нас огромный материал: романсы, лирические песни. Мне, например, близка песня «Святая любовь». Андрей Лобанов написал прекрасную музыку, но знаю, как мне удался текст, но, по моему, песня очень гармонична.

— *Недавно вы вернулись из Кореи. Я слышала, что мэтр корейской эстрады подарил вам музыку, к которой вы написали текст, и песня стала чуть ли не национальным гимном Кореи.*

— Было дело... Сейчас снимаем клип по этой песне, как говорится, по горячим следам. Работать интересно, ну, а что получится — судить зрителям и слушателям.

— *Многие думают, что у эстрадных певцов жизнь какая-то особенная. И если есть хоть чуточку таланта, то все само приходит, сыплется как манна небесная. Как все было у вас?*

— И манна бывала... Но больше обиденного! В 1981 году я поступил в Ленинградский технологический институт. Вечерами, после занятий, спешил в музыкальное училище, где занимался сразу

по двум классам: вокала и гитары. Но закончить училище терпения не хватило. А институт окончил. Распределили меня в проектный. Честно отработал три месяца. Но душа не лежала к тому, чем занимался, и все «на сторону поглядывал».

В то время Олег Гусев, руководитель группы «Август» (ныне известный питерский клипмейкер), искал молодого певца. Друзья посоветовали: свяжись с ним. Набрался наглости, позвонил. Наговорил ему о себе очень много лестных слов. Он предложил мне приехать. После четырехчасового прослушивания Олег был поражен моими вокальными данными, а вернее, как он сказал, полным отсутствием таковых. Но в группу почему-то взял. Исполнял я в концерте всего две песни.

— А что потом? Сколько проработали в «Августе»?

— Два года и ушел «по зову сердца»... «в никуда». Занялся своим музыкальным образованием... и шитьем одежды. Содержать семью надо? Надо. Вот и вспомнил, чему когда-то учили. Между прочим, еще в группе «Август» во время гастролей у меня в номере всегда стояла швейная машинка, и я с удовольствием шил концертные костюмы для себя и ребят. Но никогда не думал, что придется этим зарабатывать себе на жизнь. Не знаю, сколько бы это продлилось, если б в один прекрасный день (в 1988 году) мне не позволил Владимир Киселев. Он тогда только создавал свой музыкальный центр и пригласил сделать несколько пробных записей. Так и родилась группа «Санкт-Петербург».

— Весной в Питере я была на презентации одного журнала, там вы пели вместе со своей женой Ольгой. Должна сказать, доволь-

но неплохо. Вам не приходила в голову мысль спеть дуэтом на большой сцене?

— Нет, вдвоем мы поем только в кругу знакомых и друзей. Я считаю, два артиста в семье — катастрофа. Она закончила питерский институт культуры, помогает мне в работе. Мой первый зритель, слушатель, критик. И, конечно, семья на ней.

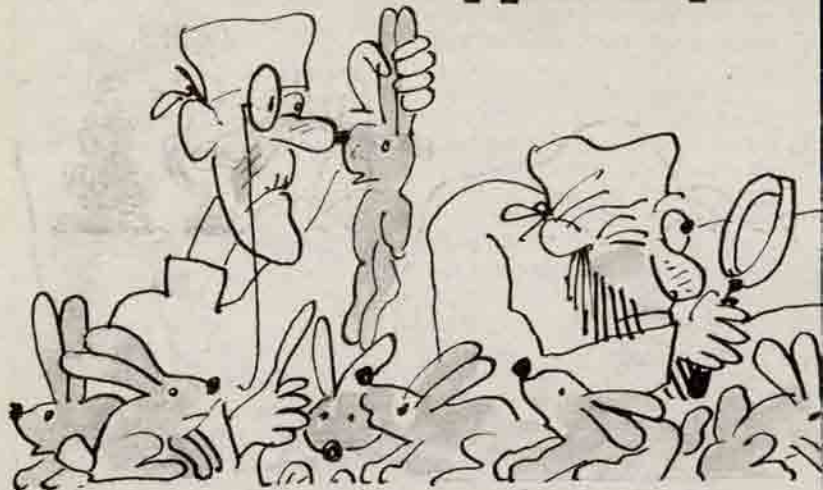
— Я была на ваших концертах и видела, как зрители, особенно женщины, реагируют на исполнение романсов «Капризная, упрямая», «Бонжур, мадам», «Две розы». Надо быть большим знатоком женских сердец, чтобы каждая думала, что вы сейчас поете только для нее.

— Рад, если это так. Я просто пою то, что чувствую, а женщины, они ведь сразу понимают, искренен ты с ними или фальшивишь. И вообще, когда я начинаю говорить о женщинах, становлюсь сентиментальным и многословным. Лучше буду краток: я вас всех очень люблю!

**Беседу вела
МАРИНА ГУСЬКОВА.**

**Фото на 4-й обл.
ЕВГЕНИЯ
МАТВЕЕВА**

РОЖДАЮЩАЯ

270

В начале XVIII века Европу облетела весть о чуде. В Англии, в деревне Годлиман, объявилась женщина, которая рождает кроликов.

Звали ее Мария Тофт. Хотя в ту пору не было телевидения, радио, телефонов, а газеты могли покупать только состоятельные люди, новость в короткий срок достигла самых дальних окраин континента. Журналисты, обыватели, скачущие от безделья аристократы желали знать подробности. О Марии Тофт сообщали не только газеты. О ней выпускали отдельные брошюры, литографированные портреты женщины можно было приобретать в книжных лавках, как и портреты царствующих особ.

К сожалению, подробностей набралось не так уж много. Мария была молодой крестьянкой, по отзывам, скромной, бедной и неграмотной. Имела мужа. За шесть лет совместной жизни родила троих

здоровых детей, а затем вдруг стала рожать кроликов.

Сама она объясняла такое невероятие силой своих желаний. Мария была любительница кроличьего мяса. Средств на такой деликатес она не имела, и, утверждала Мария, всевышний, вероятно, решил ей помочь.

На вопрос: «Как вы можете их есть?» — Мария простодушно отвечала: «Но это же кролики. Я и раньше их всегда ела».

Доложили об удивительной любительнице кроликов и английскому королю Георгу Второму. Он вызвал к себе личного врача Натана Сант-Андрэ и велел ему съездить в Годлиман и самому во всем разобраться.

Сант-Андрэ установил следующее. Мария, будучи от рождения отменно здоровой, однажды сильно занемогла. С ней стали происходить схватки, похожие на родовые, хотя явных признаков бере-

КРОЛИКОВ

Рисунок ОЛЕГА ТЕСЛЕРА

менности у нее вроде бы и не было.

Сколь ни дороги были для бедного крестьянина медицинские услуги, пришлось мужу Марии вызвать из соседнего городка тамошнего светила, фельдшера по фамилии Говард. Мистеру Говарду выпало счастье присутствовать при родах, когда из чрева Марии вместо дитяти стали выходить кролики. Всего их первый раз родилось пять. Потрясенный событием, при котором ему довелось присутствовать, фельдшер отправил письмо знакомому врачу, мистеру Делинанту. (Припомним, что до самого начала XX века письма служили главным средством обмена научной информацией между учеными людьми.)

Доктор Делинант хранить новость не стал. Он сообщил ее другим врачам. О ней проводили журналисты. Сенсация достигла королевского дворца.

О своих личных впечатлениях о поездке в Годлиман доктор Сант-Андрэ сообщил следующее. Получив приказ короля, он связался с доктором Делинантом, который предупредил, что Мария вот-вот должна снова родить. Сант-Андрэ сел в придворную карету и приказал кучеру гнать без остановки, не жалея лошадей.

Когда же лейб-медик прибыл в деревню, его на крыльце дома Тофтов встретил фельдшер Говард, который со счастливым лицом сообщил, что Мария только что произвела на свет очередного кролика, пятнадцатого по счету.

Сант-Андрэ подержал в ладонях новорожденного, сказал, что по именному повелению его королевского величества готов способствовать появлению остальных. Однако произошла задержка. Новые кролики пока что не рождались. Остаться в деревне слишком долго Сант-Андрэ не мог:

в Букингемском дворце его с нетерпением ждал король.

Прихватив с собой несколько кроликов, произведенных Марией, в том числе последнего, к рождению которого он опоздал всего на четверть часа, Сант-Андрэ вернулся в Лондон.

А через две или три недели Говард написал уже непосредственно лейб-медику, что Мария снова начала рожать. И опять кроликов.

Сант-Андрэ немедленно доложил Георгу Второму о полученном известии. Король велел, не теряя ни минуты, мчаться в Годлиман.

Вероятно, Мария на этот раз в самом деле рожала без остановки. Не успела карета Сант-Андрэ остановиться возле жилища Тофтов, как на крыльцо вышел неутомимо сияющий Говард. В каждой руке он держал по кролику. «Они появились только что!» — заявил фельдшер.

Сант-Андрэ был благовоспитанным человеком, он ежедневно встречался с самим королем, королевой, придворными, лечил иностранных послов, что требовало от него величайшей выдержки и такта, но здесь он забыл всякие приличия. Услышав, что Мария родила только что, лейб-медик, не сняв плаща и шляпы, ринулся в дом.

На широкой постели, на чистом белье лежала утомленная и счастливая женщина. На полу стояли ведра с водой, кувшины, тазы — все, что обычно сопутствует родам. Мария гладила пушистого звереныша, третьего, который появился за это утро. Улыбаясь, она протянула его доктору. К сожалению, четвертого или пятого Сант-Андрэ не дождался. И в Лондон он возвращался слегка растерянным. Ему предстояло держать ответ перед королем. А что нового он мог сообщить?

Король Георг понял, что дело

оказалось совсем не таким простым, как это представлялось сначала. И в Годлиман — уже в третий раз — он послал «узкого» специалиста — знаменитого гинеколога, профессора Ричарда Манингама, который взял с собой еще несколько врачей.

Профессор, получив наказ от самого короля, проявил последовательность и суровость. Комиссия, прибыв на место, уселась возле постели Марии в ожидании очередных родов.

Однако и лучшим гинекологам английского королевства пришлось довольствоваться лишь тем, что у Марии время от времени возникали конвульсии, отдаленно напоминавшие предродовые схватки. Однако схватки всякий раз заканчивались безрезультатно.

Специалистам это не понравилось. И комиссия постановила: увезти больную в столицу, поместить ее в госпиталь и там продолжить неусыпные наблюдения.

В госпитале Мария находилась под надзором днем и ночью. Ее не оставляли одну ни на миг. Здесь у Марии тоже случались конвульсии. Иногда бедная женщина подолгу стонала и даже кричала, но это ничем не заканчивалось.

А перед воротами госпиталя от рассвета до темна толпились люди. Они желали дожидаться той минуты, когда Мария произведет на свет хотя бы одного кролика.

Бедной женщине не было покоя от любопытных и в палате. Помимо дежурных, у нее сразу после завтрака появлялись врачи из других госпиталей Лондона и даже из других городов. Они вели расспросы и многократно осматривали больную. Частыми гостями здесь были члены Королевского научного общества, то есть Академии наук. Знакомиться с Марией желали знаменитые актеры, художники, аристократы, промыш-

ленники, которые делали солидные подарки. Наконец, каждое утро являлся личный представитель короля. Король передавал привет, спрашивал, как самочувствие и не нужно ли чего.

Так продолжалось довольно долго. Похоже, это многих устраивало, пока один из служителей госпиталя, вероятно, из зависти, не проговорился, что Мария просила его достать ей одного кролика.

Профессор Манингам, у которого, вероятно, сложилась своя версия того, как и почему Мария в одних обстоятельствах кроликов рожала, а в других — нет, устроил суровый допрос.

Мария довольно толково объяснила, что, хотя кормят ее замечательно и ее не оставляет своими заботами сам король, она давно не ела кроличьего мяса и потому заказала купить ей кролика на обед.

Профессор, которому надоело каждое утро беспомощно разводить руками в дворцовых покоях, неожиданно пригрозил:

— Если вы не скажете мне всей правды, я вас посажу в тюрьму. Если скажете — вам ничего не будет.

Мария испугалась, побледнела и попросила оставить ее до утра.

Утром, когда профессор пришел к ней, прежде чем идти во дворец, Мария разрыдалась и заявила, что она виновата, она всех обманула, потому что жила очень бедно и для нее такой простодушный обман был единственной возможностью немного заработать.

Хотя в уголовном кодексе Англии отыскалось бы две-три статьи о мошенничестве, жертвами которого стали целая страна и ее король, Марию с миром отпустили домой.

Тут же объявились два бойких крестьянина. За не очень крупную

мзду они охотно рассказывали каждому, кто просил, что поставляли Марии кроликов.

Однако история на этом не кончилась. После сенсационного и, казалось бы, позорного признания Марии общество разделилось. Одни осуждали обманщицу. Другие брали ее под защиту. Среди защитников оказалось очень много врачей. Они заявляли, что признание Марии было вынужденным. С высоты тогдашней науки они доказывали: чудо имело место.

Но, продолжали защитники, как только о редкой способности женщины стало известно, она очутилась в невыносимых обстоятельствах. Ей не давали покоя ни днем, ни ночью. Физиологический механизм, который позволял Марии после рождения детей воспроизводить кроликов, оказался очень хрупок. Он не выдержал психологического давления, когда кроликов каждое утро от бедной женщины требовал даже король.

Рожать кроликов, настаивали защитники, Мария больше не могла, но сидеть из-за этого в тюрьме она не желала. У нее оставался единственный выход — оклеветать себя...

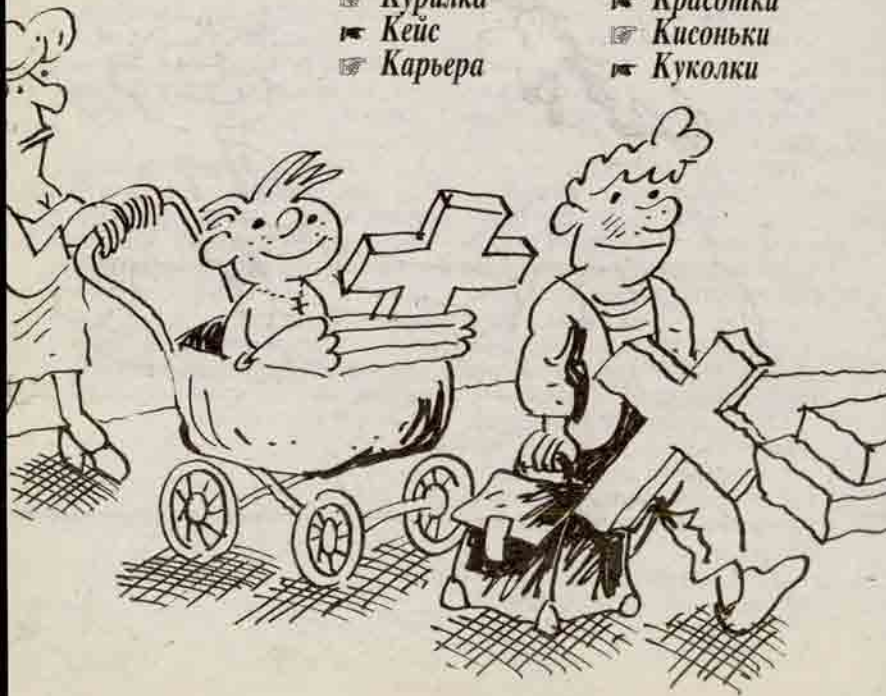
...В свете последних достижений медицинской науки, когда мужчины — с помощью хирургов — превращаются в женщин, а женщины — в мужчин, дети же при этом появляются на свет в лабораториях из пробирок, быть может, следует признать, что желание Марии Тофт рожать кроликов себе на пагу могло показаться ей вполне естественным?..

КРУГ

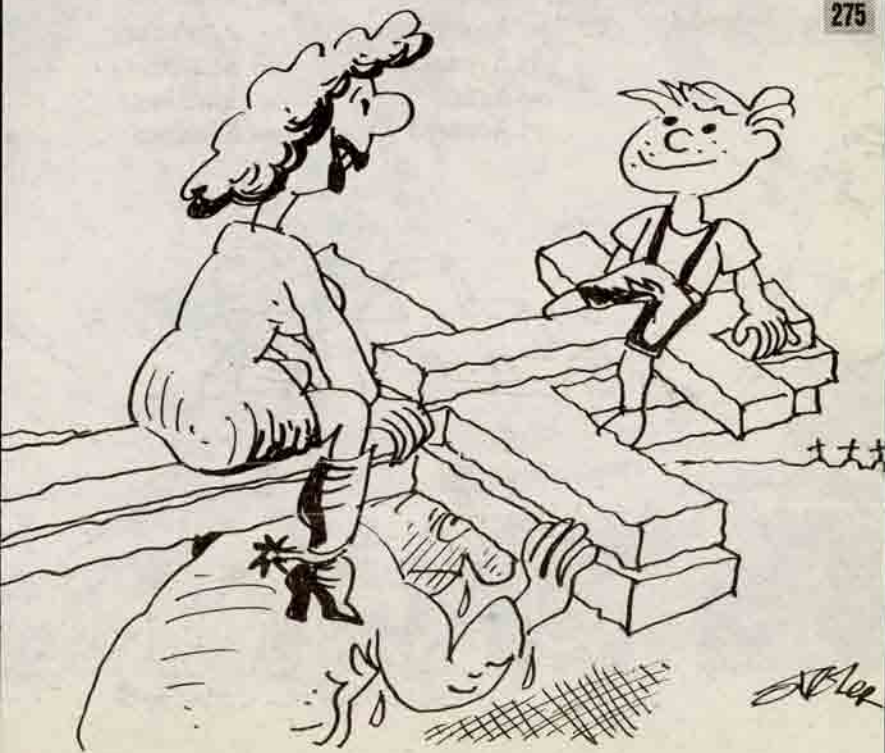
ОГЛАВЛЕНИЕ ЖИЗНИ В ВОСЬМИДЕСЯТИ ЭТАПАХ

- ☞ Крик!
- ☞ Купание
- ☞ Конверт
- ☞ Колыбель
- ☞ Коляска
- ☞ Кроватка
- ☞ Конфетка
- ☞ Кукла
- ☞ Качели
- ☞ Карусель
- ☞ Каракули
- ☞ Класс
- ☞ Книги
- ☞ Кружки
- ☞ Контрольные
- ☞ Конкурсы
- ☞ Курсы
- ☞ Коллоквиумы
- ☞ Кадры
- ☞ Кульман

- ☞ Квалификация
- ☞ Кандидатский
- ☞ Контора
- ☞ Коллектив
- ☞ Курилка
- ☞ Кейс
- ☞ Карьера
- ☞ Компании
- ☞ Кассеты
- ☞ Коктейли
- ☞ Кроссовки
- ☞ Красотки
- ☞ Кисоньки
- ☞ Куколки

- ☞ Козочки
- ☞ Касатки
- ☞ Клад
- ☞ Красавица
- ☞ Королева
- ☞ Капкан!
- ☞ Кольца
- ☞ Курносики
- ☞ Квартира
- ☞ Котиковое
- ☞ Каракулевое
- ☞ «Колеса»
- ☞ Круиз
- ☞ Коттедж
- ☞ Косметика
- ☞ Кулебяка
- ☞ Командировки
- ☞ Корешки
- ☞ Канашки, крали
- ☞ Коммерция
- ☞ Коньяк
- ☞ Карты
- ☞ Карман
- ☞ Капот
- ☞ Клуша
- ☞ Кандалы
- ☞ Караул
- ☞ Конфликт
- ☞ Крах!
- ☞ Келья
- ☞ Комната коммунальной квартиры
- ☞ Касса (взаимопомощи)
- ☞ Котлеты
- ☞ Кисель
- ☞ Кефир
- ☞ Кипяток
- ☞ Кишечник
- ☞ Корвалол
- ☞ Кардиограмма
- ☞ Криз
- ☞ Консилиум
- ☞ Капельница
- ☞ Каталка
- ☞ Крематорий
- ☞ Кладбище
- ☞ Крест!

Джулия Эндрюс явила собой блестящее доказательство непредсказуемости Матушки-Природы. С детских лет ей приходилось носить пластинки для исправления зубов и делать специальные упражнения, чтобы исправить косоглазие. Затем вдруг обнаружилось, что она обладает редким даром: ее голос легко брал четыре октавы. «Он был

тонким, но очень сильным, — вспоминает Джулия. — Родители повели меня к отоларингологу, и тот сказал, что у меня взрослая гортань». Оценив возможности столь необычного явления, родители стали учить девочку пению с восьми лет. А в 12 она выступила в Лондонском ипподроме с Виком Оливером в «Крыше под звездным небом» и удивительно зрело спела «Полонез». В 16 лет ее пригласили сыграть главную роль в пантомиме «Аладдин». К тому времени она уже так выросла, что ее партнеру пришлось надеть туфли на высоких каблуках.

Джулию Эндрюс открыл театральный агент Чарли Такер, присваивавший себе львиную долю ее дохода. Она называла его «дядя Чарли». Настоящее ее имя Джулия Уэллс. Родители развелись, когда ей было четыре года, и она взяла фамилию отчима, Теда Эндрюса.

В 1948 году девочка пела и танцевала в рождественской пантомиме «Хампти Дампти» и там познакомилась со своим будущим мужем. Ей было тогда тринадцать лет, а Тони — четырнадцать. Однажды Джулия сказала: «Он никогда не унижал меня». А она? Карьера в жизни женщины — все равно что другой мужчина, и если женщина предпочитает карьеру, значит, брак не может быть удачным.

Джулия Эндрюс стала «звездой» после того, как 15 марта 1956 года в театре Марка Хеллинжера на Бродвее состоялась премьера спектакля «Моя прекрасная леди». Спектакль шел до сентября 1963 года с рекордным числом представлений: 2717. Актриса специально изучала «кокни» под руководством профессора фонетики и, по мнению большинства критиков, с потрясающей достоверностью сыграла роль Элизы.

В жизни Джулия очень осторожна. Контролирует каждый свой шаг. Взвешивает каждое слово. Закована в броню таинственности, через которую невозможно пробиться.

«Я никогда не знал ее по-настоящему», — признавался Альфред Хичкок, проведя с ней три месяца, когда они вместе работали над театральной постановкой «Рваная занавеска».

«Я люблю ее. Она — величайшая актриса, с которой мне дово-

ЖЕЛЕЗНАЯ

БАБОЧКА

дилось когда-либо работать. Никогда не опаздывает, хорошо знает роль и всегда с готовностью помогает делать картину. Но я никогда не знал ее», — рассказывал продюсер Росс Хантер, работавший с Джулией пять месяцев над «Очень современной Милли».

Некоторые англичане в Голливуде дали ей прозвище «хоккейная клюшка», а обозреватель Шейла Грэхем, в течение многих лет ведущая рубрику о голливудских «звездах», назвала ее «Железная Бабочка».

Роберт Вейс, постановщик фильма «Звуки музыки», знакомого и зрителям нашей страны, объяснял секрет популярности актрисы так: «Ее улыбка, ее честность, ее бесхитрость. У нее хороший контакт с аудиторией. Эта женщина никогда не выйдет из себя на людях».

Когда же его спросили о личной жизни Джулии Эндрюс, Вейс, проработавший с ней бок о бок два года, признался, что практически не видел ее вне студии.

Джеймс Гарнер, снимавшийся с Джулией в фильме «Американизация Эмили», в ответ на вопрос Шейлы о личных качествах Джулии сказал: «Если вы ищете что-то такое, чего не видите на поверхности, бросьте эту затею. Не найдете».

«А она когда-нибудь теряла самообладание?» — спросила Шейла.

«Никогда, — быстро ответил Гарнер. — Но я легко мог определить, что она расстроена. Джулия становится еще более собранной, еще более скрытной».

Немало возникало ситуаций, расстраивавших Джулию. Она так и не простила Джека Уорнера за то, что он пригласил Одри Хэпберн на роль Элизы Дулитл в фильме «Моя прекрасная леди». Публично актриса поздравила

Одри и даже выразила удовольствие по поводу того, что именно ей досталась эта роль. Действительное же отношение к «предательству» Уорнера проявилось, когда Джулия произнесла речь, получая награду Лучшей Актрисы 1964 года за фильм «Мэри Поппинс». Поблагодарив всех, она отметила Джека Уорнера, «поскольку он сделал эту награду возможной». Ведь если бы она снималась в фильме «Моя прекрасная леди», то не смогла бы с такой отдачей сыграть Мэри Поппинс.

То, что Уорнер не захотел взять Джулию Эндрюс на роль Элизы, оказалось для нее двойной удачей, поскольку она получила возможность сняться в «Звуках музыки», съемки которого проводились одновременно с «Моей прекрасной леди».

Шейла Грэхем даже не подозревала о том, что Джулия раздражена и оскорблена поведением журналистки, пока «звезда» не отказала ей в интервью. Еще бы, Шейла посмела влезть в ее личную жизнь и поведать миру о том, что Джулия разошлась с Тони Уолтоном, за которого вышла замуж в девятнадцать лет.

Когда информация о разводе появилась в прессе, Джулия и Тони уже год жили отдельно. Тони создавал модели костюмов для фильма «Мэри Поппинс», и, пока они работали вместе в Голливуде, их жизнь была яркой и веселой, как звон свадебных колокольчиков. Но, как только к Джулии пришел успех, обстановка изменилась. Так часто бывает в семьях, где жена знаменита, а мужу приходится делать выбор: жить ли в тени своей прославленной жены, или, как сделал Тони, пойти своей дорогой.

Реакция Джулии на слухи о разрыве оказалась нетипичной для подобного случая. Она говорила:

«Слухи неверны, хотя мы часто расстаемся. Это, конечно, создает некоторые проблемы».

Тони изредка приезжал повидаться с дочерью Эммой, но, когда Джулия купила дорогой дом в Беверли Хиллз, стало ясно: супруги расстались. Журналисты провели тайное расследование. Все, что имело отношение к Джулии Эндрюс, было окружено аурой особой секретности. Она ждала три года после выхода фильма «Звуки музыки», дававшего, несмотря на противоречивые отзывы в прессе, огромные сборы, и только тогда позволила своему пресс-агенту опубликовать коротенькую заметку: «Рабочая необходимость разлучала нас с Тони на длительные периоды, что не могло не осложнить наш брак. Поэтому стало очевидно, что развод будет для нас обоих лучшим выходом». Джулия беспокоилась, ведь развод мог разрушить имидж чистоты и чарующей женственности, созданный ею на экране. Но, несмотря на все это, бывшие супруги остались добрыми друзьями и сохранили уважение друг к другу.

Продюсер Хантер, снимая «Милли», говорил о Джулии: «Она — самая прелестная девушка и не отдает себе отчета в том, что она «звезда».

Шейла Грэхем вспоминает, как однажды видела тридцатичетырехлетнюю актрису, появившуюся на релетиции свежей, как утро. В ее волосах играло солнце, она откинула локоны, точь-в-точь как делает это на экране. Невозможно сказать с уверенностью, где кончается актриса и начинается женщина.

Как-то Джулия проговорила: «Мне бы очень хотелось ходить в ночные клубы и на вечеринки, но я всегда чувствую себя усталой». Очевидно, это и есть ключ к ее характеру. Любой психиатр

скажет, что постоянная усталость — следствие скрытой тревоги. И ей действительно пришлось обратиться за помощью к психиатру, «чтобы лучше понять себя», как объясняла она сама. Ничего удивительного, ведь Джулия с самого детства держала чувства под замком. И они не известны никому.

Однажды ее спросили: «Вам никогда не хотелось совершить что-нибудь безумное?» «Когда это со мной происходит, — ответила Джулия, — я встаю перед зеркалом в спальне и отчитываю себя». Слава Богу, хоть какая-то человеческая реакция...

ТАТЬЯНА ШАШКОВА

Шахматная эпиграмма

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Завершаем публикацию оригинальных композиций, присланных на III международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр «Смены». В 1994 году на страницах журнала было опубликовано рекордное количество задач-миниатюр — 123, а всего поступило на конкурс свыше шестисот произведений от более чем двухсот авторов из восьми стран. Радует рост интереса композиторов к трудному жанру (именитых и особенно молодых) и рост популярности нашего конкурса, ставшего традиционным.

Журнал «Смена» объявляет IV международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 1995 год по трем разделам: двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: I приз — 100 000, II приз — 75 000, III приз — 50 000, специальный приз — 25 000 рублей.

Оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся, задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением, следует присылать по редакционному адресу до 1 сентября 1995 года. Судья конкурса — международный арбитр по шахматной композиции Виктор Чепижный.

На конверте следует делать пометку «Конкурс составления шахматных задач». Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры будут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Результаты конкурса будут опубликованы в 1996 году на страницах «Смены».

Приглашаем наших читателей принять участие в **конкурсе решения шахматных задач**, опубликованных в журнале. Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные и наиболее полные ответы, будут награждены книжными призами.

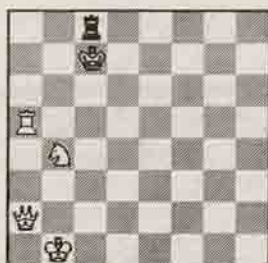
Решения задач следует посылать на открытках (без конверта!) с пометкой «Конкурс решения шахматных задач» в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке следует указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес.

106. А. ГРИН
Москва

Мат в 2 хода

107. Ульф ХАММЕРСТРЕМ
Швеция

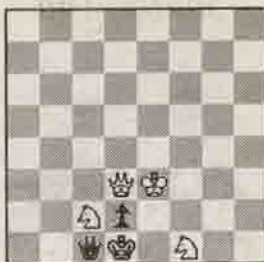
Мат в 2 хода

108. Б. ЖЕЖЕРУН
Полтава, Украина

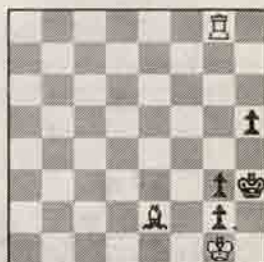
Мат в 2 хода

109. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
г. Котовск, Украина

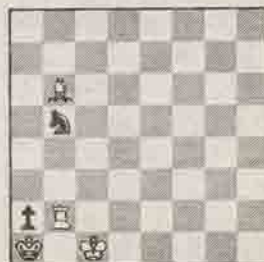
Мат в 2 хода

110. Н. ПАРХОМЕНКО
Винница, Украина

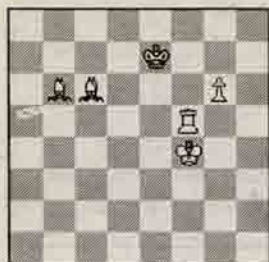
Мат в 2 хода

111. Л. ГРОЛЬМАН
Казань

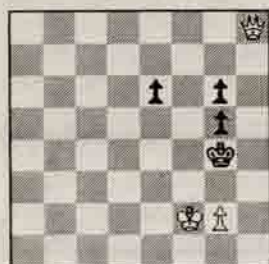
Мат в 3 хода

112. С. РАДЧЕНКО
Ростов-на-Дону

Мат в 3 хода

113. В. АНТИПОВ
*г. Боровичи
 Новгородской обл.*

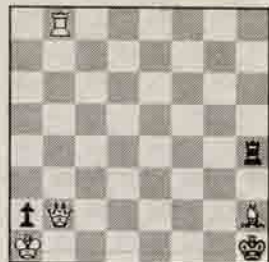
Мат в 3 хода

**114. В. КОЖАКИН и
 В. СВЕРГУНОВ**

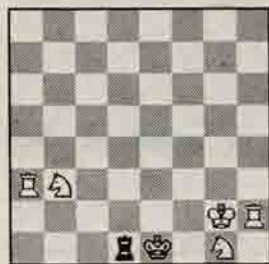
Мат в 3 хода

115. В. ЩЕРБИНА
Донецк, Украина

Мат в 3 хода

116. А. СЕЛИВАНОВ
*г. Краснотурьинск
 Свердловской обл.*

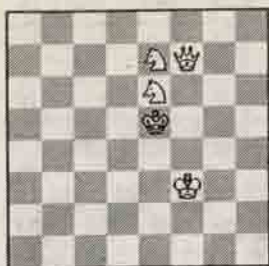
Мат в 3 хода

**117. В. ИВАНОВ и
 О. САКС**

Мат в 3 хода

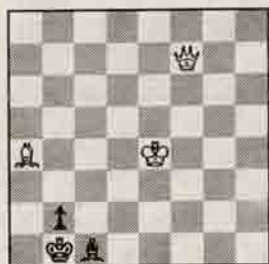
118. А. ОЧКУР
Санкт-Петербург

Мат в 3 хода

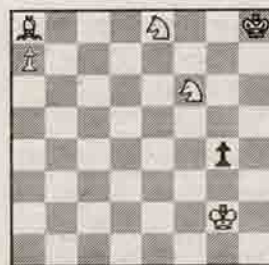
б) сдвинуть позицию по диагонали на одну клетку вверх влево

119. А. КАЛИНИН
Москва

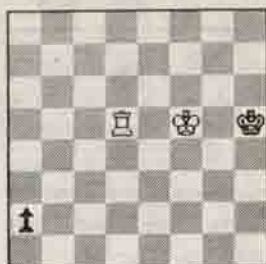
Мат в 4 хода

120. Рольф УПСТРЕМ
Швеция

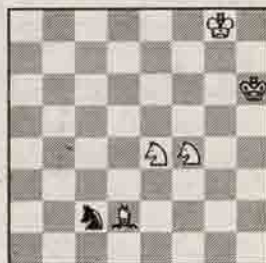
Мат в 4 хода

121. М. ЧЕРНУШКО
г. Уссурийск

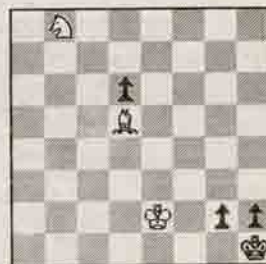
Мат в 5 ходов

122. В. ШИЛЬНИКОВ
*г. Асбест
 Свердловской обл.*

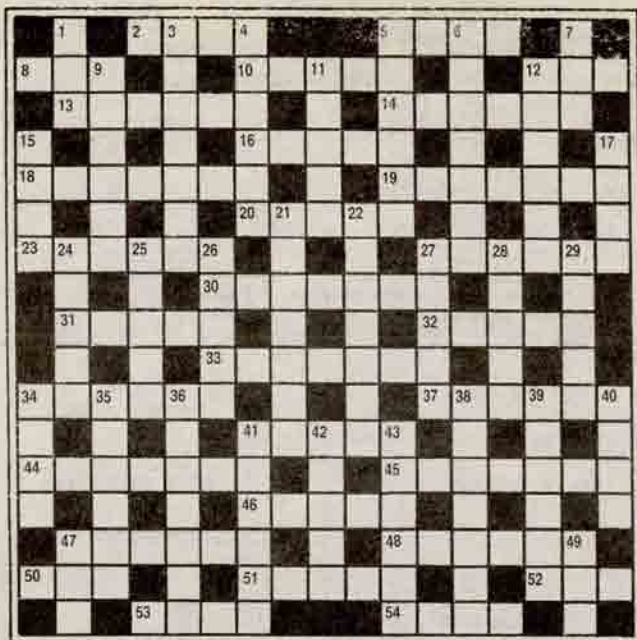

Мат в 5 ходов

123. М. КОРМИЛЬЦЕВ
Екатеринбург

Мат в 8 ходов

ЗРУДИТ

По горизонтали.

2. Самый распространенный в земной коре минерал.
 5. Калоши, модные в прошлом веке. 8. Камень, какой в Ереване просто нельзя не увидеть. 10. Звание М. Лермонтова в то время, когда он писал эротические поэмы в духе И. Баркова. 12. Несколько волн, идущих друг за другом. 13. Оружие, каким наряду с пивными кружками дрались в «Гамбринусе» А. Куприна. 14. Герой греческой мифологии, пасший стада на горе Осса, где его возлюбленной была змея. 16. Царский «жалованный живописец» в 1620 годах, мастер Оружейного приказа. 18. «Еще я бодр! Еще, тоскуя, ... разжигает кровь» (Н. Огарев «Старик»). 19. Зверь, чья шкура в Древнем Египте олицетворяла звездное небо. 20. Рудин как наставник Натальи в романе И. Тургенева. 23. Японский актер, сыгравший роль Сюгеро Яно в фильме «Гений дзюдо». 27. Прельстительница спортсменов. 30. Удар саблей, шпагой плашмя. 31. Любой человек для воровского мира, не входящий в его среду. 32. Сын библейского Давида, родившийся в Иерусалиме. 33. Обычный уровень воды в реке. 34. Французский художник, названный Я. Тугендхольдом величайшим мастером его эпохи. 37. Любимое место вальдшнепов. 41. Дежурное летнее блюдо прудового карася. 44. Ох! — боль, эге! — ..., фью! — удивление. 45. Предмет, какой герой в русских сказках бросает за спину, чтобы там вырос густой лес. 46. Чувство, нередко срываемое на других. 47. Кругосветный мореплаватель, дед великого поэта. 48. Древнее царство в Малой Азии со столицей Гордион. 50. Обязательный инструмент в армянском

ансамбле сазандари. 51. Ближайший родич пеганки. 52. Верховное божество в энецкой мифологии, живущее на седьмом ярусе неба. 53. «Дипломат». 54. «Шкурная» дань.

По вертикали.

1. Взрывного типа боковой удар боксера. 3. Географ, чьим именем назван самый крупный на Алтае долинный ледник. 4. Поэт, без которого, по Л. Толстому, «нельзя жить». 5. Французский танец, попавший «из грязи в князи». 6. Прием, скорость исполнения которого в нотах обозначают вязками или ребрами. 7. Сорок фунтов. 9. «Крикун надменный» в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила». 11. Развязность, какую любили показать русские купцы и старатели. 12. Сословие молдавских крестьян, плативших десятину. 15. Хорошая начинка для сладких пирогов. 17. «Белка песенки поет да орешки все грызет, а орешки не простые, все скорлупки золотые, ... чистый изумруд» (А. Пушкин. «Сказка о царе Салтане»). 21. Национальный цветок Колумбии. 22. Одна из «самых прекрасных литературных форм» (Иван Бунин). 24. Учитель П. Капицы, И. Курчатова, Н. Семенова. 25. Результат везения. 26. Дочь великой русской поэтессы, бравшая уроки рисования у Н. Гончаровой. 27. Несчастливый соперник Арлекина. 28. Советская певица, завоевавшая в Японии на Первом международном конкурсе за лучшее исполнение партии Чю-Чю-сан первую премию. 29. Самый умный персонаж русских сказок. 34. Двууглекислый натрий. 35. Зачинатель болгарского светского искусства. 36. Чешский археолог, известный работами по древней истории славян. 38. Овес — мечется, просо — кистится, ... — колосится. 39. Первый русский историк театра. 40. До XV века — контратенор, позже — ... 41. Широкая и неглубокая горная выработка. 42. Янтарь в начале жизни. 43. Последняя представительница знаменитой таежной семьи Лыковых. 47. Место для ракетной установки на корабле. 49. «Честный» шекспировский подлец.

ОТВЕТЫ НА

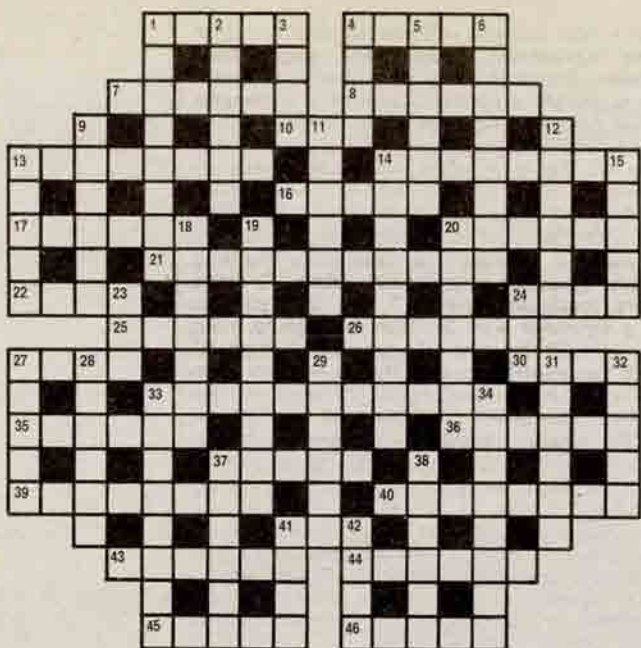
**«ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11**

По горизонтали.

1. Лессинг. 5. Лосский. 9. Елань. 11. «Джангар». 12. Дирижер. 13. Цветы. 16. Кутора. 17. Иконка. 18. Эскиз. 19. Изео. 24. Барс. 26. Снегозащита. 27. Обры. 28. Линь. 29. Противоядие. 30. Чадь. 32. Тхан. 36. Редон. 38. Мебель. 39. Верста. 40. Уркаш. 43. Сандрар. 44. Корейко. 45. Юнона. 46. Всадник. 47. Фортель.

По вертикали.

1. Ладакхи. 2. ...счастье... 3. Изгарь. 4. Герц. 5. ...льды... 6. Сорока. 7. Кожанка. 8. Йорданс. 10. Аже. 14. Вискозиметр. 15. Трипаносома. 20. Зебра. 21. Осыль. 22. Щегол. 23. Гирда. 24. Балет. 25. Рында. 30. Чемесов. 31. Дубинка. 33. Хусайне. 34. Неаполь. 35. Флорин. 37. Террор. 40. Урюк. 41. Коо. 42. Шкаф.

КРОССВОРД
Составил
Г. РАДУГИН,
Москва

По горизонтали.

1. Прозрачный минерал. 4. Предмет, каким зажигают олимпийский огонь. 7. Английский художник, над чьей книгой «Анализ красоты» склоняли голову Дидро и Лессинг. 8. Столица Кирибати. 10. Приток Волги. 13. Мореплаватель, руководивший первым кругосветным плаванием. 14. Самый легкий из платиновых металлов. 16. Поборник красоты. 17. Имя итальянского живописца Гуттузо. 20. Жестокий человек. 21. Дальневосточная птица, известная самым коротким сроком насиживания яиц. 22. Письмоводитель канцелярии на Руси XVIII века. 24. Представитель народа, живущего на севере европейской части России. 25. Центральное богослужение православной церкви. 26. Область в Центральной Италии. 27. Старший брат гармони. 30. Овес, просо, рожь (общее название). 33. Сулье в поэме Н. Некрасова «Говорун» как навздник-трюкач. 35. Сорт твердого сыра. 36. Гигантская океанская волна. 37. Деньги на сберкнижке. 39. Каждая из голубых и красных отметин на платье Любки в рассказе А. Чехова «Воры». 40. Коренная жительница Ольстера. 41. Большой сосуд. 43. Поэт-декабрист. 44. Металл, не растворяющийся в плавиковой кислоте. 45. Армянский писатель-демократ. 46. Народ, в основном исповедующий ислам.

По вертикали.

1. Английский писатель XVIII века. 2. Полуостров

в Америке, где возникла цивилизация майя. 3. Средневековое одноактное драматическое представление в Испании и Италии. 4. Белый убор невесты. 5. Приверженец радикалов в мусульманской секте исмаилитов. 6. Самый сладкий природный сахар. 9. Предсмертные муки. 11. Горячий спутник туриста. 12. Город на западе Швеции. 13. Ученик и послушный последователь мусульманского богослова. 14. Человек с настроением безысходности, неверия в будущее (первым так назвал себя А. Шопенгауэр). 15. Бог-предок в мифологии жителей Ближнего Востока. 18. Потребитель партитур. 19. Червь, мучающий волка, кошку, собаку. 20. Последователь социального учения Э. Кабе. 23. Место для денег в карточной игре. 24. Одно из деревьев, каких герой басни И. Крылова «Трудолюбивый Медведь» погубил «несметное число». 27. Яма на дне болота или озера, омут. 28. Охотничья сумка. 29. Весельные или парусные соревнования. 31. Крупнейший порт Анголы. 32. Группа людей, стремящихся любыми средствами достигнуть неблагоприятных целей. 33. Беззастенчивый человек, любящий поживиться на чужой счет. 34. Деталь зимней одежды. 37. Планета, покрытая мраком. 38. Еда для проголодавшихся людей. 41. Надменный, спесивый человек (по В. Далю). 42. Углубление, уступ в скате горы, берега, рва, окопа.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11**

По горизонтали.

5. Узбек. 8. Фамир. 10. Халат. 12. Коран. 13. Сааре-маа. 14. Чарнокит. 15. Капер. 16. Луара. 17. Хикаят. 19. Амрита. 20. Умберто. 23. Шелкопряд. 25. Аквадаг. 28. Жадеит. 32. Европа. 36. Набор. 37. Витол. 38. Затмение. 39. Бедолага. 40. Радий. 41. Яапит. 42. Финик. 43. Леток.

По вертикали.

1. Изхаки. 2. Телепат. 3. Барнард. 4. Цинкат. 6. Барак. 7. Камея. 8. Форум. 9. Маори. 11. Тарту. 12. Калао. 18. Чемодан. 21. Малик. 22. Терка. 24. Лебедин. 25. Атрий. 26. Гевея. 27. Ортопед. 29. Антрим. 30. Даман. 31. Ионик. 33. Видал. 34. Оолит. 35. Платон.

Окончание.

Начало на 260-й стр.

Но, как бы он ни хотел, мир уже изменился. Новое время требовало новых тем, новых героев. В очерке «Москва в моем творчестве» Юон писал: «После революции утвердилась традиция ежегодного празднования дня победы Великого Октября — 7 ноября, отмечаемого парадом Красной Армии на Красной площади и демонстрацией трудящихся. Первый такой парад происходил в пятую годовщину революции в 1922 году. Мне довелось присутствовать на нем и отобразить это зрелище на полотне». Картину приобрел музей РККА. Юон писал не только парады 1923-го, 1929-го, 1941-го. Писал «Делегатку Аришу», «Летчицу Зимину», парашютистов, ворошиловских стрелков. Так что его по праву называли «художником нового дня». В журнале «Искусство — трудящимся» о нем запальчиво утверждали: «Только один мастер сохранил свои силы и является звеном между реализмом дореволюционным и послеоктябрьским — это К. Ф. Юон. Своеобразное упрямство таланта дало ему возможность сохранить и традиции реализма, и свое самостоятельное лицо в них от всех пагубных влияний эстетства, хотя он никогда их не чуждался, поскольку они казались смелым новаторством, открывающим новые горизонты в живописи».

Но, несмотря на такие отзывы и официальное признание, у него не было ни званий, ни наград. Молчаливо не одобрялось многое в его творчестве, и главное — что Юон, будучи прекрасным портретистом, никогда не писал портреты Сталина, членов правительства.

Постепенно Юон отошел от «злободневных тем» и, по его сло-

вам, «ушел в театр». Когда-то он уже работал в антрепризе Дягилева, исполнил по эскизам А. Головина декорации к опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Здесь на него оказали влияние А. Бенуа, И. Билибин, Е. Лансере, хорошо знавшие законы сцены. Юон создал декорации к десяткам спектаклей и все в присущем ему «бодром реализме», с интересом к правде и времени, с подробностями в деталях. Под конец жизни Юон писал в основном пейзажи. И своими работами для «нашего дня» утвердил в советской живописи пейзаж, как самостоятельное и значимое искусство, несмотря на то, что левая критика (было время!) писала: пейзаж — это «буржуазная форма товарного обращения»!

Константин Юон прожил долгую, насыщенную счастьем творчества жизнь. Душа художника была открыта для всего светлого, прекрасного и как бы наполнена прозрачным воздухом русских полей.

Умер он в солнечный, весенний день, 14 апреля 1958 года, в возрасте 83 лет.

Трудно точнее выразить смысл его творчества, чем это сделал известный пейзажист С. Герасимов: «Юон был певцом России, красоты ее природы, народа нашего... он очаровывал своими картинами-песнями. В них — чудесное разноцветье красок, солнце и свет, в них радость жизни...»

КОНСТАНТИН ЮОН. ▲ Вербный базар на Красной площади. 1916 г.

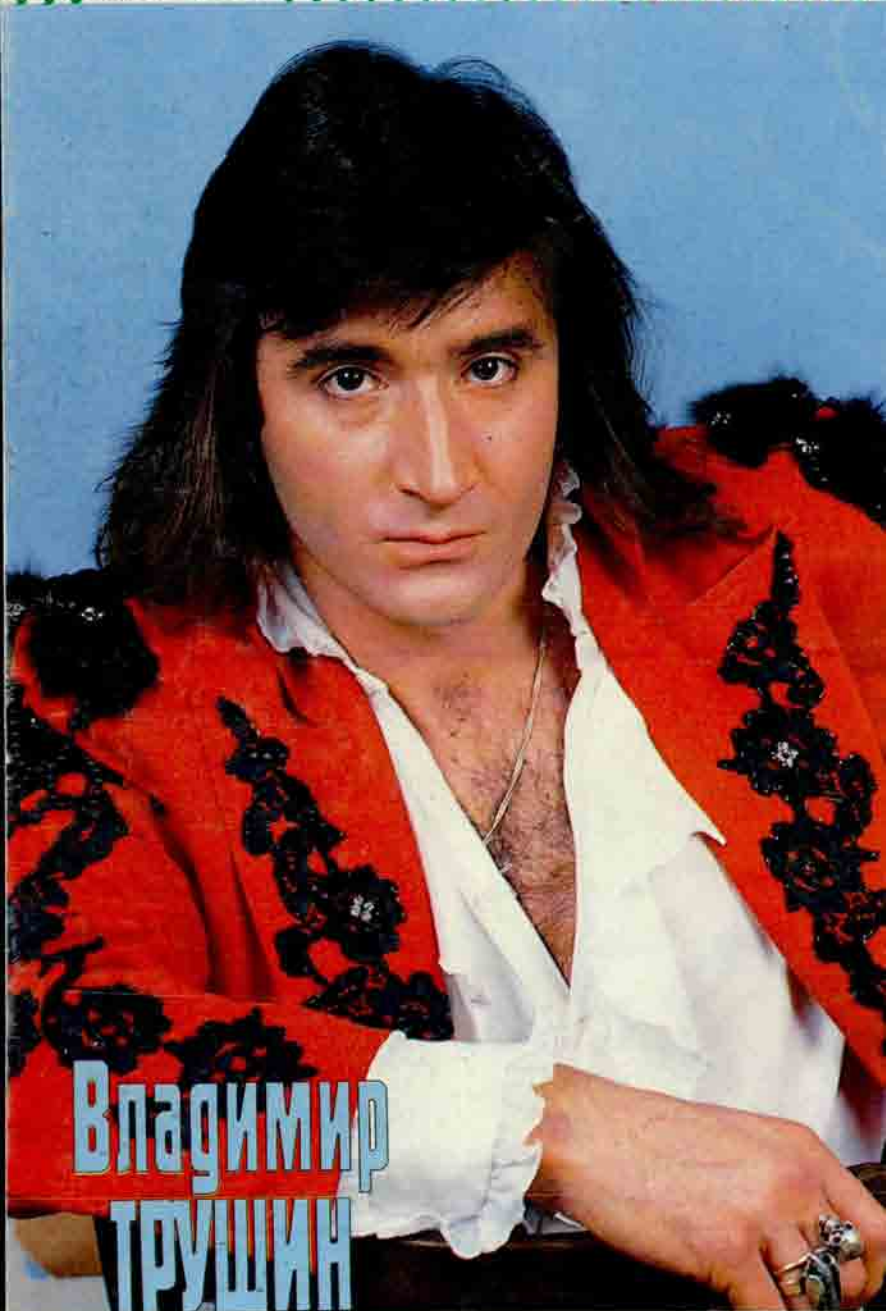

▲ День Благовещения. 1922 г.
(Читайте стр. 260)

▲ Августовский вечер.
Последний луч. 1948 г.

ИНДЕКС 70820

**Владимир
ТРУШИН**

Музыкальная антенна представляет: